

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

БИБЛИОТЕКА ДЛѦ

UC-NRLF

ФВ 416 844

ГРЕ

ВЪ ВЪКЪ

БИБЛИОТЕКА ДЛѢ САМООБРАЗОВАНІЯ

UC-NRLF

ФВ 416 844

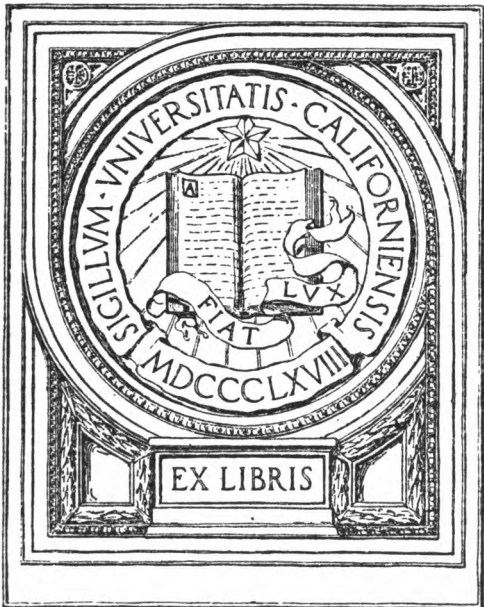
XXIII.

А. Д. ГРАНТЪ

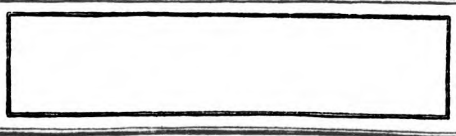
ГРЕЦІЯ

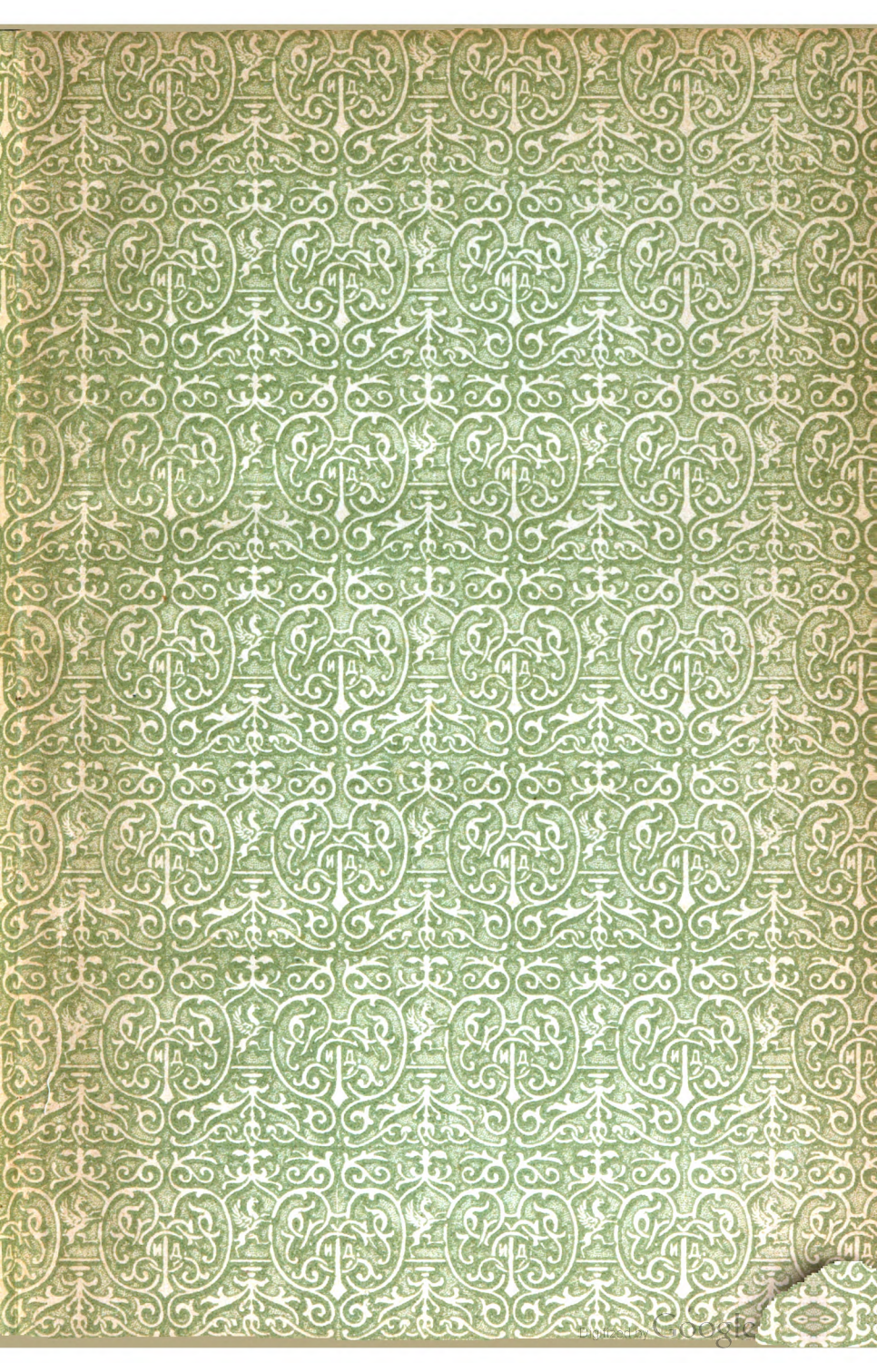
ВЪ ВѢКЪ ПЕРИКЛА

· FROM · THE · LIBRARY · OF ·
· PAUL · N · MILIUKOV ·

EX LIBRIS

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

Biblioteka dlia samooobrazovanija,

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ,

ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. С. Бѣлкина, А. А. Кизеветтера, проф. М. И. Коно-
валова, П. Н. Милюкова, проф. П. И. Новгородцева,
В. Д. Соколова и проф. А. И. Чупрова.

XXIII.

А. Дж. ГРАНТЪ.

ГРЕЦІЯ ВЪ ВѢКЪ ПЕРИКЛА.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ САМООБРАЗОВАНИЯ,

ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ:

*А. С. Бѣлкина, А. А. Кизветтера, проф. М. И. Коновалова,
П. Н. Милюкова, проф. П. И. Новгородцева, В. Д. Соколова и
проф. А. И. Чупрова.*

Изданія Т-ва И. Д. Сытина.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

- I. Проф. В. Минто. Дедуктивная и индуктивная логика. Перев. С. А. Котляревскаго, под редакціей В. Н. Ивановскаго. XXIV + 542. Ц. 1 р. 75 к. 5-е изданіе (13, 14 и 15 тысячи экз.).
Перепечатано со 2-го изданія, рекомендованнаго Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ и ученическихъ (старшаго возраста) библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а Ученымъ Комитетомъ при Святейшемъ Синодѣ — къ употребленію въ Духовныхъ Семинаріяхъ въ качествѣ полезнаго пособия при преподаваніи логики.
- II. Исторія Греціи со времени Пелопонесской войны. Сборникъ статей. Перев. под редакціей Н. Н. Шамонова и Д. М. Петрушевскаго. Вып. I. XXVII + 451 + IV. Вып. II. XX + 502 + VI. Ц. за оба вып. 3 р. 50 к.
Оба выпуска этой книги Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрены для ученическихъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній (мужскихъ и женскихъ) старшаго возраста. Учебнымъ Комитетомъ по учрежденіямъ Императрицы Маріи одобрены для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.
- III. Римская имперія. Сборникъ статей въ переводѣ А. С. Милюковой. XX + 667. Ц. 2 р. 50 к.
- IV. И. Ремсень. Введеніе къ изученію органической химіи. Перев. Н. С. Дренгелана, съ измѣненіями и дополненіями проф. М. И. Коновалова. XXVII + 517. Ц. 1 р. 75 коп. 2-е изданіе.
V. Г. Шенбергъ. Положеніе труда въ промышленности. Перев. М. Соколова, под редакціей проф. А. И. Чупрова. XII + 391 + VI. Ц. 1 р. 60 к.
- VI. Мунъ. Новая химія. Перев. А. В. Алексина, под редакціей проф. М. И. Коновалова. XXXI + 465 + VIII. Ц. 1 р. 75 к.
- VII. Б. Н. Чичеринъ. Политическіе мыслители древняго и новаго міра. Вып. I. XIV + 469. Вып. II. 433. Ц. за оба вып. 3 руб. 50 коп.
- VIII. И. Ремсень. Введеніе въ изученіе химіи. (Неорганическая химія). Переводъ, исправленный по послѣднему нѣмецкому изданію, съ измѣненіями и дополненіями, под редакціей проф. М. И. Коновалова. XXIV + 536. Ц. 1 р. 75 к.
- IX. Ш. Ферворнъ. Общая физиологія. Перев. проф. М. А. Мензбира и пр.-доц. Н. А. Иванцова. Вып. I. XX + 518. Вып. II. VI + 574. Ц. за оба вып. 4 р.
- X. Ф. Регальбергеръ. Общее ученіе о правѣ. Перев. И. А. Базанова, под редакціей проф. Ю. С. Гамбарова. XIV + 295. Ц. 1 р. 40 к.
- XI. Жанъ-Мендранъ и Снодграасъ. Физиологія органовъ чувствъ. Перев. Н. В. Горюновича. XX + 413. Ц. 1 р. 75 к.
- XIII. Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ до Смутаго времени. Сборникъ статей, изд. под редакціей В. Н. Сторожкова. Вып. I. XXVI + 658. Ц. 2 р. 75 к.
- XIV. Г. Лорансъ. Элементы высшей математики. Основаніе аналитической геометріи, дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій и ихъ приложеній къ естествознанію. Переводъ съ дополненіями, измѣненіями и историческимъ очеркомъ развитія математическаго анализа В. П. Шереметевскаго. Томъ I. XXXVI + 751. Ц. 3 р. 2-е изданіе. — Томъ II. XXIV + 595. Ц. 2 р. 50 к., для покупающихъ оба тома вмѣстѣ — 5 р.
- XV. А. Р. Уоллэсъ. Дарвинизмъ. Съ портретомъ автора. Перев. проф. М. А. Мензбира, съ приложеніемъ его статьи: А. Уоллэсъ и его научное значеніе. XI + 753. Ц. 3 руб.
- XVI. Э. Порритъ. Современная Англія. Права и обязанности ея гражданъ. Перев. О. В. Долторацкой. XVI + 368 + XXII. Ц. 1 р. 60 к.
- XVII. Т. Гексли и Г. Мартинъ. Практическія занятія по зоологіи и ботаникѣ. Съ 342 рис. въ текстѣ. Перев. И. А. Петровскаго, П. П. Сушкина и Н. К. Кольцова. XXIV + 762. Ц. 3 р. 50 к.

- XVIII. История Римской республики по Моммсену. Перев. *Н. Н. Шамоина*. Вып. I. XXIV + 529. Ц. 2 р.
- Книга эта Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендована для приобретения въ фундаментальныя и ученическія (старшаго возраста) бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства.*
- XIX. *Б. Н. Чичеринъ*. О народномъ представительствѣ. XXVI + 812. Ц. 3 руб.
- XX. *Георгъ Майръ*. Законодѣрность въ общественной жизни. Перев. *Н. Н. Романова*, просмотрѣнный и дополненный *В. Э. Демомъ*, подъ редакціей проф. *А. И. Чупрова*. Съ приложеніемъ диаграммъ и картограммы. XVIII + 480. Ц. въ переплетѣ 2 р. 25 к., въ обложкѣ 1 р. 50 к.
- XXI. *Н. Лонгерь*. Спектроскопъ и его примѣненія. Перев. *С. Г. Займозскаго*, подъ ред. и съ дополненіемъ очерка „О новѣйшемъ развитіи спектральныхъ изслѣдованій“ проф. *В. А. Мизельсона*. Съ 85 рис. въ текстѣ и 3 цвѣтными спектральными таблицами. XX + 234. Ц. 1 р. 75 к.
- XXII. *М. А. Ганчъ*. Краткое руководство по стереохиміи. Перев. *З. В. Кикиной*, подъ ред. проф. *М. И. Коновалова*. XXIV + 246. Ц. 1 руб.
- XXIII. *Т. Грантъ*. Греція въ вѣкъ Перикла. Перев. подъ ред. *Н. Н. Шамоина*. Съ рисунками. XXIV + 358. Ц. 1 р. 60 к.
- XXIV. *М. Фостеръ* и *Л. Шоръ*. Физиологія для начинающихъ. Перев. *Д. Д. Бекарюкова*. Съ 111 рис. въ текстѣ. XXIII + 330. Ц. 1 р. 50 к.
- Книга эта Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.*
- XXV. *В. Я. Мельзновъ*. Очерки политической экономіи. 3-е изданіе, перепечатанное со 2-го изданія безъ перемѣнъ. XXIII + 881. Ц. 8 р.
- XXVI. *Дайсонъ*. Основы государственнаго права Англіи. Пер. *О. В. Полторацкой* подъ редакціей проф. *П. Г. Виноградова*. XXXVI + 658. Ц. 2 р.
- XXVII. *В. Ф. Инонотовъ*. Наканунъ реформъ Петра Великаго. Очерки государственнаго, общественнаго и частнаго быта Московской Руси XVII вѣка. XXIII + 304. Ц. 1 р. 25 к.
- XXVIII. *А. Н. Роджерсъ*. Краткое введеніе въ историю новой философіи. Перев. *С. С. Зеленинскаго*, подъ ред. *Ю. И. Айзенвальда*. XX + 224. Ц. 1 руб.
- XXX. *А. Берри*. Краткая исторія астрономіи. Перев. *С. Г. Займозскаго*, подъ ред. проф. *Р. Ф. Фогеля*. Съ 112 рис. и портр. XXXIX + 606. Ц. 2 р. 50 к.

П Е Ч А Т А Ю Т С Я :

- XXXIII. *Д. Ромэновъ*. Духовная эволюція человѣка. Перев. *Е. И. Бошнякъ*, подъ ред. *Н. Д. Виноградова*.

II. *А. А. Бэнъ*. Психологія. Томъ II. Перев. *С. И. Еришова*.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

- XII. *Лениновъ*. Экономія торговли. Перев. *Е. Д. Богданова*, подъ редакціей проф. *А. И. Чупрова*.
- XIII. Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ до Смутаго времени. Сборникъ статей, изд. подъ редакціей *В. Н. Сторожкова*. Вып. II.
- XVIII. История Римской республики по Моммсену. Перев. *Н. Н. Шамоина*. Вып. II.
- XXIX. *Г. Гардъ*. Преступникъ и преступленіе. Перев. *Е. В.*
- XXXI. *Анри Мишель*. Идея государства. Перев. *П. А. Рожественскаго*.
- XXXII. Проф. *Гейдингъ*. Исторія философіи. Въ 2-хъ томахъ. Перев. *Д. В. Викторовъ*.

БРОШЮРНАЯ СЕРІЯ.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

- I. *В. Круновъ*. О происхожденіи химическихъ элементовъ. Перев. *А. В. Генерозова*, подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. *М. И. Коновалова*. XVI + 49. Ц. 50 к.
- IV. *Г. Елининъ*. Декларация правъ человѣка и гражданина. Перев. съ нѣм. подъ ред. *А. Э. Воржеса*. XIX + 81. Ц. 40 к.
- V. *Ф. Гизель*. О радиоактивныхъ веществахъ и ихъ лучахъ. Перев. *А. Е. Чичибабина*, подъ ред. проф. *М. И. Коновалова*. XVI + 48. Ц. 35 к.

П Е Ч А Т А Ю Т С Я :

- II. Проф. *М. И. Коноваловъ*. Практическія упражненія по общей химіи.
- III. *Р. Іерингъ*. Общественное развитіе права и нравственности. Перев. *Д. Д. Бекарюкова*.

Изданія И. А. Баландина.

вышли въ свѣтъ:

- I. Е. Варнингъ. Ойкологическая географія растений. Перев. подъ редакціей прив.-доцентовъ М. Голеникина и В. Арнольди. Съ дополненіями по русской флорѣ и 100 рис. въ текстѣ. XXII + 522. Ц. 3 р. 50 к.
- II. А. Бэнь. Психологія. Перев. съ англійскаго, подъ редакціей и съ предисловіемъ прив.-доцента А. Бялкина. Томъ I. Съ 13 рис. въ текстѣ. XXII + 417. Ц. 2 р.
- III. А. Фишеръ. Лекціи о бактеріяхъ. Перев. А. В. Генерозова, съ предисловіемъ и статей „Дыханіе и броженіе“ проф. Н. Н. Худякова. 29 рис. въ текстѣ. XVI + 229 + V + 20. Ц. 1 р. 60 к.

КОМИССІЯ

ПО ОРГАНИЗАЦІИ ДОМАШНЯГО ЧТЕНІЯ,

состоящая при Учебномъ Отдѣлѣ О. Р. Т. З.

Удостоена серебряной медали на всемірной выставкѣ въ Парижѣ 1900 г.

Москва, Большая Никитская, Шереметевскій пер.,
д. Рихтера, кв. № 6.

Программы домашняго чтенія на 1-й годъ систематическаго курса.

Изданіе шестое, исправленное и дополненное.

Содержаніе: Предисловіе. — Правила для сношеній читателей съ Комиссіей. — Составъ Комиссіи и списокъ пожертвованій въ ея пользу. — Планы систематическаго чтенія на четыре года. — Программы на 1-й годъ.

I. Математика: 1) Курсъ общеобразовательный (аналитическая геометрія), 2) курсъ спеціальный (элементарная математика). II. Науи физико-химическія: 1) физика (механическій отдѣлъ, ученіе о теплотѣ, звукѣ и свѣтѣ), 2) химія (введеніе и неорганическая химія). III. Науи биологическія: введеніе, органогрфія пѣтковыхъ растений и ученіе объ устройствѣ человѣческаго тѣла. IV. Науи философія: программа первая (психологія и логика), программа вторая (логика). V. Науи общественно-юридическія: 1) исторія и строеніе общества, 2) политическая экономія. VI. Исторія: 1) первобытная культура, 2) Древній востокъ, 3) Греція, 4) Римъ. VII. Исторія литературы: греческая и римская. Программа чтенія по этнографіи. Отдѣльныя темы. Списокъ нининыхъ магазиновъ и библиотекъ, вошедшихъ въ соглашеніе съ Комиссіей относительно снабженія ея читателей книгами. Объявленія.

Цѣна 35 к., съ пересылкой — 48 к., наложеннымъ платежомъ — 65 к.

Программы домашнего чтения на 2-й годъ систематическаго курса.

Издание третье, исправленное и дополненное.

Содержаніе: Предисловіе. — Правила для сношеній читателей съ Комиссіей. — Составъ Комиссіи и списокъ пожертвованій въ ея пользу. — Планы систематическаго чтенія на четыре года. — Программы на 2-й годъ.

I. Математика: 1) курсъ общеобразовательный (дифференціальное и интегральное счисленія), 2) курсъ спеціальный (аналитическая геометрія). **II. Науи физико-химическія:** 1) физика (ученіе объ электричествѣ и магнитизмѣ), 2) химія органическая, химія теоретическая и физическая. **III. Науи биологическія:** 1) анатомія растений, 2) споровыя растенія, 3) сравнительная анатомія животныхъ, 4) гистологія и эмбриологія животныхъ. **IV. Науи философскія:** программа первая (исторія философіи), программа вторая (психологія съ педагогикой). **V. Науи общественно-юридическія:** 1) общее ученіе о правѣ, 2) государственное право (общее западныхъ державъ и русское), 3) экономическая исторія Англии. **VI. Исторія:** 1) всеобщая (Средніе вѣка), 2) русская (до Смутаго времени). **VII. Исторія литературы:** 1) всеобщая литература (Средніе вѣка и эпоха Возрожденія), 2) русская литература (до XVII вѣка). **Списокъ книжныхъ магазиновъ и библиотекъ,** вошедшихъ въ соглашеніе съ Комиссіей относительно снабженія ея читателей книгами. Объявленія.

Цѣна 45 к., съ пересылкой — 60 к., наложеннымъ платежомъ — 77 к.

Программы домашнего чтенія на 3-й годъ систематическаго курса.

Издание второе, исправленное и дополненное.

Содержаніе: Предисловіе. — Правила для сношеній читателей съ Комиссіей. — Составъ Комиссіи и списокъ пожертвованій въ ея пользу. — Планы систематическаго чтенія на четыре года. — Программы на 3-й годъ.

I. Науи математическія. **II. Науи о природѣ неорганизованной (физико-химическія):** А. Астрономія. В. Метеорологія и климатологія. **III. Науи о природѣ организованной (биологическія):** А. Общая физиологія. Б. Физиологія растений. В. Физиологія животныхъ. **IV. Науи философскія:** программа первая (теорія познанія и метафизика), программа вторая (исторія древней и средневѣковой философіи). **V. Науи общественно-юридическія:** 1) экономическая исторія Россіи, 2) экономія сельскаго хозяйства, 3) экономія промышленности, 4) экономія торговли, 5) гражданское право, 6) уголовное право. **VI. Исторія:** 1) всеобщая исторія (XVI, XVII и XVIII вв.). Программа А. Программа Б, 2) русская исторія (XVII и XVIII вв.). **VII. Исторія литературы:** 1) всеобщая литература: А. Испанская литература (XVII и XVIII вв.). В. Англійская литература (XVII и XVIII вв.). В. Итальянская литература (XVII и XVIII вв.). Г. Вѣкъ ложнаго классицизма во Франціи. Д. Французская литература (XVIII в.). Е. Нѣмецкая литература (XVII в.). Ж. Нѣмецкая литература (XVIII в.); 2) Русская литература XVIII в. **Программы чтенія по отдѣльнымъ наукамъ.** Этнографія. Чтеніе по отдѣльнымъ вопросамъ (темамъ). Отдѣльныя темы по общественнымъ наукамъ. **Приложеніе:** Параллельная программа по экономіи сельскаго хозяйства. **Дополнительный списокъ пособій. Списокъ книжныхъ магазиновъ и библиотекъ,** вошедшихъ въ соглашеніе съ Комиссіей относительно снабженія ея читателей книгами. Объявленія.

Цѣна 60 к., съ пересылкой — 85 к., наложеннымъ платежомъ — 95 к.

Программы домашнего чтения на 4-й годъ систематическаго курса.

Содержаніе: Предисловіе. — Правила для сношеній читателей съ Комиссіей. — Составъ Комиссіи и списокъ пожертвованій въ ея пользу. — Планы систематическаго чтенія на четыре года. — Программы на 4-й годъ.

I. Математика (спеціальныи курсъ): Теоретическая механика. **II. Науи физико-химическія:** Динамическая геологія. **III. Науи біологическія:** А. Палеонтологія. Б. Біогеографія. В. Теорія эволюціи и дарвинизмъ. Г. Самостоятельныя научныя работы по ботаникѣ. **IV. Науи философія:** программа первая (этика), программа вторая (исторія новой философіи). Темы для письменныхъ работъ по исторіи новой философіи. **V. Науи общественно-юридическія:** Международное право. Соціальная политика. Финансовая наука. **VI. Исторія:** 1) Всеобщая исторія (эпоха французской революціи и XIX вѣкъ). Программа А. (полная). Программа Б. (сокращенная). 2) Русская исторія (XIX вѣкъ). **VII. Исторія литературы:** Всеобщая литература. А. Нѣмецкая литература XIX в. Б. Французская литература XIX в. В. Англійская литература XIX в. Г. Итальянская литература XIX в. Д. Русская литература XIX вѣка. **Программы чтенія по этнографіи:** А. Славянскія народности. Б. Литовцы и латыши. В. Семитическіе народы. Г. Румыны и молдаване. Цыгане. **Списокъ нижнихъ магазиновъ и библиотекъ,** вошедшихъ въ соглашеніе съ Комиссіей относительно снабженія ея читателей книгами. Объявленія.

Цѣна 60 коп., съ перес. — 87 коп., налож. платежомъ—97 коп.

Эпизодическія программы.

Серія I. Содержаніе: «Пирамида» (Древній Египеть). *М. О. Гершензона.* — «Средневѣковый городъ». *А. К. Давыделова.* — «Исторія французской революціи». *М. Н. Коваленскаго.* — «Смутное время въ Московскомъ государствѣ». *Н. Н. Алябьева.* — «Исторія кодификаціи гражданскаго права въ Россіи». *В. А. Краснокутскаго и К. К. Нотлафта.* — «Растительныя сообщенія Средней Россіи». *А. Ѳ. Флерова.* — «Валленштейнъ» Шиллера. *А. Ѳ. Лотера.* — «Байронъ и его время». *П. С. Когана.* — «Новгородскія быliny». *Н. М. Менделсона.* — «Городское хозяйство и городскіе финансы». *П. П. Гензеля.* — «Факторы преступности». *Н. Н. Полянскаго.* — «Основы судебной реформы 1864 г. въ Россіи». *С. В. Позднышева.* — «Вопросъ о смертной казни въ старой и новой литературѣ». — *С. В. Позднышева.* Изданіе 2-е. Цѣна 20 к., съ перес.—31 к., налож. платежомъ—41 к.

Серія II. Содержаніе: «Корея». *А. А. Борзова.* — «Японія». *М. Н. Коваленскаго и С. Г. Григорьева.* — «Право войны». *А. С. Яценко.* — «Средневѣковая исторія Англій». *Д. М. Петрушевскаго.* — «Горе отъ ума» Грибоедова. *Ю. И. Айхенвальда.* — «Анна Каренина», романъ гр. Л. Н. Толстого. *И. Н. Розанова.* — «Дарвинизмъ». *Н. К. Колюцова.* Цѣна 15 к., съ перес.—19 к., налож. платежомъ—36 к.

Отчетъ Комиссіи домашнего чтенія за 1896 г. съ приложеніемъ статистическихъ матеріаловъ объ ея дѣятельности за 1895 и 1896 гг. Цѣна 30 к., съ пересылкой—43 к., налож. платежомъ—53 к.

А. В. Горбуновъ. Одинъ изъ опытовъ University Extension въ Россіи. Отчетъ о дѣятельности Комиссіи за 1897 г. Цѣна 15 к., съ пер. 17 к.

„Памяти **Ө. И. Буслаева**“. Съ портретомъ его. Изд. Учеб. Отд. Общ. Распростр. Технич. Знаній. М., 1898 г. Цѣна 75 коп.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго просвѣщенія книга эта **рекомендована** для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, для учительскихъ библиотекъ низшихъ училищъ и для бесплатныхъ народныхъ читалень.

„Тридцать лѣтъ жизни Учебнаго Отдѣла Общества Распростр. Технич. Знаній“. Съ 5 портретами и 15 биографіями. Составилъ **А. Е. Грузинскій**. М., 1902 г. Цѣна 1 р.

СКЛАДЪ ИЗДАНИЙ въ канцеляріи Комиссіи по организаціи домашняго чтенія: Москва, Большая Никитская, Шереметевскій пер., д. Рихтера, кв. № 6.

Grant, History of Greece

А. Дж. ГРАНТЪ.

ГРЕЦІЯ
ВЪ ВѢКЪ ПЕРИКЛА.

Переводъ подъ редакціей

Н. Н. Шамонина.

Съ рисунками.

Типографія Товарищества И. Д. Сытина, Пятницкая ул., св. д
МОСКВА.—1905.

70 YIBU
ABSOYUAC

DF227
972

MILISKOY LIBRARY

ОТЪ РЕДАКЦИИ «БИБЛИОТЕКИ ДЛЯ САМО- ОБРАЗОВАНІЯ».

За послѣднія десятилѣтія въ русскомъ обществѣ замѣчается несомнѣнное усиленіе интереса къ самообразованію. Оживленіе издательской дѣятельности, устройство въ провинціи курсовъ и публичныхъ лекцій, появленіе въ Москвѣ и Петербургѣ кружковъ специалистовъ, ставящихъ своей задачей помощь самообразованію, — все это дѣлаетъ очевиднымъ, что потребность въ серьезномъ чтеніи сознается у насъ все болѣе расширяющимися общественными кругами. Къ сожалѣнію, популяризація знаній, необходимыхъ для всякаго образованнаго человѣка, все еще далеко не идетъ вровень съ этимъ быстрымъ усиленіемъ спроса на чтеніе со стороны жаждущей просвѣщенія публики. Оригинальныхъ популяризаторовъ у насъ еще слишкомъ мало, а выборъ переводныхъ произведеній далеко не всегда дѣлается лицами, которыя соединяли бы въ себѣ пониманіе потребностей современнаго русскаго читателя съ хорошимъ знаніемъ иностранной популярной литературы. Отъ этого на нашемъ книжномъ рынкѣ такъ часто появляются книги, нужныя только тѣмъ, кто могъ бы прочесть ихъ и въ иностранномъ подлинникѣ, и, наоборотъ, многихъ книгъ, которыя были бы нужны всякому образованному человѣку, на русскомъ языкѣ не существуетъ. Въ

М302190

ХІІ

результатъ одинаково страдаютъ и интересы издателей, и интересы читающей публики. Не находя въ современной популярной литературѣ того, что имъ нужно, тѣ и другіе прибѣгаютъ, наконецъ, къ помощи старыхъ любимцевъ русской интеллигенціи. Повторяющіяся перепечатки многихъ старыхъ изданій безспорно свидѣтельствуютъ какъ объ увеличеніи запроса на самообразовательное чтеніе со стороны читателей, такъ и о недостаткѣ на русскомъ языкѣ произведеній новѣйшей популярной литературы, которыя могли бы удовлетворить этому запросу.

Въ послѣднее время, однако, въ издательское дѣло замѣтно проникла свѣжая струя. Старыя и вновь возникающія фирмы принимаются за изданіе цѣлаго ряда серій популярныхъ книгъ для чтенія и самообразованія. Къ этого рода серіямъ принадлежитъ и «Библіотека для самообразованія». Но среди другихъ подобныхъ изданій она занимаетъ свое особое мѣсто въ связи съ той спеціальной цѣлью, которую она преслѣдуетъ. Эту цѣль, долженствующую сообщить всѣмъ выпускамъ «Библіотеки для самообразованія» нѣкоторое внутреннее единство, редакция считаетъ нужнымъ особенно подчеркнуть.

«Библіотека для самообразованія» находится въ самой тѣсной связи съ московскою «Комиссіей по организаціи домашняго чтенія», начавшей свою дѣятельность при «Учебномъ отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній» въ 1893 году, и редакторы «Библіотеки для самообразованія» всѣ состоятъ членами Комиссіи

Составляя свои «программы» систематическаго чте-

нія, Комиссія, какъ видно изъ ея проспекта, имѣеть въ виду соединить общедоступность чтенія съ его серьезностью и основательностью. Съ этой цѣлью въ каждой программѣ указанъ тотъ *необходимый минимумъ* познаній, безъ усвоенія котораго ознакомленіе съ соответствующимъ отдѣломъ науки нельзя признать сколько-нибудь основательнымъ. *Всѣ* книги, необходимыя для приобрѣтенія такого минимума познаній, указаны *на русскомъ языкѣ*, и почти всѣ онѣ доставляются читателямъ Комиссіей на льготныхъ условіяхъ (см. «Правила для сношеній съ Комиссіей», перепечатанныя въ концѣ настоящаго тома). Относительно способа усвоенія *необходимыхъ* пособій даны въ программахъ ближайшія указанія. Всѣ указанія Комиссіи дѣлаются такъ, чтобы ими могли воспользоваться лица трехъ категорій: 1) лица, вовсе не имѣвшія возможности приобрѣсти правильнаго средняго образованія, но болѣе или менѣе привыкшія читать серьезные книги популярно-научнаго содержанія; 2) лица, окончившія курсъ средней школы, но не получившія высшаго образованія, и 3) лица, окончившія высшую школу, которыя пожелали бы съ помощью Комиссіи освѣжить забытыя знанія, пополнить пробѣлы или приобрѣсти новыя свѣдѣнія въ незнакомыхъ имъ отдѣлахъ наукъ. При составленіи «программъ», Комиссія имѣла въ виду нѣкоторый средній уровень читателей; этотъ средній уровень характеризуется въ глазахъ Комиссіи не столько количествомъ приобрѣтенныхъ свѣдѣній, сколько извѣстной привычкой къ серьезному чтенію. Умѣнье читать серьезную книгу есть необходимое условіе успѣшности самообразованія. Къ сожалѣнію, это умѣнье

принадлежитъ къ числу навыковъ, которые трудно передать съ помощью однихъ письменныхъ сношеній. Комиссіи поневолѣ приходится предполагать, что у ея читателей этотъ навыкъ уже пріобрѣтенъ.

Содержаніе книжекъ, издаваемыхъ въ «Библіотекѣ для самообразованія», находится въ прямой зависимости отъ намѣченныхъ Комиссіей цѣлей, какъ онѣ охарактеризованы въ приведенныхъ выдержкахъ изъ ея проспекта. Редакція «Библіотеки для самообразованія» предполагаетъ вводить въ свою серію только такія книги, изъ которыхъ каждая давала бы необходимый минимумъ познаній, безъ усвоенія котораго ознакомленіе съ соотвѣтствующимъ отдѣломъ науки нельзя признать сколько-нибудь основательнымъ. Другими словами, «Библіотека для самообразованія» будетъ состоять изъ ряда пособій, признанныхъ Комиссіей «необходимыми» для усвоенія ея «программъ», но не существовавшихъ до сихъ поръ въ русской популярной литературѣ или же вышедшихъ изъ продажи, а также изданныхъ въ неудовлетворительномъ переводѣ. Съ подобными пробѣлами постоянно принуждена считаться всякая программа для самообразованія; и чѣмъ она общѣе и энциклопедичнѣе, тѣмъ пробѣловъ оказывается больше, и тѣмъ необходимѣе становится создать литературу, специально приспособленную для самообразовательныхъ цѣлей, какъ ихъ ставить та или другая программа. Англійскія и американскія общества содѣйствія самообразованію уже стали на этотъ путь — созданія специально приспособленныхъ къ программамъ пособій. Подобную же попытку предполагаютъ

сдѣлать и редакторы «Библиотеки для самообразованія». Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ заграничной популярной литературѣ имѣются вполне подходящія сочиненія, редакція будетъ переводить ихъ или переиздавать уже переведенныя книги; если же подходящихъ пособій не имѣется, редакція будетъ издавать сборники, хрестоматіи, компіляціи или оригинальныя произведенія, приспособленныя къ программамъ Комиссіи. Такимъ образомъ, руководители «домашняго чтенія» и ихъ читатели не будутъ зависѣть отъ случайнаго наличнаго состава популярной литературы, имѣющейся на русскомъ языкѣ, а читающая публика, вообще, получитъ рядъ общедоступныхъ руководствъ по всѣмъ отраслямъ общеобразовательныхъ знаній.

Благодаря содѣйствію издательской фирмы Т-ва И. Д. Сытина, редакція имѣетъ возможность придать книжкамъ «Библиотеки для самообразованія» внѣшній видъ, соотвѣтствующій европейскимъ изданіямъ этого рода, не поднимая въ то же время цѣны изданія выше обыкновенной. Небольшой форматъ и прочный переплетъ должны отвѣчать назначенію «Библиотеки для самообразованія», цѣль которой — дать рядъ основныхъ пособій, предназначенныхъ для постояннаго употребленія.

ИЗЪ ПРЕДИСЛОВІЯ АВТОРА.

Составляя эту книгу, я имѣлъ въ виду двѣ цѣли. Во-первыхъ, я старался придать моему обзору Греціи какъ можно болѣе широкій характеръ, не оставить безъ вниманія ни одной изъ главныхъ силъ, содѣйствовавшихъ выработкѣ греческой цивилизаціи. Поэтому я отвелъ много мѣста условіямъ общественной и религіозной жизни страны. А затѣмъ я старался разсматривать греческую исторію въ связи съ общей исторіей Европы. Я думаю, что тотъ, кто знаетъ только греческую исторію, не знаетъ даже и ея, что, только связывая и сравнивая Грецію съ другими европейскими государствами, современными ей и позднѣйшими, можемъ мы какъ слѣдуетъ оцѣнить ея огромныя услуги дѣлу цивилизаціи и отдѣлить вѣчныя и важныя стороны ея исторіи отъ временныхъ и незначительныхъ. Я сознаю недостаточность моего знанія для надлежащаго разрѣшенія такой трудной задачи, но я думаю, что нужно сдѣлать это.

Я не далъ библіографіи предмета. Литература греческой исторіи такъ обширна, что теперь всего болѣе необходимымъ представляется отдѣленіе того, что въ ней болѣе цѣнно отъ менѣе цѣннаго и представляющаго только техническій или антикварный интересъ.

XVIII

Въ заключеніе я считаю своимъ долгомъ указать на то, какъ много я обязанъ авторамъ крупнѣйшихъ сочиненій по данному предмету. Въ первоначальномъ учебникѣ, подобномъ настоящему, оригинальность едва ли была бы достоинствомъ, и многіе читатели замѣтятъ, что я заимствовалъ свободно, только вообще указывая на это, изъ Грота, Курціуса, Эббота, Бузольта, Гольма и другихъ.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЗАМѢТКА ОБЪ ИСТОРИКАХЪ ГРЕЦІИ.

Настоящая книга имѣетъ цѣлью служить только введеніемъ въ греческую исторію. Поэтому въ приложеніи помѣщены замѣчанія, дающія нѣкоторыя свѣдѣнія о книгахъ и указанія для дальнѣйшаго чтенія по каждому отдѣлу предмета¹⁾. Здѣсь представляется удобнымъ сказать нѣсколько словъ объ источникахъ, рассматривающихъ предметъ въ его цѣломъ.

Главными источниками для исторіи излагаемаго въ этой книгѣ періода служатъ произведенія Геродота и Фукидида. Всего ближе къ нимъ по важности и цѣнности нѣкоторыя біографіи Плутарха. Все время, какъ я писалъ, я имѣлъ въ виду преимущественно людей, мало знающихъ греческій языкъ или и вовсе его не знающихъ. Но это не мѣшаетъ мнѣ совѣтовать тѣмъ, кто желаетъ глубже ознакомиться съ предметомъ, обращаться сразу къ источникамъ, скорѣе даже къ ихъ переводамъ, чѣмъ къ новѣйшимъ пособіямъ. Безъ сомнѣнія, въ переводѣ даже прозаика теряется многое. Тутъ нельзя воспроизвести точно стиль писателя, а этотъ стиль долженъ отчасти опредѣлять то значеніе, какое мы придаемъ утвержденіямъ автора. Но переводъ историка передаетъ факты, а изъ Фукидида и Геродота мы получаемъ болѣе живое впечатлѣніе реальности

¹⁾ Указанія эти были переработаны редакторомъ перевода въ интересахъ русскихъ читателей.

того, о чемъ мы читаемъ, чѣмъ изъ любого новѣйшаго автора.

Геродотъ родился во время персидскихъ войнъ. Онъ былъ уроженцемъ Галикарнасса, въ Каріи, прожилъ средніе годы своей жизни въ Аѣинахъ, а затѣмъ переселился въ Θуріи, въ Италіи, гдѣ написалъ свою исторію и умеръ. Такимъ образомъ, онъ вступалъ въ соприкосновеніе какъ съ персами, такъ и съ тѣмъ государствомъ, которое играло главную роль въ оборонѣ Греціи. Главнымъ источникомъ его свѣдѣній являются личные рассказы участниковъ войны. Его можно назвать главою историковъ-повѣствователей, все равно какъ и отцомъ исторіи. Прелесть его стиля и общая достоверность его передачи всѣми признаны. Исторіи персидскихъ войнъ въ настоящей книгѣ не дается, но я настоятельно совѣтую тѣмъ, кто желаетъ ближе ознакомиться съ греками, читать скорѣе Геродота, чѣмъ какого другого автора. Скорѣе, чѣмъ кто другой, даетъ онъ намъ возможность представить себѣ многообразіе и очарованіе эллинской жизни. «Онъ,— говоритъ г. Майерсъ, — схватилъ улыбку на лицѣ Греціи».

Еще болѣе славно имя Θукидида. Онъ изложилъ ходъ почти всей пелопоннесской войны. Какъ дополненіе къ настоящему тому, пожалуй, всего важнѣе его первая книга, рисующая въ общихъ чертахъ исторію Греціи въ промежутокъ между персидскими войнами и пелопоннесскою, и вторая, содержащая надгробную рѣчь Перикла и описаніе чумы и смерти Перикла. Θукидидъ былъ современникомъ описываемыхъ имъ событій и самъ игралъ выдающуюся роль во многихъ изъ нихъ. Уроженецъ

Аѣинъ, онъ во время войны удалился въ изгнаніе и тамъ, свободно сообщаясь съ обѣими сторонами, приобрѣлъ полную возможность прекрасно изложить исторію этой великой борьбы. Его достовѣрность и добросовѣстность неоспоримы. По принципу онъ воздерживается отъ всякой прямой оцѣнки описываемыхъ имъ событій и ограничивается исключительно политической и военною стороною изображаемаго періода. И тѣмъ не менѣе глубоко серьезный тонъ книги и представляемыя ею данныя касательно характера городской жизни греческихъ городовъ принадлежатъ къ ея главнымъ достоинствамъ. Фукидидъ менѣе увлекателенъ, чѣмъ Геродотъ, и представляетъ меньше цѣнности для человѣка, желающаго составить себѣ широкое понятіе о древней Греціи; зато онъ заслуживаетъ болѣе довѣрія въ фактическомъ отношеніи и представляетъ гораздо большую важность для человѣка, изучающаго исторію политическую и общественную.

Эти два историка имѣютъ все значеніе, проистекающее изъ того, что они почерпаютъ свои свѣдѣнія отъ современниковъ описываемыхъ ими событій. Жизнеописанія Плутарха не имѣютъ такого преимущества. Въ точности время его жизни опредѣлить нельзя, но ея дѣятельный періодъ падаетъ на 50—100 гг. по Р. Х. Поэтому, когда онъ описываетъ вѣкъ Перикла, онъ оказывается отдѣленнымъ отъ излагаемыхъ событій большимъ промежуткомъ времени, чѣмъ какой лежитъ между нами и вѣкомъ Тюдоровъ. Далѣе, онъ ставитъ себѣ цѣлью писать не исторію, а біографію. Какъ онъ понимаетъ различіе между ними, онъ объясняетъ въ своемъ жизнеописаніи Александра. По его сло-

вамъ, онъ скорѣе выбираетъ такія событія, которыя всего лучше помогаютъ выясненію характера его героя, чѣмъ такія, которыя представляютъ важность въ дѣлѣ развитія политической жизни. Цѣнность его, какъ историческаго источника, проистекаетъ исключительно изъ того факта, что онъ пользовался многими источниками, теперь исчезнувшими. Онъ обладалъ обширными познаніями въ греческой литературѣ: его біографіи переполнены выдержками изъ писателей крупныхъ и мелкихъ, а его полная точность въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы можемъ сравнивать выдержки съ подлинникомъ, внушаютъ намъ довѣріе и къ прочимъ. Какъ цѣлое, біографіи сдѣлались почти міровой книгой. Похвалы имъ Монтэня, Руссо и Эмерсона, а также пользованіе ими Шекспира, убѣдительно доказываютъ ихъ цѣнность и интересъ. Для изученія онѣ представляютъ чрезвычайно важный источникъ, хотя имъ всегда нужно пользоваться съ осторожностью. Онѣ были много разъ переводимы.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Изъ предисловія автора	XVII
Вступительная замѣтка	XIX
Г Л А В А I.	
Основы греческой цивилизаціи	1—11
Различіе между греческими и современными понятіями о государствѣ	2
Военный характеръ греческой цивилизаціи	7
Примѣненіе въ Греціи рабскаго труда	9
Роль женщинъ въ греческой цивилизаціи	10
Религія грековъ	11
Г Л А В А II.	
Религія грековъ	12—43
Вѣрованія грековъ	12
Религіозныя установленія грековъ	19
1) Жречество	19
2) Оракулы	21
3) Великія греческія игры	27
4) Мистеріи	35
Нѣсколько замѣчаній о вліяніи религіи на грековъ	41
Г Л А В А III.	
Спарта	44—70
Положеніе и первоначальная исторія Спарты	45
Общественное воспитаніе въ Спартѣ	48
Политическія учрежденія Спарты	54
Подчиненное населеніе Спарты	59
Результаты спартанской системы	62
Аргось	66
Коринѣ	67
Эивы	69
Г Л А В А IV.	
Первоначальная исторія Аѣннъ	71—96
Положеніе Аѣннъ	71
Законодательство Солона	75
Тираннія въ Аѣнинахъ	82
Демократическія реформы Клисеена	89
Г Л А В А V.	
Соперничество Аѣннъ и Спарты	97—123
Первыя несогласія между Аѣиннами и Спартой	102
Измѣна Павсанія и переходъ главенства на морѣ къ Аѣинамъ	107
Эемистоклъ въ Пелопоннесѣ	112
Полный разрывъ Аѣннъ и Спарты	115
Г Л А В А VI.	
Междоусобныя войны въ Греціи	124—153
Утрата Аѣинами ихъ материковой державы	133

	<i>Стр.</i>
Обращеніе делосскаго союза въ аѣинскую имперію	140
Демократическія реформы въ Аѣинахъ со времени персидскихъ войнъ	148
Г Л А В А VII.	
Аѣинская демократія	154—191
Экклесія	156
Выборъ должностныхъ лицъ	159
Совѣтъ пятисотъ	164
Должностныя лица государства	168
Финансовое управленіе	171
Отправленіе суда	174
Способъ выработки законовъ	179
Надгробная рѣчь Перикла	180
Взглядъ на аѣинскую демократію позднѣйшихъ современниковъ	183
Оцѣнка аѣинской демократіи	187
Г Л А В А VIII.	
Периклъ, его политика и его друзья	192—224
Частная жизнь Перикла	192
Периклъ какъ политическій дѣятель	203
Политическое положеніе Перикла	204
Политика Перикла	207
1) Аѣины и Спарта	207
2) Отношенія къ союзнымъ государствамъ	210
3) Домашняя политика Перикла	215
Г Л А В А IX.	
Общество въ Греціи	224—256
Занятія населенія	224
Рабы въ Греціи	235
Положеніе женщинъ въ Греціи	243
Характеристика грековъ	251
Г Л А В А X.	
Пелопоннесская война до смерти Перикла	257—289
Ссора между Коринѣомъ и Керкирой и вмѣшательство Аѣинъ	261
Пренія по вопросу о войнѣ	266
Периклъ и война	269
Первый годъ войны	279
Чума и смерть Перикла	281
Г Л А В А XI.	
Пелопоннесская война	290—317
Отъ смерти Перикла до Никіева мира	291
Сицилійскій походъ	299
Конецъ войны	308
Г Л А В А XII.	
Наука и искусство въ Аѣинахъ	318—351
Греческое воспитаніе	321
Софисты	324
Сократъ	329
Театръ въ Аѣинахъ	335
Прозаики вѣка Перикла	341
Примѣчанія	353
Указатель	357

Г Л А В А I.

ОСНОВЫ ГРЕЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ.

«Весь рядъ людскихъ поколѣній въ теченіе вѣковъ слѣдуетъ разсматривать какъ одного человѣка постоянно живущаго и постоянно учащагося», — сказала въ XVII вѣкѣ Паскаль. Нельзя лучше выразить той связности и тождественности существованія человѣческаго рода, которая придаетъ изученію исторіи все его значеніе и цѣну. Но въ этомъ процессѣ «жизни и ученія» измѣненія политическія, соціальныя, религіозныя столь значительны что по временамъ намъ бываетъ трудно опредѣлить родство между отдѣльными поколѣніями, если мы не изучили промежуточнаго періода. Съ другой стороны, ничто не вызываетъ столько ложныхъ историческихъ сужденій, какъ невниманіе къ различіямъ въ самыхъ основахъ общественнаго строя, отдѣляющимъ одинъ періодъ отъ другого. Если мы, напримѣръ, переносимъ на греческую исторію наши понятія о нравственности, политикѣ, религіи, мы не можемъ понять тѣхъ задачъ, надъ разрѣшеніемъ которыхъ трудились греческіе политики и мыслители, не можемъ оцѣнить справедливо найденныя ими рѣшенія. Поэтому мы попытаемся здѣсь указать вкратцѣ на главные различія между цивилизаціей Греціи въ V вѣкѣ до Р. X. и цивилизаціей Европы въ XIX вѣкѣ нашей эры.

Различіе между греческими и современными понятіями о государствѣ.

Въ новомъ мірѣ обыкновенно государство и нація совпадаютъ; далеко не такъ было въ древней Греціи. Подъ Греціей или Элладой мы не должны представлять себѣ политическаго цѣлаго, на какое указываютъ выраженія—Великобританія, Франція или Германія; слово это скорѣе имѣетъ такое же значеніе, какое заключается въ словѣ Европа. Оно указываетъ на очень большое число почти независимыхъ государствъ въ Италіи, Африкѣ, собственной Греціи, Малой Азіи, которыя, вопреки многимъ мелкимъ различіямъ въ области религіи, общественнаго строя, управленія, были, тѣмъ не менѣе, связаны дѣйствительнымъ единствомъ племени, религіи и языка. «Европа,—говоритъ профессоръ Сили,—разсматриваемая какъ христіанство, представляла прежде и представляетъ еще теперь извѣстное единство, которое выразилось бы ясно и быстро, если бы ей угрожали враги—варвары и язычники». Такое единство было и у Эллады: отношеніе Европы къ сарацинамъ представляетъ большое сходство съ поведеніемъ Эллады, когда ей стала грозить опасность со стороны Персіи.

Для человѣка, приступающаго къ изученію греческой исторіи, въ высшей степени важно представлять себѣ, какъ велико было число этихъ независимыхъ государствъ и какъ полна была ихъ независимость. Область Беотіи была не крупнѣе очень небольшого англійскаго графства, но въ историческія времена мы можемъ насчитать въ Беотіи восемь государствъ; хотя впоследствии они и были

объединены Эвами, но считали себя имѣющими право на полную независимость и желали относиться другъ къ другу не такъ, какъ одинъ англійскій городъ къ другому, а какъ Франція къ Англии. Въ свою очередь, на островѣ Кеосѣ, занимающемъ не болѣе 12 миль въ длину при 8 въ ширину, мы находимъ четыре отдѣльныхъ государства вполнѣ организованныхъ съ отдѣльными правительствами, конституціями, арміями; они сообщались другъ съ другомъ при помощи герольдовъ, заключали другъ съ другомъ договоры и вели войны. Каждый значительный городъ Греціи обладалъ такой независимостью или стремился къ ней.

Затѣмъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что всѣ эти государства были городскими общинами. Греческому міру, все равно какъ и римскому, національное государство было совсѣмъ неизвѣстно. Быть гражданиномъ значило обладать въ извѣстномъ городѣ свободой и преимуществами. По мнѣнію грековъ, единственный способъ образованія крупнаго государства заключался въ подчиненіи ряда сосѣднихъ земель какимъ-либо однимъ городомъ, который и владѣлъ затѣмъ ими какъ городской собственностью. Если бы въ греческомъ мірѣ существовало такое обширное государство, какъ Англія, то всѣ жители областей и областныхъ городовъ или пользовались бы правами жителей Лондона, или были подчинены послѣднему. Можно указать другой поразительный примѣръ. Когда Римъ, первоначально небольшая городская община на берегахъ Тибра, такъ распространилъ свои завоеванія, что Средиземное море стало римскимъ озеромъ, всѣ эти обширныя владѣнія стали собствен-

ностью римской общины и управлялись ея городскими сановниками. Первую причину паденія римской республики и установленія имперіи слѣдуетъ искать въ невозможности управлять мировымъ государствомъ при помощи тѣхъ формъ и способовъ, которые годились для Рима, когда онъ былъ еще мелкой городской общиной. Дѣло въ томъ, что греко-римскому міру была совсѣмъ неизвѣстна идея представительства. Греческій умъ такъ богатъ идеями, грекамъ обязана своимъ происхожденіемъ такая масса движущихъ силъ новаго міра, что насъ удивляетъ отсутствіе у нихъ идеи представительства. Въ сущности, она даже появилась у нихъ, но безъ успѣха и не надолго. Поэтому гражданинъ могъ дѣйствительно пользоваться своими правами или оказывать вліяніе на управленіе и политику государства, только являясь лично во время обсужденія общественныхъ дѣлъ и выбора сановниковъ и лично подавая свой голосъ. Выше этой идеи не поднимались никогда величайшіе мыслители Греціи. Въ своей *Политикѣ*, величайшемъ и даже единственномъ трактатѣ по сравнительной политикѣ, извѣстномъ міру до XVIII столѣтія, Аристотель сравниваетъ различныя устройства, существовавшія среди грековъ, съ цѣлью опредѣлить лучшую форму правленія. Когда онъ разсматриваетъ вопросъ, какъ велико должно быть государство, его заключенія лучше всего другого доказываютъ незначительность греческихъ городскихъ общинъ. Всѣ граждане должны имѣть возможность собираться въ одномъ мѣстѣ, чтобы слушать оратора или, по крайней мѣрѣ, слышать извѣщенія городского глашатая. Затѣмъ онъ продолжаетъ: «Все равно какъ лодка не можетъ быть длиною во

сто сажень, ни въ ладонь, такъ и государство не можетъ состоять ни изъ сотни тысячъ, ни изъ десяти гражданъ... Если нужно постановлять справедливыя рѣшенія и раздавать людямъ должности согласно ихъ достоинствамъ, то для гражданъ необходимо знать характеры другъ друга, такъ какъ въ противномъ случаѣ не можетъ идти какъ слѣдуетъ назначеніе сановниковъ и отправленіе суда». Намъ представляется, что рѣчь идетъ скорѣе о какомъ-нибудь большомъ клубѣ, чѣмъ о государствѣ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ прямо, что крупное государство древности имѣло необходимо низкую политическую организацію. Въ крупномъ государствѣ граждане, очевидно, не могли постоянно стекаться въ центръ для выраженія своего взгляда на мѣры или людей. Поэтому крупныя государства древности, какое бы имя ни носили ихъ правительства, являются неизбѣжно деспотическими.

Далѣе, не только идея древняго государства отличалась отъ идеи современнаго, но они отличаются и по своему духу и по своимъ цѣлямъ. Государство не считали тогда простымъ механизмомъ для обезпеченія гражданамъ собственности и благосостоянія; его рассматривали какъ нѣчто отличное и высшее сравнительно съ личностями, его составляющими. Интересы личности считались вполнѣ подчиненными интересамъ государства. Государство идеализовали; ни одно достоинство человѣка не пользовалось такимъ общимъ признаніемъ, какъ способность жертвовать собой на пользу общую. Такую идеализацію древняго государства, вѣроятно, нужно объяснять потребностью обезпечить ему такую преданность,

которая опиралась бы на болѣе прочное основаніе, чѣмъ личный интересъ данной минуты. Это придаетъ древнему патріотизму такую возвышенность и чистоту, какими слишкомъ часто не отличается патріотизмъ современный. Съ идеализаціей стоитъ въ связи исключительность древняго государства. Вступленіе въ число его гражданъ не было открыто для всѣхъ, какъ у насъ. Человѣкъ не могъ стать граждаиномъ другого государства, перемѣнивъ мѣсто жительства и выполнивъ нѣсколько легкихъ условій. Кромѣ очень рѣдкихъ и исключительныхъ случаевъ, въ эпоху высшаго величія Греціи право гражданства давалось только людямъ, требовавшимъ его въ силу происхожденія отъ родителей гражданъ, и съ теченіемъ времени стремленіе затруднить доступъ къ нему скорѣе усиливалось. По закону члены двухъ отдѣльныхъ городскихъ общинъ не могли вступать во вполнѣ законный бракъ. Договоръ, признававшій законность подобныхъ браковъ, служилъ однимъ изъ величайшихъ доказательствъ дружбы между городами.

Наконецъ, древнее государство ставило себѣ иную цѣль, чѣмъ современное. Греція не имѣла никакого понятія о различіи между властью духовной и свѣтской, являющемся однимъ изъ главныхъ результатовъ среднихъ вѣковъ. Государство ставило тогда своею цѣлью надзоръ не только за матеріальнымъ, но также и за нравственнымъ и религіознымъ благополучіемъ гражданъ. По словамъ Аристотеля, оно имѣло въ виду «не просто жизнь, а жизнь нравственную». При помощи законовъ противъ роскоши и религіозно-нравственнаго контроля греческое государство брало на себя нравственное руководство

гражданами не въ качествѣ помощника какой-либо церкви или жречества, а по своему собственному почину.

Военный характеръ греческой цивилизаціи.

Въ теченіе двухъ послѣднихъ вѣковъ всѣ европейскія государства, а также государства, перенесшія европейскую цивилизацію на другіе материка, очень быстро пріобрѣли промышленный характеръ. Они не только стали посвящать все больше времени и вниманія на производство богатства, не только стали относиться съ бѣльшимъ уваженіемъ къ дѣтелямъ промышленности, высшимъ и низшимъ, но и стали все болѣе и болѣе увлекаться промышленными и уклоняться отъ военныхъ цѣлей. Геродотъ, лучше всякаго другого писателя представляющій общее мнѣніе грековъ, говоритъ (II, 167), что они «относятся съ меньшимъ уваженіемъ, чѣмъ къ остальнымъ, къ тѣмъ гражданамъ, которые занимаются промыслами, и къ ихъ дѣтямъ, и въ то же время считаютъ благородными держащихся въ отдаленіи отъ ремеслъ, а особенно уважаютъ посвящающихъ себя цѣликомъ войнѣ». Здѣсь передъ нами весьма важная черта. Греческая цивилизація была въ своей основѣ военной. Греческая политика преслѣдовала военныя цѣли. Правда, въ Греціи существовали нѣкоторыя отрасли промышленности; было, напри- мѣръ, земледѣліе, первое, самое важное и почтенное изъ занятій у грековъ, — было въ довольно широкихъ размѣрахъ гончарное дѣло, кожевенное, сапожное. Но вообще размѣры промышленности были не велики, и ни государство, ни личность не задавались никакимъ промышленнымъ идеаломъ. Вполнѣ

уважающій себя человекъ не могъ мозолить себѣ рукъ плугомъ или гончарнымъ колесомъ. Единственной почетной замѣной политическихъ или военныхъ занятій служило для него рыночное бездѣлье. Поэтому, видя, что промышленность, насколько она существовала, находилась у грековъ въ презрѣннѣи и что основой общества служила война, мы не можемъ представлять себѣ войну въ древнемъ мѣрѣ такую, какой она представляется намъ въ наше время. Въ нашемъ обществѣ, носящемъ теперь почти вполнѣ промышленный характеръ, война является полной аномаліей, которая была бы чрезвычайно смѣшной, не будь она такой грозной. Она не выполняетъ никакого общественнаго назначенія и дѣйствуетъ только въ качествѣ разстраивающей силы. Но этотъ приговоръ, столь справедливый теперь, нельзя переносить на болѣе раннія времена. Въ Греціи война имѣла, очевидно, важное общественное значеніе. Теперь миръ не приноситъ съ собою праздности или бездѣлія, а скорѣе заставляетъ обращать энергію отъ цѣлей разрушительныхъ на производительныя. Но въ Греціи, гдѣ занятіе войной всюду пользовалось наибольшимъ почетомъ, долгій періодъ мира приносилъ съ собою апатію, лѣнь и почти всегда нравственный упадокъ. Когда въ IV вѣкѣ до Р. Х. аеиняне передали наемникамъ обязанность защищать ихъ владѣнія на морѣ и на сушѣ, это нанесло государству ударъ, отъ котораго оно никогда не могло оправиться. Къ древнему міру приложимо то, что не примѣнимо къ новому: война вызывала въ немъ много качествъ, имѣвшихъ мало другихъ поддержекъ, напримѣръ, повинновеніе, преданность, добросовѣстность и чувство чести.

Примѣненіе въ Греціи рабскаго труда.

Вотъ одно изъ самыхъ замѣтныхъ отличій древняго общества отъ современнаго: основой греческой цивилизаціи служилъ рабскій трудъ, основой нашей служить трудъ вольный или договорный. Въ Аѣнахъ рабовъ было, вѣроятно, четверо больше, чѣмъ свободныхъ людей; въ Коринѣѣ, быть можетъ, въ восемь разъ. О положеніи греческихъ рабовъ и о вліяніи рабства на греческое государство мы будемъ говорить подробнѣе въ одной изъ слѣдующихъ главъ. Здѣсь слѣдуетъ, пожалуй, указать на то, что, по нашимъ теперешнимъ понятіямъ, демократіи древняго міра не заслуживаютъ этого имени. Правда, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, — о нихъ будетъ рѣчь потомъ, — существуетъ поразительное сходство въ приѣмахъ и стремленіяхъ греческой и современной демократіи. Но въ современный неопредѣленный смыслъ слова «демократія» входитъ много чертъ, не соединимыхъ со словомъ въ его греческомъ смыслѣ. Первое и самое яркое различіе заключается въ томъ, что, въ виду обыкновенно очень сильнаго численнаго преобладанія рабскаго населенія надъ свободнымъ въ государствахъ Греціи, управленіе находилось въ рукахъ незначительнаго меньшинства всего мужского населенія государства и потому скорѣе заслуживаетъ названія олигархіи. Далѣе, слово «демократія» въ его современномъ смыслѣ подразумѣваетъ возвеличеніе труда чрезъ вступленіе въ кругъ гражданъ рабочихъ, подразумѣваетъ переходъ власти главнымъ образомъ въ руки представителей физическаго труда. Ни слѣда всего этого не замѣтно въ древней Греціи. Изъ произведеній

аѳинскихъ поэтовъ и философовъ можно привести нѣсколько мѣстъ, въ которыхъ утверждается превосходство полезнаго труда надъ праздною; но они не доказываютъ существованія общаго убѣжденія въ этомъ. Греческій міръ не имѣлъ понятія о достоинствѣ труда. Управление Аѳинами находилось въ рукахъ народа, не занимавшагося производительнымъ дѣломъ, а у людей, принимавшихъ наибольшее участіе въ управленіи, было всего меньше какихъ-либо занятій. Въ отношеніяхъ другъ къ другу граждане демократическихъ Аѳинъ были почти вполнѣ равными, но по отношенію ко всему населенію они являлись рабовладѣльцами и деспотами.

Роль женщинъ въ греческой цивилизаціи.

Вопросъ о положеніи женщинъ въ Греціи, подобно вопросу о рабствѣ, будетъ разсматриваться подробнѣе въ одной изъ слѣдующихъ главъ. Но полное подчиненіе женщинъ составляетъ такую важную особенность греческой жизни, что его нельзя не упомянуть въ этомъ вступительномъ очеркѣ. Въ древнемъ мірѣ женщина всюду занимала положеніе менѣе свободное и вліятельное, чѣмъ въ новомъ; въ Греціи, по нашимъ понятіямъ, женщина была поставлена въ унижительное подчиненіе. Здѣсь нечего разсматривать, чѣмъ объясняется этотъ фактъ—военнымъ характеромъ цивилизаціи или религіозными воззрѣніями грековъ; здѣсь нужно отмѣтить только самый фактъ. Вліяніе женщинъ не только не затрогивало совѣтъ политики и войны; само искусство, наука и образованіе существовали въ Греціи почти исключительно для мужчинъ.

Религія грековъ.

Въ этомъ общемъ обзорѣ греческой цивилизаціи нельзя обойти молчаніемъ религію, хотя здѣсь ей придется отвести всего нѣсколько строкъ; подробнѣе мы рассмотримъ ее въ ближайшей главѣ. Одинъ новый мыслитель назвалъ греческое язычество «откровеннымъ одобреніемъ удовольствія». Гёте называлъ средневѣковое христіанство «возвышеннымъ обожаніемъ скорби». Если вѣрно, что при разсмотрѣніи развитія цивилизаціи соціальныя силы важнѣе политическихъ, а религіозныя сильнѣе соціальныхъ, то какое глубокое различіе между цивилизаціей греческой и христіанской обусловливаетъ такая разница въ основныхъ религіозныхъ идеяхъ. Это слѣдуетъ имѣть въ виду при всякомъ сравненіи греческой жизни съ современною.

Г Л А В А II.

РЕЛИГИЯ ГРЕКОВЪ.

Однимъ изъ самыхъ убѣдительныхъ обобщеній исторіи является мысль, что для изученія и пониманія исторіи народа необходимо изученіе и пониманіе его религіи. Подъ словомъ религія, какъ бы ни понимать его въ другихъ случаяхъ, мы разумѣемъ здѣсь извѣстное представленіе объ отношеніи чело-вѣка къ силамъ вселенной и основанное на этомъ представленіи руководство жизнью. Поэтому въ вѣкъ вѣры мы, очевидно, найдемъ главную движущую силу исторіи въ религіозныхъ представленіяхъ народа, а въ вѣкъ невѣрія почти такъ же важно указать на отсутствіе подобной движущей силы. Въ настоящей главѣ мы попытаемся дать нѣкоторое понятіе, во-первыхъ, о вѣрованіяхъ грековъ и, во-вторыхъ, о различныхъ путяхъ, какими эти вѣрованія вліяли на ихъ жизнь; а затѣмъ мы представимъ нѣкоторыя соображенія относительно вліянія религіи грековъ на ихъ исторію.

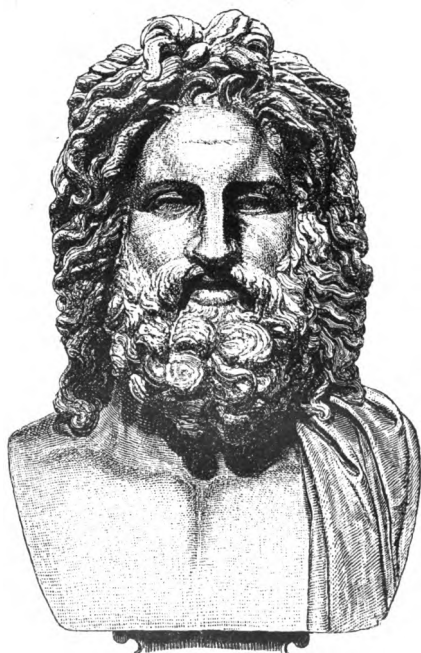
Вѣрованія грековъ.

Часто утверждали, что греки были не чувствительны къ красотамъ природы. Хотя въ защиту этого взгляда можно указать на крупныя имена, но отъ него нужно сразу отказаться. Дѣйствительно, защи-

щать этотъ парадоксъ можно только указаніемъ на тотъ фактъ, что греки выражали свое восхищеніе природою совсѣмъ иначе, чѣмъ это дѣлается въ новомъ мірѣ или, вѣрнѣе, въ вѣкъ, послѣдовавшій за Руссо. У греческихъ поэтовъ можно найти прекрасныя описанія природы. Едва ли есть въ Греціи хоть одинъ храмъ, на которомъ не было бы замѣтно заботливаго выбора мѣстоположенія и, между прочимъ, вниманія къ виду, открывающемуся отъ него. Но главнымъ доводомъ противъ упомянутаго выше предразсудка служить то, что вся религія грековъ свидѣтельствуетъ о глубокомъ пониманіи явленій и красотъ природы. Желая отгнать равнодушіе современнаго человѣка къ вѣдшему міру, Уордсвортъ противопоставляетъ нашу безчувственность языческому восторгу: «Мнѣ пріятнѣе было бы быть язычникомъ, воспитаннымъ въ старой вѣрѣ: тогда, стоя на прекрасномъ лугу, я могъ бы чувствовать себя менѣе одинокимъ, видѣть Протея, поднимающагося изъ воды, или слушать стараго Тритона, играющаго на увѣнчанномъ рожкѣ». Греки древнѣйшей эпохи объясняли себѣ явленія природы, приписывая имъ личную жизнь. Въ историческое время сохранилось много слѣдовъ этого фетишизма, считавшаго камни, деревья и всѣ предметы чувствующими существами; но по большей части эта форма мысли и вѣры исчезла. Люди приписывали ощущеніе, чувство и желаніе уже не самимъ явленіямъ, а человѣкоподобнымъ существамъ, которыя считались руководящими и вызывающими дѣйствія всѣхъ предметовъ. Такъ, въ силу самобытнаго развитія, греческое язычество населило горы и потоки, воздухъ и море большимъ числомъ существъ, одаренныхъ чувствами людей.

Таковъ былъ матеріалъ, изъ котораго развилось богословіе грековъ.

«Быть можетъ, нѣтъ народа, — говоритъ новѣйшій нѣмецкій историкъ Греція (Гольмъ), — религію котораго было бы такъ трудно привести въ систему, какъ религію грековъ; ни у одного народа нѣтъ въ религіи столькохъ противорѣчій». Здѣсь нѣтъ возможности распространяться объ этомъ увлекательномъ, но трудномъ предметѣ греческой миеологіи; но, надѣемся, слѣдующія общія утвержденія не окажутся невѣрными. Въ историческія времена существовало большое число божествъ, остававшихся неясными, безличными олицетвореніями явленій природы. Для соотечественниковъ Эхила горы, дѣса и потоки были полны сверхъестественными, но человѣкоподобными существами, о которыхъ можно было сказать только то, что они являются божественными обитателями горъ, дѣсовъ и потоковъ. Но большое число боговъ приобрѣло характеръ и біографіи болѣе или менѣе опредѣленные. Такое развитіе миеологіи мы можемъ объяснять различными вліяніями. Иногда эти легенды являются просто олицетвореніемъ явленій природы. Такъ, Персефона, богиня зернового хлѣба, проводитъ половину своего времени подъ землей и половину — надъ нею. Такъ, исчезновеніе рѣкъ Греціи подъ землей вызвало рассказы, подобные легендѣ объ Ареусѣ, которая прыгаетъ въ море у береговъ Греціи и появляется снова на Сициліи. Это просто миеологическій способъ выраженія того, что извѣстный источникъ Сициліи считался тождественнымъ съ извѣстнымъ потокомъ Пелопоннеса. Далѣе, часто рассказы о богахъ являются произведеніями поэтической фантазіи того

Зевсѣ.

Къ стр. 15.

времени, когда превращать вымыслы поэта въ утвержденія положительныхъ фактовъ еще не значить обманывать. Геродотъ говоритъ намъ, что создателями греческой миеологии были Гомеръ и Гесіодъ, установившіе атрибуты боговъ и сказанія о нихъ. Къ этимъ великимъ именамъ можно, безъ сомнѣнія, присоединить еще много безыменныхъ поэтовъ. Дѣйствительно, повсюду въ греческой поэзіи мы видимъ миеологическія прибавки и передѣлки поэтовъ. Эти передѣлки и прибавленія иногда обязаны своимъ происхожденіемъ просто творческой фантазіи поэтовъ, а иногда желанію представить грекамъ образцы для удивленія и поклоненія, «цѣль выше шумнаго прилива и отлива чувствъ». Этими и другими способами изъ огромной массы боговъ выдѣляется нѣсколько выдающихся фигуръ; это — главные боги Греціи.

Величайшимъ изъ нихъ былъ Зевсъ, «отецъ людей и боговъ». Первоначально онъ былъ олицетвореніемъ неба. Поэтому особенно тѣсно съ нимъ былъ связанъ Олимпъ, высочайшая гора, какую знали греки, возвышающаяся почти на 10.000 футовъ. Особенно характерно для него было спокойствіе горной вершины. Онъ былъ также богомъ грома и молніи, и съ этимъ связанъ былъ рассказъ о борьбѣ его съ титанами, несомнѣнно представителями какой-то болѣе древней религіи, или о борьбѣ мѣстныхъ культовъ со служеніемъ верховному богу. Титаны пытались подняться на Олимпъ, но были низвергнуты молніями Зевса. Зевсу же были посвящены небесныя воды. У Гомера онъ почти всегда является «сбирателемъ тучъ». Отъ него поэтоу происходятъ также рѣки. Я назвалъ Олимпъ глав-

нымъ его мѣстопребываніемъ. Но было еще два прославленныхъ жилища этого величайшаго бога. Въ Эпирской Додонѣ находились его древнѣйшее святилище и оракуль, своимъ происхожденіемъ обязанные, очевидно, времени до вторженія дорянъ. Въ Пелопоннесѣ ему была посвящена равнина Олимпія, скоро ставшая, какъ будетъ объяснено ниже, однимъ изъ главныхъ центровъ объединенной Эллады.

Послѣ Зевса съ наибольшимъ почитаніемъ и наибольшими надеждами греки обращались къ Аполлону. Это былъ богъ свѣта, изображавшійся обыкновенно съ лукомъ и стрѣлами, очевидно, символами солнечныхъ лучей. Такъ какъ лучи солнца разгоняютъ мракъ и свѣтъ вызываетъ просвѣщеніе, то Аполлону приписывали истребленіе его стрѣлами многихъ зловредныхъ чудовищъ. Какъ богъ свѣта, онъ является также богомъ знанія. Никто не заглядываетъ такъ далеко въ будущее, какъ онъ; поэтому его оракуль въ Дельфахъ былъ наиболѣе почитаемъ и посѣщаемъ. Онъ легко сдѣлался также богомъ врачеванія. Поэтому съ нимъ были поставлены въ связь чума и зараза, а также средства отвращать ихъ. Его почитали по всей Греціи, но изъ всѣхъ мѣстъ, ему посвященныхъ, наиболѣе важными были Делось и Дельфы. Делось служилъ центромъ для островитянъ Архипелага. Небольшой голый островъ, никого не соблазнявшій своей почвой, былъ, пожалуй, именно по этой причинѣ выбранъ мѣстомъ для храма бога. Какъ это видно изъ гомеровскихъ гимновъ, здѣсь въ древнія времена собирались въ честь бога большія толпы. Но въ историческія времена гораздо больше значенія, чѣмъ Делось, имѣли Дельфы.

А о н н а.

Къ стр. 17

Здѣсь былъ настоящій центръ міра. Здѣсь встрѣтились два орла, посланные Зевсомъ на востокъ и на западъ; здѣсь Аполлонъ умертвилъ Пиеона; здѣсь находился великій оракуль, бывший нѣкоторое время настоящимъ центромъ цивилизаціи Эллады. Его дѣятельность будетъ разсмотрѣна подробнѣе во второй части этой главы.

Посейдонъ, братъ Зевса, является прежде всего богомъ моря, но у него есть также другія функции, трудно примиримыя съ главной; ему былъ посвященъ конь, и онъ былъ также богомъ землетрясеній. Конь, вѣроятно, имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ волнамъ, быстро спѣшащимъ къ берегу; удары бурнаго моря о скалистый берегъ могли доставить ему прозвище «потрясателя земли». Море было для грековъ главнымъ путемъ, главнымъ источникомъ ихъ богатства и цивилизаціи; богу его ни одно государство не могло отказывать въ особомъ почитаніи; поэтому нельзя говорить о какихъ-либо особыхъ мѣстахъ поклоненія или святилищахъ Посейдона; храмы въ честь его существовали на очень многихъ мысахъ.

Согласно странной легендѣ, Аѣина, дочь Зевса, вышла изъ головы своего отца, пораженной сѣкирой Гефеста, бога огня; первоначально она была, вѣроятно, олицетвореніемъ извѣстнаго вида неба. Ея особой примѣтой служила голова Горгоны, которую она носила на своей эгидѣ или щитѣ. На эту страшную голову съ ея перевитыми змѣями никто не могъ смотрѣть, оставаясь живымъ; повидимому, она изображала громовую тучу съ блистающими вокругъ нея яркими молніями. Аѣина была особенной покровительницей Аѣинъ. Ей было посвящено олив-

ковое дерево, главный источник богатства страны; ея священной птицей была сова, ставшая символомъ города. Аѳина была богиней знанія и мудрости; самый знаменитый храмъ ея естественно находился въ Аѳинахъ.

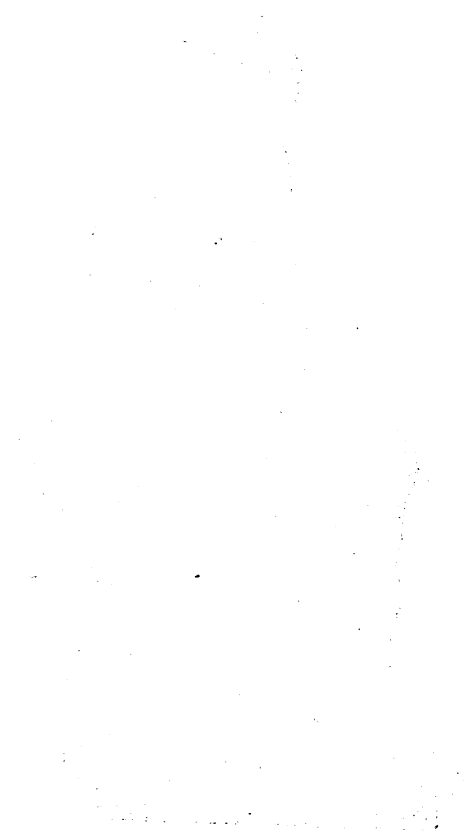
Слѣдовало бы упомянуть здѣсь много другихъ божествъ, если бы это допускали размѣры книги. Но во всякомъ случаѣ нужно назвать божества Элевсина. Тамъ, въ священномъ городѣ мистерій, почитались Деметра и Персефона. Деметра является олицетвореніемъ плодовъ земли. Ея дочь Персефона была похищена Плутономъ, богомъ подземнаго міра, мѣстопребыванія умершихъ. Мать долго искала ее, наконецъ, обратилась къ Зевсу и выпросила у него, чтобы нѣсколько мѣсяцевъ дочь проводила съ нею на землѣ, а остальную часть года оставалась съ Плутономъ царицей Гадеса. Выше было упомянуто, какъ легко можно объяснить эту прекрасную легенду, имѣя въ виду, что Деметра олицетворяла собой зерно; это достаточно ясно для всякаго. Но эти божества заслуживаютъ здѣсь особаго упоминанія по ихъ связи съ тѣми мистеріями, о которыхъ будетъ говорить во второй части настоящей главы.

Но, кромѣ этихъ божествъ, крупныхъ и мелкихъ, указанныхъ или упомянутыхъ здѣсь, слѣдуетъ также отмѣтить, что умъ грека былъ полонъ суевѣрій изящныхъ и грубыхъ, естественно порождаемыхъ вѣрой въ огромное число капризныхъ божествъ, дѣйствія которыхъ не подчинены никакому закону. Въ вѣкъ Перикла просвѣщенными людьми овладѣлъ скептицизмъ. Периклъ объяснялъ солнечное затменіе естественными причинами и отказывался считать его знаменіемъ. Фукидидъ говоритъ объ оракулахъ и

Д е м е т р а .

Къ стр. 18

чудесахъ съ пренебреженіемъ, напоминающимъ Вольтера. Но масса народа все еще была привязана къ своимъ суевѣріямъ и тогда, когда греческая религія перестала оказывать на общество свое благотѣльное вліяніе. Существованіе сверхъестественныхъ существъ составляло для народа предметъ невольной вѣры; онъ видѣлъ всюду знаменія, чудеса и чудесныя явленія всякаго рода съ такой же охотой, какъ и люди среднихъ вѣковъ. И Геродотъ, предшествовавшій вѣку Перикла, и Ксенофонтъ, слѣдовавшій за нимъ, были оба людьми выдающагося ума, но и имъ самыя пустыя случайности представлялись проявленіемъ воли боговъ.

Религіозныя установленія грековъ.

Всегдашнее различіе между философіей и религіей заключается въ томъ, что философія можетъ стремиться къ истинѣ изъ-за удовольствія созерцать ее, а религія стремится всегда пользоваться истинной въ качествѣ руководства для жизни. Здѣсь мы попытаемся показать, какими путями и въ какой степени религія грековъ вліяла на ихъ жизнь. Этотъ обзоръ покажетъ, что греческій политеизмъ оказывалъ на общество слабое вліяніе, и эта слабость сопровождалась какъ выгодными, такъ и невыгодными послѣдствіями.

1. Жречество.

Всѣ сильныя религіи древняго, средневѣкового и новаго міра стремились вліять на общество черезъ классъ жрецовъ, специально изучавшихъ ученія ихъ вѣры и занятыхъ постоянно ихъ распространеніемъ.

Такой жреческій классъ находилъ себѣ поддержку иногда въ сложности обрядовъ, при помощи которыхъ можно приобрести милость божества, иногда въ трудности и таинственности ученія, иногда въ особой выработкѣ характера и въ образѣ жизни, отдѣлявшихъ его отъ прочаго міра. Едва ли что-либо подобное можно найти въ Греціи. Тамъ были жрецы, но не было жречества. «У грековъ,—замѣчаетъ Ренанъ,—не было никогда священной книги, не было никакихъ символовъ, никакихъ соборовъ, никакой жреческой касты, организованной для сохраненія догматовъ». Правда, поэмы Гомера были въ извѣстномъ смыслѣ священной книгой грековъ, но онѣ не имѣли никогда обязательной силы Библии или Корана. При извѣстныхъ обстоятельствахъ обязанности жреца могъ исполнять кто угодно. Въ Афинахъ официальнымъ главою вѣры былъ сановникъ, избираемый при помощи жребія изъ всѣхъ гражданъ. Во времена царей всѣ они были также высшими жрецами. Въ Спартѣ цари сохранили эти полномочія въ теченіе всего историческаго періода. Жрецы, которыхъ мы находимъ въ Греціи, вовсе не спеціальные выразители воли божества; это—простые сановники, выбранные различными способами для исполненія религіозныхъ обязанностей, все равно какъ другіе сановники выбирались для дѣлъ политическихъ. Въ однихъ храмахъ жречество было наслѣдственнымъ, въ другихъ — избирательнымъ. Иногда жрецы занимали должность пожизненно, иногда только на годъ. Нѣкоторыя жреческія должности замѣщались покровителями храмовъ; во многихъ случаяхъ онѣ покупались за извѣстную сумму. До насъ дошла надпись, въ которой перечислены суммы,

уплаченныя за мѣсто жреца Гермеса въ Галикарнассѣ; наивысшей суммой является 1840 руб.

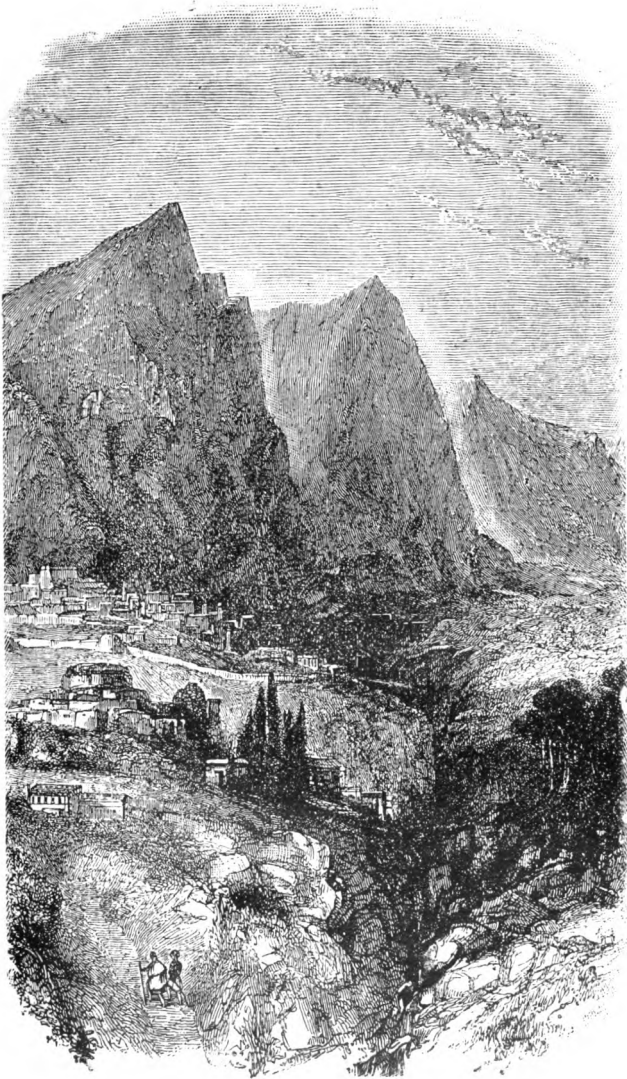
Организаціи жречества мѣшалъ самый характеръ греческой религіи. Она никогда не составляла стройной системы. Существовавшія ученія ея были созданиемъ не жреческихъ обществъ, а свободной фантазіи поэтовъ и простого народа. Когда въ III и IV вѣкахъ по Р. Х. успѣхи христіанства вызвали попытку привести въ систему язычество, попытка эта не удалась, да и не могла быть произведена безъ широкаго заимствованія религіозныхъ идей съ Востока. На основѣ колеблющихся легендъ нельзя было построить прочной религіозной системы. Греческіе жрецы и не стремились никогда къ такой власти, какою пользовались жрецы египтянъ и евреевъ; они даже были гораздо менѣе вліятельны, чѣмъ жрецы Рима. Ихъ не соединяла общая связь; они не исповѣдовали общей системы ученій. Говоря словами Аристотеля, они просто обязаны были «исполнять тѣ обряды, которые предписывалось совершать передъ богами», все равно какъ флотскій офицеръ занимался дѣлами корабельными.

2. Оракулы.

Религія грековъ, сказали мы, не имѣла официальнаго жречества и священныхъ книгъ. Простой челоувѣкъ могъ знать о богахъ столько же, сколько и храмовый жрецъ; поэтъ или философъ не особенно стѣснялся критиковать и исправлять легенды о богахъ. Но существовало мѣсто, гдѣ жрецы могли говорить съ авторитетомъ, гдѣ голосъ самого бога слышался съ особенной силой. Этимъ мѣстомъ былъ великій дельфійскій оракулъ.

Въ Греціи было очень много оракуловъ. Извѣстныхъ эллинамъ и вопрошаемыхъ ими въ Элладѣ и сосѣднихъ странахъ насчитывали 260. И всюду по знаменіямъ и предзнаменованіямъ можно было узнать волю боговъ и тайны будущаго безчисленными способами. Одно замѣчаніе Цицерона представляетъ почти полную теорію всѣхъ этихъ предсказаній: «Если лягушки кваканіемъ и быки выдыханіемъ воздуха даютъ намъ основанія предсказывать погоду, то какъ не найти предзнаменованій во внутренностяхъ жертвы или въ грозovýchъ буряхъ?» Грекъ чувствовалъ себя окруженнымъ огромнымъ числомъ капризныхъ божествъ и не понималъ неизмѣнности законовъ природы; поэтому для него не было ничего страннаго въ мысли, что волю боговъ можно опредѣлять по признакамъ, которые намъ представляются совсѣмъ безразличными. Отверстіе въ землѣ, ведущее въ невѣдомыя глубины или къ подземному потоку, полетъ птицъ, блескъ молніи надъ священной горой, — на все это естественно смотрѣли съ глубокимъ благоговѣніемъ, все это внимательно изслѣдовали, чтобы удостовѣриться въ намѣреніяхъ боговъ. Особенно глубокое значеніе приписывалось всему необычному въ жизни людей. Сновидѣнія, хотя бы не поддававшіяся толкованію, тѣмъ не менѣе всегда посылались богами. Припадки падучей считались несомнѣннымъ слѣдствіемъ божескаго внушенія. Всякій день во всякомъ государствѣ наблюдались знаменія; никогда греческое войско не вступало въ битву раньше, чѣмъ жертвы указывали на благоприятное отношеніе къ ней божества.

Но какъ среди массы божественныхъ существъ выдавались извѣстные главные боги, такъ было и

Парнасъ со стороны Дельфъ.

Къ стр. 23.

съ этими мѣстами прорицанія. Наиболѣе важнымъ изъ нихъ были Дельфы. Они считались серединой міра и служили дѣйствительно настоящимъ центромъ для всей Эллады. Легенда повѣствовала о томъ, какъ Аполлонъ убилъ здѣсь Пиеона, и на большомъ ежегодномъ праздникѣ пѣсни еще вспоминали объ ихъ борьбѣ, олицетворявшей, вѣроятно, побѣду новой ступени язычества надъ старымъ мѣстнымъ культомъ. Дельфы занимали мѣстоположеніе уединенное и суровое. Надъ ними на высоту 8.000 футовъ поднимается Парнасъ. Доступъ къ мѣсту, гдѣ находился главный храмъ Аполлона, былъ нѣсколько затруднителенъ, и мѣстоположеніе представляло мало привлекательнаго, за исключеніемъ трехъ превосходныхъ постоянныхъ ключей. Сама природа наводила здѣсь на мысль о сверхъестественныхъ силахъ: глубокая трещина въ боку горы вызывала мысль о духахъ преисподней; говорили, что оттуда исходятъ одуряющіе пары. Уединеніе и высота горы еще усиливали торжественность впечатлѣнія.

Здѣсь находился главный оракулъ Греціи, мѣсто-пребываніе бога, «въ словахъ котораго не можетъ быть лжи». Надъ расщелиной, изъ которой выходили одуряющіе пары, садилась на треножникѣ жрица, и, когда подчинялась ихъ вліянію, ей предлагали вопросы. Чтò она говорила, это въ точности оставалось неизвѣстнымъ вопрошателямъ. Храмовые жрецы истолковывали ея непонятныя слова и обыкновенно передавали ихъ вопрошающимъ въ видѣ гексаметровъ. Что эти отвѣты и право обращаться за ними цѣнились чрезвычайно высоко въ теченіе ряда вѣковъ, это такъ же несомнѣнно, какъ любой

историческій фактъ. За независимость храма велись войны; право обращаться къ оракулу обыкновенно оговаривалось въ договорахъ и перемиріяхъ. Дельфійскій оракуль почитали не только невѣжды и суевѣры; у него добивались одобренія своихъ мѣръ цари и законодатели. Описывая свою идеальную республику, Платонъ называетъ религіозныя установленія «наиболѣе великими, благородными и важными», но прямо предоставляет опредѣленіе ихъ Дельфійскому богу, «который пребываетъ по срединѣ земли и является истолкователемъ религіи для всего челоувѣчества». Кромѣ отвѣтовъ на извѣстные вопросы, оракуль постоянно поддерживалъ начала нравственности. Греческая религія никогда не создавала, да и не могла создать десятословія, и нужно признать, что цивилизація грековъ сильно страдала отъ неимѣнія опредѣленной морали, извѣстнаго авторитета въ вопросахъ поведенія. Но изреченія, начертанныя на стѣнахъ храма, начиная съ прославленнаго «Познай самого себя» надъ главнымъ входомъ, представляли немаловажную замѣну кодекса нравственности. И мы видимъ, что оракуль постоянно оказывалъ дѣйствительное вліяніе на ходъ дѣлъ. Быть можетъ, вліяніе это нѣсколько преувеличивали; но нельзя отрицать, что оракуль всегда содѣйствовалъ, а иногда и прямо руководилъ замѣчательнымъ колонизаціоннымъ движеніемъ грековъ въ VII вѣкѣ до Р. Х. Его одобренія удостоилось законодательство Солона; по приказу бога спартанцы, совѣмъ противъ своего желанія, изгнали тиранновъ изъ Аѣинъ. Отвѣты оракула цѣнились не только въ Греціи. Дельфійскій храмъ былъ музеемъ сокровищъ, но среди нихъ не было ничего цѣннѣе

богатыхъ подарковъ, полученныхъ отъ Креза, царя Лидіи, не только для обезпеченія милостей бога въ будущемъ, но и въ благодарность за оказанныя уже въ прошломъ благодѣянія.

Какъ должны мы объяснять это продолжительное вліяніе на чрезвычайно пронизательный и далеко не легковѣрный народъ оракула, вѣрить въ котораго не найдеть возможнымъ ни одинъ современный умъ? Рѣдко кто станеть теперъ повторять насмѣшки Вольтера надъ кознями жрецовъ и легковѣріемъ народа. Сила учрежденія, такъ высоко и долго цѣнившагося, должна была заключаться въ какихъ-нибудь хорошихъ его сторонахъ, а не въ лживости, общей ему со всѣми вѣрованіями эпохи. Правда, тутъ бывали козни и обманы жрецовъ. Многіе изъ дошедшихъ до насъ отвѣтовъ до того таинственны, что могутъ означать все, что угодно, или ничего. Другіе, очевидно, нарочно изложены двусмысленно, на примѣръ, когда Крезу сказали, что если онъ перейдетъ рѣку Гались для борьбы съ персами, то разрушитъ великое царство, и этимъ «великимъ царствомъ» оказалось его собственное. Затѣмъ, многіе изъ отвѣтовъ, на которыхъ основывалась слава оракула, безъ сомнѣнія, представляютъ собой позднѣйшія поддѣлки. Но восторженное почитаніе въ теченіе ряда вѣковъ и дѣйствительное руководительство эллинскою цивилизаціей остается фактомъ. Я думаю, его можно объяснить только предположеніемъ, что Дельфійскіе жрецы, приходя въ соприкосновеніе съ представителями всѣхъ государствъ Греціи, имѣли лучшія свѣдѣнія, чѣмъ какихъ можно было ожидать отъ гражданъ отдѣльнаго государства. Не принадлежа ни къ какому государству, они не

преслѣдовали никакихъ мѣстныхъ цѣлей, отвлекавшихъ ихъ вниманіе. Очень возможно, что у нихъ имѣлись сношенія съ другими странами, позволявшія имъ руководить греческой колонизаціей. И если они пользовались всѣми этими средствами для пріобрѣтенія свѣдѣній и выдавали результаты этого за указаніе бога, это не доказываетъ непременно, что они были обманщиками. Человѣкъ можетъ устраивать чудеса и въ то же время вѣрить въ бога, отъ имени котораго они совершаются: это странно, но вполне справедливо. Жрецъ, пристроившій нити къ чудотворному изображенію, вѣроятно, не былъ скептикомъ. Потребность въ подобномъ центральномъ духовномъ авторитетѣ чувствовалась такъ сильно, хотя и бессознательно, что люди принимали съ благодарностью не вполне удовлетворительное руководство, предлагаемое Дельфами.

Но это руководство было не удовлетворительно и постепенно ослабѣвало. Нѣсколько разъ въ греческой исторіи становилось извѣстнымъ, что жрица была подкуплена. Въ то время какъ надвигалось нашествіе Ксеркса, изъ Дельфъ не слышалось ни ободренія, ни побужденія къ героической смѣлости, а одни выраженія отчаянія и совѣты подчиниться. Когда въ Греціи появилось скептическое направленіе, Дельфійскому оракулу нечѣмъ было защищаться противъ него. Очевидно, слова женщины, быть можетъ, приведенной въ изступленіе одуряющими парами, не представляютъ такой основы, на которой можно построить устойчивую духовную власть, когда вѣра начинаетъ сколько-нибудь колебаться. Притомъ у жречества не было ни богословской системы, ни плана жизни, ни даже организаціи, къ

которой оно могло обратиться, когда сила оракула начала упадать. Поэтому хотя оракуль не исчезъ совершенно, хотя его богатство и пышность съ упадкомъ благосостоянія Греціи, пожалуй, увеличились, но онъ пересталъ служить настоящимъ центромъ религиозной жизни грековъ, пересталъ придавать Греціи нѣкоторую духовную сплоченность, и, такимъ образомъ, исчезло одно изъ сильныхъ ограниченій центробѣжныхъ тенденцій греческой политики. Здѣсь мы снова находимъ, что въ сравненіи съ другими религіями греческая оказывала слабое вліяніе на населеніе страны.

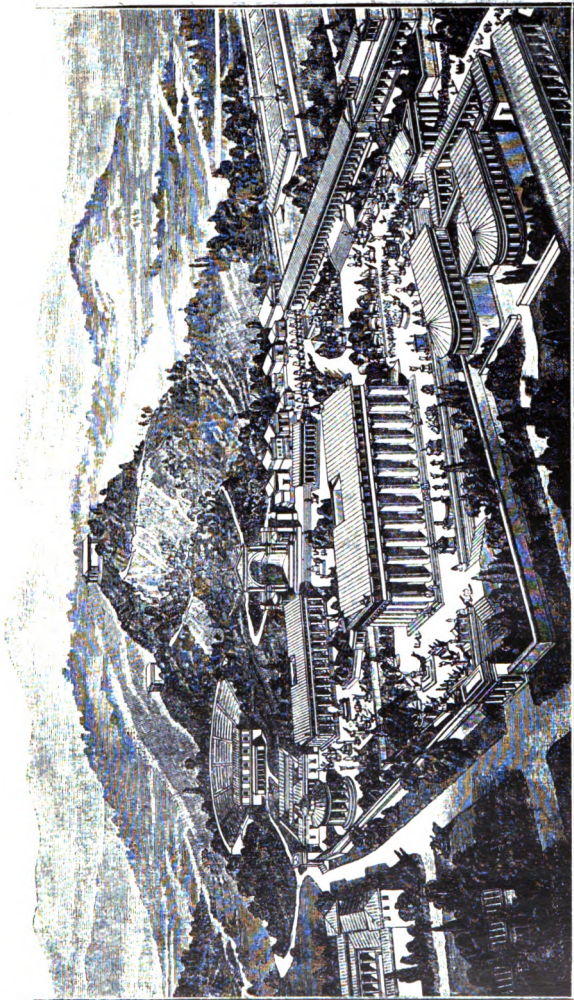
3. Великія греческія игры.

Въ связи съ религіей всего лучше также можно разсмотрѣть атлетическія празднества грековъ. Правда, ихъ вліяніе на греческую цивилизацію было скорѣе случайнымъ, чѣмъ намѣреннымъ, и увеселительныя начала рано перевѣсили въ нихъ религиозныя. Но они вытекають изъ религіи грековъ, остаются все время въ связи съ нею и ярко характеризують ее.

Обыкновенно греческіе боги не представлялись ни жестокими, ни любящими жестокость. Правда, въ Греціи встрѣчаются указанія на человѣческія жертвы, и иногда боговъ представляли мстящими за оскорбленіе ихъ чести; но это не характеризуетъ религіи грековъ. Если мы сравнимъ ее съ другими современными религіями, насъ поразитъ въ ней отсутствіе жестокости. Боговъ Греціи никогда нельзя было почтить скорбью или самоистязаніемъ и едва ли даже самоотреченіемъ. Вѣрованія грековъ не составляли символовъ отказа и ограниченія. Почте-

ніе къ богамъ выражалось не скорбью, а удовольствіемъ, не уединеннымъ самобичеваніемъ, но обыкновенно шумнымъ общественнымъ весельемъ. Поэтому въ Греціи почти всѣ формы общественнаго богослуженія получали видъ народныхъ празднествъ. Всѣ театральныя представленія у грековъ считались религіозными церемоніями, и, какъ таковыя, легко могутъ найти себѣ мѣсто въ настоящей главѣ. Еще болѣе замѣтно, что великія гимнастическія празднества первоначально предназначены были для прославленія извѣстныхъ божествъ.

Важнѣйшимъ изъ этихъ празднествъ было олимпійское. Здѣсь нѣтъ необходимости искать прочнаго основанія для мѣстовъ, повѣствовавшихъ о первомъ его установленіи; для насъ достаточно взглянуть на то, чѣмъ оно было во время вполне историческое. Сценой для этого, несомнѣнно наиболѣе важнаго въ исторіи міра, атлетическаго празднества служили берега Алфея, наиболѣе значительной изъ рѣкъ Пелопоннеса, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ ея устья. Здѣсь горная система Аркадіи, по мѣрѣ своего приближенія къ морю, ниспадаетъ въ равнину. На берегахъ Алфея, съ трудомъ переходимаго въ бродъ лѣтомъ и бурно текущаго въ дождливое время года, находилось ровное мѣсто, вполне пригодное для атлетическихъ состязаній. Сюда разъ въ четыре года стекались со всѣхъ концовъ Греціи знаменитые атлеты. Точно опредѣлить время празднества представляется невозможнымъ, но оно падало, навѣрное, на конецъ іюня или начало іюля. Выборъ этого времени года представляется страннымъ, такъ какъ теперь въ долинѣ Алфея въ эти мѣсяцы стоятъ невыносимыя жары и большинство жителей пере-

Видъ Олимпіи (реконструкція).

Къ стр. 28.

[The page contains extremely faint and illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the document. The text is arranged in several columns and is mostly illegible due to low contrast and blurring.]

селяется въ горы. Правда, въ климатѣ могла произойти небольшая перемѣна, но выборъ времени года можно объяснить только неизвѣстными религіозными основаніями.

Первоначально празднество состояло изъ одного состязанія, бѣга пѣшеходовъ на 1800 футовъ. Номинально онъ всегда оставался главнымъ состязаніемъ, и празднество называлось по имени побѣдителя въ немъ. За первый годъ, когда происходило это состязаніе, принимался, несомнѣнно безъ особенна вѣскихъ основаній, 776 г. до Р. Х. Вскорѣ къ нему присоединился другой бѣгъ на вдвое большее разстояніе. Оба они происходили въ густой пыли греческаго лѣта; путь для нихъ не подготавлился. Затѣмъ быстро послѣдовали другія нововведенія. На 18-омъ празднествѣ введенъ былъ пентатль или пятерное состязаніе. Въ него входили бѣгъ, прыганье, метанье копья и «диска» и, наконецъ, борьба. Какъ именно присуждалась награда, мы не знаемъ; но побѣдитель долженъ былъ доказать свое превосходство въ большинствѣ состязаній. Затѣмъ послѣдовало введеніе кулачнаго боя, въ которомъ кулаки и руки бойцовъ были обернуты кожей и желѣзомъ. Онъ отличался всей грубостью современнаго боксерства и былъ еще опаснѣе его. Въ 680 г. были введены еще болѣе возбуждающія состязанія: бѣгъ на колесницахъ о четырехъ коняхъ и панкратій или смѣсь кулачнаго боя и борьбы, самое грубое изъ всѣхъ Олимпійскихъ состязаній, въ которомъ побѣда опредѣлялась невозможностью для одного изъ борцовъ продолжать борьбу. Наконецъ, остается упомянуть еще о введеніи въ 520 г. бѣга въ полномъ доспѣхѣ тяжело вооруженнаго воина.

Наиболѣе характерную черту этихъ греческихъ празднествъ составляетъ отсутствіе дикости и жестокости сравнительно съ развлеченіями другихъ народовъ, древнихъ и современныхъ. Безъ сомнѣнія, кулачный бой и панкратій были обыкновенно довольно грубыми состязаніями, не рѣдко стойкими жизни. Кулачные бойцы составляли братство или школу и переходили отъ состязанія къ состязанію. Они должны были обладать многими особенностями современныхъ боксеровъ, хотя жизнь греческаго бойца нѣсколько облагораживалась тѣмъ почетомъ, какой ему оказывали, и тотъ фактъ, что его побѣда доставляла славу его родинѣ, долженъ былъ возвышать его положеніе. Слѣдуетъ также признать, что съ теченіемъ времени простыя атлетическія состязанія утратили значеніе и что наибольшій восторгъ стали вызывать грубый кулачный бой и пышный бѣгъ на колесницахъ; послѣдній сдѣлался подъ конецъ самымъ важнымъ событіемъ праздника. Но, несмотря на всѣ эти соображенія, Олимпійскія игры, въ виду ихъ относительной человѣчности, въ виду распространенія ими среди грековъ драгоценнаго физическаго воспитанія, въ виду проявленія на нихъ увлеченія грековъ физической силой и красотой, даютъ намъ самое лучшее понятіе о глубинѣ и истинности ихъ цивилизаціи. Впрочемъ, въ составъ Олимпійскаго праздника никогда не входили никакія поэтическія или музыкальныя состязанія, подобныя тѣмъ, о которыхъ намъ вскорѣ придется упоминать въ другихъ случаяхъ. Тутъ были, правда, состязанія трубачей и глашатаевъ; но въ нихъ побѣду доставляла сила легкихъ, а не какой-нибудь музыкальный талантъ.

Но если мы представляемъ себѣ Олимпійскія игры только прославленнымъ атлетическимъ празднествомъ, то мы далеки отъ оцѣнки ихъ настоящаго значенія. Только здѣсь въ Греціи находимъ мы ясное сознаніе и дѣйствительное проявленіе единства Эллады и связей, соединявшихъ различныя государства. Никто не могъ выступить на Олимпійскихъ состязаніяхъ, не доказавъ своего чисто-эллинскаго происхожденія, и хотя трудно было опредѣлить чистоту крови, но самая необходимость подобнаго опредѣленія подтверждала существованіе особенностей, отдѣлявшихъ эллиновъ отъ остального міра. Непосредственной причиной политической и военной слабости Эллады служило отсутствіе такой власти, духовной или свѣтской, которая поддерживала бы сознаніе ея единства. Олимпійскія игры, очевидно, не могли сдѣлать этого. Атлетическія состязанія не могутъ служить рычагомъ достаточно сильнымъ для такой цѣли. Но они ближе подошли къ ней, чѣмъ всякое другое учрежденіе Эллады. Передъ празднествомъ провозглашалось священное перемиріе, подобное миру Божьему въ средніе вѣка. Всѣ враждебныя дѣйствія на время прекращались. Никто не могъ беспокоить странниковъ, шедшихъ въ Олимпію, подъ страхомъ всѣхъ тѣхъ каръ, которыя постигали святотатцевъ. Перемиріе это не было мертвымъ словомъ. Гордой Спартѣ пришлось заплатить тяжелый штрафъ за поднятіе оружія въ священный мѣсяцъ. Позднѣе самъ Филиппъ Македонскій долженъ былъ оправдываться по поводу обиды, нанесенной однимъ изъ его солдатъ путнику, шедшему въ Олимпію.

Далѣе, на игры собирались не только атлеты и люди, интересовавшіеся ихъ состязаніями. Онѣ слу-

жили также поводомъ къ большой ярмаркѣ, на которую сходились на равныхъ правахъ торговцы всѣхъ государствъ. Затѣмъ, сюда являлись для проявленія своихъ талантовъ и обмѣна идей художники, поэты и политики. Здѣсь ораторы Лисій и Горгій старались оживить въ позднѣйшихъ грекахъ общія стремленія. Біографіи политиковъ, философовъ и поэтовъ нерѣдко указываютъ на появленіе ихъ на великомъ національномъ празднествѣ.

Олимпійскія игры были главнымъ празднествомъ грековъ, но существовало еще три другихъ, доступныхъ для всей націи. Это были игры Пиеійскія въ Дельфахъ, Исемійскія близъ Коринеа и Немейскія въ долинѣ этого имени на полуостровѣ Арголидѣ. Эти игры не требуютъ отъ насъ особеннаго вниманія. Въ своихъ главныхъ чертахъ онѣ повторяютъ Олимпійское празднество, хотя, несомнѣнно, онѣ меньше посѣщались народомъ и оказывали меньше вліянія; однако, онѣ отличались отъ Олимпійскихъ тѣмъ, что на нихъ давались награды музыкантамъ и поэтамъ.

Побѣдителямъ на этихъ обще-эллиническихъ играхъ оказывались почти невѣроятныя почести. Среди греческихъ государствъ стремленіе къ отличію было настолько сильно, что цѣлый городъ считалъ себя прославленнымъ, когда имя его соединялось въ Олимпіи съ именемъ побѣдоноснаго атлета. Награды, получаемыя имъ, носили довольно существенный характеръ. Правда, собственно призомъ на четырехъ главныхъ празднествахъ служилъ только «тлѣнный вѣнокъ»: оливковый въ Олимпіи, лавровый въ Дельфахъ, сосновый на Исемѣ и плющевый въ Немеѣ. Даже на мелкихъ празднествахъ

призы большой цѣнностью не отличались; мы знаемъ только о серебряномъ кубкѣ, шерстяномъ плащѣ, мѣдномъ щитѣ и небольшой суммѣ денегъ. Но во всѣхъ крупныхъ состязаніяхъ побѣда приносила съ собой большія преимущества. По закону Солона побѣдитель въ Олимпіи получалъ значительную денежную сумму. Тотъ же обычай существовалъ и во многихъ другихъ государствахъ. Почти вездѣ побѣдитель пользовался свободой отъ податей, общественнымъ содержаніемъ, лучшимъ мѣстомъ въ театрѣ и различными другими преимуществами. Поэтому жизнь Олимпійскаго побѣдителя перешла въ пословицу для обозначенія величайшаго счастья, какое только возможно на землѣ. Но если мы желаемъ представить себѣ вполнѣ, какъ высоко цѣнилась побѣда на играхъ, намъ нужно только обратиться къ произведеніямъ Пиндара. Здѣсь мы находимъ великаго поэта пишущимъ оды въ честь побѣдителей на великихъ играхъ такимъ стилемъ, который напоминаетъ то Мильтона яркостью своихъ красокъ, то Исаію своимъ пророческимъ пыломъ. Правда, обыкновенно, посвятивъ нѣсколько словъ побѣдителю и состязанію, онъ начинаетъ говорить о богахъ и герояхъ, связанныхъ съ Дельфами и Олимпіей, Немеей и Коринѳомъ. Но для всей этой блестящей поэзіи непосредственной вдохновляющей причиной служила побѣда юноши въ бѣгѣ, или кулачнаго бойца въ панкратіи, или торжество крупнаго и богатаго вельможи по поводу побѣды въ бѣгѣ колесницъ. Трудно дѣлать извлеченія изъ одъ, въ которыхъ Пиндаръ воспѣваетъ «Олимпійскія игры, гдѣ состязаются въ быстротѣ ногъ и въ тѣлесной силѣ, презирающей трудъ, гдѣ побѣдитель за свою

побѣду пользуется въ теченіе всей своей дальнѣйшей жизни сладостнымъ покоемъ». Достаточно будетъ двухъ слѣдующихъ отрывковъ. Они, правда, не даютъ понятія о блескѣ этой поэзіи, но показываютъ, почти въ смѣшной формѣ, съ какимъ глубокимъ уваженіемъ относились греки къ физической доблести, проявлявшейся на играхъ. Здѣсь, въ 14-ой Олимпійской одѣ, Пиндаръ прославляетъ Асопиха изъ Орхомена, побѣдившаго въ бѣгѣ юношей на короткое разстояніе. «О вы, владѣтельницы Кефисскихъ водъ, жительницы страны добрыхъ коней, славныя царицы богатаго Орхомена, хариты, миніанъ древнихъ защитницы, услыште мое моленіе. Черезъ васъ получаютъ смертные все пріятное и сладостное, мудръ ли кто, прекрасенъ или славенъ... Я пришелъ воспѣть лидійскимъ размѣромъ и стихами Асопиха, доставившаго Миніи побѣду въ Олимпіи. Бѣги, Эхо, въ мрачное жилище Персефоны ¹⁾, неся отцу его славную вѣсть, и, увидѣвъ его, скажи, что сынъ его въ долинѣ знаменитой Писы увѣнчалъ свою юную главу вѣнкомъ славныхъ игръ». Въ 7-ой одѣ онъ воспѣваетъ хвалу Діагору, профессиональному бойцу. Сначала перечисляются его многочисленныя побѣды. «Ихъ цвѣтами Діагоръ былъ увѣнчанъ дважды; на славномъ Исемѣ онъ былъ счастливъ четырежды, въ Немеѣ два раза подъ рядъ и дважды въ скалистыхъ Аѳинахъ. И въ Аргосѣ мѣдннй щитъ познакомился съ нимъ, и произведенія Аркадіи и Фивъ, и ежегодныя игры въ Беотіи и Пелленѣ. Шесть разъ онъ побѣдилъ въ Эгинѣ, и въ Мегарахъ на каменномъ столбѣ не

¹⁾ Отецъ Асопиха уже умеръ, но и по смерти его сердце возрадовалось бы при вѣсти о побѣдѣ сына на играхъ.

иная рѣчь начертана. А ты, отецъ Зевсъ, господствующій на хребтахъ Атабирія, прославь гимнъ мой и Олимпійскаго побѣдителя, въ кулачномъ бою добывшаго себѣ славу, даруй ему почтительное уваженіе со стороны гражданъ и чужеземцевъ, такъ какъ онъ идетъ прямо по пути, враждебному наглости, хорошо зная то, что вѣщали правдивые умы благихъ предковъ».

Никогда больше, можемъ мы предсказать съ увѣренностью, кулачный боецъ не встрѣтитъ такой высокой поэтической похвалы.

4. МИСТЕРІИ.

Даже въ такомъ краткомъ очеркѣ, какъ настоящій, было бы странно говорить о религіи грековъ, вовсе не упоминая о мистеріяхъ.

Одно изъ самыхъ поразительныхъ различій между религіей грековъ и великими религіями древняго и средневѣковаго міра заключается въ отсутствіи чувства тайны и всякой попытки разрѣшить великія загадки человѣческой жизни. Иные опредѣляли религію, какъ чувство безконечности; для многихъ ея главное значеніе заключается въ томъ, что она даетъ отвѣты на вопросы о происхожденіи и цѣли человѣческой жизни. Если это опредѣленіе религіи вѣрно, то греческое язычество едва ли заслуживаетъ имени ея. Оно мало интересовалось таинственнымъ, исключая безконечной тайны міра. Народная религія заключала въ себѣ только самые неопредѣленные намеки на загробную жизнь, въ которой блѣдныя тѣни оплакивали полноту прежняго существованія. Это чувство тайны, эту попытку разрѣшить загадку жизни и представляли собой мистеріи.

Рядомъ съ Элевсинскими были въ Греціи и другія мистеріи, но первыя были настолько важнѣе всѣхъ прочихъ, что я могу говорить только о нихъ. Какъ показывается ихъ названіе, въ нихъ было много такого, что оставалось скрытымъ отъ современниковъ, и мы не въ состояніи раскрыть вполнѣ тайну, скрывавшую ихъ отъ внѣшняго міра. Но мы имѣемъ о нихъ довольно много свѣдѣній, собранныхъ изъ намековъ греческихъ писателей древнѣйшаго періода, и изъ болѣе ясныхъ указаній писателей позднѣйшихъ, изъ рисунковъ на вазахъ и на остаткахъ древнихъ памятниковъ и изъ нападокъ отцовъ Церкви, видѣвшихъ въ мистеріяхъ самаго опаснаго противника для своей вѣры. Если мы подходимъ къ тому, что намъ извѣстно, съ нашими теперешними чувствами и идеями, то оно представляется намъ маскарадной піесой, пошлой, глупой и часто непристойной. Я думаю, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что, если бы мы знали больше, это чувство только стало бы сильнѣе.

Но если мы подходимъ къ мистеріямъ съ нашими чувствами и идеями, мы не въ состояніи понять ихъ смысла и ихъ важности. Мы повторяемъ ошибку протестантизма, считавшаго почитаніе святыхъ и католическую мессу унижительнымъ суевѣріемъ только потому, что онъ пересталъ вѣрить въ ученія, лежавшія въ основѣ ихъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что во многихъ грекахъ мистеріи вызывали болѣе глубокія мысли о великихъ вопросахъ жизни, становились причиной благородныхъ поступковъ при жизни и бодрыхъ надеждъ при приближеніи смерти. До какой степени глубокое благочестіе и благоговѣніе, проникающія трагедіи

Эсхила, объясняются его близостью къ мистеріямъ (онъ родился въ Элевсинѣ), это доказывается признаніемъ древности и тѣмъ фактомъ, что онъ подвергался преслѣдованію за разоблаченіе тайнъ Элевсина въ своихъ драмахъ. Встрѣчающіеся не разъ у Пиндара благопріятные отзывы о загробной жизни можно отчасти приписывать вліянію мистерій. Когда Греція утратила свободу и въ язычество проникъ скептицизмъ, довѣріе къ нимъ не исчезло. Посвященный въ нихъ Цицеронъ утверждаетъ, что онѣ давали возможность человѣку «жить счастливо и умирать съ надеждой на лучшее».

Настоящее значеніе мистерій и заключается въ томъ, что онѣ внушали людямъ такіе благородные идеалы и высокія надежды. Пошлыя и отталкивающія подробности скорѣе мѣшаютъ, чѣмъ помогаютъ намъ понять какъ слѣдуетъ это; но нужно дать нѣкоторое понятіе и о нихъ. Элевсинъ, какъ уже замѣчено, былъ посвященъ служенію двумъ богинямъ, Деметрѣ матери и Персефонѣ дочери, въ которой мы видимъ олицетвореніе зерна. Одинъ изъ самыхъ прелестныхъ рассказовъ греческой мифологій передаетъ, какъ дочь была увлечена подъ землю, какъ опечалилась этимъ мать и какъ, наконецъ, дочь была ей возвраще на начастъ года. Очевидно, это — аллегорія посѣва сѣмени и появленія зерна; но ясно также, насколько легко и естественно можно было связать это со служеніемъ подземнымъ богамъ, какъ легко было сдѣлать смерть сѣмени и его воскресеніе къ новой жизни символомъ безсмертія. Вокругъ этого ядра и выросли мистеріи.

Элевсинскій храмъ былъ обширнѣе всѣхъ прочихъ въ Греціи и построенъ совсѣмъ по другому

плану. Онъ состоялъ изъ двухъ этажей и былъ приспособленъ не только для храненія священнаго изображенія божества, но и для приѣма большого стеченія народа. При храмѣ состояло большое число жрецовъ; главныя ихъ должности передавались въ извѣстныхъ духовныхъ фамиліяхъ. Принимающій санъ жреца, человѣкъ отказывался отъ своего свѣтскаго имени и съ этихъ поръ назывался только по имени занимаемой имъ должности. Мистеріи охранялись очень суровыми законами. Ихъ поруганіе наказывалось смертью. Алкивіаду было поставлено въ великую вину представленіе мистерій въ его частномъ домѣ.

Обряды Элевсинскихъ мистерій совершались разъ въ годъ во время посѣва зерна и продолжались девять дней. До времени Пелопоннесской войны посвященіе въ нихъ было доступно всѣмъ свободорожденнымъ аѣинянамъ, и въ нихъ были посвящаемы почти всѣ аѣинскіе граждане, мужчины и женщины. Отъ добывавшихся посвященія требовались извѣстныя обязательства. Они отказывались отъ извѣстной пищи, отъ мяса цыплятъ, отъ рыбы, бобовъ, гранатныхъ и простыхъ яблоковъ. Въ началѣ девяти обрядовыхъ дней они проходили по священной дорогѣ, длиною въ 18 верстъ, соединявшей Аѣины съ Элевсиномъ. У начала Элевсинской равнины находились соленые пруды, обладавшіе особой святостью, благодаря необъяснимому колебанію въ высотѣ ихъ воды. Сюда приходили люди, добывавшіеся посвященія, каждый съ поросенкомъ, омывались здѣсь и омывали поросятъ, которымъ предстояло вскорѣ быть принесенными въ жертву богинямъ. Затѣмъ въ послѣдующіе дни совершались жертвы и много

обрядовъ, о которыхъ въ частности мало извѣстно. Наконецъ, наступалъ день главнаго торжества.

Изъ Аѳинъ отправлялось большое шествіе, несшее священную статую Якха, сына Зевса и Деметры. Подобно средневѣковымъ мощамъ въ процессіи несли также священныя эмблемы скорби Деметры и ея поисковъ за дочерью. Переходъ въ 18 верстъ занималъ цѣлый день, такъ какъ на многихъ священныхъ мѣстахъ дѣлались остановки; въ самый полдень процессію сопровождали съ зажженными факелами. Такъ, наконецъ, доходила она до храма мистерій. Большая часть шествія оставалась у внѣшней ограды; дальше допускались только ожидавшіе посвященія, да и ихъ впускали въ храмъ не раньше ночи. Тогда допущенная, наконецъ, въ главную залу толпа въ торжественномъ молчаніи слушала и смотрѣла изображаемое передъ нею.

Что же это было такое? Въ подробностяхъ никто не можетъ сказать этого; но, на мой взглядъ, раскопки на мѣстѣ главнаго храма и указанія людей, обращавшихъ на вопросъ особенное вниманіе, ясно доказываютъ, что на высококомъ помостѣ въ концѣ зала зрители видѣли почти драматическое представленіе легенды о Деметрѣ и ея дочери. Тамъ были, говорятъ намъ, «гимны и священныя пляски, мимическія сцены и внезапныя появленія, сопровождаемыя торжественными возгласами и поучительными наставленіями жрецовъ». Съ посвященіемъ соединены были два зрѣлища: одно для желавшихъ получить только первую степень, другое для желавшихъ по истеченіи года полного посвященія. Оба они, очевидно, носили одинъ и тотъ же харак-

теръ: пантомимныхъ представленій изъ жизни Деметры, Персефоны и сына послѣдней Загрея. Они сопровождались всѣми драматическими приспособленіями: появленіемъ гигантскихъ фигуръ на сценѣ смѣной мрака сильнѣйшимъ свѣтомъ. Все это показалось бы теперь грубо суевѣрнымъ, смѣшнымъ и часто непристойнымъ. Но аѳинянинъ не смотрѣлъ на это нашими глазами, все равно какъ средневѣковый католикъ не смотрѣлъ глазами скептика-протестанта на возношеніе жертвы св. Даровъ. На благочестиваго грека зрѣлище посвященія производило, несомнѣнно, такое же возвышающее дѣйствіе, какъ на набожнаго католика возношеніе св. Даровъ среди кажденія ладаномъ, звона колоколовъ и блеска свѣчей.

Иные выносили изъ мистерій больше, чѣмъ простой подъемъ чувства. Повидимому, въ нихъ совсѣмъ отсутствовало догматическое наставленіе; но для многихъ поклонниковъ зрѣлище и пояснительныя замѣчанія жрецовъ ясно указывали на блаженство въ загробномъ мірѣ, и всѣ вѣрили, что посвященныхъ ожидаетъ тамъ масса благъ, не выпадающихъ на долю простыхъ смертныхъ. Объ этомъ блаженномъ будущемъ, общаемомъ Элевсинскими мистеріями, говоритъ Пиндаръ: «Добрые получаютъ при свѣтѣ солнца днемъ и ночью жизнь безъ труда; въ этомъ новомъ мірѣ они не беспокоятъ сильной рукою ни земли, ни водъ моря, но ведутъ безпечальную жизнь съ избранниками боговъ, находившими удовольствіе въ соблюденіи клятвъ, а прочіе терпятъ муки, слишкомъ жестокія, чтобы смотрѣть на нихъ».

Нѣсколько замѣчаній о вліяніи религіи на грековъ.

Когда разсматриваешь исторію грековъ въ ея отношеніи къ ихъ религіи и къ исторіи и религіямъ сосѣднихъ народовъ, то становится яснымъ, что слабость и безсистемность ихъ религіи больше содѣйствовали ихъ умственному, чѣмъ нравственному развитію. Во-первыхъ, человѣкообразность ихъ божествъ, отсутствіе общепризнанныхъ легендъ о нихъ и могущественнаго жречества, поддерживавшаго ихъ вліяніе, позволяли грекамъ легко пренебрегать ими, когда того требовала наука или философія. Совсѣмъ не то было у евреевъ. Казалось, ихъ религія въ извѣстномъ смыслѣ благопріятствовала росту науки. Она говорила имъ о всемогущемъ Божествѣ; казалось, отъ этого понятія легко было перейти къ признанію единства и всеобщности законовъ природы. Но, вѣроятно, понятіе объ Іеговѣ было слишкомъ поразительно, чтобы допускать размышленіе и критику. Въ Греціи было совсѣмъ другое. Когда грекъ молился, онъ, вмѣсто того чтобы съ покорнымъ смиреніемъ склоняться передъ божествомъ, смотрѣлъ ему въ лицо; такъ же смѣло относился онъ ко всему тому, что касалось божествъ. Поэтому научное движеніе появилось въ Греціи почти сразу и почти не подвергалось преслѣдованію. Одно изъ главныхъ правъ грековъ на благодарность потомства и составляетъ появленіе среди нихъ науки. Но есть также и другая сторона дѣла. Какъ свобода мысли является одною изъ лучшихъ особенностей греческой цивилизаціи, такъ ея величайшимъ зломъ служить нравственная распущенность. Этимъ я не

хочу сказать, что греки были особенно склонны къ разврату или безчестности: въ обоихъ отношеніяхъ ихъ открытая жизнь и характеръ, быть можетъ, привели къ нѣкоторымъ преувеличеніямъ. Но какъ въ ихъ политической жизни главнымъ недостаткомъ является слабость единства и связи, такъ въ ихъ нравственной жизни мы замѣчаемъ слабость стремленій и цѣлей, разсѣяніе жизненныхъ силъ. Настоящаго единства народа слѣдуетъ искать скорѣе въ общихъ убѣжденіяхъ и въ преданности общимъ цѣлямъ, чѣмъ въ какихъ-либо чисто-политическихъ связяхъ; греческому народу, очевидно, недоставало этихъ общихъ убѣжденій и цѣлей. Когда Платонъ въ своей *Полити*и описываетъ идеальное государство, очень многое въ его предложеніяхъ можетъ быть объяснено желаніемъ поддержать тѣ порывы, отсутствіе которыхъ представлялось ему пагубнымъ для демократическихъ Аѳинъ. Его основное учрежденіе представляетъ странное сходство съ устройствомъ средневѣковой Церкви. Нужно создать сословіе стражей, не связанныхъ семейными узами, такъ что они могутъ посвятить себя только защитѣ государства и требовать себѣ руководства надъ своими согражданами въ силу строгой нравственной дисциплины, глубокаго знакомства съ философіей и исключительной преданности государству. Если бы въ вѣкъ Платона было извѣстно понятіе Церкви, онъ едва ли преминулъ бы воспользоваться здѣсь этимъ словомъ.

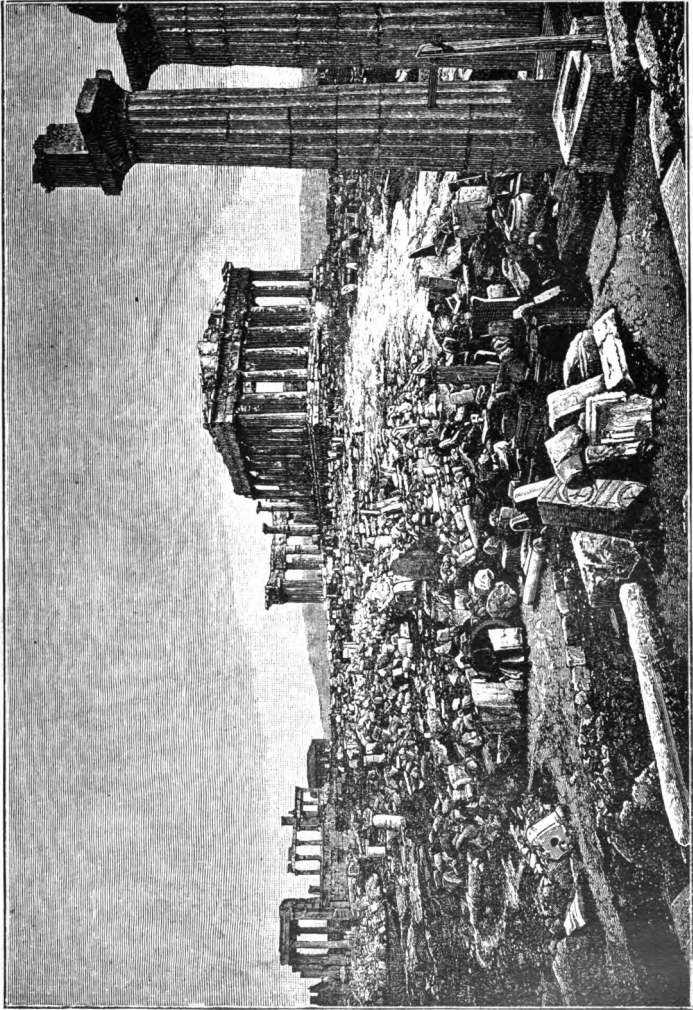
Но что касается нравственной анархіи среди грековъ, то мы должны заботливо избѣгать преувеличеній. Говоря словами г. Эрнеста Майерса, необходимо помнить, что для грековъ «жизнь далеко

не была только блестящей забавой или садомъ пріятныхъ зрѣлищъ и звуковъ, куда допускались красота и знаніе, но гдѣ забывалось и откуда изгонялось добро». Въ доказательство этого достаточно сослаться на то, что греками была создана нравственная философія и что они первые изъ народовъ Запада примѣнили разумъ и научное мышленіе къ упорядоченію дѣятельности человѣка.

ГЛАВА III.

СПАРТА.

Каждая городская община Греціи стремилась сохранить полную независимость, не признавая надъ собой ни верховенства, ни руководства другого государства. Но этотъ идеаль былъ недостижимъ. Самовозвеличеніе, составлявшее главную его основу, естественно искало себѣ удовлетворенія въ господствѣ надъ другими и не всегда безуспѣшно. Рядомъ съ географическимъ положеніемъ, политическое и духовное развитіе извѣстныхъ городовъ неизбѣжно ставило ихъ настолько выше другихъ, что при помощи частью принужденія, частью соглашенія они скоро пріобрѣтали себѣ главенство въ своихъ областяхъ. Для полнаго пониманія греческой исторіи необходимо ознакомиться нѣсколько съ исторіей и характеромъ большого числа этихъ выдающихся государствъ. Но въ такомъ краткомъ очеркѣ, какъ настоящая книжка, достаточно будетъ остановиться на немногихъ, наиболѣе важныхъ. Такими были Аѣины, Спарта, Аргосъ, Коринѣъ и Фивы. Аѣины будутъ всего болѣе занимать насъ въ слѣдующихъ главахъ и поэтому не найдутъ себѣ мѣста въ настоящей. Изъ остальныхъ четырехъ всего больше вниманія требуетъ отъ насъ Спарта. Соперничество ея съ Аѣинами и воздѣйствіе ихъ другъ на друга

Развалины Акрополя.

Из стр. 45.

представляются дѣйствительно однимъ изъ самыхъ сильныхъ двигателей во всей почти греческой исторіи. Поэтому мы и обратимся тотчасъ къ Спартѣ.

Положеніе и первоначальная исторія Спарты.

Есть у Фукидида одно буквально исполнившееся пророчество. «Предположимъ, что городъ Спарта разоренъ и отъ него остались только храмы и фундаменты построекъ; я думаю, отдаленнымъ вѣкамъ очень трудно было бы повѣрить тому, что ея могущество соответствовало ея славѣ... Городъ показался бы слишкомъ ничтожнымъ, такъ какъ части его не соединены вмѣстѣ, онъ не имѣетъ ни блестящихъ храмовъ, ни другихъ зданій и, по древнему обычаю Эллады, состоитъ изъ отдѣльныхъ поселеній. Напрогивъ, если бы та же участь постигла Аѣины, то, по наружному виду города, его можно было бы считать вдвое могущественнѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ» (I, 10). Съ теченіемъ времени и Спарту, и Аѣины постигло болѣе полное разрушеніе, чѣмъ о какомъ думалъ Фукидидъ. Но въ Аѣинахъ Акрополь все еще несетъ на себѣ развалины своихъ величественныхъ храмовъ, и весь городъ, на разстояніи 2300 лѣтъ, все еще полонъ остатками своего прежняго величія; между тѣмъ, до очень недавняго времени существовали нѣкоторыя сомнѣнія насчетъ того, гдѣ именно на берегахъ Эвроты стояла Спарта. Недавнія раскопки опредѣлили, правда, мѣстоположеніе города, но ихъ результаты ограничились почти только открытіемъ римскаго театра, гробницы и саркофага.

Пространство Греціи слишкомъ незначительно, чтобы въ ней могли протекать большія рѣки, и

бѣдность орошенія всегда служила въ ней важной помѣхой для земледѣлія. Поэтому существовавшія тамъ рѣки очень цѣнились, и рѣка Эвротъ несомнѣнно была первой причиной основанія города Спарты. Эвротъ течетъ съ горъ Аркадіи, сначала по узкому ущелью, а затѣмъ по расширяющейся равнинѣ, имѣющей 27 верстъ въ длину и 8 въ ширину. Этой рѣкѣ и обязана равнина своимъ плодородіемъ. Къ западу отъ Спарты возвышалась высокая горная масса Тайгета, высотой приблизительно въ 8000 футовъ; со всѣхъ сторонъ, кромѣ южной, въ Спарту вели горные проходы, и это позволяло ея гражданамъ хвалиться тѣмъ, что ихъ городъ не нуждается въ стѣнахъ или другой защитѣ, кромѣ оружія его гражданъ. Но спартанцы рано распространили свою власть далеко за предѣлы долины Эврота. Къ западу они въ рядѣ походовъ, относящихся ко времени разсвѣта исторіи, завладѣли Мессеніей, плодороднѣйшей равниной Греціи. На сѣверѣ они оттѣснили въ ихъ горныя твердыни аркадянъ и отняли у нихъ нѣсколько плодороднѣйшихъ долинъ. На востокъ ихъ аргосскіе родичи вынуждены были превосходствомъ ихъ оружія уступить имъ богатую полосу своей земли.

Было время, когда Пелопоннесъ не имѣлъ понятія объ этомъ храбромъ народѣ. Пѣсни Гомера не упоминаютъ о дорійскихъ поселенцахъ въ долинѣ Лакедемона. Въ это незапамятное время доряне жили на сѣверѣ Греціи, а самымъ могущественнымъ племенемъ Пелопоннеса были ахейцы. То немногое, чтò извѣстно намъ о рядѣ поколѣній, слѣдовавшихъ за Гомеромъ, позволяетъ намъ замѣтить крупныя перемѣны. Съ высотъ Фессаліи доряне пролагаютъ

себѣ путь къ югу, вѣроятно, черезъ Коринѣскій заливъ, въ Пелопоннесъ. Все отступало передъ ними, и это не только вслѣдствіе племенного превосходства пришельцевъ. Они, очевидно, были также сильнѣе оружіемъ. Ихъ битвы уже не тѣ беспорядочныя схватки гомеровскихъ поэмъ, въ которыхъ копье служило только метательнымъ оружіемъ. Теперь оно служить главнымъ оружіемъ; щитъ сталъ меньше и прикрѣпленъ къ рукѣ. У дорянъ утвердилась болѣе строгая дисциплина и болѣе совершенная выучка, и потому ахейцы Гомера, при всемъ богатствѣ ихъ цивилизаціи, замѣчательные остатки которой Шлиманъ нашелъ въ микенскихъ гробницахъ, отступаютъ передъ ними и почти исчезаютъ, и господствующимъ племенемъ Пелопоннеса становятся доряне, среди которыхъ всего сильнѣе спартанцы. Что спартанцы были чуждыми пришельцами, владѣвшими своими землями по праву сильнаго, этого никогда не забывали ни сами они, ни ихъ подданные. Этотъ фактъ окрашиваетъ и помогаетъ понять всю ихъ исторію и устройство.

Какъ только мы получаемъ возможность ознакомиться съ населеніемъ долины Эвроты, мы находимъ его не однороднымъ, а распадающимся на три совсѣмъ различные разряда. Первый изъ нихъ составляютъ собственно спартанцы, потомки первоначальныхъ дорійскихъ завоевателей, свободные и полноправные граждане Спарты; второй — періэки, «окружные жители», свободное населеніе страны, не пользовавшееся правомъ гражданства; наконецъ, третій — гелоты или крѣпостные.

Членами государства считались только свободорожденные спартанцы. Ихъ никогда не было больше

десяти тысячъ, а въ историческое время много меньше; но всѣ учрежденія страны имѣли въ виду однихъ ихъ. Прочіе разряды населенія были у нихъ въ полномъ подчиненіи. Въ настоящей главѣ мы преимущественно и имѣемъ дѣло со спартамцами, съ ихъ замѣчательнымъ общественнымъ воспитаніемъ и съ ихъ политическими учрежденіями, но больше съ ихъ воспитаніемъ, чѣмъ съ ихъ учрежденіями.

Общественное воспитаніе въ Спартѣ.

Отмѣтимъ сначала двѣ особенности спартанскаго государства: полное подчиненіе личности государству и исключительное преслѣдованіе военныхъ цѣлей. Первая уже была указана какъ черта, до извѣстной степени характеризующая всѣ греческія государства и, въ сущности, заключающаяся въ самомъ понятіи грековъ о государствѣ. Но нигдѣ это понятіе не было осуществлено съ такою полнотою, какъ въ Спартѣ. Слава и безопасность родины были для спартамца всѣмъ. Въ сравненіи съ этимъ всѣ другія привязанности или интересы отдѣльныхъ гражданъ вовсе не шли въ счетъ. По смерти Брасида его мать не пожелала слушать утѣшенія людей, говорившихъ ей, что у Спарты нѣтъ другихъ такихъ гражданъ. Матери эти слова могли понравиться, но спартамка должна была скорѣе надѣяться на то, что у ея родины много другихъ болѣе великихъ и доблестныхъ сыновъ. Всѣмъ извѣстенъ рассказъ о матери-спартамкѣ, приглашавшей своего сына вернуться со щитомъ или на щитѣ, т. е. побѣдителемъ или мертвымъ. Въ обоихъ разказахъ слѣдуетъ замѣтить, какъ патриотизмъ сокрушаетъ болѣе нѣжныя чувства. Еще болѣе характеризуетъ

Спарту полное поглощеніе гражданъ военными стремленіями. Мы уже указывали въ первой главѣ, что въ эту эпоху основой для всякой цивилизаціи служила война, что всѣ государства стремились къ военному могуществу, какъ къ своей высшей цѣли. Но въ то время какъ большинство другихъ государствъ увлекались по временамъ другими цѣлями, — напимѣръ, Аѣины, по крайней мѣрѣ, на дѣлѣ, еще больше, чѣмъ войной, занимались искусствомъ и наукой, Спарта никогда не переставала считать главнѣйшимъ дѣломъ войну. Солдатство было здѣсь высшимъ и даже единственнымъ проявленіемъ мужества. Искусство, наука, талантъ, привязанность восхвалялись только въ томъ случаѣ, если они прямо способствовали военному превосходству. Все государство, въ сущности, представляло собой вооруженный лагерь.

Для достиженія этого идеала вся жизнь спартанца отъ колыбели и до могилы была подчинена надзору государства и самой строгой дисциплинѣ. Для того, чтобы спартанецъ не могъ быть ничѣмъ инымъ, кромѣ солдата, ему не позволяли путешествовать изъ опасенія, что онъ заразится торговыми или художественными стремленіями другихъ племенъ. То же побужденіе заставило первоначально государство запретить своимъ гражданамъ пользованіе монетой, кромѣ такой тяжелой и неудобной, что она сильно стѣсняла операціи обмѣна и торговли. Говорятъ, одно время существовалъ законъ, объявлявшій уголовнымъ преступленіемъ обладаніе золотомъ и серебромъ. Правда, законъ этотъ или былъ скоро отмѣненъ, или никогда не примѣнялся, но онъ хорошо выясняетъ стремленія спартанскаго государства.

Храбрость спартанцевъ обрисуеться всего лучше, если мы прослѣдимъ съ нѣкоторою подробностью воспитаніе, дававшееся каждому изъ нихъ.

Это воспитаніе начиналось съ рожденія. Тотчасъ послѣ появленія ребенка на свѣтъ его навѣщали старѣйшины и удостовѣрялись, нѣтъ ли у него какихъ уродствъ или признаковъ болѣзненности. Въ такомъ случаѣ ребенку нельзя было позволить вырасти «слабымъ владѣльцемъ копья» или стать матерью дѣтей, которыя, пожалуй, унаслѣдуютъ ея слабость. Такого ребенка тотчасъ послѣ рожденія выбрасывали на полудорогѣ по склону горы Тайгета, и онъ умиралъ почти раньше того, какъ начиналъ жить. Такимъ простымъ способомъ спартанцы, дѣйствуя согласно обычаю, общему древнему міру, разрѣшали вопросъ объ избыткѣ населенія. Этотъ обычай языческаго міра, пожалуй, всего сильнѣе оскорбляетъ современное чувство, и уничтоженіе его было одной изъ великихъ услугъ ранняго христіанства. Во всякомъ случаѣ, спартанскій способъ разрѣшалъ задачу, на которую мы пока просто не обращаемъ вниманія. Если ребенокъ оказывался здоровымъ, его возвращали родителямъ, и семь лѣтъ онъ оставался на попеченіи своей матери, но не безусловно. Государство предписывало, чтобы его купали въ винѣ. Отъ взора государства не ускользали и его пеленки: онѣ не должны были быть ни настолько длинны, ни настолько тяжелы, чтобы мѣшать свободѣ движеній членовъ ребенка.

Семь лѣтъ мальчикъ переставалъ принадлежать своимъ родителямъ и становился сыномъ государства. До 30-тилѣтняго возраста онъ считался недостижимымъ еще зрѣлости, и всѣ эти годы жилъ

казарменной жизнью среди строгихъ ограниченій и подъ бдительнымъ надзоромъ. Волосы его стриглись наголо, и онъ ходилъ босикомъ и въ жаркое лѣто, и въ суровую зиму Эвротской долины. Его единственное платье не мѣнялось ни въ жаръ, ни въ холодъ. Его постель состояла изъ тростника съ береговъ Эвроты, нарваннаго имъ собственными руками. Впрочемъ, зимой допускалась и роскошь: «они могли, — говорить Плутархъ, — прибавлять къ своему тростнику траву, называемую ежевой ногой». Комментаторы не согласны, разумѣется ли подъ этимъ мохъ или чертополохъ. Во всякомъ случаѣ, для современнаго человѣка ихъ роскошь представится болѣе суровой, чѣмъ ихъ лишенія.

Они столовались вмѣстѣ въ казармахъ. Блюда подавались на отдѣльные столы, за каждымъ изъ которыхъ сидѣло по шести человѣкъ. Обѣдавшіе за каждымъ столомъ были друзьями, и при всякой вакансіи кандидатъ выбирался остальными. Обѣдавшіе за однимъ столомъ сражались въ бою бокъ о бокъ. Ихъ дружба усиливала позоръ трусости и славу успѣшнаго дѣйствія. Пища за этими столами была изъ самыхъ простыхъ, хотя и въ достаточномъ количествѣ. Но всѣхъ поощряли охотиться за дичью, которой много было на Тайгетѣ, и добыча прибавлялась къ обѣду. Болѣе сомнительно утвержденіе, будто мальчиковъ поощряли красть со столовъ старшихъ, подъ условіемъ, что въ случаѣ поимки они будутъ строго наказаны. Это не невозможно: подобный обычай вполне воспроизводитъ условія содержанія войска на войнѣ.

Во всемъ этомъ дисциплинарномъ періодѣ жизни есть нѣчто, напоминающее англійскую систему об-

щественной школы. Младшіе подчинялись руководству старших, которые, распоряжаясь, учились необходимости повиноваться. Черезъ всю описанную здѣсь жизнь проходила непрерывно военная выучка, а также постоянное упражненіе въ кулачномъ бою, борьбѣ и всякаго рода гимнастикѣ. Писавшій много позднѣе, Плутархъ говоритъ намъ объ обычаяхъ, удержавшемся вплоть до его времени. Разъ въ жизни мальчиковъ сѣкли у алтаря Артемиды Ореи не за какой-либо проступокъ, а съ цѣлью пріучить ихъ къ терпѣнію. «Я самъ, — говоритъ Плутархъ, — видѣлъ, какъ многіе изъ нихъ умирали подъ розгами у алтаря».

Характеръ всего воспитанія вполне ясенъ. «Выказывать смѣлый и воинственный духъ, переносить неподвижно величайшее физическое мученіе, терпѣть голодъ, холодъ и усталость, ходить босымъ по самой жесткой землѣ, носить зимой и лѣтомъ одну и ту же одежду, подавлять внѣшнія проявленія чувства и выказывать передъ публикой, когда не требовалось дѣйствовать, скромность, молчаливость и неподвижность статуи, — таковы были достоинства воспитаннаго спартанскаго юноши». Такими словами характеризуетъ Гротъ идеаль молодого спартанца. Онъ долженъ представляться намъ жизнью страшно и отталкивающе суровой, въ которой терялась изъ виду самая цѣль существованія, и онъ дѣйствительно былъ такимъ. Но онъ далеко не былъ лишенъ своихъ наградъ и утѣшеній. Читая Плутархову жизнь Ликурга, гдѣ лучше всего отражается спартанская жизнь, мы по временамъ чувствуемъ вѣяніе того веселья, которое оживляло эту сильную жизнь, веселья охоты на склонахъ горъ,

веселья казарменныхъ празднествъ, на которыхъ веселыя пѣсни провозглашали преданность гражданина государству. Здѣсь была также высокая и строгая радость, вызываемая сознательнымъ отреченіемъ отъ всякихъ личныхъ стремленій и посвященіемъ себя общимъ цѣлямъ.

Тридцати лѣтъ спартанецъ достигалъ зрѣлости, но вовсе не полной личной свободы. Теперь спартанецъ уже не жилъ исключительно въ казармѣ и могъ, наконецъ, ознакомиться съ семейной жизнью. Семейная жизнь прямо предписывалась ему. «Въ Спартѣ,—говоритъ Плутархъ,—полагались наказанія за безбрачіе, за поздній бракъ, за бракъ неумѣстный; подъ послѣднимъ въ частности они разумѣли тотъ случай, когда мужчины искали богатыхъ невѣстъ, не довольствуясь хорошими дѣвушками среди своихъ родственницъ». Разъ въ годъ всѣ холостяки старше извѣстнаго возраста вызывались на большую площадь, составляли шествіе и шли по городу, въ то время какъ женщины и мальчики распѣвали пѣсни, осмѣивавшія ихъ положеніе. Намъ не извѣстно, каково было дѣйствіе этого обычая на заключеніе браковъ.

Хотя послѣ тридцати лѣтъ семейная жизнь и была возможна для спартанца, но онъ все еще былъ солдатомъ сначала и мужемъ или отцомъ потомъ. Его все еще обучали, осматривали и дисциплинировали; все это носило такой суровый характеръ, что для насъ вполне понятно, почему спартанцы радовались объявленію войны. Въ военное время вмѣсто усиленія строгостей дисциплины происходило ихъ ослабленіе, и потому войну можно было считать своего рода праздникомъ.

Нигдѣ въ Греціи женщины не занимали положенія лучшаго, чѣмъ въ Спартѣ, болѣе открытаго, свободнаго и вліятельнаго. У хорошихъ солдатъ должны быть здоровыя матери, и потому государство обращало вниманіе на физическое развитіе женщинъ. У нихъ было свое собственное гимнастическое воспитаніе, состоявшее «въ бѣгѣ, прыганьи и метаніи диска и копья». Какъ и въ древнемъ Римѣ, въ Спартѣ вполнѣ признавали способность женщинъ возбуждать въ мужчинахъ воинскій пылъ. Спартанскихъ женщинъ никогда не держали, подобно ихъ аѣинскимъ сестрамъ, въ почти восточной замкнутости. Онѣ свободно вращались среди мужчинъ, открыто и безъ покрывала показывались на улицахъ, наравнѣ съ мужчинами участвовали въ празднествахъ. Все это возмущало предразсудки аѣинянъ, но, вѣроятно, содѣйствовало усиленію государства, хотя впоследствии, говорятъ, характеръ спартанскихъ женщинъ измѣнился къ худшему и онѣ часто оказывали пагубное вліяніе. Выказывавшееся къ нимъ уваженіе придавало Спартѣ ту почти римскую сплоченность, которой недоставало Аѣинамъ. Онѣ раздѣляли бѣдствія государства: ненарушимое правило запрещало всѣмъ женщинамъ послѣ битвы оплакивать погибшихъ для того, чтобы мужчины не стали считать зломъ смерть въ бою за отечество.

Политическія учрежденія Спарты.

Въ сравненіи съ общественнымъ воспитаніемъ устройство Спарты не представляетъ интереса и важности и потому можетъ быть разсмотрѣно здѣсь вкратцѣ. Но оно не лишено поразительныхъ чертъ

и, подобно общественному воспитанію, обнаруживаетъ характеръ спартанскаго государства,—этой арміи, расположенной лагеремъ среди враговъ, что дѣлало необходимымъ сохраненіе военной суровости.

Если считать гомеровскія поэмы за нѣкоторое отраженіе современной поэту цивилизаціи, то можно предполагать, что въ эту неопредѣленно древнюю эпоху всѣ государства Греціи были монархіями. Монархъ занималъ свое мѣсто не только въ силу наслѣдственности, но и по праву наилучшаго, выражавшемуся въ физической силѣ или военномъ искусствѣ. Его окружалъ совѣтъ старѣйшинъ, подававшій совѣты, а иногда и руководившій имъ. Передъ разрѣшеніемъ важныхъ вопросовъ, напримѣръ, о мирѣ или войнѣ, обыкновенно созывалось собраніе всѣхъ гражданъ, принимавшее или отвергавшее безъ преній предложенія царя и старѣйшинъ. Если таково было первоначальное устройство Греціи, какъ заставляютъ насъ думать и другіе источники, помимо гомеровскихъ поэмъ, то ни одно государство не уклонилось отъ него такъ мало, какъ Спарта. Этого мы и должны были ожидать, такъ какъ вся ея исторія проникнута духомъ строжайшаго консерватизма. Во всѣхъ почти другихъ государствахъ Греціи монархія исчезла. Въ Спартѣ она сохранилась, но была раздвоена: здѣсь былъ не одинъ царь, а два. Это установленіе не находитъ себѣ вполнѣ подобнаго въ политической исторіи Европы. Для насъ не особенно важно оцѣнивать сравнительно доводы въ пользу различныхъ теорій, выдвинутыхъ для объясненія этой двойственности. Явилась ли она вслѣдствіе доисторическаго смѣ-

шенія различныхъ племенъ, или соперничества двухъ фамилій, или случайнаго рожденія, или хитрости аристократіи, — для насъ достаточно того, что двѣ фамиліи постоянно поставляли государству по царю. Слѣдствіе этой системы, каково бы ни было ея происхожденіе, очевидно: она подрывала могущество монархіи. Подъ вліяніемъ своего положенія, цари постоянно являлись ревнивыми соперниками, и такъ какъ они обладали равной властью, то монархія находилась въ постоянномъ бездѣйствіи, которымъ другія власти общины пользовались въ своихъ выгодахъ. Цари были религіозными представителями государства и номинальными, а иногда и дѣйствительными, вождями войска. Но, въ сущности, они имѣли въ государствѣ гораздо меньше власти, чѣмъ эфоры, о которыхъ рѣчь впереди. Ничто не обнаруживаетъ въ такой степени простоты спартанскаго государства, какъ тѣ преимущества, какими пользовались цари. На общественныхъ празднествахъ имъ предлагались двойныя порціи кушаній; они могли и не присутствовать на пиру, но въ такомъ случаѣ имъ посылалась только половина ихъ доли.

За ними слѣдовалъ совѣтъ старѣйшинъ. Онъ состоялъ изъ 28 членовъ, старше 60 лѣтъ, избравшихся народомъ пожизненно. Цари были его непремѣнными членами. Обязанности этого совѣта заключались въ подготовкѣ всѣхъ мѣръ, предлагавшихся народу, и въ судѣ по уголовнымъ преступленіямъ. За совѣтомъ слѣдовало народное собраніе, въ которое входили всѣ чистокровные граждане, получившіе обычное воспитаніе. Оно непремѣнно созывалось разъ въ мѣсяць, а въ другое время — по

усмотрѣнію эфоровъ или царей. Въ его рукахъ находилось избраніе всѣхъ сановниковъ. Его окончательному рѣшенію подлежали всѣ важныя дѣла, особенно вопросы о войнѣ и мирѣ, но въ немъ не допускалось преній. Мы не можемъ считать его большой силой, но по его рѣшенію была начата пелопоннеская война, великая трагедія Греціи.

До сихъ поръ въ спартанскомъ устройствѣ мы не замѣчаемъ силы. Мы видимъ монархію едва ли болѣе сильную, чѣмъ британскую, сенатъ, не рѣшавшій ничего окончательно, народное собраніе, созваніе котораго зависѣло отъ совѣта и которое не имѣло права обсуждать дѣла. Такой движущей силы недостаточно для любого государства, тѣмъ болѣе для такой воинственной державы, какою была Спарта. Этой необходимой движущей силой являлся эфоратъ, настоящее правительство Спарты и самое поразительное изъ ея учрежденій. Исторія показываетъ, что нельзя вести успешно воинственной политики, если настоящее руководство государствомъ находится въ рукахъ парламента, сената или совѣщательнаго собранія. Для войны прежде всего необходимо, чтобы исполнительная власть могла дѣйствовать быстро и тайно. Поэтому всѣмъ свободнымъ устройствамъ приходилось, подъ давленіемъ крупной войны, накидывать на лицо свободы покрывало. Въ Спартѣ эту необходимую тайну и быстроту доставлялъ государству эфоратъ.

Ежегодно народъ выбиралъ пять гражданъ, называвшихся эфорами; въ ихъ руки отдавалась на годъ полная и безотвѣтственная власть. Трудно было бы понять эту передачу власти всей массею

народа пяти согражданамъ, если бы мы не припомнили положенія спартанскаго государства, окруженнаго населеніемъ, враждебности котораго оно и не старалось устранить. У этихъ эфоровъ цари были въ полномъ подчиненіи. При приближеніи эфоровъ они должны были вставать. Ежегодно цари приносили присягу соблюдать законы, а затѣмъ эфоры обѣщали поддерживать ихъ власть. Эфорамъ дозволялось штрафовать и арестовывать царей, и они пользовались своей властью даже противъ могущественнаго Агесилая. Хотя номинально цари были вождами войска, но эфоры сопровождали ихъ во все походы, слѣдили за ними, останавливали ихъ и доносили домой властямъ обо всемъ, что считали похожимъ на неспособность или измѣну. Въ ихъ рукахъ находились все сношенія Спарты съ иноземными державами. На ихъ плечахъ лежала отвѣтственность за внутреннее спокойствіе. Въ ихъ завѣдываніи находилась тайная полиція, державшая въ страхѣ массы враждебнаго населенія.

Оглядываясь назадъ на это устройство, мы видимъ, что Спарта является демократіей въ современномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ рѣшающая власть принадлежала въ ней всемъ гражданамъ. Но въ Греціи подъ демократіей разумѣли нѣчто большее, а именно — прямое примѣненіе власти самимъ народомъ, а не избранными имъ сановниками. Поэтому Спарту всегда называли олигархіей, такъ какъ наследственность царской власти, пожизненность должностей совѣтниковъ и неограниченность власти эфоровъ стѣсняли власть народа и противорѣчили идеалу демократіи.

Подчиненное населеніе Спарты.

Собственно спартанцы составляли самую важную часть населенія государства, но по численности они были незначительнымъ меньшинствомъ. По численности ихъ превосходили и періэки, и гелоты. Первые составляли свободное населеніе страны, не имѣвшее полныхъ правъ гражданства. Они были потомками тѣхъ древнихъ владѣтелей Лакедемона, которые были покорены спартанцами. Они удержали личную свободу, но не имѣли права участвовать въ управленіи государствомъ. Въ точности число ихъ, конечно, неизвѣстно, но, вѣроятно, они были почти втрое многочисленнѣе самихъ спартанцевъ. Въ ихъ рукахъ находилась большая часть торговли Спарты. Они выдѣлывали извѣстное количество желѣзныхъ и шерстяныхъ издѣлій. Они платили спартанцамъ подати, служили на войнѣ въ качествѣ тяжеловооруженныхъ и часто терпѣли притѣсненія отъ своихъ правителей. При обыкновенныхъ условіяхъ они, повидимому, вели свободную, спокойную и дѣятельную жизнь, но не пользовались тѣми правами гражданства, безъ которыхъ для настоящаго грека жизнь была невозможна. Они возмущались своимъ положеніемъ, но мы почти не слышимъ объ ихъ возстаніяхъ, такъ какъ имъ, наравнѣ со спартанцами, постоянно угрожалъ чрезвычайно недовольный и страшно опасный классъ гелотовъ.

На первый взглядъ для сильнаго недовольства этихъ гелотовъ не представляется достаточнаго основанія. Въ сущности, они были поставлены лучше большинства ремесленниковъ Греціи. Они

не были рабами, и ихъ нельзя было ни покупать, ни продавать. Экономически они очень походили на средневѣковыхъ крѣпостныхъ. Они обрабатывали землю и были прикрѣплены къ ней. Изъ произведеній земли они отдавали извѣстную большую часть своимъ господамъ, но остальное было ихъ собственностью. Поэтому они имѣли возможность накоплять нѣкоторыя деньги. Ихъ браки считались законными, и семейная жизнь, вѣроятно, была для нихъ возможнѣе, чѣмъ для ихъ господъ — спартанцевъ. Имъ была доступна религія государства. По понятіямъ того времени, ихъ положеніе не представлялось ни несправедливымъ, ни невыносимымъ, и, однако, ни одинъ классъ населенія въ Греціи не возмущался такъ своимъ положеніемъ какъ гелоты.

Ихъ особенно раздражало и мучило ихъ положеніе на перепутьи отъ свободы къ рабству. Они, можетъ быть, сохранили нѣкоторое воспоминаніе о томъ времени, когда они были свободными, и смотрѣли на спартанцевъ, какъ на своихъ грабителей. Сверхъ того, въ спартанскомъ характерѣ была извѣстная грубость и жестокость, дѣлавшая невыносимыми даже простыя отношенія съ ними, все равно какъ аэнианъ отличала веселость и справедливость, дѣлавшая ихъ рабовъ самыми довольными людьми, какихъ только можно было найти въ Греціи.

Притомъ въ жизни гелотовъ были возможны очень непріятныя случайности, вполне объясняющія ихъ недовольство. Намъ нечего придавать особенное значеніе такимъ страннымъ подробностямъ въ рассказѣ Плутарха, какъ указаніе на обычай спартанцевъ публично напаивать гелотовъ, чтобы они

своимъ примѣромъ предостерегали отъ пьянства юношей. Болѣе важно указать на существованіе направленной противъ нихъ системы тайной полиціи (криптiа). Въ началѣ каждаго года противъ нихъ объявлялась война, и избіеніе ихъ не считалось преступленіемъ передъ государствомъ. Ежегодно извѣстное число молодыхъ людей подъ руководствомъ эфоровъ образовывали тайную полицію. Ихъ обязанностью было отправляться въ сельскіе округа и выслѣживать проявленіе недовольства или мятежныхъ замысловъ, которые могли таиться тамъ, и, если оказывалось, что иные гелоты питаютъ замыслы, противные интересамъ государства, ихъ тотчасъ безъ всякаго суда предавали смерти. Одинъ случай, происшедшій въ восьмой годъ пелопоннеской войны, не позволяетъ намъ думать, что система тайнаго надзора была простой угрозой. Въ этой страшной борьбѣ спартанцы были принуждены дать гелотамъ не только легкое вооруженіе, съ которымъ они обыкновенно сопровождали своихъ господъ на войну, но и полныя доспѣхи гоплита. Давать такое оружіе въ руки враждебнаго населенія было, очевидно, очень опасно, и эту опасность нужно было предупредить. Какъ ее предупредили, это расскажетъ намъ Фукидидъ. «Они объявили, что будутъ отобраны тѣ гелоты, которые утверждали, что они оказали наилучшія услуги лакедемонянамъ на войнѣ, и обѣщали имъ свободу. Это объявленіе имѣло цѣлью испытать гелотовъ; спартанцы думали, что тѣ изъ нихъ, которые всего настойчивѣе будутъ требовать себѣ свободы, окажутся самыми смѣлыми и способными возстать противъ своихъ господъ. Такъ! они отобрали около 2000 гелотовъ, которые

были увѣнчаны вѣнками и съ торжествомъ обошли храмы; ихъ сочли получившими свободу, но, спустя немного времени, спартанцы устранили всѣхъ ихъ, и никто не зналъ, какъ погибъ каждый изъ нихъ» (IV, 80).

Результаты спартанской системы.

Намъ остается только рассмотреть вліяніе всей этой системы на спартанское государство.

1. Она доставила спартанцамъ громадный военный успѣхъ. Никто не оспаривалъ ихъ притязанія считаться лучшими воинами Греціи. Хотя греки и не были трусливымъ народомъ, какимъ неправильно ихъ изображали, хотя они совершили много военныхъ подвиговъ, но они, несомнѣнно, не проявили особенныхъ военныхъ талантовъ. Ихъ, конечно, нечего и сравнивать съ Римомъ, величайшимъ военнымъ государствомъ всѣхъ временъ; но они, очевидно, не обладали и природнымъ мужествомъ македонянъ и не проявили хладнокровія и упорства многихъ современныхъ народовъ. Главнымъ ихъ недостаткомъ на войнѣ была склонность къ паникѣ, которую изъ всѣхъ грековъ удалось преодолѣть однимъ спартанцамъ: не упоминается ни одного случая ихъ безпорядочнаго бѣгства. Скорѣе, чѣмъ опозорить имя спартанцевъ, они остались при Фермопилахъ на вѣрную смерть. Когда, наконецъ, въ 371 г., пробилъ часъ ихъ гибели и битвы при Левктрахъ и Мантиней раз навсегда разрушили ихъ притязанія на непобѣдимость, они были побѣждены новой тактикой, а не превосходствомъ физической храбрости со стороны непріятеля или недостаткомъ мужества съ ихъ собственной стороны.

Они были превосходными воинами, но никогда не выказывали того военного и организаторскаго таланта, который отличает римлянъ. Они никогда не соглашались открыть ряды гражданъ для побѣжденныхъ народовъ. Среди нихъ не было даже великихъ полководцевъ. Въ развитіи военнаго искусства, приводящемъ къ Александру Великому, аѳиняне и беотійцы принимали большее участіе, чѣмъ спартанцы.

2. Воспитывая съ такимъ успѣхомъ воина, Спарта пренебрегала человѣкомъ. У ней нѣтъ такихъ знаменитостей, какъ у Аѳинъ, или даже у Фивъ, или у Аргоса. Она не произвела ни философовъ, ни художниковъ, ни изобрѣтателей, ни поэтовъ. Никто не въ состояніи отрицать за спартанцами извѣстнаго величія характера, которое, во всякомъ случаѣ, является высшимъ продуктомъ государства; но умъ и воображеніе не находили себѣ у нихъ пищи. Строй ихъ допускалъ воинственную поэзію, и они понимали и цѣнили способность музыки возбуждать мужество и духъ смѣлости; но Спарта не создала ни одного произведенія ума или фантазій, съ гибелью котораго трудно было бы помириться міру. Правда, въ древности прославляли ихъ остроуміе. Ничто не утрачиваетъ такъ скоро своего аромата, какъ остроуміе, и мы поэтому не можемъ чувствовать всей прелести шутокъ, считающихъ за собой 2500 лѣтъ. Многія изъ приписываемыхъ спартанцамъ мудрыхъ изреченій представляются только простыми грубостями. На вопросъ человѣка: «Кто всѣхъ лучше въ Спартѣ?» — шутникъ-спартанецъ отвѣчаетъ: «Тотъ, кто всего меньше подходитъ на тебя». Аѳинянинъ упрекалъ спартанца въ

невѣжествѣ и получилъ въ отвѣтъ: «Мы точно невѣжественны, такъ какъ одни изъ грековъ не научились отъ васъ ничему дурному». Иногда въ ихъ остроуміи замѣтна глубокая проникающая способность. Говорятъ, когда Ликурга спросили, почему онъ не установилъ въ Спартѣ демократіи, онъ сказалъ: «Установите сначала демократію въ вашемъ домѣ». Когда спартанца спросили, какъ всего лучше подготовиться къ оборонѣ, онъ отвѣтилъ: «Оставаясь бѣднымъ и не стремясь быть выше другихъ». Иногда ихъ изреченія дышатъ настоящимъ героизмомъ; такъ, когда при Фермопилахъ спартанцу сказали, будто персы стрѣляютъ такъ часто, что ихъ стрѣлы затмеваютъ солнце, онъ отвѣтилъ, что предпочитаетъ сражаться въ тѣни. Въ другой разъ, когда встрѣченный спросилъ атлета, который шелъ съ состязанія покрытый пылью и кровью, но побѣдителемъ,—чего онъ добился всѣми этими усиліями, тотъ отвѣтилъ: «Права сражаться въ самой чащѣ боя». Но въ цѣломъ мы не можемъ ставить остроуміе спартанцевъ особенно высоко. Остроты, несомнѣнно, какъ и книги имѣютъ свою судьбу, и, можетъ быть, до насъ дошли не самыя лучшія изъ нихъ; но среди дошедшихъ, навѣрное, не много такихъ, которыя зависятъ скорѣе отъ ума, чѣмъ отъ характера.

3. Но въ Греціи ни друзья, ни враги не отрицали величія Спарты. Всѣ смотрѣли съ удивленіемъ на ея военные успѣхи, на прочность ея общественнаго и политическаго порядка. Въ другихъ государствахъ Греціи политическое устройство мѣнялось съ головокружительной быстротой, а Спарта, по видимому, оставалась неподвижной съ самаго разсвѣта исторіи вплоть до роковаго 370 года до Р. Х.,

когда, наконецъ, сторожевые огни непріятеля отразились въ водахъ Эврата. «Спарта, — говоритъ Плутархъ, — въ теченіе пятисотъ лѣтъ всего болѣе славилась въ Греціи хорошимъ внутреннимъ управленіемъ и внѣшними успѣхами». Первенство ея настолько признавалось всеми, что послужило основой для совокупнаго сопротивленія грековъ Персіи и, одно время казалось, могло дѣйствительно объединить Грецію.

XVIII вѣкъ раздѣлялъ это преклоненіе грековъ передъ Спартой. Людямъ, пресыщеннымъ роскошью и распушенностью Франціи, Спарта представлялась образцомъ простоты и строгой нравственности и въ то же время доказательствомъ того, что можетъ дать народу руководство государства. Она приводилась въ доказательство той мысли, что при помощи законовъ можно сдѣлать народъ чѣмъ угодно. Выдающаяся героиня революціи плакала при мысли, что она родилась не въ Спартѣ. Наши современники едва ли могутъ раздѣлять это преклоненіе. Мы почти всецѣмъ вышли изъ военнаго быта и уже не считаемъ солдатство идеаломъ мужества. Если судить о государствѣ по сдѣланному имъ для развитія человѣческаго рода, какъ незначителенъ нашъ долгъ Спартѣ сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ мы обязаны Аѳинамъ! Но Спарта представляла въ Греціи крупную нравственную силу и вѣчный протестъ противъ той нравственной анархіи, которая была всего опаснѣе для грековъ. Сосредоточеніе силы, строгость жизни, готовность жертвовать собой ради высшаго тогда идеала, постоянно проявлявшіяся спартанцами, всегда будутъ вызывать извѣстное восхищеніе.

А р г о с ь.

По общему признанію почти всѣхъ государствъ, Спарта занимала въ Элладѣ первое мѣсто. Но у ней былъ сосѣдъ, упорно отказывавшійся признать его за нею. Этимъ сосѣдомъ былъ Аргосъ. Въ Греціи не было равнины болѣе богатой историческими воспоминаніями, чѣмъ та, на которой былъ расположенъ Аргосъ. Здѣсь поэмы Гомера помѣщали главные города Греціи. Тамъ были «золотыя» Микены и «крѣпкостѣнный» Тиринъ, доставившіе нѣсколько лѣтъ назадъ такіе чудесные результаты раскопкамъ д-ра Шлимана. Со времени Гомера все измѣнилось. Дорійское вторженіе измѣнило всю карту Эллады. Аргосъ, какъ и Спарта, былъ во власти потомковъ дорійскихъ завоевателей. Золото Микенъ исчезло, стѣны Тиринеа сохранились только въ видѣ курьеза. Но какъ ни чуждо было новое племя поколѣнію гомеровскихъ героевъ, Аргосъ приобрѣлъ нѣкоторую извѣстность благодаря тому, что близко отъ него находились Микены, столица Агамемнона, «пастыря людей». Но Аргосъ, въ доказательство своего первенства, могъ сослаться и на многое иное, кромѣ поэтическихъ легендъ и историческихъ памятниковъ. Онъ былъ многолюднымъ и здоровымъ городомъ; возвышавшаяся за нимъ гора составляла отлично укрѣпленный кремль; равнина, теперь столь пустынная и безводная, считалась тогда одною изъ самыхъ плодородныхъ въ Греціи. У Аргоса было великое прошлое. Онъ могъ указать на царя Фидона, время котораго мы можемъ приблизительно отнести къ 750 г. до Р. Х. и который даровалъ грекамъ систему монеты, вѣса и мѣры и организовалъ госу-

дарство. Достигнувъ высокой степени вліянія, Аргось дѣйствительно былъ тогда для Спарты опаснымъ соперникомъ, и это соперничество нашло себѣ выраженіе въ войнѣ, гдѣ превосходство спартанской дисциплины сказалось со страшною силой. Спартанскій царь Клеоменъ вторгнулся въ равнину Арголиды (520 г.?). Самъ Аргось уцѣлѣлъ, но его войска были разбиты, равнина опустошена, и онъ долженъ былъ на время допустить обращеніе Тиринеа въ отдѣльную городскую общину, бывшую въ рукахъ возставшихъ противъ него рабовъ. Здѣсь невозможно слѣдить за подробностями его исторіи. Но захватъ Спартой его области оставилъ рану открытой. Во время борьбы съ персами Аргось не принималъ участія въ оборонѣ Эллады изъ нежеланія подчиняться Спартѣ. Послѣ персидской войны онъ быстро ожилъ и снова подчинилъ себѣ всю равнину Арголиды. Но Спарта все еще была много сильнѣе его, и упорная вражда между ними составляетъ одинъ изъ постоянныхъ факторовъ международной политики грековъ.

К о р и н е ъ .

Коринеъ стоялъ тамъ, гдѣ горы Пелопоннеса спускались въ равнину, но равнина еще не поднималась въ горныя массы Гераніи. Онъ также игралъ важную роль въ греческой исторіи, какъ разъ въ самомъ началѣ ея. У него были гавани и на востокъ, и на западъ отъ Исема и существовало приспособленіе, нѣчто вродѣ рельсоваго пути, для переволакиванія судовъ черезъ перешеекъ, позволявшее имъ избѣгать опаснаго плаванія вокругъ мыса Матапанъ. Коринеъ могъ вести торговлю на

западѣ такъ же, какъ и на востокѣ, въ то время какъ большинство гаваней Греціи открывалось только на востокъ. И Коринѣ въполнѣ воспользовался своими мѣстными удобствами. Отъ него исходили всѣ первоначальныя усовершенствованія въ кораблестроеніи. Имъ была изобрѣтена тріера, судно, движимое тремя рядами весель. Раньше торговыхъ успѣховъ Аѣинъ, о которыхъ будетъ рѣчь въ одной изъ слѣдующихъ главъ, Коринѣ велъ болѣе обширную и прибыльную торговлю, чѣмъ какое другое государство средней Греціи. Его колоніи можно было встрѣтить во всѣхъ областяхъ эллинскаго міра. Главными изъ нихъ были Сиракузы, большой островъ Корцира (Корфу) и городъ Эпидамнъ на противоположащемъ материкѣ. Повидимому, ни одно греческое государство не достигало такъ быстро роскошной цивилизаціи; нигдѣ число рабовъ не было такъ значительно по сравненію съ числомъ свободныхъ. Здѣсь нужно опустить всю интересную исторію Коринѣа, за исключеніемъ одного пункта—его отношенія къ Аѣинамъ. Сначала между ними существовала дружба, и въ началѣ борьбы Аѣинъ за свободу Коринѣ былъ ихъ вѣрнымъ другомъ и отказался содѣйствовать обузданію нарождающейся демократіи. Затѣмъ настали дни, когда, по словамъ Геродота, исторія Аѣинъ показала, «какая прекрасная вещь свобода». Ихъ торговля стала быстро развиваться, ихъ поселенія на востокѣ и западѣ стали стѣснять дѣятельность Коринѣа. Наконецъ, самъ Коринѣ оказался стѣсненнымъ и почти подавленнымъ Аѣинами. У грековъ торговое соперничество между гражданами одного государства чувствовалось далеко не такъ сильно, какъ у насъ, но

между различными государствами оно носило болѣе открытый и враждебный характеръ. Успѣшное торговое соперничество Аѣинъ съ Коринеомъ обратило послѣдній изъ полезнаго друга въ опаснѣйшаго врага. Позднѣе мы увидимъ, какъ враждебность Коринеа больше всякой отдѣльной причины вызвала пелопоннескую войну. Здѣсь необходимо только замѣтить, что въ періодъ, разсматриваемый въ этой книжкѣ, Коринеъ можетъ считаться постояннымъ врагомъ Аѣинъ.

Θ и в ы.

Другую пару закоренѣлыхъ враговъ составляли Аѣины и Θивы. Между ними, въ качествѣ ясной естественной границы, лежала горная цѣпь Кисеерона, и ихъ интересы не сталкивались необходимо. Θивы были полными хозяевами беотійской равнины и располагали поэтому значительнымъ богатствомъ и большимъ населеніемъ. Но беотійцы не были ни предпріимчивымъ, ни развитымъ народомъ. Выраженіе «беотійская свинья» обратилось въ Греціи въ пословицу; Пиндаръ и Эпаминондъ являются почти единственными первостепенными талантами, выдвинутыми Беотіей за время независимости Греціи. Θивы не высылали колоній и не преслѣдовали коммерческихъ цѣлей. Союзъ между ними и Аѣинами представлялся дѣломъ вполнѣ естественнымъ. Но тщеславіе греческихъ государствъ, ихъ стремленіе къ обособленности, то, что Гротъ называетъ «центробѣжными силами» Эллады, лишало устойчивости всѣ греческіе союзы. Вдобавокъ, тутъ была еще другая причина вражды. Небольшой городъ Платей въ своей борьбѣ противъ верховенства Θивъ

сначала обратился къ покровительству Спарты и, отвергнутый ею, связалъ свою судьбу съ судьбой Аѣинъ. Такимъ образомъ, Аѣины завладѣли полосой земли, которая собственно должна была принадлежать Фивамъ и дѣйствительно досталась бы имъ, не вмѣшайся тутъ Аѣины. Союзъ Платей и Аѣинъ принесъ мало пользы обѣимъ сторонамъ. У него былъ одинъ славный моментъ—на полѣ битвы при Марафонѣ, а затѣмъ, меньше чѣмъ черезъ шестьдесятъ лѣтъ, онъ принесъ гибель Платеямъ. Аѣинамъ онъ доставилъ непримиримую вражду Фивъ. Захватъ Платей, подобно захвату Эльзаса и Лотарингіи, сдѣлалъ миръ между обоими государствами невозможнымъ.

ГЛАВА IV.

ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ АЕИНЪ.

Положеніе Аеинъ.

Аеинамъ не удалась ихъ попытка распространить свою власть на всю Элладу. Ихъ достоинства и недостатки одинаково содѣйствовали побѣдѣ ихъ соперницы Спарты въ великомъ междоусобіи пелопоннесской войны. Но время принесло съ собою отмщеніе. Людямъ, не изучающимъ исторіи, Спарта и прочія государства Греціи извѣстны почти только по именамъ, а имя Аеинъ отождествилось съ исторіей древней цивилизаціи. Это превосходство ихъ во всемъ наилучшемъ проявилось всего яснѣе въ вѣкъ Перикла, и это должно служить для меня оправданіемъ, если я разсматриваю дальше греческую исторію почти исключительно съ аеинской точки зрѣнія.

Байронъ называетъ Грецію «страной горъ и моря»; онъ выбралъ тѣ именно физическія особенности, которыя выдаются всего сильнѣе и оказали наибольшее вліяніе на судьбы народа. Горы раздѣляли Грецію на большое число отдѣльныхъ географическихъ единицъ и дѣлали возможнымъ то обособленіе городскихъ общинъ, о которомъ мы уже говорили; море облегчало сообщеніе между отдѣльными государствами. Оба эти вліянія сильно сказались

на Аѣинахъ. Хотя Аттика расположена на материкѣ, но она больше связана съ островами Эгейскаго моря, чѣмъ со своими материковыми сосѣдями. Съ сѣвера, запада и востока аѣинская равнина окружена горными цѣпями, вершины которыхъ во многихъ случаяхъ достигаютъ высоты 4000 футовъ. Дорога въ Беотию шла черезъ высокій и трудно доступный хребетъ Киеерона. Доступъ въ Пелопоннесъ преграждали отрасли Гераніи, замыкавшія Исемъ съ одной стороны до другой. Если мы перенесемся воображеніемъ къ тому времени, когда дорогъ было мало и онѣ были плохи, а упомянутыя горы находились во власти часто враждебныхъ государствъ, то мы поймемъ, что сношенія съ сосѣдями были не легки и не всегда безопасны. Но если горы мѣшали, то море содѣйствовало странствованіямъ и сношеніямъ. Меньше чѣмъ въ пяти миляхъ отъ Аѣинъ находилась хорошая пристань Фалеръ и превосходная гавань Пирея. Притомъ аѣинскому моряку не приходилось пускаться безъ компаса въ далекую невидимую страну: онъ могъ переплывать отъ острова къ острову, укрываясь за ними въ случаѣ бури, и достигать береговъ Малой Азіи, ни разу не теряя изъ виду земли. Географія Греціи опредѣлила судьбу Аѣинъ. Если онѣ распространяютъ свою власть за предѣлы Аттики, то распространяютъ ее на острова Эгейскаго моря, а не на государства материка.

Аттика—не больше средняго англійскаго графства, хотя и была крупнѣйшей областью, принадлежавшей отдѣльному городу Греціи, за исключеніемъ Спарты. Почва ея, на современный взглядъ, очень скудная, и даже въ вѣкъ Перикла и по понятіямъ грековъ

она была не особенно плодородна. Большая часть ея покрыта холмами, тогда большею частью густо поросшими лѣсомъ, а теперь безлѣсными. Въ Атикѣ было три главныхъ равнины: равнина Элевсина, центра мистерій, отдѣленная отъ Аѣинъ горой Эгалеемъ; равнина Мараеона, отдѣляемая отъ третьей равнины, собственно аѣинской, горой Пентеликомъ. Одинъ новѣйшій писатель назвалъ мѣстоположеніе Аѣинъ красивѣйшимъ въ свѣтѣ; положимъ превосходная степень едва ли была бы здѣсь примѣнена, не иди тутъ рѣчь о прославленныхъ Аѣинахъ, но во всякомъ случаѣ трудно найти городъ съ болѣе красивыми окрестностями. Правда, теперь равнина отличается сухостью и, за исключеніемъ массы оливковыхъ деревьевъ, безлѣсностью; но кругъ горъ съ красивыми очертаніями, море, представляющееся широкой рѣкою между островомъ Саламиномъ и материкомъ, ясность воздуха, которой всегда справедливо гордились аѣянне, — все это вмѣстѣ образуетъ почти несравненный видъ. Мѣстоположеніе имѣло и другія достоинства помимо живописности. Подобно многимъ греческимъ городамъ, Аѣины лежатъ близко отъ моря, но не на самомъ берегу его; это позволяло жителямъ ихъ пользоваться выгодами близости моря, не опасаясь набѣговъ пиратовъ. У Аѣинъ былъ прекрасный крѣпостной холмъ, первая принадлежность всѣхъ древнихъ греческихъ городовъ и, безъ сомнѣнія, настоящая причина основанія Аѣинъ на этомъ именно мѣстѣ. Въ срединѣ равнины есть нѣсколько разбросанныхъ холмовъ; самый высокій изъ нихъ, Ликабеттъ, достигаетъ 910 футовъ. Холмъ, дѣйстви-тельно выбранный для крѣпости, возвышается надъ

равниной только на 200 футовъ; но его сравнительно небольшая высота представляла удобство для населенія, спѣшившаго укрыться отъ нашествія. Его легко было защищать, такъ какъ съ трехъ сторонъ онъ настолько отвѣсно спускался въ равнину, что почти не нуждался въ укрѣпленіи. Съ четвертой стороны, западной, былъ очень крутой спускъ, который легко было сдѣлать почти неприступнымъ. Поверхность холма имѣла 1000 футовъ длины и 500 — ширины. Почти у каждого города Греціи былъ свой акрополь или кремль, но ни одинъ изъ нихъ не былъ такъ отлично приспособленъ для цѣлей защиты или украшенія, какъ аѣинскій. Тотчасъ къ западу, почти касаясь его, находилась скала поменьше, называемая Ареопагомъ, или холмомъ Ареса. Еще дальше къ западу лежали другіе холмы, не особенно высокіе; изъ нихъ всего важнѣе холмъ Пникса, о которомъ мнѣ еще придется говорить дальше. Сначала городомъ былъ акрополь; затѣмъ вокругъ его основанія появилось нѣсколько домовъ; потомъ, по мѣрѣ роста и процвѣтанія Аѣинъ, городъ началъ быстро расширяться въ западномъ направленіи, къ Пирею и морю. Но, по мѣрѣ того какъ падало военное значеніе акрополя, онъ становился важнѣе въ религіозномъ отношеніи и оставался до конца настоящимъ центромъ и самымъ священнымъ мѣстомъ Аѣинъ.

Почва, сказали мы, была скудная. Правда, всюду росли въ изобиліи цвѣты, и не невѣроятно объясненіе имени Аѣинъ, какъ мѣста цвѣтовъ. Но почва была слишкомъ не глубока, чтобы давать хорошіе урожаи зерна, и хотя климатъ въ теченіе 2500 лѣтъ, вѣроятно, нѣсколько измѣнился, отчасти вслѣдствіе

исчезновенія съ горъ лѣсовъ, но недостатокъ воды чувствовался всегда, и земледѣліе было возможно только при искусственномъ орошеніи. Главнымъ продуктомъ страны были оливки, и вывозъ оливковаго масла составлялъ одинъ изъ важныхъ источниковъ дохода земледѣльцевъ Аттики. У береговъ ловилось много рыбы, составлявшей главный предметъ пищи. Мяса употреблялось мало. Небольшими участками земли владѣли аѣинскіе граждане, большей частью проживавшіе на своихъ земляхъ. Только много позднѣе городская жизнь стала правиломъ, а сельская — рѣдкимъ исключеніемъ. Даже и въ древнѣйшее время большая часть работы производилась рабами. Промышленности въ современномъ смыслѣ слова, конечно, совсѣмъ не существовало; но ремесленники Аттики пользовались нѣкоторой извѣстностью и за предѣлами своей страны. Аѣинская глиняная посуда и обувь развозились по всему эллинскому міру. Впослѣдствіи большой кварталъ въ Аѣинахъ былъ отданъ гончарамъ и получилъ отъ нихъ названіе Керамика (ср. московскія названія — Гончары, Кожевники и т. д.).

Каковы были главныя ступени въ развитіи Аѣинъ, общественномъ, политическомъ и духовномъ, до появленія Перикла? Вотъ вопросъ, на который я постараюсь отвѣтить какъ можно короче.

Законодательство Солона.

Сначала Аѣины, несомнѣнно, были монархіей. Эта монархія перешла въ республику не въ силу внезапнаго переворота, а благодаря ряду постепенныхъ захватовъ и подрывовъ. Имя царя никогда, правда, не исчезало въ Аѣинахъ, но носившій его сановникъ

былъ во время Перикла однимъ изъ наименѣе важныхъ представителей государства. Указанные захваты производились въ интересахъ не всего народа, а только привилегированнаго класса знати (эвпатридовъ). По разсказу сомнительнаго преданія, первая перемѣна съ монархіей произошла по смерти царя Кодра. Повидимому, измѣнилось только названіе, и правитель государства сталъ тогда называться архонтомъ, хотя занималъ должность пожизненно и принадлежалъ къ царскому роду. Слѣдуетъ предполагать, что знать принимала нѣкоторое участіе въ выборѣ лица, занимавшаго это мѣсто. Въ 752 году срокъ должности архонта былъ ограниченъ десятью годами; въ 712 году она была открыта всѣмъ эвпатридамъ. Самая важная перемѣна была произведена въ 683 г. Мѣсто одного архонта заступили девять человекъ, выбиравшихся изъ эвпатридовъ и занимавшихъ должность только одинъ годъ. Значеніе этихъ перемѣнъ вполне ясно: монархія постепенно исчезла, и ея мѣсто заняла олигархическая диктатура.

Но въ концѣ VII в. до Р. X. долгое господство знати подвергнулось нападенію съ двухъ сторонъ. Въ Элладѣ этотъ вѣкъ былъ богатъ перемѣнами. Это было время основанія колоній. Города, превратившіеся теперь въ жалкія деревни, высылали колоніи вплоть до Чернаго моря и Сициліи. Развились морскія сношенія, быстро расширилась торговля, появилась чеканная монета. Жизнь грековъ вполне утратила тотъ патріархальный характеръ, какой она носитъ въ поэмахъ Гомера. Для всѣхъ государствъ Греціи VII вѣкъ былъ временемъ броженія. Въ Атикѣ оно имѣло два источника.

Во-первыхъ, съ развитіемъ торговли, рядомъ съ эвпатридами, богатство которыхъ заключалось въ землѣ, появился классъ торговцевъ, по понятіямъ того времени богатый. Этотъ новый классъ оказался лишеннымъ всякаго участія въ управленіи государствомъ и потому сталъ роптать. Еще болѣе основаній роптать имѣли крестьяне Аттики. Съ появленія среди грековъ чеканной монеты, она стала необходимой для всѣхъ классовъ. Сначала крестьяне могли получать ее только путемъ займа у богатыхъ согражданъ. Занимали они за огромные проценты, отдавали въ залогъ свои земли, и во многихъ мѣстахъ Аттики можно было видѣть залоговые столбы. Но затѣмъ бывало и еще хуже: если земли не хватало на покрытіе долга, сами крестьяне становились рабами заимодавцевъ, и это случалось нерѣдко. Многіе граждане, нѣкогда вольные крестьяне и собственники земли, теперь или обрабатывали земли въ качествѣ рабовъ заимодавцевъ, или были продаваемы въ рабство на чужбину. Такое широкое недовольство, отчасти политическое, но главнымъ образомъ социальное, встрѣчалось и въ другихъ греческихъ государствахъ. Тамъ оно часто вызывало установленіе тиранніи. Подъ именемъ тиранна греки разумѣли не жестокаго человѣка и не притѣснителя, а просто правителя, власть котораго основывалась на распоряженіи физическою силой, не поддерживалась закономъ или обычаемъ и не была обставлена ограниченіями или условіями. Такое положеніе въ Мегарахъ, въ Сикіонѣ, въ Коринѣ заняли люди, выдававшіе себя за защитниковъ недовольныхъ, а затѣмъ силой удерживавшіе за собою положеніе, приобрѣтенное обманомъ. Подобная

попытка была уже сдѣлана въ Аѣинахъ. Килонъ при помощи иноземныхъ наемниковъ захватилъ акрополь и, казалось, достигъ своей цѣли; но противъ него возсталъ весь народъ. Онъ принужденъ былъ бѣжать, а его приверженцы были преданы смерти (620 г.). Это не устранило недовольства, и возобновленіе попытки съ лучшимъ успѣхомъ представлялось очень вѣроятнымъ.

Если эта попытка не была сдѣлана, то объясняется это цѣликомъ высокими личными достоинствами Солона, который во всѣхъ отношеніяхъ представляется самыхъ замѣчательнымъ изъ греческихъ законодателей. Онъ принадлежитъ тому времени, когда религія пользовалась въ Греціи неоспоримой властью, когда неизбежное наступленіе критицизма еще не отняло у Греціи ея центральной духовной власти. Его реформа получила одобреніе дельфійскаго оракула. Время специализаціи еще не наступило. Солонъ является землевладѣльцемъ и торговцемъ, философомъ и политикомъ, поэтомъ и атлетомъ. Нѣтъ такой области греческой жизни, на которую онъ не обращалъ бы своего вниманія. Кое-что изъ его стиховъ дошло до насъ у Плу-тарха, но больше въ недавно открытомъ произведеніи Аристотеля. Въ своихъ стихахъ онъ даетъ намъ отчетъ о своей законодательной дѣятельности въ Аѣинахъ. Написаны они постоянно возвышенно и съ достоинствомъ, но въ нихъ нѣтъ ничего такого, чего впоследствии нельзя было бы выразить въ прозѣ. Вся его реформа носитъ отпечатокъ чистѣйшаго патріотизма. Она не преслѣдовала интересовъ отдѣльнаго класса и не доставила ему лично ни богатства, ни власти.

Въ 594 г. онъ былъ выбранъ въ архонты съ особыми полномочіями для изданія законовъ и устраненія несогласій въ государствѣ. Друзья убѣждали его завладѣть тиранніей; эту мысль поддерживалъ даже дельфійскій оракулъ. Испытаніе было сильно, а цѣль легко достижима; но Солонъ остался вѣренъ той задачѣ, для которой былъ избранъ. Всего тягостнѣе была социальная неурядица, и Солонъ прежде всего уничтожилъ всѣ долговыя обязательства. По современнымъ понятіямъ, это представляется большой несправедливостью; но проценты были такъ высоки, а ожесточеніе противъ заимодавцевъ такъ сильно, что мѣра эта, повидимому, была проведена легко. Затѣмъ онъ запретилъ впредь всякіе займы, въ которыхъ ручательствомъ уплаты служила личность заемщика.

Болѣе важны для насъ его политическія установленія. Во-первыхъ, онъ такъ распредѣлилъ права и обязанности, что на богатыхъ падали самыя тяжелыя повинности и они же пользовались наибольшей властью. Населеніе уже было раздѣлено на четыре класса сообразно размѣру поземельной собственности. Это раздѣленіе Солонъ положилъ въ основу своей конституціи. Всѣ граждане имѣли одинаковый голосъ при избраніи сановниковъ; но на высшую должность архонта могли избираться только члены высшаго класса, а низшему былъ закрытъ доступъ ко всѣмъ должностямъ. Но если бѣдность не допускала до должностей, то она освобождала также отъ налоговъ, распредѣленныхъ такъ, что богачи не только платили всего больше, но и платили болѣешую часть своего дохода,

чѣмъ бѣдные граждане. Низшій классъ было вполнѣ освобожденъ отъ налоговъ.

Дальнѣйшимъ произведеніемъ генія Солонъ былъ совѣтъ 400-тъ. Свободное населеніе Аттики уже было раздѣлено на четыре колѣна (филы). Солонъ установилъ, что каждое изъ нихъ должно ежегодно выбирать для службы въ совѣтъ сто членовъ; въ эту должность могли избираться только граждане трехъ высшихъ классовъ. Въ руки этого совѣта было отдано настоящее управленіе государствомъ. Онъ, или нѣкоторая часть его, засѣдалъ круглый годъ. Въ его рукахъ находилось завѣдываніе внутренними и иностранными дѣлами, финансами и полиціей.

Остается упомянуть еще о двухъ учрежденіяхъ аѣинскаго государства. Сначала мы обратимся къ народному собранію. Подобное собраніе должно было существовать всегда, даже во времена монархіи и безспорнаго господства знати. Намъ неизвѣстно, какія измѣненія ввелъ въ устройство его Солонъ. Но такъ какъ въ это время всѣ должности стали выборными, то дѣйствительное значеніе народнаго собранія должно было очень возрасти.

Наконецъ, мы должны упомянуть о почтенномъ совѣтѣ Ареопага. Въ Аѣинахъ не было мѣста болѣе богатаго воспоминаніями, чѣмъ скалистый холмъ Ареопага, почти примыкавшій къ акрополю съ западной стороны. Тамъ стояли лагерь амазонки, когда осаждали акрополь; тамъ богъ войны, Аресъ, былъ привлеченъ къ суду Посейдономъ, богомъ моря; тамъ былъ оправданъ голосомъ богини Аѣины Орестъ, обвиняемый въ убійствѣ своей матери Клитемнестры. У подножія холма находилась пещера

мстящихъ фурий. На скалистомъ холмѣ, освященномъ, такимъ образомъ, преданіемъ, съ незапамятнаго времени засѣдалъ совѣтъ, охранявшій государство. Уже до Солона онъ состоялъ изъ людей, раньше занимавшихъ должности архонтовъ. Лица, вступавшія въ совѣтъ, сохраняли за собой мѣста пожизненно. Солонъ не измѣнилъ способа пополненія его, но такъ какъ архонтовъ сталъ теперь выбирать народъ, то, очевидно, характеръ совѣта значительно измѣнился. Въ чемъ именно заключались его обязанности, не извѣстно; но ему, несомнѣнно, принадлежало разрѣшеніе извѣстныхъ дѣлъ, въ частности дѣлъ объ убійствѣ, и общій надзоръ надо всѣмъ городомъ. Современное намъ общество, съ его сложной жизнью и многочисленнымъ населеніемъ, не имѣетъ, да и не можетъ имѣть ничего, похожаго на эту цензорскую власть. Но въ древнемъ мірѣ, гдѣ жизнь была проще, а города меньше, гдѣ жречество оказывало мало вліянія на общій ходъ жизни людей, подобная цензорская власть существовала всюду и, вѣроятно, вліяла очень благотѣтельно. Члены совѣта называются «наблюдателями за добрымъ порядкомъ и приличіемъ». Ихъ задачей было преслѣдованіе роскоши, порочности и праздности, и въ этомъ отношеніи они пользовались неограниченнымъ правомъ налагать штрафы и выражать порицаніе. Роскошь въ одеждѣ или столѣ, распущенность въ поступкахъ или словахъ приводили виновныхъ къ рѣшеткѣ совѣта, наказывавшаго ихъ денежнымъ штрафомъ или публичнымъ порицаніемъ. Эти два совѣта Солонъ считалъ двумя якорями государства. Опираясь на нихъ,—говорилъ онъ,—оно меньше будетъ терпѣть отъ бурь.

Сказаннаго достаточно для выясненія общаго характера реформы Солона. Онъ не установилъ демократіи въ греческомъ смыслѣ слова. Онъ не служилъ страстямъ и интересамъ отдѣльнаго класса. Онъ стремился установить и опредѣлить взаимныя обязанности различныхъ слоевъ населенія. Его устройство не успѣло исполнѣ. Ему не удалось предупредить тираннію, а, когда она исчезла, подъемъ демократической волны скоро сорвалъ корабль съ брошенныхъ Солономъ якорей. Но онъ представилъ Греціи образецъ симпатіи, руководимой разумомъ, и примирительной политики, какой она не видѣла вновь; его репутація стояла такъ высоко даже въ глазахъ людей наиболѣе уклонившихся отъ его началъ, что его считали всегда основателемъ аѣинской демократіи.

Тираннія въ Аѣинахъ.

Если смотрѣть на реформу Солона съ точки зрѣнія современной ему исторіи Греціи, то нельзя сомнѣваться въ томъ, что одною изъ главныхъ его цѣлей было предупредить появленіе тиранніи, основывавшейся въ другихъ государствахъ Греціи на недовольствѣ народа. Въ этомъ отношеніи онъ потерпѣлъ неудачу. Когда онъ окончилъ свое преобразование, онъ клятвой обязалъ аѣинянъ десять лѣтъ не производить въ немъ перемѣнъ, а затѣмъ покинулъ Аѣины и отправился на Востокъ. Какъ ни мало историческаго содержанія въ романическихъ разсказахъ, связываемыхъ Геродотомъ съ этими странствованіями, они доказываютъ, по крайней мѣрѣ, какимъ глубокимъ почитаніемъ пользовалось имя Солона. Когда онъ вернулся на родину,

онъ нашель, что несчастіе, которое онъ старался предотвратить, грозитъ ей неминуемо. Умѣренный характеръ его реформы не удовлетворилъ никого: бѣдные ожидали большаго; знатные были оскорблены тѣмъ, что членъ ихъ же класса отнялъ у нихъ такъ много. Недовольство нашло себѣ выраженіе и образовало нѣсколько партій. Геродотъ называетъ ихъ жителями горъ, жителями равнины и жителями морского берега. Первые составили партію бѣдняковъ - революціонеровъ, вторые — богачей-реакціонеровъ. Жители побережья, по достатку и политическимъ стремленіямъ, повидимому, занимали середину. Во главѣ партіи горцевъ стоялъ Писистратъ, человекъ знатнаго происхожденія, прославившійся на войнѣ. Его присоединеніе къ партіи бѣдняковъ врядъ ли могло быть безкорыстнымъ. Для человека, подобно Солону, знакомаго съ исторіей прочихъ греческихъ государствъ, ясно было, что онъ намѣренъ воспользоваться расположеніемъ народа для того, чтобы сдѣлаться тиранномъ. Но на рѣзкія разоблаченія Солона не обратили вниманія, и Писистратъ шагъ за шагомъ достигъ власти. По словамъ Геродота (1, 59), «онъ придумалъ такую хитрость. Ранивъ самого себя и муловъ, онъ прискакалъ въ колесницѣ на площадь и объявилъ, будто ему удалось уйти отъ враговъ, желавшихъ погубить его, когда онъ ѣхалъ въ деревню, а затѣмъ попросилъ у народа для себя стражи. Обманутый выдумкой аеинскій народъ далъ ему изъ горожанъ отборную стражу, которая должна была слѣдовать за нимъ съ дубинами. Писистратъ сговорился съ нею, захватилъ акрополь и такимъ образомъ приобрѣлъ власть надъ аеинянами» (560 г.). Дважды его изго-

няли, и дважды при помощи соглашения и уловки онъ возвращался. Подробности его карьеры интересны, но не касаются здѣсь насъ.

Заслуживаютъ вниманія общія особенности его управления. Онъ сохранилъ внѣшнія формы солонвскаго устройства, какъ Цезарь — формы римской республики, или какъ Наполеонъ сохранялъ сначала формы и выраженія французской революціи. Онъ не проявлялъ царской пышности, а являлся передъ народомъ въ качествѣ простого гражданина. Онъ согласился на вызовъ передъ совѣтъ Ареопага. Онъ самъ объѣзжалъ всѣ части страны, улаживая споры и наблюдая за улучшеніями. Аристотель особенно отмѣчаетъ его «дружелюбное отношеніе къ народу». «Онъ обременялъ народъ какъ можно меньше, но поддерживалъ постоянно миръ и обезпечивалъ ему спокойствіе». Съ трехъ высшихъ классовъ взимался подоходный налогъ въ 5%, а низшій, безъ сомнѣнія, былъ отъ него освобожденъ.

Свобода, въ смыслѣ самоуправленія, въ сущности, конечно, отсутствовала. Засѣданія совѣта, созывы народнаго собранія едва ли могли прикрыть тотъ фактъ, что основой власти служила постоянно окружавшая Писистрата лейбъ-гвардія. Но, по обычаю всѣхъ великихъ абсолютныхъ правителей, Писистратъ старался вознаградить народъ за потерю свободы, усиливая блескъ государства внутренній и внѣшній. Если бы мелкіе размѣры греческихъ государствъ допускали сравненіе, онъ походилъ бы на Людовика XIV въ первый блестящій періодъ правленія «великаго короля». Теперь въ первый разъ Аѣны начали представляться красивѣйшимъ городомъ греческаго міра. Была начата постройка

трехъ большихъ храмовъ; два изъ нихъ были окончены. Храмъ Зевса начать былъ въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, что у Греціи не оказалось ни времени, ни средствъ для окончанія его, и эта задача досгалась римскому императору Адриану. У Иллиса былъ построенъ храмъ Аполлона, а на акрополѣ — храмъ Аѣины дѣвственницы, служившій главнымъ храмомъ богини — покровительницы Аѣинъ, пока его мѣсто не занялъ Перикловъ Пареемонъ. Самыми интересными результатами недавнихъ раскопокъ на акрополѣ являются статуи и рѣзная работа, принадлежавшая, почти несомнѣнно, древнѣйшему храму Аѣины, построенному Писистратомъ. Несмотря на свое несовершенство, произведенія эти являются ясными провозвѣстниками будущей славы аѣинскаго искусства. Исполнявшіе ихъ художники были приглашаемы въ Аѣины изъ разныхъ областей. Въ это время Аѣины уже служили художественнымъ центромъ Греціи. Но не одна архитектура украшала Аѣины. Почтеніе къ богамъ выражалось какъ въ постройкѣ храмовъ, такъ и въ усиленномъ великолѣпнѣи религіозныхъ обрядовъ. Въ правленіе Писистрата получилъ новый блескъ великій праздникъ Панаѣиней. Разъ въ четыре года торжественное шествіе аѣинскаго народа, мужчинъ и женщинъ, колесницъ и всадниковъ, шло поднести богинѣ Аѣинѣ вновь вытканную пурпуровую мантию, богато украшенную шитьемъ. Съ этимъ главнымъ актомъ связаны были столь любимыя греками атлетическія состязанія. Съ Писистрата также начинается развитіе аттической драмы. Драматическія представленія были сначала религіозными обрядами въ честь Діониса, бога вина. Они никогда не теряли нѣко-

торыхъ слѣдовъ своего религіознаго происхожденія. Сначала представленіе отличалось крайней простотой. Единственный актеръ излагалъ какое-либо событіе изъ жизни бога, а хоръ пѣлъ и танцевалъ въ честь его. Изъ этого начала, путемъ расширенія сюжета и увеличенія числа актеровъ, развилась великая аттическая драма, пожалуй, величайшая и, навѣрное, вліятельнѣйшая драма, какую только зналъ міръ. Обращено было также вниманіе на Делось, великое іоническое святилище Аполлона. Оно было осквернено погребеніемъ труповъ слишкомъ близко къ храму. Трупы были удалены на большее разстояніе. Наконецъ, подъ руководствомъ Писистрата были вновь проредактированы поэмы Гомера. Намъ не касаются очень сомнительныя частности этого событія; для насъ важенъ только фактъ. Писистратъ оказывалъ почтеніе богамъ, онъ построилъ имъ храмы, онъ придавалъ блескъ ихъ празднествамъ, онъ издалъ пересмотрѣнную редакцію самой священной для грековъ книги. Если бы у нихъ была вѣра или церковь, его навѣрное назвали бы «старшимъ сыномъ церкви» и «защитникомъ вѣры».

Въ то же самое время обращалось вниманіе и на матеріальное благосостояніе народа. Были построены водопроводы, резервуары, дороги. Принимались всѣ мѣры, чтобы помѣшать переселенію сельскихъ жителей въ Аѣины. Нѣтъ нужды видѣть во всѣхъ дѣйствіяхъ Писистрата стремленіе тиранна обмануть народъ, но, очевидно, тираннъ долженъ былъ опасаться противодѣйствія скорѣе отъ городского населенія, чѣмъ отъ разсѣянныхъ обитателей деревень. Внѣшнее вліяніе Аѣинъ также усилилось, благодаря союзамъ съ другими тираннами и завоеванію

Сигея на Геллеспонтѣ. Это послѣднее приобрѣтеніе можетъ быть принято за начало иноземныхъ владѣній Аѣинъ.

Въ 527 г., послѣ благотѣльнаго и справедливаго управленія, Писистратъ умеръ, и ему, какъ какому-нибудь конституціонному монарху, наслѣдовали его сыновья Гиппій и Гиппархъ. Наслѣдникъ богатства и власти рѣдко когда пользуется ими такъ осмотрительно, какъ тотъ, кто первый ихъ приобрѣлъ. Сыновья Писистрата, повидимому, вели дѣла самовластно и пользовались не только дѣйствительной властью, но и ея внѣшностью. Какъ и отецъ, они продолжали покровительствовать искусству. По словамъ Аристотеля, Гиппій пригласилъ въ Аѣины «Анакреона, Симонида и другихъ поэтовъ». Въ теченіе 14 лѣтъ ихъ управленіе не вызывало явнаго противодѣйствія, а когда противодѣйствіе явилось, оно вытекло не изъ стремленія къ общественной свободѣ, а изъ личной ненависти. Въ день Панаѣинейскаго праздника 514 г. Гармодій и Аристогитонъ покусились умертвить обоихъ тиранновъ. Прежде чѣмъ наступило время для нападенія, они сочли себя преданными и немедленно напали на тиранновъ. Гиппархъ былъ умерщвленъ; Гиппій ускользнулъ и отомстилъ за убійство брата. Мотивы заговорщиковъ носили чисто личный характеръ, заговоръ потерпѣлъ полную неудачу, умерщвленіе Гиппарха не стояло ни въ какой связи съ послѣдующимъ изгнаніемъ тиранновъ, и, однако, пока существовали Аѣины, заговорщиковъ почитали какъ первомучениковъ свободы, а энтузіасты французской революціи отказывались отъ своихъ именъ и принимали имена первыхъ тиранноубійцъ. Непосредственнымъ слѣдствіемъ

заговора было усиленіе суровости управленія уцѣлѣвшаго брата. Это увеличило число его враговъ, и его соперники пришли къ мысли, что теперь на него можно напасть съ успѣхомъ. Изъ его противниковъ самымъ сильнымъ былъ родъ Алкмеонидовъ. Это была одна изъ богатѣйшихъ фамилій Аѣинъ, къ которой принадлежало много выдающихся людей. Изъ нея происходитъ и Периклъ. Въ это время Алкмеониды находились въ изгнаніи и нетерпѣливо выжидали на границахъ Аттики случая къ возвращенію на родину. Случай этотъ явился такимъ путемъ, который заслуживаетъ нѣкотораго упоминанія даже въ краткомъ очеркѣ. Только что передъ тѣмъ сгорѣлъ храмъ въ Дельфахъ. «Алкмеониды, — говоритъ Геродотъ, — взяли у амфиктіоновъ подрядъ на достройку находящагося теперь въ Дельфахъ храма. Будучи изстари людьми богатыми и изъ знатнаго рода, они достроили храмъ въ лучшемъ видѣ, чѣмъ предполагалось. Между прочимъ, вмѣсто условленнаго известковаго камня, они выстроили фасадъ храма изъ паросскаго мрамора. Пребывая въ Дельфахъ, они при помощи подкупа убѣдили Писію, когда приходилъ кто изъ спартіатовъ съ запросомъ отъ себя лично или отъ имени государства, говорить имъ, чтобы они освободили Аѣины» (V, 62—63). Задача, возложенная на нихъ такимъ образомъ, несоотвѣтствовала политикѣ спартанцевъ, такъ какъ Гиппій былъ ихъ другомъ. Но этотъ однообразный отвѣтъ, очевидно, исключавшій всѣ другіе, равнялся чему-то вродѣ отлученія спартанцевъ отъ центрального религіознаго установленія Греціи. Тогда, послѣ долгихъ колебаній, спартанское войско вступило въ Аттику, и Гиппій былъ осажденъ въ акрополѣ.

Успѣхъ осады казался очень сомнительнымъ, но спартамъ удалось захватить дѣтей тиранновъ, въ то время, какъ ихъ высылали изъ страны. Для освобожденія ихъ Гиппій сдалъ Аеины спартамъ, а самъ бѣжалъ въ Сигей, въ Малой Азій, и такъ пала тираннія, чтобы никогда не возстановляться. Этотъ разсказъ очень ярко характеризуетъ силу и слабость оракула. Онъ можетъ принудить Спарту къ походу, противорѣчащему ея интересамъ, но не можетъ устоять противъ подкупа.

Память тиранніи стала предметомъ отвращенія для аеинянъ: статуи тиранновъ были низвергнуты, ихъ имена изглажены съ общественныхъ памятниковъ; въ послѣдствіи Периклу ставили въ укоръ воображаемое сходство съ Писистратомъ. Но тотъ, кто изучаетъ теперь аеинскую исторію, не можетъ относиться съ такой ненавистью ко времени ихъ управленія. Оно прервало мирное развитіе солоновскаго устройства и сообщило демократіи тотъ непримиримый характеръ, о которомъ иногда приходится сожалѣть. Но тираннія оказала также Аеинамъ и услуги. Уже было показано, какъ сильно содѣйствовала она развитію искусства. Она стремилась прекратить борьбу партій, какъ это хотѣлъ сдѣлать во Франціи Наполеонъ. Не меньшей услугой съ ея стороны было утвержденіе въ Аеинахъ никогда не исчезавшей ненависти къ тиранніи и любви къ свободѣ.

Демократическія реформы Клисѳена.

Когда Гиппій бѣжалъ, дѣла въ Аеинахъ пошли сначала далеко не гладко. Во внѣ имъ приходилось считаться съ враждебностью Спарты, скоро появ-

шей, какъ она была обманута оракуломъ и насколько свободныя Аѣины для нея опаснѣе Аѣинъ подѣ властью тиранна. Разсказъ о томъ, какъ спартанцы вторгнулись въ Аттику съ цѣлью возстановить тираннію, самъ по себѣ очень интересенъ и раскрываетъ вполне характеръ ихъ политики, но не можетъ найти себѣ мѣста въ этой главѣ. Болѣе серьезное значеніе имѣла тотчасъ возгорѣвшаяся въ Аѣинахъ политическая борьба. Пока оставалось совсѣмъ еще не ясно, въ чьихъ интересахъ была устранена тираннія. Родъ Алкмеонидовъ, игравшій главную роль въ изгнаніи Гиппіа, принадлежалъ къ аристократіи. Для многихъ членовъ ея, а, пожалуй, и для нихъ, это изгнаніе представлялось средствомъ для возстановленія упраздненныхъ Солонемъ привилегій. Масса народа стремилась ближе подойти къ демократіи, чѣмъ это допускалъ Солонъ; притомъ, въ сущности, его установленія за время тиранніи перестали примѣняться. Приведшая къ тиранніи Писистрата борьба партій разразилась снова, но на этотъ разъ съ другимъ результатомъ. Во главѣ Алкмеонидовъ стоялъ Клисеенъ. Объ его прошломъ и его характерѣ мы, въ сущности, не знаемъ ничего. Онъ принадлежалъ къ одной изъ знатнѣйшихъ аѣинскихъ семей, жилъ во время управленія Писистратидовъ въ изгнаніи и, безъ сомнѣнія, вернулся въ Аѣины исполненный честолюбія и жажды власти. Онъ очутился во главѣ партіи, боровшейся съ другими и въ этой борьбѣ понесшей поражение. По словамъ Геродота, «разбитый, онъ сблизился съ народомъ». Мы не знаемъ, какимъ образомъ эта дружба его съ народомъ доставила имъ обоимъ побѣду; но несомнѣнно одно: подѣ руководствомъ

Клисеена демократія такъ или иначе одержала побѣду и провела свои преобразованія. Такъ какъ эти преобразованія опредѣлили общій характеръ афинской демократіи и были только завершены Перикломъ, то они заслуживаютъ здѣсь нашего разсмотрѣнія.

Первымъ по важности идетъ упраздненіе политической дѣятельности старыхъ филъ и образованіе новыхъ на совершенно новой основѣ. Въ частности тутъ много неяснаго, но главныя цѣли преобразованія очевидны. Это было устраненіе политическаго вліянія аристократіи и введеніе въ составъ гражданства новаго класса или, говоря современнымъ языкомъ, расширеніе избирательнаго права и отмѣна привилегій аристократіи. Въ четыре старыя филы, съ незапамятной древности, входили, несомнѣнно, какъ бѣдняки, такъ и богачи, но вліяніе преданія и, вѣроятно, ихъ устройство отдавали въ нихъ власть въ руки эвпатридовъ. Пока эти филы оставались единицами политической власти, — мы почти можемъ назвать ихъ избирательными собраніями, такъ какъ каждая выбирала въ совѣтъ сто членовъ, — напрасно было проводить демократическія реформы. Филы, естественно, выбирали на должности эвпатридовъ. Далѣе, такъ какъ принадлежность къ филамъ основывалась на происхожденіи, то, пока только она давала право гражданства, невозможно было дать его большому числу чужеземцевъ, которыхъ было много въ Атикѣ. Торговля создала классъ купцовъ; по различнымъ причинамъ въ Аттику переселялись иноземцы. Это былъ классъ очень цѣнный для государства и еще болѣе для агитатора. Чтобы ввести его въ составъ гражданства, нужно было совершенно

устранить политическое значеніе старыхъ филъ. Вся Аттика уже была раздѣлена на округа, называвшіеся демами. Ихъ можно считать «кварталами» Аттики, если возможно распространить на деревню названіе, прилагаемое обыкновенно только къ городамъ. Еще болѣе отвѣчало бы ихъ характеру названіе «приходовъ», если отнять у этого слова часть его религіознаго значенія. Итакъ, демы были старыя аттическія дѣленія чисто-мѣстнаго характера, вовсе не связанныя съ отдѣльными аристократическими родами и не имѣвшія особаго устройства. Клисеенъ принялъ ихъ за основу для своихъ новыхъ филъ. Ихъ или существовала сотня до Клисеена, или число ихъ было сведено къ сотнѣ при немъ. Десять такихъ демовъ, не смежныхъ, а взятыхъ изъ разныхъ частей страны, были соединены въ филу. Созданныя такимъ образомъ десять филъ не имѣли мѣстныхъ интересовъ, которые могли бы итти въ разрѣзъ съ общими интересами государства, и не могли служить для аристократіи рычагомъ, при помощи котораго она могла противодѣйствовать быстрой демократизаціи государства. Эти новыя филы должны были стать новыми политическими единицами, новыми «избирательными собраніями» Аттики. Дельфы одобрили новое установленіе. Сама жрица выбрала героевъ, по именамъ которыхъ должны были называться разныя филы. Старыя филы еще сохранили свое религіозное и социальное значеніе, но перестали существовать политически.

Настоящимъ правительствомъ, центральнымъ учрежденіемъ государства былъ, какъ мы уже видѣли, совѣтъ 400, обязанный своимъ происхожденіемъ ре-

формѣ Солона. Такъ какъ онъ состоялъ изъ сотни членовъ, выбираемыхъ каждою филлою, то новыя установленія Клисеена неизбѣжно привели къ небольшимъ перемѣнамъ. Съ этого времени вмѣсто четырехсотъ членовъ мы находимъ въ немъ пятьсотъ, причемъ каждая изъ десяти новыхъ филъ избирала пятьдесятъ членовъкъ. Около этого же времени былъ точнѣе опредѣленъ порядокъ и ходъ засѣданій этого совѣта. Но эти вопросы удобнѣе будетъ разсмотрѣть въ одной изъ слѣдующихъ главъ, когда мы перейдемъ къ обзору вполне развитой демократіи Аѣинъ эпохи Перикла. Туда также всего лучше отнести описаніе и оцѣнку системы выборовъ по жребію, одного изъ самыхъ важныхъ и характерныхъ учрежденій аѣинской демократіи; здѣсь мы отмѣтимъ только, что жребій примѣнялся уже во время Клисеена.

Остается теперь разсмотрѣть остракизмъ, тоже введенный Клисееномъ въ это время. Обрядъ его заключался въ слѣдующемъ. Каждый годъ аѣинскому народу предлагался вопросъ, не желаетъ ли онъ изгнать кого на десять лѣтъ. Если народное собраніе давало отрицательный отвѣтъ, какъ это бывало обыкновенно, дѣло этимъ и оканчивалось. Но если отвѣтъ былъ утвердительный, тогда для дальнѣйшаго назначался особый день, на который созывалось собраніе народа. Гражданамъ раздавались таблички, «остраки», отъ которыхъ получило свое названіе учрежденіе. При этомъ не упоминалось ни одного имени и не указывалось основаній для подачи голоса. Безъ всякаго руководства, по крайней мѣрѣ, официальнаго или открытаго, каждому гражданину предлагалось написать на его табличкѣ имя

того человека, крупного или мелкого, присутствіе котораго въ государствѣ представлялось вреднымъ для его блага. Никто не былъ обязанъ подавать голосъ, если не желалъ. Затѣмъ таблички складывались въ большой сосудъ, и въ концѣ дня особыя лица разбирали ихъ и объявляли результатъ. Если не было подано 6.000 голосовъ ¹⁾, все голосованіе оставалось безъ послѣдствій, такъ какъ для дѣйствительности его необходимо было, чтобы оно представляло мнѣніе большей части гражданъ. Если требуемое число голосовъ было подано, тогда получившій наибольшее число ихъ долженъ былъ уйти на десять лѣтъ въ почетное изгнаніе, но оно не влекло за собой ни отобранія имущества, ни денежнаго штрафа. Единственнымъ наказаніемъ, сопровождавшимъ остракизмъ, было удаленіе на десять лѣтъ изъ Атики и изъ всѣхъ аеинскихъ владѣній. Но это наказаніе было тяжеле, чѣмъ представляется теперь, такъ какъ для грека единственной достойною жизнью была жизнь гражданина; жить иноземцемъ, на чужбинѣ, было для него невыносимо.

Такова была процедура остракизма. Какой онъ имѣлъ смыслъ и какія цѣли? Когда онъ былъ введенъ, Аеины только-что освободились отъ тираниі Писистратидовъ. Съ тѣхъ поръ ненависть къ ти-

¹⁾ Очень сомнительно, какое число голосовъ требовалось для остракизма: нужно ли было 6.000 голосовъ противъ одного лица или только, чтобы ихъ было всего подано такое число? Гротъ поддерживаетъ первый взглядъ; большинство слѣдовавшихъ за нимъ историковъ приняли послѣдній, и въ пользу его, повидимому, говорить свидѣтельства. Но совмѣстимо ли съ характеромъ демократіи, чтобы пятая, примѣрно, часть всего числа гражданъ имѣла возможность изгонять популярнаго политика?

ранніи и страхъ передъ нею стали на нѣкоторое время сильнѣйшимъ двигателемъ аѣинской политики. Писистратъ захватилъ власть вопреки желаніямъ аѣинскаго народа, который напрасно былъ предупреждаемъ Солономъ. Многие, безъ сомнѣнія, относились къ Писистрату подозрительно, но онъ постоянно выказывалъ благія намѣренія, пока не получилъ тѣлохранителей, наличность которыхъ позволила ему вмѣсто хитрости прибѣгнуть къ силѣ. До захвата акрополя онъ не сдѣлалъ ничего такого, что навлекло бы на него кару закона; первые шаги всякой узурпаціи носятъ характеръ законности. Остракизмъ былъ введенъ для того, чтобы дать аѣинскому народу законныя средства дѣйствовать на основаніи подозрѣній, прежде чѣмъ становилось поздно. Остракизмъ позволялъ аѣинскому народу сказать любому выдающемуся гражданину: «Намъ подозрительны твои намѣренія; правда, въ твоей жизни не замѣтно нарушенія законовъ, но твое поведеніе внушаетъ подозрѣнія. Мы просимъ поэтому тебя удалиться изъ Аѣинъ, чтобы успокоить смущеніе, вызываемое твоимъ присутствіемъ». Отъ хорошаго гражданина можно было ожидать добровольнаго принесенія этой жертвы; несогласіе на это до нѣкоторой степени доказывало бы, что изгнаніе заслужено.

Солонъ далъ Аѣинамъ устройство съ демократическими чертами. Клизеенъ ввелъ настоящую демократію. Мы не дошли еще до неограниченной власти народнаго собранія, отличавшей время Перикла; но весь строй государства носитъ демократическій характеръ, и въ самихъ Аѣинахъ не было силы, которая могла бы противодѣйствовать этой тенденціи.

Монархія исчезла вполнѣ; аристократія и олигархія, доказавшія свою неспособность руководить государствомъ, были ниспровергнуты. Вскорѣ должны были исчезнуть немногія учрежденія, еще ограничивавшія власть народа, наружные отпрыски подрубленныхъ корней.

Г л а в а V.

СОПЕРНИЧЕСТВО АЭИНЫ И СПАРТЫ.

Солонъ, Писистратъ, Клисеонъ—вотъ главные имена въ политическомъ развитіи Аэины до времени Перикла. Но развитію Греціи содѣйствовали и другія вліянія, кромѣ политическихъ или конституціонныхъ. О вліяніи религіи уже была рѣчь. Другимъ важнымъ двигателемъ было вліяніе персидскихъ войнъ.

Размѣры нашей книги неизбежно устраняють всякій пересказъ этой великой борьбы; но на слѣдствіяхъ ея нужно нѣсколько остановиться. Изъ всѣхъ войнъ исторіи немногія были такъ богаты благотѣльными результатами. Для доказательства этого нѣтъ необходимости низко оцѣнивать высокія достоинства персовъ и ихъ государства. Достаточно сказать, что эта борьба дѣйствительно угрожала задушить европейскую цивилизацію въ ея колыбели. Нашему времени мысль о подавленіи цивилизаціи варварствомъ представляется вполне невѣроятной, такъ какъ основы ея распространяются больше чѣмъ на три материка и научныя средства, повидимому, обезпечили народамъ, достигнувшимъ высокаго умственного развитія, неизбежное превосходство надъ народами менѣе успѣвшими. Мы видимъ безъ всякаго удивленія, какъ полкъ солдатъ, обученныхъ и вооруженныхъ по современному, производитъ

страшную рѣзню среди орды храбрыхъ варваровъ, лишенныхъ усовершенствованнаго оружія и обученія. Но знаніе и порохъ доставили цивилизаціи такое военное превосходство надъ варварствомъ, подобнаго которому мы не находимъ въ V вѣкѣ до Р. X. Было много случаевъ, когда народы, нѣкогда дѣятельные и побѣдоносные, усвоивши привычки осѣдлой жизни, становились добычей дикихъ ордъ. Высокое развитіе греческой цивилизаціи могло представиться скорѣе опаснымъ, чѣмъ полезнымъ. Въ одно и то же время на нее напали и съ востока, и съ запада силы, далеко превосходившія ее по численности и до того почти непобѣдимыя. Если бы Греція пала въ этой борьбѣ съ варварской силой, развитіе цивилизаціи было бы остановлено въ самомъ началѣ. Она, конечно, появилась бы снова въ другомъ мѣстѣ, но какъ много потеряло бы человечество, если бы были утрачены сокровища греческой науки, искусства, философіи! Невозможно думать, чтобы какая-либо другая нація могла внести столько вкладовъ во всемірное искусство и знаніе!

Грековъ спасли не только ихъ таланты. Когда Персія напала на нихъ, она начала склоняться къ упадку, и великому завоевателю, основавшему персидское царство, наследовалъ сластолюбецъ. Насколько иначе пошли бы дѣла, каковъ бы ни былъ ихъ исходъ, если бы походомъ противъ Греціи руководили, вмѣсто Ксеркса, Киръ или Дарій!

Въ то время, какъ грозная туча явно надвигалась съ востока на кучку мелкихъ государствъ, которую мы называемъ Греціей, тамъ царило смятеніе и безпорядокъ. Вражда Аргоса и Спарты, Фивъ и Аѣинъ, а также и другихъ государствъ другъ съ

другомъ лишала Грецію возможности обороняться соединенными силами. Если бы Дельфійскій оракуль смѣло высказался за національную оборону, это не преминуло бы оказать сильное вліяніе на ходъ войны и на его послѣдующее значеніе; но оракуль то давалъ двусмысленные отвѣты, то прямо совѣтовалъ не надѣяться на успѣхъ и покориться. Въ этомъ кризисѣ, если оставить на время въ сторонѣ слабости и безразсудство персовъ, Грецію спасли главнымъ образомъ двѣ силы. Во-первыхъ, устройство Спарты обезпечило ей въ Греціи такое преобладаніе, что ни одно государство не считало для себя оскорбительнымъ слѣдовать ея руководству. Во-вторыхъ, въ это время Аѣины проявили рѣдко встрѣчавшееся среди грековъ отсутствіе мелкаго тщеславія и общеэллинскій патріотизмъ, вмѣстѣ съ замѣчательной дѣятельностью и дальновидностью. Преобладаніе Спарты доставило Греціи то слабое единство, какое она обнаружила въ этой борьбѣ; изъ Аѣинъ выходили постоянно способнѣйшіе вожди и лучшія идеи.

Такъ Греціи удалось выдержать бурю. Тяжесть перваго нападенія обрушилась на Аѣины, въ 490 г и онѣ однѣ, если не считать не особенно значительной помощи, оказанной Платеями, выиграли битву при Мараѣонѣ. Въ 480 и 479 гг., несмотря на упорное отстраненіе Аргоса, Фивъ, Фессаліи и другихъ областей, большинство греческихъ государствъ подчинилось руководству Спарты и приняло участіе въ славныхъ битвахъ при Фермопилахъ, Саламинѣ, Платеяхъ и Микалѣ. Въ этихъ послѣднихъ битвахъ Греція вышла побѣдительницей изъ борьбы. Превжній страхъ передъ оружіемъ персовъ перешелъ въ

пренебреженіе, и хотя между востокомъ и западомъ происходили постоянныя столкновенія вплоть до того времени, когда, черезъ полтора вѣка, Александръ Великій разрушилъ персидское царство, но никогда больше Персія не грозила гибелью греческой цивилизаціи. Слѣдствія персидскихъ войнъ позволили греческому міру спокойно передать послѣдующимъ вѣкамъ его искусство, науку и философію. Вотъ въ чемъ великое значеніе этой борьбы.

Также сильно и важно было ея вліяніе на внутреннія дѣла грековъ. Въ теченіе ея Аѣины изъ подчиненнаго государства превратились если не въ руководителя всѣхъ грековъ,—имъ все еще была Спарта,—то были признаны самымъ предприимчивымъ и дѣятельнымъ государствомъ. Онѣ обратили на себя всеобщее вниманіе. Выѣствъ съ тѣмъ эти войны яснѣе чѣмъ когда-либо показали необходимость единства для Греціи. Слѣдя за ходомъ ихъ, мы замѣчаемъ, какъ слабы были связи, соединявшія греческія государства, какъ основательны были надежды персовъ на то, что имъ удастся при помощи подкупа привлечь большинство государствъ на свою сторону. Въ 480 г. собраніе уполномоченныхъ патріотическихъ государствъ дало клятву наказать всѣ государства, перешедшія на сторону персовъ безъ явнаго принужденія. Клятва эта подчеркнула не признававшуюся до того обязательность общеэллинскаго патріотизма, но не сдѣлала ничего для установленія какого-либо единства. Когда при Платеяхъ персы дали и проиграли послѣднюю битву на материкѣ Греціи, а греки впервые освободились отъ гнета грозившей имъ опасности, рѣшено было принять мѣры для образованія наці-

онального союза. Крайне важно указать, что тогда было сделано, так как это служить точкой отправления для международной политики греков во время Перикла. Руководил дѣломъ дельфійскій оракуль. Оттуда принесенъ былъ огонь, чтобы зажечь снова огни, погашенные потому, что они считались оскверненными персидскимъ владычествомъ. Былъ воздвигнутъ особый алтарь Зевсу-Освободителю. Въ память битвы было установлено атлетическое празднество, происходившее разъ въ четыре года. Платей, по образцу Олимпіи, были объявлены священнымъ городомъ. Павшимъ въ битвѣ положено было ежегодно оказывать общественныя почести, и на городъ Платей была возложена обязанность слѣдить за ихъ оказаніемъ. Вплоть до перваго вѣка по Р. Х. главный сановникъ государства отправлялся разъ въ годъ къ памятникамъ убитыхъ и совершалъ возліаніе въ честь «людей, погибшихъ за свободу грековъ». Далѣе, по предложенію аѣинянина Аристида, было постановлено, что ежегодно въ Платеяхъ будутъ собираться уполномоченные отъ всѣхъ государствъ, и что для войны противъ персовъ будетъ содержаться наготовѣ войско изъ 10.000 пѣхоты, тысячи всадниковъ и сотни кораблей. Это не было образованіемъ союза всѣхъ греческихъ государствъ въ законченномъ видѣ; но это было началомъ, изъ котораго могло вырасти нѣчто очень важное. Была образована постоянная общая армія, по крайней мѣрѣ, въ теоріи. Было положено начало собраніямъ, которыя могли развиваться въ союзный совѣтъ Греціи. Крупная и успѣшная война вызвала наружу все, что было хорошаго въ Греціи, вызвала неизвѣстное прежде

грекамъ стремленіе къ единству. За исключеніемъ немногихъ противившихся государствъ, которыя были теперь унижены и старались незамѣтно перейти на сторону патріотовъ, Греція на короткое время составила подъ главенствомъ Спарты единое цѣлое. Но было много условій, дѣлавшихъ продолженіе такого порядка вещей настолько же затруднительнымъ, насколько оно было желательно. Мысль о подчиненіи общему вождю противорѣчила международнымъ понятіямъ грековъ. Ни одно государство не представлялось способнымъ меньше Спарты руководить союзомъ; она была лишена совершенно необходимой для этого предприимчивости и примирительности. Наконецъ, отъ Аѣиновъ нельзя было ожидать, чтобы онѣ охотно взяли на себя подчиненную роль въ союзѣ. Для установленія дѣйствительно прочнаго союза греческихъ государствъ нуженъ былъ бы постоянный гнетъ войны съ персами.

Первыя несогласія между Аѣинами и Спартой.

Скоро обнаружилось, что эти два главныхъ государства не могутъ дѣйствовать вмѣстѣ. Тотчасъ послѣ битвы при Микалѣ пришлось встрѣтиться съ трудной задачей; Аѣины и Спарта внесли противорѣчивыя предложенія, и это показало, какъ трудно имъ оставаться въ согласіи. Хотя персы потерпѣли рѣшительное пораженіе, они все еще оставались господами материка, и греческія государства все еще были подчинены тамъ ихъ власти. Персидскія войны начались возстаніемъ Іоніи, и пока это возстаніе не восторжествовало, пораженіе персовъ оставалось неполнымъ. И вотъ іонійскія государства, главнымъ образомъ съ прилегавшихъ къ материкъ

острововъ, потребовали себѣ доступа въ союзъ противъ персовъ, что, очевидно, обязало бы послѣдній продолжать борьбу, пока они не станутъ свободными. Спартанцы отъ такой ответственности уклонились. Какъ могло государство, гражданамъ котораго законъ запрещалъ покидать Спарту безъ особаго дозволенія, согласиться на постоянное вмѣшательство въ дѣла восточнаго берега Эгейскаго моря? Вмѣсто того они предложили прогнать съ ихъ земель тѣхъ грековъ Эллады, которые во время войны приняли сторону персовъ, а земли эти отдать іонійскимъ грекамъ, которые и переселятся туда со всеѣмъ своимъ имуществомъ. Такія массовыя переселенія не были необычными на Востока, и предложеніе представлялось тогда не столь невозможнымъ, какъ теперь. Но іонійцы воспротивились: грекъ дорожилъ родной землей съ ея божествами и воспоминаніями. Къ ихъ протесту присоединились Аеины, въ качествѣ главы іонійскаго племени считавшія себя особенно ответственными за нихъ. Передъ этимъ двойнымъ протестомъ Спарта отступила, и «тогда жители Самоса, Хиоса, Лесбоса и другихъ острововъ были приняты въ союзъ и обязались клятвенно быть вѣрными и не измѣнять общему дѣлу» (Геродотъ, IX, 106) Отсюда ясно, что Аеины должны были пользоваться среди іонійскихъ грековъ большей популярностью, чѣмъ Спарта, но главенство послѣдней номинально продолжалось (479 г.). Тогда флотъ отплылъ къ Гелеспонту и послѣ долгой и утомительной осады прогналъ персовъ изъ Сеста.

Между тѣмъ аеиняне должны были обратить всю свою энергію на свою родину, дважды опустошен-

ную огнемъ и мечомъ персовъ. Частные дома и храмы боговъ всѣ были въ развалинахъ. Жатва, вѣроятно, была скудная, такъ какъ тревожный 479 годъ могъ оставить аеинянамъ немного досуга для земледѣльческихъ работъ. Но прежде чѣмъ заниматься храмами, домами или жатвой нужно было обратить вниманіе на болѣе настоящую потребность. Прежде чѣмъ обратить свою энергію на постройку домовъ, они должны были обезопасить свои постройки отъ нападенія и разрушенія. Всего нужнѣе было укрѣпить Аеины, и этой задачѣ посвятилъ всѣ свои силы талантливѣйшій дѣятель эпохи — Темистокль. Онъ именно заранѣе предвидѣлъ нашествіе Ксеркса и побудилъ аеинянъ приготовить флотъ для борьбы съ врагомъ, разбитымъ при первомъ нападеніи на сушѣ. Онъ руководилъ дѣйствіями аеинянъ въ теченіе всего 480 г. Если даже легенда и преувеличила его предусмотрительность и ловкость, все-таки мы должны признать, что безъ него, вѣроятно, не было бы дано сраженій при Артемисіи и Саламинѣ. «Съ помощью природной проницательности, — говоритъ Фукидидъ, — не подкрѣпленной ни прежде, ни послѣ образованіемъ, онъ послѣ самаго короткаго размышленія являлся лучшимъ судьей настоящаго положенія и точнѣе всѣхъ угадывалъ то, что должно произойти въ самомъ далекомъ будущемъ». Теперь онъ убѣждалъ аеинянъ построить укрѣпленія въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Если первой мыслью великаго политика была постройка этихъ стѣнъ, которыя могли предназначаться только противъ враждебныхъ грековъ, то это отлично характеризуетъ постоянные раздоры греческихъ государствъ. Его забота объ этомъ была

вполнѣ оправдана тотчасъ представившимися затрудненіями. Спарта смотрѣла съ завистью на ростъ флота Аѣинъ, на ихъ энергію въ борьбѣ съ Персіей, на ихъ популярность среди островитянъ Архипелага. Если бы Аѣины были укрѣплены, онѣ скоро стали бы въ независимое отъ Спарты положеніе. Но съ перваго раза нельзя было пускаться въ ходъ противъ союзника силу, и Спарта протестовала противъ укрѣпленія Аѣинъ по соображеніямъ патристическимъ. Если персы явятся снова, заявила она, и покорятъ Аѣины, они найдутъ въ ихъ укрѣпленіяхъ такую же или еще болѣе сильную опору, чѣмъ какую нашли въ 480 г. въ Фивахъ. Аѣины должны были бы скорѣе разрушить свои стѣны и принудить къ тому же всѣ прочія государства внѣ Пелопоннеса. Опасность подобнаго требованія, которое легко можно было поддержать вооруженной силой, была столь же очевидна, какъ и зависть, вызвавшая его. Положеніе требовало осторожнаго образа дѣйствій, но Эмистокль прибѣгнувъ къ «прямой лжи» съ прямодушіемъ, которое поразило бы самого Маккіавелли. Примѣненный имъ пріемъ всего лучше описать словами Фукидида (I, 90 — 91). «На эти заявленія лакедемонянъ аѣиняне, по совѣту Эмистокля, отвѣтили, что пришлютъ къ нимъ пословъ для переговоровъ, и тотчасъ отпустили ихъ. Затѣмъ Эмистокль предложилъ отправить его какъ можно скорѣе въ Лакедемонъ, а съ отправкой прочихъ пословъ, его товарищей, повременить до тѣхъ поръ, пока стѣна достигнетъ такой высоты, что кое-какъ можно будетъ обороняться. Работать должны были всѣ, и мужчины, и женщины, и дѣти, не щадя ни частныхъ, ни общественныхъ построекъ, какія могли

быть чѣмъ-нибудь полезны, но разрушая всё. Давъ такія наставленія, онъ обѣщаль самъ устроить дѣла въ Спартѣ и отправился туда. Тамъ онъ не явился къ властямъ, а медлилъ подъ разными предлогами. Когда кто изъ сановниковъ спрашивалъ его, отчего онъ не является къ нимъ, онъ отвѣчалъ, что ожидаетъ товарищей, задержанныхъ какимъ-нибудь дѣломъ, но что они скоро должны прійти, и его удивляетъ ихъ отсутствіе. По дружбѣ къThemistocle, сановники вѣрили его словамъ, но не могли не вѣрить и другимъ лицамъ, приходившимъ изъ Аѣины и утверждавшимъ за вѣрное, что стѣна строится и уже достигаетъ значительной высоты. Узнавъ объ этомъ, Themistocle посовѣтовалъ властямъ не полагаться на слова, а послать отъ себя въ Аѣины надежныхъ людей, которые сами увидятъ все и доставятъ имъ вѣрныя свѣдѣнія. Тѣ согласились, а онъ тайно послалъ аѣинянамъ инструкцію, какъ можно незамѣтно задержать пословъ и не отпускать ихъ, пока не вернется онъ съ товарищами. Послѣдніе между тѣмъ пришли и извѣстили, что стѣна достигла достаточной вышины, и онъ боялся, что лакедемоняне, узнавъ истину, ихъ уже не выпустятъ. Аѣиняне поэтому задержали пословъ, а Themistocle явился къ властямъ и прямо объявилъ, что Аѣины уже настолько укрѣплены, что могутъ охранять своихъ жителей; если лакедемоняне или союзники пожелаютъ вступить въ переговоры, они должны смотрѣть на аѣинянъ, какъ на людей, умѣющихъ отличать полезное для нихъ самихъ и для Эллады» (478 г.).

«Весьма важно, — говоритъ Макіавелли, — чтобы политикъ скрывалъ свои стремленія и хорошо игралъ

свою роль. ХитростьThemistocles сопровождалась блестящим успѣхомъ. Спарта не могла въ это время вступить въ открытую ссору; ей пришлось утверждать, будто ея побужденія были неправильно поняты. Но, несомнѣнно, добрымъ отношеніямъ ея къ Аѣинамъ былъ нанесенъ сильный ударъ. Случай этотъ указывалъ на невозможность для Спарты искренно допустить главенство Аѣинъ. Вскорѣ натянутая струна совсѣмъ лопнула.

Измѣна Павсанія и переходъ главенства на морѣ къ Аѣинамъ.

Когда въ 477 г. борьба съ Персией возобновилась, Спарта стала во главѣ вооруженій, и начальникомъ соединеннаго флота былъ назначенъ ея полководецъ Павсаній. Въ 479 году онъ, скорѣе въ силу своего официальнаго положенія, чѣмъ какихъ-либо замѣчательныхъ талантовъ, сдѣлался самымъ выдающимся лицомъ въ борьбѣ грековъ съ персами. Онъ командовалъ союзными войсками въ битвѣ при Платеяхъ, и хотя дошедшіе до насъ разсказы о ней не позволяютъ сколько-нибудь приписывать ему побѣду, но на время онъ обратилъ на себя глаза всей Греціи. Характернымъ для спартанца образомъ успѣхъ опьянилъ его, и онъ началъ считать себя скорѣе властителемъ грековъ, чѣмъ ихъ выборнымъ вождемъ. Когда изъ платейской добычи Аполлону былъ посвященъ въ Дельфахъ золотой треножникъ, Павсаній написалъ на немъ только свое имя. Когда его стерли и замѣнили именами государствъ, принимавшихъ участіе въ битвѣ, онъ долженъ былъ почувствовать себя лично оскорбленнымъ. Онъ уже зналъ, насколько отлично было

положеніе персидскаго полководца; во всякомъ случаѣ, разъ у него было въ рукахъ высшее начальство, отъ него нельзя было ожидать особеннаго повиновенія. Вѣроятно, очень скоро послѣ платейской битвы онъ началъ мечтать о томъ, какъ бы ему смѣнить подчиненное положеніе спартанскаго вождя на блескъ и свободу вассала великаго царя. Командуя союзнымъ флотомъ грековъ, онъ успѣлъ вытѣснить персовъ изъ Геллеспонта и Босфора. Онъ взялъ Византію и тамъ нашелъ среди плѣнниковъ многихъ друзей персидскаго царя. Черезъ нихъ ему представился случай открыть измѣнническія сношенія съ Персіей, о которыхъ онъ давно мечталъ. Онъ позволилъ плѣнникамъ бѣжать и послалъ царю письмо, требуя себѣ награды за оказанную этимъ услугу. «Я желаю, — гласило письмо, если вѣрно привелъ его Фукидидъ, — жениться на твоей дочери и подчинить твоей власти Спарту и остальную Элладу». Ксерксъ принялъ его предложеніе съ восторгомъ и для содѣйствія ему послалъ агента на азіатскій берегъ Босфора. Греки всего этого не знали и, пожалуй, даже не подозрѣвали, но результатъ сказался довольно ясно на поведеніи Павсанія. Онъ сталъ поступать такъ, какъ будто бы уже обладалъ тою властью, къ которой стремился. Онъ окружилъ себя иноземными тѣлохранителями, замѣнилъ единобрачіе грековъ гаремной жизнью персовъ, сталъ обращаться съ воинами различныхъ греческихъ отрядовъ какъ съ рабами, сѣчь ихъ и подвергать необычнымъ у грековъ наказаніямъ. Союзники начали сравнивать высокомеріе и грубость Павсанія съ обходительностью и мягкостью аеяннъ, вождь которыхъ, Аристидъ,

прославился полнымъ безпристрастіемъ. Вожди союзныхъ отрядовъ сблизились съ аеинянами и предложили имъ взять на себя начальство надъ флотомъ вмѣсто спартанцевъ. Чистый общеэллинскій патріотизмъ, вѣроятно, отвергъ бы это предложеніе, но гнѣтъ войны съ Персіей прекратился, и это снова выдвинуло эгоистичныя стремленія государствъ. Потомство не можетъ порицать Аеины за то, что онѣ заняли положеніе, для котораго считали себя подходящими. Между Спартой и союзниками тотчасъ произошелъ полный разрывъ, и полководцы аеиняны приняли отъ имени своего государства предложенное имъ предводительство. Когда вѣсти обо всемъ этомъ достигли Спарты, Павсанія тотчасъ отозвали, а съ нимъ вернулся и весь спартанскій отрядъ. По прибытіи Павсанія, его поведеніе было подвергнуто разслѣдованію, но, къ удовольствію судей, не оказалось возможнымъ поставить ему въ вину что-либо опредѣленное. Поэтому онъ остался на свободѣ въ Спартѣ и продолжалъ свои измѣнническія сношенія съ Персіей. Но подозрѣнія противъ него были настолько сильны, что помѣшали спартанцамъ назначить его начальникомъ союзнаго флота. Вмѣсто него былъ назначенъ и посланъ въ Геллеспонтъ Доркидъ.

Между тѣмъ положеніе дѣлъ тамъ значительно измѣнилось. У аеиняны оказалось достаточно времени, чтобы утвердиться въ ихъ новомъ положеніи, и они не выказывали желанія отказываться отъ него. Спартанцамъ оставалось или подчиниться Аеинамъ, или совсѣмъ выйти изъ союза. Они выбрали послѣднее и вернулись въ Спарту. Съ тѣхъ поръ послѣдняя не назначала вождей, и предводительство Аеинъ осталось безспорнымъ.

Современники не замѣтили всей важности этого событія. Спартанцы отказались отъ отвѣтственной роли предводителей безъ особенной неохоты. «Они предпочитали, — говоритъ Плутархъ, — видѣть своихъ гражданъ воздержными и послушными законамъ, чѣмъ повелѣвать всею Греціей». По словамъ Эукидида, они примирились съ новымъ положеніемъ аеинянъ, не опасаясь за будущее. Но при свѣтѣ послѣдующихъ событій кризисъ представляется очень важнымъ. Тутъ снова выдвигается стремленіе греческихъ государствъ къ обособленности, на время ослабленное гнетомъ персидскихъ войнъ. Исчезла возможность осуществленія платейскаго союза. Установленное тамъ религіозное и атлетическое празднество сохранилось въ теченіе ряда вѣковъ; но ежегодное собраніе представителей, постоянное общее войско, символъ панэллинскаго патріотизма, — все это исчезло навсегда. Началось то, что Гротъ называетъ «раздвоеніемъ греческой политики». На мѣсто единаго общаго союза, какой мы видимъ послѣ персидскихъ нашествій, скоро явились два союза: одинъ — изъ государствъ материковой Греціи, подъ руководствомъ Спарты; другой — изъ островныхъ и азіатскихъ государствъ, сначала подъ руководствомъ, а потомъ подъ властью Аеинъ. Оба эти союза сначала относятся другъ къ другу очень ревниво, но не вступаютъ въ открытую вражду; а затѣмъ соперничество получаетъ характеръ явнаго ожесточенія и, наконецъ, приводитъ къ самоубійственной пелопоннеской войнѣ. Запутанныя частности послѣдующаго періода становятся всего понятнѣе, если разсматривать ихъ какъ ступени перехода Греціи отъ единства 479 г. къ полному

разрыву, слѣдующему за началомъ пелопоннесской войны въ 431 г.

Дальнѣйшая карьера Павсанія мало касается насъ здѣсь. Впрочемъ, она заслуживаетъ упоминанія какъ одинъ изъ многихъ случаевъ измѣны, представляемыхъ Элладой даже въ ея лучшее время. Изъ Спарты онъ все еще сносился съ Персией. Власти подозрѣвали его, но не могли подтвердить своихъ подозрѣній. Ходилъ слухъ, что онъ составилъ планъ еще болѣе опасный, чѣмъ всѣ его интриги съ персами, — именно поднять противъ Спарты гелотовъ. Возстаніе ихъ было Дамокловымъ мечомъ, постоянно висѣвшимъ надъ ея головой. Ихъ можно было удерживать въ покорности, только держа постоянно въ страхѣ. Если бы они нашли себѣ поборника среди самихъ спартанцевъ, волны ихъ возстанія легко могли бы поглотить все государство. Но, наконецъ, власти получили доказательства, подтверждавшія ихъ подозрѣнія. За интереснѣйшимъ разсказомъ о раскрытіи виновности Павсанія читатель долженъ обратиться къ главамъ 128 — 134 первой книги Фукидида; разсказъ этотъ особенно интересенъ потому, что представляетъ собой одинъ изъ рѣдкихъ случаевъ, когда мы можемъ такъ же ясно видѣть жизнь Спарты, какъ мы наблюдаемъ постоянно жизнь Аѣинъ. Тамъ подробно описано, какъ рабъ Павсанія выдалъ его посланіе эфорамъ, какъ Павсаній бѣжалъ въ храмъ и былъ уморенъ тамъ голодомъ. Если бы понадобились дальнѣйшія доказательства, то карьера Павсанія доказываетъ полную неспособность Спарты и ея учрежденій взять на себя руководство соединенною Греціей.

Θεμιστοκλѣ въ Πελοποννησѣ.

• Смерть Павсанія, — говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ историковъ Греціи, — не составляла потери ни для Греціи, ни для Спарты». Но она показала всей Элладѣ, что Спартѣ не удалось укрѣпить въ своихъ вождяхъ тѣ качества, которыя она такъ энергично старалась насаждать во всѣхъ своихъ гражданахъ. Около этого времени обаяніе Спарты стало быстро падать. Она уже не пользовалась въ Πελοποννηсѣ такъ долго принадлежавшимъ ей неоспоримымъ преобладаніемъ. Объединенная Эллада уже не признавала ея больше своимъ вождемъ. Даже на берегахъ Эвроты Спарта опасалась возможности возстанія гелотовъ. Вызванное среди нихъ Павсаніемъ движеніе съ его смертью не прекратилось. Спустя нѣкоторое время нѣсколько гелотовъ нашли необходимымъ искать себѣ убѣжища въ храмѣ Посейдона на горѣ Тѣнарѣ. Страхъ и ненависть оказались въ спартанцахъ сильнѣе религіозныхъ сомнѣній: они оторвали гелотовъ отъ алтаря и утервили ихъ.

Года за три до смерти Павсанія въ Πελοποννηсѣ появился самый опасный противникъ Спарты: вѣроятно, въ 471 г. изъ Аѣинъ былъ изгнанъ остракизмомъ Θεμιστοκλѣ. Причины, приведшія къ изгнанію изъ родины спасителя Греціи, сомнительны и не могутъ быть обсуждаемы здѣсь. Неукротимое честолюбіе Θεμιστοκλα, очевидно, возмущало аѣинянъ, и у него было много враговъ. Въ причинахъ непопулярности недостатка не было, и полное знакомство съ характеромъ аѣинскаго государства не

позволяет намъ сильно удивляться, видя Өемистокла во временномъ изгнаніи.

Если бы Спарта не относилась къ нему враждебно со времени случая съ аѳинскими стѣнами, онъ, можетъ быть, искалъ бы себѣ убѣжища въ ней. Самое изгнаніе его могло быть отчасти вызвано этой враждебностью, такъ какъ Спарта пользовалась значительнымъ вліяніемъ на извѣстную партію среди гражданъ Аѳинъ. Поэтому Өемистоклъ обратился къ Аргосу, униженному оружіемъ Спарты, ославленному въ глазахъ грековъ тою ролью, какую онъ игралъ въ персидскихъ войнахъ, вынужденному почти у своихъ воротъ видѣть независимые Микены и Тиринь; послѣдній находился во власти его возставшихъ рабовъ. Послѣдующее усиленіе Аргоса, въ связи съ современнымъ ему движеніемъ противъ Спарты на сѣверѣ Пелопоннеса, безъ сомнѣнія, можетъ быть приписано отчасти неутомимой энергіи Өемистокла. Послѣ долгой осады Аргосъ взялъ и совершенно разрушилъ Микены. Меньше сопротивленія оказалъ Тиринь. Въ рукахъ Аргоса снова оказалась вся долина Инаха, и старый противникъ Спарты снова пріобрѣлъ большую силу. Столь же опасныя для могущества Спарты движенія въ Аркадіи могутъ быть также безъ особеннаго сомнѣнія приписаны частымъ поѣздкамъ туда Өемистокла, о которыхъ говоритъ намъ Өукидидъ. Противъ Спарты возстали всѣ горныя области ея за исключеніемъ Мантиней. Опасность была очень сильна. Спартанцевъ было гораздо меньше, но ихъ выучка и стойкость доставили имъ побѣду. Впрочемъ, это немного подняло обаяніе Спарты; Өемистоклъ все еще былъ ея врагомъ, все еще жилъ въ Аргосѣ.

Среди этихъ неудачъ послѣдовала его опала въ связи со смертію Павсанія.

Гибель послѣдняго нѣсколько улучшила положеніе Спарты, такъ какъ въ своемъ паденіи онъ увлекъ за собой Фемистокла. Спартанцы утверждали, что въ бумагахъ Павсанія нашлись документы, доказывавшіе участіе Фемистокла въ его измѣнѣ. На этомъ основаніи онъ былъ привлеченъ къ суду аѣинскаго собранія по обвиненію въ измѣнѣ. Изгнаніе помѣшало ему защищаться лично, и онъ былъ осужденъ. Наказаніемъ за измѣну служила смерть съ отобраніемъ всего имущества и лишеніемъ всѣхъ правъ. Соединенный отрядъ аѣинянъ и спартанцевъ попытался захватить Фемистокла въ Аргосѣ, но онъ бѣжалъ оттуда, подвергаясь сильному преслѣдованію. Его послѣдующее поприще, съ его дѣйствительными или вымышленными приключеніями, не интересуетъ насъ прямо при изученіи исторіи Греціи въ вѣкъ Перикла. Послѣ бѣгства, приводившаго его въ Корциру, въ Эпиръ, въ Пидну, а затѣмъ черезъ Эгейское море на берега Малой Азіи, герой Саламина, въ знаменитомъ письмѣ, обратился къ покровительству Артаксеркса, царя персидскаго: «Я, Фемистокль, пришелъ къ тебѣ; изъ всѣхъ грековъ я причинилъ твоему дому наибольше зла, пока вынужденъ былъ защищаться противъ твоего отца». Онъ научился персидскому языку и затѣмъ имѣлъ личное свиданіе съ царемъ. Послѣдній принялъ его съ восхищеніемъ, далъ ему богатое содержаніе и сталъ побуждать его къ выполненію его замысловъ противъ Греціи; но Фемистокль умеръ прежде, чѣмъ что-либо было сдѣлано. Меньше чѣмъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ обстоятельства его смерти облеклись

въ легенду,—доказательство того, какое впечатлѣніе произвелъ онъ на воображеніе грековъ. Его гений запечатлѣлся на великой страницѣ греческой исторіи. Персидскія войны доставили ему выходъ, котораго требовала его неутомимая и необузданная дѣятельность; но когда кризисъ прошелъ, Греція перестала представлять для него подходящее поле дѣятельности. Мелкіе размѣры ея политики не давали законнаго простора подобному честолюбію. Его изгнаніе и смерть въ Малой Азіи были результатомъ не только его неугомоннаго и безцеремоннаго честолюбія, но и неспособности грековъ пользоваться какъ слѣдуетъ талантами своихъ великихъ людей. Въ этомъ отношеніи у грековъ было не мало дѣятелей, подобныхъThemistocle.

Полный разрывъ Аѣинъ и Спарты.

Между концомъ персидской войны и 464 годомъ Спарта изъ вождя всей Эллады превратилась въ сомнительнаго главу одного Пелопоннеса. Напротивъ, Аѣины изъ подчиненнаго члена руководимаго Спартой союза стали главой и почти повелителемъ союза болѣе опаснаго, чѣмъ руководимый Спартой. Поэтому Спарта, несомнѣнно, относилась къ Аѣинамъ съ завистливой ненавистью побѣжденнаго соперника.

Какимъ путемъ аѣиняне усилили свою власть надъ делосскимъ союзомъ и изъ руководителей его превратились въ полныхъ повелителей, это будетъ объяснено подробнѣе потомъ. Въ то же время они съ блестящимъ успѣхомъ продолжали войну съ Персіей. Ихъ вождемъ въ этомъ отношеніи былъ

Кимонъ. Въ области дѣйствія у нихъ не было чело-
вѣка болѣе благороднаго. Онъ былъ сыномъ Миль-
тиада, побѣдителя при Мараонѣ; по наслѣдству и
по склонности онъ принялъ сторону консервативной
партіи. Здѣсь онъ унаслѣдовалъ руководящее поло-
женіе Аристида и отличался всею добросовѣстностью
послѣдняго. Если консервативная партія и была
когда-либо въ Аѣинахъ противъ развитія ихъ мор-
ского могущества, то теперь всякое противодѣйствіе
исчезло. Кимонъ приобрѣлъ себѣ наибольшую славу
въ качествѣ начальника флота и сторонника энер-
гичной борьбы съ Персіей. Но онъ также сильно
интересовался внутренними дѣлами Аѣинъ и ихъ
отношеніями къ прочимъ государствамъ Греціи.
Основу всей его политики составляло поддержаніе
дружбы со Спартой. Его полная добросовѣстность
при проведеніи этой политики никогда не подвер-
галась сомнѣнію, и Спарта, въ благодарность за
его расположеніе къ ней, назначила его своимъ *про-*
ксеномъ въ Аѣинахъ, что налагало на него обязан-
ность охранять всѣхъ спартанцевъ, проживавшихъ
въ Аѣинахъ или посѣщавшихъ ихъ. Его характеръ
и личность были чрезвычайно привлекательны. Ха-
рактерно для аѣинскаго государства, что однимъ
изъ источниковъ его вліянія признавалась его кра-
сивая наружность. Онъ былъ очень богатъ и вла-
дѣлъ въ Аѣинахъ большими садами, которые дер-
жалъ открытыми для всѣхъ гражданъ.

Подъ его начальствомъ аѣинскій флотъ наносилъ
персамъ ударъ за ударомъ. Къ несчастію, подроб-
ности этой борьбы или совѣмъ утрачены для насъ,
или передаются позднѣйшими писателями въ такомъ
романическомъ освѣщеніи, что становятся совѣмъ

недостовѣрными. Но, очевидно, Персіи былъ нанесенъ на Востокъ ударъ столь же сокрушительный, какъ при Саламинѣ или Микалѣ. Въ 466 году, подлѣ устья Эвримедонта въ Памфіліи, флотъ персовъ былъ истребленъ, и послѣ упорной борьбы были также разбиты наголову ихъ сухопутныя силы. Прошло много времени, прежде чѣмъ на водахъ Средиземнаго моря вліяніе Персіи снова получило нѣкоторое значеніе. При личныхъ качествахъ Аристиды, Кимонъ достигъ успѣховъ Оеми-стокла.

Въ противникахъ у Кимона не было недостатка. Аѣнская демократія вступила на путь, казалось, прегражденный его личнымъ вліяніемъ. При томъ у партіи прогрессивной демократіи былъ вождь наиболѣе талантливый и крупный изъ всѣхъ когда-либо бывшихъ. Правда, признаннымъ главою партіи былъ Фіалтъ, но Периклъ уже начиналъ проявлять свою способность увлекать за собой людей. Ему было около тридцати лѣтъ; слѣдовательно, онъ родился за три или за четыре года до битвы при Марафонѣ. Ему было около пятнадцати лѣтъ, когда произошло нашествіе Ксеркса, и, безъ сомнѣнія, Саламинъ, Платей и Микала оставили глубокое впечатлѣніе въ его умѣ, подъ гнетомъ такихъ событій созрѣвшемъ даже быстрѣе, чѣмъ это бываетъ на жаркомъ югѣ. По отцу и по матери онъ принадлежалъ къ знатнымъ фамиліямъ, стоявшимъ на сторонѣ демократіи. Его отецъ Ксантисъ былъ обвинителемъ Мильтіада, отца Кимона, а мать—племянницей Клисѣена, настоящаго основателя неограниченной демократіи въ Аѣнахъ. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ его личности и взглядахъ будутъ со-

общены въ одной изъ слѣдующихъ главъ. Здѣсь достаточно сказать, что хотя мы не можемъ еще пока считать его тѣмъ признаннымъ вождемъ, какимъ онъ сталъ потомъ, но его великіе таланты, ораторскіе и правительственные, уже указывали на предстоявшее ему въ близкомъ будущемъ великое поприще. Руководить партіей прогрессивной демократіи значило нападать на Кимона, къ которому онъ питалъ наслѣдственную вражду.

Первый извѣстный намъ случай подобныхъ нападокъ относится къ походу противъ Фасоса, совершенному подъ начальствомъ Кимона. Ссора съ этимъ островомъ вышла изъ спора за рудники на противоположащемъ берегу Фракіи. Аѣиняне недавно основали поселеніе на Стримонѣ и теперь, въ ущербъ интересамъ Фасоса, потребовали себѣ доли въ сосѣднихъ рудникахъ. Отношенія между Аѣинами и ихъ союзниками уже были натянутыми; споръ изъ-за рудниковъ тотчасъ вызвалъ возстаніе. Аѣинскій флотъ немедленно обложилъ Фасосъ, и тотъ послѣ двухлѣтняго сопротивленія принужденъ былъ принять навязанное ему Аѣинами полное подчиненіе (463 г.). Кимонъ вернулся побѣдителемъ изъ похода, и это возвращеніе послужило поводомъ къ первому извѣстному намъ выступленію Перикла передъ народомъ. Онъ обвинялъ Кимона въ приемѣ подкупа отъ Александра, царя Македоніи, вслѣдствіе чего онъ и отказался отъ завоеваній на материкѣ, дежащемъ противъ Фасоса. Въ виду богатства и характера Кимона, обвиненіе представлялось довольно страннымъ, и онъ былъ оправданъ. Но вскорѣ между соперниками произошелъ споръ по болѣе важному вопросу.

Когда въ 465 г. Эасось возсталъ противъ Аѣинъ, его пораженіе, въ случаѣ, если бы онъ не нашелъ союзниковъ, представлялось несомнѣннымъ, и онъ обратился за помощью къ Спартѣ. На словахъ Аѣины и Спарта все еще были союзниками, такъ какъ образованіе Делосскаго союза прямо не разрушило связи, соединявшей ихъ со времени нашествія персовъ. Но Эасось рассчитывалъ на то, что зависть Спарты къ Аѣинамъ побудитъ ее пренебречь союзомъ, и расчетъ оказался вѣрнымъ. Спартанскій флотъ былъ настолько слабъ, что нельзя было и думать о вмѣшательствѣ на морѣ, но если бы на Аттику напали съ суши, это заставило бы аѣинянъ отозвать часть ихъ силъ отъ Эасоса. Спарта тайнѣ обѣщала произвести это нападеніе, но прежде чѣмъ могла исполнить это, сама была постигнута страшнымъ землетрясеніемъ. Мы никогда не имѣемъ о спартанскихъ событіяхъ такихъ полныхъ свѣдѣній, какъ объ аѣинскихъ, и подробности этой катастрофы далеко не достовѣрны. Но намъ говорятъ, что были разрушены почти всѣ дома, уцѣлѣло только пять; изъ жителей погибло 20.000 человекъ. Отъ еще большаго бѣдствія спасъ государство царь Архидамъ. Въ то время, какъ жители Спарты были поражены бѣдствіемъ, онъ приказалъ трубить тревогу; спартанцы по привычкѣ послѣдовали призыву, и всѣ уцѣлѣвшіе собрались внѣ города въ безопасности отъ обрушивавшихся зданій. Присутствіе духа Архидама спасло ихъ отъ еще большей опасности, чѣмъ землетрясеніе. Массамъ гелотовъ, жившихъ вокругъ Спарты, бѣдствіе показалось явнымъ доказательствомъ гнѣва бога Посейдона. Онъ былъ «потрясателемъ земли», а незадолго передъ

тѣмъ изъ его храма были вытащены и перебиты гелоты, искавшіе въ немъ убѣжища. Поэтому гелоты взяли за оружіе и со всѣхъ сторонъ накнулись на Спарту, но, благодаря Архидаму, нашли спартанцевъ въ сборѣ и готовыми къ битвѣ. Они отступили въ Мессенію и сосредоточили свои силы вокругъ горы Иѳомы, естественной твердыни этой области. Если бы возстали и періеки, солнце Спарты закатилось бы навсегда; но, къ счастью для нея, большинство ихъ сохранило спокойствіе, и у Спарты оказалось время для передышки (464 г.). Но опасность была очень сильна. Весьма извѣстный спартанскій полководецъ Аэймнестъ съ 300 спартанцевъ былъ разбитъ и убитъ, а его отрядъ истребленъ. Затѣмъ гелоты оказались не въ состояніи противиться спартанцамъ въ открытомъ полѣ и укрылись за укрѣпленіями Иѳомы, изъ которыхъ, несмотря на всѣ усилія, ихъ никакъ не могли вытѣснить противники, никогда не бывшіе мастерами въ осадномъ дѣлѣ. Наконецъ, Спартѣ пришлось обратиться за помощью противъ своихъ рабовъ къ своимъ союзникамъ, въ томъ числѣ и къ Аѳинамъ.

Слѣдовало ли оказывать помощь? По этому вопросу въ Аѳинахъ обнаружилось большое различіе мнѣній и произошелъ сильный споръ. Кимонъ со всѣмъ своимъ вліяніемъ настаивалъ на исполненіи просьбы Спарты. Онъ убѣждалъ аѳинянь не давать Греціи охромѣть на одну ногу и не лишать своего города его естественнаго товарища. Кимонъ считалъ спартанцевъ не соперниками аѳинянь въ стремленіи къ исключительному господству надъ Греціей, а сотrudниками въ работѣ для ея общаго блага. Политическіе и жизненные идеалы аѳинянь и спартанцевъ

представлялись ему не исключаящими, а дополняющими другъ друга, и намъ, на основаніи болѣе полнаго опыта и знанія того, что еще предстояло Греціи, приходится отчасти раздѣлять его оцѣнку Спарты и удивляться великодушію его политическаго идеала. Заглушить вражду греческихъ государствъ и тѣмъ создать болѣе широкую основу для политической и военной дѣятельности,—вотъ что, несомнѣнно, только и нужно было для практической жизни Греціи.

Но многое можно было сказать и съ другой стороны, и это многое было высказано Эфіальтомъ и Перикломъ. Вся внѣшняя политика Перикла основана на предположеніи, что союзъ между Аѣинами и Спартой не желателенъ и не возможенъ. Во всѣхъ отношеніяхъ онѣ представляли полную противоположность. Аѣины представляли демократію, Спарта—олигархію; эти начала не могли существовать спокойно бокъ о бокъ. Если бы Спарта одержала побѣду и усилилась, она стала бы стремиться къ распространенію олигархическихъ началъ; при такихъ же условіяхъ Аѣины старались бы установить въ сосѣднихъ государствахъ демократію. Насколько Спарта была неспособна дѣйствовать добросовѣстно на ряду съ Аѣинами, это обнаружилось тотчасъ послѣ нашествія персовъ, прежде чѣмъ Аѣины достигли своего настоящаго могущества, и мы должны допустить невозможность добровольнаго союза Аѣинъ со Спартой, который доставилъ бы Греціи силу, необходимую ей для сохраненія постоянной самостоятельности.

Народъ высказался въ пользу Кимона, и онъ тотчасъ отправился къ Иеомъ съ отрядомъ въ 4.000

тяжело-вооруженныхъ воиновъ. Аѣиняне славились большимъ искусствомъ въ осадномъ дѣлѣ; но, несмотря на ихъ прибытіе, гелоты все еще держались въ Иѣомѣ. Скоро спартанцы стали относиться къ аѣинскому отряду подозрительно. Неудача Спарты настолько, очевидно, была въ интересахъ Аѣинъ, что спартанцы не могли повѣрить, чтобы аѣиняне серьезно старались помѣшать ей, и, наконецъ, Кимону было объявлено, что Спарта не нуждается больше въ аѣинскомъ отрядѣ. Оскорбленіе было тѣмъ очевиднѣе, что никто изъ прочихъ союзниковъ не былъ отосланъ. Кимонъ тотчасъ вернулся въ Аѣины. Его походу не удалось примирить Спарту съ Аѣинами; напротивъ, онъ навлекъ на Аѣины оскорбленіе, и это должно было ослабить популярность Кимона. Притомъ по возвращеніи онъ воспротивился проводившимся въ то время чисто-демократическимъ реформамъ Эфіалта и Перикла. Понадобилось прибѣгнуть къ остракизму; требуемое число голосовъ досталось Кимону, и онъ долженъ былъ уйти въ изгнаніе (461 г.). Никогда приговоръ остракизма не былъ такъ несправедливъ. Кимонъ не стремился къ тиранніи и всю свою жизнь оставался честнымъ патриотомъ. Его изгнаніе, несомнѣнно, дало возможность провести безъ особаго противо-дѣйствія демократическія реформы, во всякомъ случаѣ неизбѣжныя; но оно также лишило Аѣины ихъ лучшаго полководца, въ то время какъ онѣ нуждались во всѣхъ своихъ военныхъ талантахъ. Аѣины не могли забыть нанесенной имъ Спартой обиды. Въ 461 г. онѣ отказались отъ союза съ нею, существовавшаго со времени нашествія персовъ; скоро стало ясно, что этотъ разрывъ не ведетъ къ ней-

тралитету, такъ какъ тотчасъ послѣ него Аѣины заключили союзъ съ Аргосомъ, всегдашнимъ, а теперь и опаснымъ врагомъ Спарты, и съ Фессаліей, которая также имѣла основанія враждовать со Спартой. При такихъ условіяхъ война не могла заставить ждать себя долго.

Г Л А В А VI.

МЕЖДОУСОБНЫЯ ВОЙНЫ ВЪ ГРЕЦІИ.

Теперь необходимо дать обзоръ войнъ, вспыхнувшихъ въ Греціи благодаря ссорѣ Аѣинъ и Спарты, но обзоръ самый краткій, такъ какъ сами по себѣ эти войны чрезвычайно не интересны и не имѣютъ никакого значенія во всемирной исторіи. Дѣйствительно, въ цѣломъ военная и политическая исторія Греціи поражаетъ своимъ бесплодіемъ. Она не даетъ никакихъ результатовъ. Изучая римскую исторію, мы чувствуемъ все значеніе этихъ битвъ и политическихъ преобразованій; присматриваясь къ нимъ, мы видимъ, какъ расширяется и формируется потокъ мірового прогресса. Совеѣмъ другое съ войнами и политикой Греціи. Правда, персидскія войны спасли цивилизацію Европы и заслуживаютъ величайшей благодарности потомства; но войны, слѣдующія за ними, представляютъ страшную путаницу, никуда не приводящую и ничего не рѣшающую.

И тѣмъ не менѣе онѣ имѣетъ довольно важное отрицательное значеніе. Онѣ ясно доказываютъ намъ, что Греціи не удалось создать удовлетворительную организацію политическую и военную. Главной потребностью эпохи было положить достаточно широкія и прочныя основы порядка для безопаснаго развитія той цивилизаціи, которой греки положили такое прекрасное начало со стороны духовной. Въ

это время имъ были ввѣрены судьбы цивилизаціи; оставалось посмотрѣть, хватить ли у Греціи силъ для защиты ихъ. Для этого необходима была какая-либо держава болѣе крупная, чѣмъ отдѣльныя городскія общины, болѣе сплоченная, чѣмъ союзъ, существовавшій во времена персидскаго нашествія. Подобную державу могъ образовать федеральный союзъ, подобный тому, зачатки котораго мы видимъ во время персидской войны, или пріобрѣтеніе однимъ изъ существующихъ государствъ преобладанія надъ прочими. Можно сомнѣваться въ томъ, чтобы въ этотъ періодъ всемірной исторіи федерація могла создать достаточно сильное правительство, и несомнѣнно, что тщеславное и торговое соперничество грековъ дѣлало такой союзъ невозможнымъ. Войны, къ очерку которыхъ мы теперь переходимъ, повидому, доказываютъ, что изъ двухъ великихъ державъ Греціи Спартѣ не хватало необходимой для побѣды инициативы, а Аѣинамъ — устойчивости.

Какъ мы видѣли, случай съ Иѣомой привелъ къ окончательному разрыву слабыхъ связей, еще поддерживавшихъ союзъ Спарты и Аѣинъ, и послѣднія немедленно усвоили себѣ политику, враждебную Спартѣ. Союзъ съ Аргосомъ и Тессаліей былъ прямо направленъ противъ Спарты; еще больше значенія имѣлъ вслѣдъ за тѣмъ заключенный союзъ съ Мегарами. Послѣднія владѣли областью, очень важною въ военномъ отношеніи: въ ней цѣликомъ лежала горная масса Гераніи, занимавшая Исѣмъ съ одного конца до другого и господствовавшая надъ нимъ много сильнѣе Коринеа. Пока Мегары были въ союзѣ со Спартою, Аѣины постоянно были открыты для вторженія. Если Геранія была въ рукахъ союз-

никовъ Аѣинъ, онѣ могли считать себя почти въ полной безопасности. Какъ разъ въ это время споры изъ-за границъ усилили вражду между Коринѣомъ и Мегарами, обыкновенно существовавшую въ Греціи между сосѣдями. Коринѣъ былъ сильнѣе, и Мегары обратились къ Спартѣ, какъ къ своему естественному покровителю, такъ какъ онѣ входили въ составъ спартанскаго союза. Но возстаніе гелотовъ или еще продолжалось, или только-что было подавлено, и Спарта не имѣла желанія вмѣшиваться въ чужія дѣла; тогда и Мегары въ своей бѣдѣ обратились къ Аѣинамъ. Послѣднія находились въ такомъ настроеніи, что ради славы и расширенія вліянія готовы были брать на себя какую угодно отвѣтственность и подвергаться любымъ опасностямъ. Кромѣ того, въ настоящемъ случаѣ представлялись такія крупныя выгоды, военныя и торговыя, что для колебанія не оставалось мѣста. Съ Мегарами былъ заключенъ союзъ, равнявшійся войнѣ съ Коринѣомъ, союзникомъ Спарты (461 г.).

Одна эта война, казалось, требовала всей энергіи Аѣинъ; но, кромѣ нея, онѣ все это время находились въ войнѣ съ персами, вступившей какъ разъ тогда въ очень важный періодъ. Возсталъ противъ Персіи Египетъ. Съ начала греческой войны персидскій царь наложилъ на египтянъ подати тяжелѣе прежнихъ, а результатъ этой войны внушилъ имъ смѣлость возстать. Первымъ поднялъ знамя возстанія Инаръ, царь Ливіи, и мятежь быстро распространился почти по всему Египту. Но когда, въ 460 г., Инаръ узналъ, что на него идетъ персидское войско, онъ нашель свои силы недостаточными для отраженія нашествія и обратился къ Аѣинамъ, какъ къ

главѣ делосскаго союза. Отнятіе Египта у Персіи уничтожило бы ея флотъ и нанесло бы ей такой же сильный ударъ, какъ неудача нашествія на Грецію; поэтому аеиняне оказали Инару энергичную помощь. Въ это время двѣсти триремъ были заняты экспедиціей противъ Кипра; ихъ-то и послали въ Египетъ на помощь Инару. Къ сожалѣнію, мы знаемъ очень мало о ходѣ этой интересной войны и почти ничего объ ея частностяхъ; но намъ извѣстно, что сначала аеиняне и ихъ египетскіе союзники имѣли блестящій успѣхъ. Персидскій флотъ былъ снова истребленъ, персидское войско разбито, а его вождь убитъ. Казалось, Египетъ перестанетъ входить въ составъ владѣній Персіи. Но даже если бы эти широкія надежды оправдались, Аеины все еще держали въ Египтѣ войска, которые очень нужны были имъ для еще болѣе важной войны въ самой Греціи.

Но даже и безъ нихъ Аеины были удивительно счастливы въ этой войнѣ. Спарта пока не принимала въ ней участія, потому ли, что она все еще была занята возстаніемъ гелотовъ, или потому, что не оправилась еще отъ истощенія, сопровождавшаго это возстаніе. Но вскорѣ Аеины со своими союзниками, Аргосомъ, Фессаліей и Мегарами, выступили противъ Коринеа и ставшей на его сторону Эгины. Успѣхъ Аеинъ не былъ постояненъ; но въ цѣломъ побѣда увѣнчала ихъ оружіе самымъ удивительнымъ образомъ. Непрiятельскій флотъ былъ разбитъ въ 458 г. Флотъ эгинетовъ былъ истребленъ, и островъ осаждаемъ такъ настойчиво, что подчиненіе его представлялось только вопросомъ времени. У коринейнъ не было флота, которымъ они могли бы

помочь Эгинѣ, но они надѣялись, что нападеніе на Мегары можетъ отвлечь часть осаждающихъ войскъ, такъ какъ, благодаря осадѣ и походу въ Египетъ, аеинянамъ не хватало людей. Поэтому коринѣяне вторгнулись въ область Мегаръ; но они низко оцѣнили упорство своихъ противниковъ: Аеины не вызвали ни одного человѣка съ Эгины. Всѣ, оставшіеся въ городѣ, по молодости или по старости не пригодные для опаснаго похода за море, были выведены въ поле ветераномъ персидской войны Миронидомъ. Произошла битва, обѣ стороны приписывали себѣ побѣду, но коринѣяне отступили съ поля сраженія и позволили аеинянамъ воздвигнуть трофей. По возвращеніи домой коринѣяне были встрѣчены насмѣшками своихъ согражданъ за то, что не сумѣли побѣдить войско изъ юношей и стариковъ, и потому черезъ двѣнадцать дней пошли снова попытать счастья. На этотъ разъ аеиняне одержали полную побѣду, и войско коринѣянь было отгѣснено въ безпорядкѣ на свою территорію. Значительная часть его сбилась съ пути и по ошибкѣ попала на поле, за исключеніемъ узкаго входа, окруженное большимъ рвомъ. Аеиняне замѣтили ихъ ошибку, окружили мѣсто войскомъ и перебили своихъ безоружныхъ противниковъ до послѣдняго человѣка (458 г.).

Между тѣмъ, на родинѣ аеиняне сдѣлали шагъ, усилившій ихъ могущество больше, чѣмъ рядъ битвъ.Themistocle первый сталъ настаивать на томъ, что настоящая сила Аеинъ заключается въ деревянныхъ стѣнахъ ихъ кораблей. Говорятъ, онъ предпочелъ бы совсѣмъ покинуть городъ и сдѣлать столицею Пирей; но такъ какъ это было невозможно, то онъ побудилъ аеинянь укрѣпить Пирей

такъ же, какъ и самый городъ. Съ тѣхъ поръ Аѣины все болѣе и болѣе превращались въ морскую державу. Скоро онѣ могли соперничать со Спартою даже на сушѣ; но на морѣ ихъ превосходство было неоспоримо. Вожди демократіи стремились еще тѣснѣе связать городъ съ моремъ. Хотя флотъ Аѣинъ и былъ непобѣдимъ, но при данномъ положеніи для сильнаго сухопутнаго войска возможно было вступить въ Атику и голодомъ принудить Аѣины къ сдачѣ. Покинуть Аѣины и акрополь со всѣми ихъ религіозными учрежденіями и воспоминаніями было невозможно, но не было ли возможности соединить Аѣины съ Пиреемъ и моремъ рядомъ крѣпкихъ стѣнъ? Такія стѣны должны были бы имѣть почти безпримѣрные въ Греціи размѣры. До Пирея было около семи верстъ. Построить на четырнадцати верстахъ стѣны, недоступныя для осадныхъ орудій того времени, было задачей не легко разрѣшимой. Но Аѣины уже познакомились нѣсколько съ такими работами въ Мегарахъ, гдѣ онѣ связали городъ съ его морскимъ портомъ Нисеей двумя стѣнами. Задача, очевидно, не была невозможной, и, по совѣту Перикла, работы были начаты.

Необычайная энергія Аѣинъ показала Спартѣ, что, если она не желаетъ совсѣмъ отойти на второй планъ, она должна немедленно вмѣшаться. Еще раньше фокидцы подчинили себѣ Дориду, очень небольшую область, находившуюся въ тѣсныхъ связяхъ со спартамцами, которые считали ее своею древнѣйшею родиною, «метрополіей». Выставляя своею цѣлью возвращеніе ей свободы, спартамцы переправились черезъ Коринескій заливъ и вступили въ Фокиду съ арміей въ 11.500 тяжело вооружен-

ныхъ воиновъ и, безъ сомнѣнія, съ обычнымъ числомъ легко вооруженныхъ. Размѣры войска показывали, что у нихъ были и другія намѣренія помимо указаннаго. Фокидцы скоро подчинились; выставленная цѣль похода была достигнута. Но въ это время аеиняне заняли проходы Гераніи и послали флотъ объѣздомъ въ Коринескій заливъ, чтобы отрѣзать спартанцамъ возвращеніе по сушѣ и по морю. Въ то же время аеинскіе олигархи вступили съ ними въ предательскіе переговоры съ цѣлью уничтожить своихъ политическихъ противниковъ и разрушить длинныя стѣны. Спартанцы вступили въ Беотию и стали лагеремъ при Танагрѣ, на границѣ Аттики, намѣреваясь вмѣшаться при первомъ возможномъ случаѣ. Самоувѣренность аеинянь была настолько сильна, что не позволила имъ ограничиваться обороной. Рѣшено было предупредить дѣйствія спартанцевъ нападеніемъ на нихъ, и все аеинское войско, числомъ 14.000 человекъ, двинулось къ Танагрѣ. Въ то время какъ оба войска выстроились одно противъ другого, къ аеинскимъ начальникамъ явился Кимонъ съ просьбою дозволить ему, несмотря на изгнаніе, занять его мѣсто въ рядахъ. Но недоувѣріе къ аристократамъ было настолько сильно, что вождю ихъ не дозволили раздѣлить опасности предстоявшаго боя. Поэтому Кимонъ долженъ былъ удалиться, попросивъ друзей своимъ мужествомъ подтвердить его невинность. Сраженіе было очень упорное; но когда въ теченіе его отступила ессалийская конница, аеиняне не могли дольше держаться. Впрочемъ, и пелопоннесцы понесли такія потери, что не покушались двинуться на Аеины и удовольствовались возвращеніемъ домой черезъ проходы Гераніи

(457 г.). Сраженіе укрѣпило увѣренность скорѣе побѣжденныхъ, чѣмъ побѣдителей. Друзья Кимона проявили большую храбрость и пали въ числѣ ста человекъ. Въ битвѣ отличился Перикль, и всѣхъ аѣинянъ ободрило сознание того, что они помѣрились съ непобѣдимыми спартанцами и оказались не со-всѣмъ побѣжденными. Потеря сраженія, казалось, была почти уравновѣшена вызовомъ Кимона изъ изгнанія, по предложенію Перикла. По возвращеніи его было, повидимому, заключено соглашеніе, въ силу котораго онъ обратилъ все свое вниманіе на вѣшнія дѣла, а веденіе внутреннихъ предоставилъ Периклу.

Послѣ неудачи при Танагрѣ у аѣинянъ начался снова рядъ еще болѣе блестящихъ, чѣмъ прежде, успѣховъ. Пока спартанское войско оставалось въ Беотіи, она подъ руководствомъ Фивъ была преобразована на чисто - олигархическихъ началахъ. Аѣины не могли терпѣть въ сосѣдствѣ столь явно враждебной силы. Черезъ два мѣсяца послѣ битвы при Танагрѣ въ Беотію вступило аѣинское войско подъ командой Миронида и разбило наголову еиванскую армію въ большомъ сраженіи при Энофитахъ (456 г.), о которомъ намъ ничего неизвѣстно, кромѣ самаго факта и его слѣдствій. Мелкіе города были освобождены отъ верховенства Фивъ, а олигархія ниспровергнута. Даже въ Фивахъ пораженіе привело къ политической реформѣ и установленію демократіи. Города Беотіи вступили въ аѣинскій союзъ и стали выставлять войска. Вскорѣ къ Аѣинамъ присоединилась также Фокида, враждовавшая со Спартою за недавній набѣгъ на ея область. Вскорѣ за тѣмъ окончилась успѣшно долгая осада

Эгины: укрѣпленія были разрушены, военные корабли выданы, и принято обязательство платить впредь подать. Между тѣмъ, въ 456 г., были окончены длинныя стѣны, соединявшія Аѣины съ моремъ. Восточная стѣна шла къ Фалерскому рейду, западная—къ Пирейскому порту. Вліяніе этихъ стѣнъ на послѣдующій періодъ аѣинской исторіи трудно оцѣнить слишкомъ высоко. Аѣины были соединены теперь съ моремъ. Аѣинское войско могло быть разбито, и Аттика занята непріателемъ, но, пока стояли стѣны и море было во власти Аѣинъ, онѣ были внѣ опасности. Если бы во время осады 1870 г. Парижу было обезпечено сообщеніе съ моремъ, ходъ войны могъ бы быть совсѣмъ инымъ. До нѣкоторой степени подобную услугу оказывали Аѣинамъ названныя стѣны. 456 годъ представилъ новое доказательство несравненнаго могущества Аѣинъ на морѣ. Ихъ адмиралъ Толмидъ объѣхалъ кругомъ Пелопоннесъ и сжегъ верфи спартанцевъ въ Гиѣи, нигдѣ не встрѣтивъ сопротивленія на морѣ. Коринѣеъ оказался стѣсненнымъ со всѣхъ сторонъ союзниками Аѣинъ. На востокъ его окружали Мегары, Эгина и Трезена. На западѣ, въ самомъ узкомъ мѣстѣ Коринесскаго залива, аѣиняне заняли важную стоянку при Навпактѣ, и когда, въ 455 г., гелоты на горѣ Иѣомѣ сдались подъ условіемъ свободного отступленія, аѣиняне поселили ихъ въ Навпактѣ. Жестокіе враги Спарты, а, стало быть, и Коринѣа, они занимали выходъ въ воды запада. Коринѣеъ жилъ своею торговлею, а теперь онъ могъ вести ее только съ дозволенія Аѣинъ. За вызванную этимъ тогда ненависть имъ пришлось дорого заплатить въ время пелопоннеской войны.

Аеины достигли высшей степени матеріальнаго могущества. Имъ принадлежало Эгейское море и центръ Греціи. Ни одна держава не могла помѣриться съ ними на морѣ; на сушѣ Спарта не могла похвалиться несомнѣннымъ превосходствомъ. Аеины господствовали надъ болѣе обширной территоріей, чѣмъ какая принадлежала въ историческія времена любому государству Греціи. Ихъ доходы для того времени были огромны. Ихъ духовное превосходство, безъ сомнѣнія, представлявшееся современникамъ не столь важнымъ, какъ ихъ матеріальное могущество, еще болѣе усиливало ихъ славу въ глазахъ грековъ. Но это расширеніе владѣній произошло слишкомъ быстро, чтобы быть прочнымъ. Такая необычайная энергія носила лихорадочный характеръ и не могла быть постоянной. Аеины не могли рассчитывать на то что имъ удастся одержать много побѣдъ при помощи воиновъ, слишкомъ юныхъ или старыхъ для регулярной службы. Рука объ руку съ завоеваніями шло развитіе демократіи, и мы скоро увидимъ, насколько демократическія учрежденія были непригодны для управленія имперіей. Потому съ этого времени могущество Аеинъ начинаетъ ослабѣвать.

Утрата Аеинами ихъ материковой державы.

Прежде всего измѣнило Аеинамъ счастье въ Египтѣ. Ихъ попытку вырвать эту важную область изъ рукъ персидскаго царя послѣ блестящаго начала постигла полная неудача. Для сохраненія своей власти надъ Египтомъ Персія пустила въ ходъ всю свою энергію. Противъ Инара и его гре-

ческихъ союзниковъ былъ посланъ Мегабизъ съ флотомъ изъ 300 триремъ и съ войскомъ въ 300 тысячъ человекъ. Противъ такихъ крупныхъ силъ грекамъ не удалось повторить чудесъ 480 и 479 гг. Инаръ и его аеиняне были заперты на островѣ Просопитидѣ, образованномъ двумя рукавами Нила и каналомъ. Послѣ безплодной осады каналъ былъ осушенъ, и тогда черезъ него перешло все войско. Упорное сопротивленіе окончилось бѣгствомъ 6.000 аеинянъ на берегъ моря; только немногіе изъ нихъ вернулись въ Аеины. Въ довершеніе несчастія, въ Ниль, не зная о случившемся, вступилъ флотъ изъ 50 аеинскихъ кораблей; персы напали на нихъ съ суши и съ рѣки и почти всѣ ихъ истребили. Такимъ полнымъ пораженіемъ окончился въ 455 г. походъ аеинянъ въ Египетъ. Эта неудача, пожалуй, скорѣе усилила Аеины, позволивъ имъ обратить все ихъ вниманіе на осложненія въ материковой Греціи. Но ихъ гордая самоувѣренность нѣсколько уменьшилась, и намъ прежде всего приходится отмѣтить заключеніе въ 450 г. перемирія между Аеинами и Спартой на пять лѣтъ. Этотъ временный перерывъ враждебныхъ дѣйствій, — ничѣмъ больше онъ быть не могъ, — былъ вызванъ вліяніемъ Кимона, который по возвращеніи изъ изгнанія все еще оставался почитателемъ и доброжелателемъ Спарты. Этимъ поводомъ воспользовался Аргосъ, чтобы выйти изъ аеинскаго союза и заключить со Спартою миръ. Аргосъ ничего не пріобрѣлъ отъ Аеинъ, да и имъ далъ немного; но его отпаденіе, повидимому, указываетъ на упадокъ могущества Аеинъ и на то, что ихъ политика вызывала въ умахъ ихъ союзниковъ раздраженіе и подозрѣнія.

Тѣмъ не менѣе, въ теченіе пяти лѣтъ въ центральной Греціи поддерживался миръ. Въ то же время Кимонъ съ большимъ успѣхомъ возобновилъ борьбу противъ Персіи. Война эта представляетъ значеніе, и было бы интересно прослѣдить частности послѣдней борьбы великихъ соперниковъ. Но наши источники страдаютъ здѣсь скудостью и противорѣчіями, за исключеніемъ главныхъ чертъ; притомъ же война на Востокѣ не оказала прямого вліянія на развитіе аеинскаго могущества въ центральной Греціи. Поэтому достаточно сказать, что, когда въ 449 г. Кимонъ во главѣ аеинскаго флота былъ занятъ покореніемъ Кипра, на него напалъ флотъ персовъ. Кимонъ умеръ передъ сраженіемъ, но его духъ оживлялъ его войска, и въ одинъ и тотъ же день персы потерпѣли полное пораженіе на морѣ и на сушѣ близъ Саламина на Кипрѣ. Пораженіе было страшно сильное, и потому персидскій царь принялъ соглашеніе, подтверждавшее прежнее положеніе и прекращавшее всѣ враждебныя дѣйствія ¹⁾).

До возобновленія войны между греками и персами прошло сорокъ лѣтъ. Между тѣмъ, флотъ съ тѣломъ Кимона вернулся домой. Аеины никогда больше не выдвигали такого замѣчательнаго полководца.

Смерть его была, безъ сомнѣнія, большою потерей для аеинянъ въ непосредственно слѣдовавшихъ войнахъ. Эти войны должны были вызываться особыми обстоятельствами, о которыхъ намъ ничего

¹⁾ Это—такъ-называемый «миръ Калліа». Вопросъ еще, былъ ли онъ прямымъ соглашеніемъ, или молчаливымъ принятіемъ установившагося положенія. Время его такъ же неизвѣстно, какъ и его условія; но, вѣроятно, его нужно отнести къ 444 г.

неизвѣстно, или аеинское господство было настолько стѣснительно, что при первомъ удобномъ случаѣ всѣ подданные Аеинъ послѣдно свергали съ себя ихъ власть. Первый ударъ исходилъ отъ Беотіи. Внезапный переворотъ ниспровергъ тамошнія демократіи, и нѣкоторые изъ ея городовъ высказались противъ верховенства Аеинъ. Движеніе, очевидно, нужно было тотчасъ подавить. Толмидъ, выдающійся полководецъ эпохи, стоялъ за немедленное нападеніе съ небольшими наличными силами. Перикль настаивалъ на необходимости лучшей подготовки и большихъ силъ. Верхъ взялъ Толмидъ. Съ небольшимъ войскомъ, въ которомъ была только тысяча аеинянъ, онъ вступилъ въ Беотію. При Коронѣ аеинское войско подверглось нападенію и было разбито наголову. Толмидъ и многіе воины были убиты, остальные взяты въ плѣнъ. Неудача въ Египтѣ уже обезлюдилА Аеины, и имъ нужно было беречь гражданъ. Ради возвращенія плѣнныхъ, онѣ согласились отказаться отъ Беотіи. Олигархи тотчасъ вернулись назадъ; Беотія снова была поставлена въ зависимость отъ Фивъ; у аеинянъ явился на сѣверѣ завистливый и побѣдоносный соперникъ, ожесточенный воспоминаніемъ о недавнемъ униженіи. За потерей Беотіи послѣдовали неудачи еще болѣе опасныя.

Прежде всего, лѣтомъ 445 г. возстали противъ Аеинъ города крупнаго и важнаго острова Эвбеи. Она съ самага начала была членомъ делосскаго союза; въ виду ея положенія и богатства, ея дружба или вражда имѣли большую важность для Аеинъ. Для подавленія возстанія отправился Перикль со всѣми наличными силами. Но едва онъ обратилъ

свой тылъ, какъ разразилась буря съ запада. Мегары уладили свою ссору съ Коринѣомъ и Спартою и, съ помощью войскъ того и другой, прогнали аѣинскій гарнизонъ; только въ Нисеѣ удержалась небольшая кучка людей. Но самое худшее было еще впереди. Безъ сомнѣнія, по предварительному соглашенію, значительная спартанская армія, съ царемъ Плейстоанактомъ во главѣ, двинулась черезъ Исѣмъ и теперь открытые проходы Гераніи прямо на Аѣины. Атакованныя неожиданно столь грозными врагами, Беотіей, Эвбеей, Мегарами, Спартой, — Аѣины, казалось, не могли уцѣлѣть. Перикль поспѣшно вернулся съ Эвбеи. Но Плейстоанактъ не произвелъ нападенія на самыя Аѣины. Спартанская армія дошла до равнины Элевсина, въ 25 верстахъ отъ Аѣинъ, а затѣмъ повернула и отступила черезъ Исѣмъ въ Спарту. Разсчитывалъ ли Плейстоанактъ на отсутствіе аѣинскаго войска и потому не былъ готовъ считаться съ быстрымъ возвращеніемъ Перикла, или справедливо было позднѣйшее подозрѣніе, будто Перикль просто подкупилъ его не производить нападенія? Многія соображенія побуждаютъ насъ принять второе мнѣніе. Сами сограждане подозревали Плейстоанакта въ приѣмѣ подкупа и присудили его къ штрафу въ пятнадцать талантовъ; онъ не могъ уплатить его, бѣжалъ и девятнадцать лѣтъ прожилъ изгнанникомъ въ Аркадіи. Далѣе, эта доступность подкупу составляетъ во всѣ времена особенность политическихъ дѣятелей Спарты и Перикль въ послѣдствіи отказался представить отчетъ въ израсходованіи крупной суммы денегъ, ссылаясь только на то, что она была истрачена на нужныя дѣла. Такъ прошла самая сильная опасность.

Вернуть Мегары было нельзя: ихъ, безъ сомнѣнія, занималъ спартанскій гарнизонъ. Но съ этого времени Аѣины возненавидѣли ихъ сильнѣе всякаго государства Греціи, хотя и ненавидѣли многія.

Спартанцы не могли пройти въ Эвбею, и Перикль отправился туда. Мы не слышимъ о сопротивленіи, и скоро островъ сдѣлался новою частью аѣинской державы, но уже не на прежнихъ условіяхъ. Эвбея перестала быть вольнымъ членомъ союза, а была строго подчинена Аѣинамъ. Всюду въ ней было отмѣнено олигархическое устройство и введена демократія. Всѣ сторонники стараго устройства были изгнаны, и имъ не дозволялось возвращаться. Да и новыя демократіи не могли управляться по своему желанію. Онѣ сохраняли свободу только до тѣхъ поръ, пока желали оставаться подданными Аѣинъ. Сохранилась надпись, передающая цѣликомъ условія соглашенія съ Аѣинами города Халкиды, бывшаго, почти навѣрное, въ одинаковомъ положеніи съ прочими городами острова. Каждый гражданинъ Халкиды обязанъ былъ принести такую клятву: «Я не буду возставать противъ народа аѣинскаго никоимъ образомъ или видомъ, ни словомъ, ни дѣломъ, и не буду участвовать въ возстаніи. Если кто задумаетъ возстать, я извѣщу аѣинянъ. Я буду платить аѣинянамъ подать... и буду до послѣднихъ силъ ихъ вѣрнымъ и надежнымъ союзникомъ. Я буду помогать и содѣйствовать аѣинскому народу, если кто будетъ его обижать, и буду повиноваться его приказамъ». Надпись говоритъ дальше: «Всякій, кто откажется принести присягу, будетъ лишень правъ, а его имущество взято въ казну, и десятая часть отдана Зевсу Олимпійскому». Въ Гистіеѣ, на сѣверѣ острова, жи-

тели были изгнаны, а ихъ земли раздѣлены между аеинскими поселенцами, которые сохранили всѣ права аеинскихъ гражданъ и должны были на будущее время составлять гарнизонъ (445 г.).

Эти потери и усилія такъ ослабили Аеины, что о продолженіи войны со Спартою нельзя было и думать. Съ своей стороны, Спарта слишкомъ опасалась вѣдшихъ предпріятій, чтобы стремиться къ пользованію своими преимуществами. Поэтому въ 445 г. между ними по взаимному соглашенію былъ заключенъ договоръ на тридцать лѣтъ. На условія его нужно обратить особенное вниманіе, такъ какъ они получили большую важность, когда началась пелопоннесская война. 1) Аеины возвращаютъ всѣ свои владѣнія на материкѣ за исключеніемъ Аттики. Мегары и Беотія уже были потеряны; къ нимъ должны были присоединиться всѣ владѣнія Аеинъ въ Пелопоннесѣ: Нисея, Пеги, Трезена, Ахайя; отъ крупныхъ владѣній на материкѣ не оставалось почти ничего. 2) Въ остальномъ оба союза оставались попрежнему. Всякое независимое государство Греціи могло пристать къ любой сторонѣ, но прямо воспрещались всякія старанія отвлекать государства отъ ихъ настоящаго подданства. 3) До истеченія тридцати лѣтъ всѣ споры между обѣими сторонами должны разрѣшаться обращеніемъ къ посредничеству, а не силою оружія.

Материковая держава Аеинъ появилась и пала такъ быстро, дала такъ мало положительныхъ результатовъ, что этимъ періодомъ трудно заинтересоваться или понять его. Но для Аеинъ важенъ былъ общій результатъ. Послѣ короткаго періода блестящихъ успѣховъ онѣ потеряли всѣ свои вла-

дѣнія на материкѣ, кромѣ Аттики, и превратились исключительно въ морскую державу. Это представляло для нихъ существенную выгоду: для защиты материковой державы имъ потребовалась бы армія гораздо сильнѣйшая, чѣмъ какую онѣ могли выставить, тогда какъ на морѣ онѣ были, повидимому, непобѣдимыми владычицами. Также сильно измѣнили эти годы и положеніе Греціи. Со времени нашествія персовъ не прошло еще и 35 лѣтъ. При Танагрѣ сражались люди, участвовавшіе въ платейской битвѣ. Но за эти 35 лѣтъ исчезла всякая возможность полнаго объединенія Эллады, вся Греція распалась на два лагеря и, ограничивъ періодъ мира тридцатью годами, провозгласила своимъ нормальнымъ положеніемъ войну.

Обращеніе делосскаго союза въ аѣинскую имперію.

За время этой лихорадочной борьбы на материкѣ отношенія между Аѣинами и прочими членами делосскаго союза подверглись быстрому измѣненію. Результатъ его ясенъ, но не ясны тѣ ступени, черезъ которыя оно прошло. Въ 476 г. Аѣины были главой союза добровольно вступившихъ въ него членовъ; въ 445 г. Аѣины относились къ прочимъ государствамъ какъ городъ-владыка къ подвластнымъ ему владѣніямъ, какъ завоеватель къ покореннымъ врагамъ. Изъ добровольнаго союзъ сталъ принудительнымъ; мѣсто добровольныхъ взносовъ заняли подати, собираемыя силою или страхомъ; делосскій союзъ исчезъ, уступивъ свое мѣсто аѣинской имперіи.

Для пониманія этой перемѣны необходимо, прежде всего, припомнить первоначальный характеръ

делосскаго союза. Основою для него послужило объединеніе эллиновъ, вызванное гнетомъ нашествія персовъ. Неумѣльная дѣйствія Спарты въ качествѣ главы общаго союза обусловили выходъ ея изъ него, причемъ она увлекла съ собою все государство материка. Въ силу своего характера и своихъ недавнихъ подвиговъ, ея мѣсто во главѣ морскихъ государствъ заняли Аѣины, сначала въ номинальномъ союзѣ со Спартою, а со времени междоусобныхъ войнъ на материкѣ—въ явной враждѣ.

Устройство делосскаго союза было въ значительной степени дѣломъ Аристида. Онъ считался человекомъ чрезвычайно справедливымъ, и это внушило союзникамъ полное довѣріе къ его раскладкѣ. Ни нѣсколько главъ, посвящаемыхъ Фукидидомъ этому вопросу, ни намеки въ біографіяхъ Плутарха, ни существующія надписи не позволяютъ намъ опредѣлить съ желательною полнотою, въ чемъ заключались эти установленія. Но если сомнительны нѣкоторые пункты, то мы знаемъ достаточно, чтобы представить себѣ общій характеръ делосскаго союза въ его древнѣйшей формѣ и главныя ступени, по которымъ онъ перешелъ къ своему позднѣйшему виду. Онъ былъ образованъ для веденія войны противъ Персіи и для обезпеченія его членамъ недавно приобретенныхъ вольностей. Для этой цѣли ему были необходимы войско и флотъ, денежныя средства и признанный вождь.

1. Вождемъ, безъ сомнѣнія, были Аѣины. Ни одно государство союза не могло требовать себѣ такого повиновенія. Но сначала онѣ правили со-
вѣмъ не деспотически. Ежегодно на островѣ Делосѣ собирались представители различныхъ госу-

дарствъ для совѣщанія о предметахъ, касавшихся всего союза, и, въ частности, о дѣйствіяхъ войска и флота. Несомнѣнно, что у каждаго государства былъ голосъ; но о ходѣ дѣлъ въ совѣтѣ мы не знаемъ почти ничего. Послѣдующая исторія союза и сходные случаи въ греческой исторіи показываютъ, что Аѣины не были простыми исполнителями рѣшеній союза. Ихъ могущество и обаяніе съ самаго начала поставили ихъ въ господствующее положеніе.

2. Взносы въ общую казну были опредѣлены Аристидомъ. Извѣстно также, что первоначально эти взносы простирались до 460 талантовъ (690.000 руб.). Несомнѣнно также, что въ опредѣленные промежутки времени взносы подвергались пересмотру и повышались или понижались согласно условіямъ момента и богатству государствъ. Но не всѣ союзники платили одного и того же рода взносы. Иные платили только деньги; другія, болѣе крупныя государства, поставляли корабли и людей и, можетъ быть, также деньги; въ случаѣ нужды, повидимому, всѣ призывались къ военной службѣ. Пока союзъ оставался свободнымъ, члены его поставляли корабли, людей и деньги въ тщательно опредѣленныхъ количествахъ, согласно первоначальному установленію Аристида.

3. Во главѣ всякаго похода, морского или сухопутнаго, стоялъ аѣинскій полководецъ. По воззрѣніямъ грековъ, это вытекало неизбѣжно изъ положенія Аѣинъ во главѣ союза. Какъ спартанскіе вожди должны были командовать войсками общегреческаго союза 480 г., такъ аѣинскіе — силами делосскаго. Каковы бы ни были въ точности права

союзнаго совѣта, онъ не назначалъ начальниковъ войскъ или флота.

4. Центромъ для всего союза въ первый самостоятельный періодъ его исторіи служилъ Делось. Этотъ небольшой и безплодный островъ былъ нѣкогда главнымъ религіознымъ средоточіемъ іонійскаго племени. Теперь его слава упала, но тамъ все еще существовалъ большой храмъ Аполлона, и съ нимъ было связано много уважаемыхъ легендъ и историческихъ воспоминаній. Поэтому Делось естественно явился центромъ возрожденія іонійскаго племени, за что должно считать образованіе делосскаго союза. Тамъ происходили ежегодно собранія совѣта; тамъ же находилась и казна со взносами союзниковъ.

Современный наблюдатель не можетъ не одобрить общихъ цѣлей союза. Нужно было создать нѣкоторое ограниченіе для независимости государствъ Греціи, какой - нибудь союзъ, стоявшій выше интересовъ отдѣльнаго города, широкую политическую основу, могшую обезпечивать устойчивость; нѣчто въ этомъ родѣ необходимо было Греціи для сохраненія ея независимости. Но можно сомнѣваться, чтобы делосскому союзу возможно было сообщить силу, достаточную для разрѣшенія предстоявшей ему задачи. Союзъ этотъ состоялъ изъ независимыхъ государствъ, связанныхъ единствомъ происхожденія и преслѣдуемыхъ ими, повидимому, общихъ цѣлей. Но въ Греціи стремленіе къ обособленности было вкоренено такъ глубоко, что даже слабыя союзныя связи представлялись слишкомъ тѣсными. Ни въ одномъ государствѣ внутренній строй не отличался цѣльностью или достаточной устойчи-

востью; едва ли поэтому можно было ожидать, чтобы эти качества отличали союзъ государствъ. Кромѣ физической силы, не было власти, которая могла бы надолго объединить различныя государства. Общеэллинискій патриотизмъ еле чувствовался; богъ Аполлонъ терялъ свою силу; Аѣины были не въ состояніи внушить къ себѣ достаточнаго личнаго уваженія, да и не старались поддерживать союзъ при помощи предупредительности и доброжелательности.

Упадокъ делосскаго союза.

Какъ быть, если какое-нибудь государство откажется платить свой взносъ или выставять воинвъ? Случай представлялся довольно вѣроятнымъ, такъ какъ, по мѣрѣ все большаго удаленія персовъ отъ Эгейскаго моря, необходимость союза становилась все менѣе очевидной. Если принять отказъ, тогда возставшее государство воспользовалось бы выгодами безопасности Эгейскаго моря, не участвуя въ организаціи, обеспечивавшей эту безопасность. При основаніи союза государства приносили присягу, въ частности которой должны были внушать мысль о неизмѣнномъ характерѣ договора. Въ море были брошены куски желѣза, и клятва оставалась обязательной до ихъ всплытія. Поэтому Аѣины имѣли нѣкоторое основаніе принуждать возставшее государство оставаться членомъ союза. Еще болѣе сильнымъ доводомъ служило то обстоятельство, что въ ту же сторону увлекало ихъ властолюбіе. Но подобное принужденіе сильно оскорбляло то стремленіе къ самостоятельности отдѣльныхъ государствъ, которое составляло основу политической жизни грековъ.

Первый случай, когда такое принужденіе оказалось необходимымъ, произошелъ въ 466 году. Тогда возсталъ Наксосъ, но по какимъ причинамъ и при какихъ обстоятельствахъ, мы не знаемъ. «Наксосцы возстали, — говоритъ Фукидидъ (I, 98), — аеиняне повели противъ нихъ войну и покорили ихъ при помощи осады. Это было первое изъ союзныхъ государствъ, поработненное вопреки обычаю эллиновъ; затѣмъ наступила очередь остальныхъ». Наксосъ былъ важнѣйшимъ изъ Кикладскихъ острововъ; послѣ возстанія у него были отобраны его корабли, онъ сталъ платить подать и былъ подчиненъ аеинскому управленію.

«Очередь остальныхъ наступила потомъ», говоритъ Фукидидъ, но, какъ или когда это случилось, намъ неизвѣстно. Мы знаемъ только, что, начиная съ 466 года, характеръ союза быстро измѣнился. Фасосъ — второе государство, о возстаніи котораго мы слышимъ, но это возстаніе только отчасти стояло въ связи съ дѣлами союза, а главною причиною его служило торговое соперничество. О возстаніяхъ и подчиненіи остальныхъ союзниковъ мы не знаемъ почти ничего вплоть до 440 года. Тогда рядомъ съ Аеинами занимали независимое положеніе только три государства; это были три крупные острова: Лесбось, Хиосъ и Самось. Въ 440 году возсталъ и Самось. О походѣ, приведшемъ къ подчиненію этого важнѣйшаго изъ острововъ, мы имѣемъ ясный отчетъ у Фукидида, но здѣсь эти подробности для насъ не интересны. Самосцы были покорены, принуждены разрушить всѣ свои укрѣпленія, представить ручательство за свое поведеніе въ будущемъ и оплатить всѣ издержки похода.

Какъ и почему все это произошло? Главныя причины достаточно ясны; это — стремленіе Аѣинъ къ власти и отказъ союзниковъ подчиняться ей. «Аѣиняне, — говоритъ Фукидидъ (I, 99), — предъявляли тяжелыя требованія и примѣняли принудительныя мѣры къ людямъ, не желавшимъ трудной работы и не привыкшимъ къ ней». Съ самаго начала многія государства предпочли уплату денегъ поставкѣ кораблей и людей. Со стороны мелкихъ торговыхъ общинъ это было естественно; но такъ какъ Аѣины пользовались этими деньгами для постройки кораблей, экипажъ которыхъ составлялся изъ аѣинскихъ же гражданъ, то это, очевидно, содѣйствовало опасному усиленію Аѣинъ, возраставшему съ каждымъ возстаніемъ. Въмѣсто поставки кораблей и людей, подчиненное государство должно было платить подать. Такимъ образомъ сила аѣинянь росла, и когда другія государства возставали, то оказывалось, что слабость ихъ подготовки и крупная сила Аѣинъ дѣлали возстаніе совсѣмъ безнадежнымъ. Отношенія усмиренныхъ государствъ къ Аѣинамъ, очевидно, носили уже иной характеръ, чѣмъ до возмущенія. Мы находимъ, что въ покоренныхъ городахъ были поставлены аѣинскіе гарнизоны; рѣшеніе многихъ дѣлъ, какъ будетъ объяснено потомъ, было перенесено въ Аѣины; такъ какъ всѣ возстававшія государства, очевидно, были устраняемы изъ союзнаго совѣта, то руководство всѣмъ союзомъ все болѣе и болѣе переходило въ руки Аѣинъ. Союзъ быстро исчезалъ, уступая свое мѣсто аѣинской имперіи.

Такъ было, очевидно, когда, во время точно неизвѣстное, прекратилъ свое существованіе союзный совѣтъ и казна съ Делоса была перенесена въ

Аеины. Намъ сообщаютъ, что перенесеніе это произошло по предложенію самосцевъ и подъ предлогомъ беззащитности острова Делоса. Тогда управление финансами было отдано въ руки аеинскихъ сановниковъ. Казна была помѣщена въ камерѣ храма богини Аеины. Съ этихъ поръ имена городовъ, платившихъ подать, и ея размѣры обозначались ежегодно на мраморныхъ доскахъ; обломки ихъ еще сохранились и доставляютъ намъ пріятное чувство увѣренности касательно немногихъ фактовъ этого темнаго и неяснаго періода.

Такъ завершился переходъ отъ союза къ имперіи. Цѣли, ради которой союзъ былъ образованъ, уже болѣе не существовало. На словахъ или на дѣлѣ, съ Персіею былъ заключенъ миръ. Въ акрополѣ складывались богатые взносы подчиненныхъ государствъ, но со времени послѣдней борьбы на берегахъ Кипра противъ персовъ уже не выслали флота. Въ 478 году островныя государства провозгласили Аеины своимъ вождемъ; теперь эти самыя государства были подчинены ихъ игу и, подчиняясь ихъ гарнизонамъ и притѣсненіямъ, ожидали только случая къ возстанію. Такая перемѣна глубоко оскорбляла чувства грековъ; но съ точки зрѣнія всемірной исторіи о ней едва ли можно сожалѣть. Новая имперія была сильнѣе стараго союза наступательнаго и оборонительнаго, а Элладѣ V вѣка до Р. Х. нужно было скорѣе тѣснѣйшее объединеніе, чѣмъ болѣшая независимость. Если бы Аеины сохранили свою власть и, разумно пользуясь ею, сплотили свои владѣнія въ однородное цѣлое, онѣ оправдали бы передъ судомъ исторіи свою узурпацію. Но рука объ руку съ развитіемъ имперіи шло развитіе демокра-

тіи, а ни характеръ, ни приемы аеинской демократіи не были пригодны для руководства имперіей.

Демократическія реформы въ Аеинахъ со времени персидскихъ войнъ.

Ближайшая глава будетъ посвящена разсмотрѣнію характера и дѣятельности аеинской демократіи; здѣсь имѣется въ виду только отмѣтить главныя нововведенія со времени Клисеена. Хотя этотъ реформаторъ несомнѣнно положилъ основаніе аеинской демократіи, но для полнаго ея завершения не хватало еще многого. Въ сущности, уже тогда власть принадлежала народу и даже въ большей степени, чѣмъ въ современныхъ демократіяхъ Англіи, Франціи или Америки. Но для увѣнчанія зданія необходимо было облегчить доступъ къ должностямъ, упразднить должности, не замѣщавшіяся и не контролировавшіяся народомъ, поставить въ полную отъ него зависимость, прямую или косвенную, управление и судъ.

1. Конституція Солона предоставила самую выдающуюся въ государствѣ должность, архонтство, богатѣйшему изъ четырехъ классовъ, на которые былъ раздѣленъ народъ. Впослѣдствіи это было измѣнено, но когда, какъ и кѣмъ,—мы не можемъ сказать съ увѣренностью. До нахождения трактата Аристотеля о государственномъ устройствѣ Аеинъ мы слѣпо полагались на утверженіе Плутарха, само по себѣ довольно вѣроятное, что эта реформа была произведена послѣ персидской войны по предложенію Аристида и что тогда всѣ должности были открыты для всѣхъ четырехъ классовъ. Вновь откры-

тая рукопись, представляющая собою, — все равно, принадлежит ли она Аристотелю, или нѣтъ, — внимательное разсмотрѣніе конституціи Аѣинъ съ философской точки зрѣнія, показываетъ, что реформа была произведена не раньше 457 года и что даже тогда должность архонта была открыта только для трехъ первыхъ классовъ, а четвертый классъ, самый бѣдный и, вѣроятно, самый многочисленный, въ теоріи оставался безъ права на эту должность въ теченіе всего существованія аѣинской демократіи. Это ограниченіе носить страннымъ образомъ аристократическій характеръ и не гармонируетъ съ общими стремленіями демократіи. Понять его намъ помогутъ два соображенія. Во-первыхъ, по словамъ самого Аристотеля, ограниченіе это часто обходилось, а затѣмъ архонтство въ управленіи государствомъ не имѣло особаго значенія. Настоящая власть принадлежала не какимъ-либо сановникамъ, а, какъ будетъ объяснено въ слѣдующей главѣ, всей массѣ народа. Архонтъ, бывшій первоначально настоящимъ хозяиномъ государства, съ теченіемъ времени сталъ ограничиваться исполненіемъ однихъ традиціонныхъ обрядовъ. Должность эта требовала большаго досуга, чѣмъ какимъ могъ располагать совсѣмъ бѣдный человѣкъ, не оказывала настоящаго вліянія на ходъ управленія, а потому демократія и допустила такое аристократическое ограниченіе.

2. Въ сущности, болѣе серьезнымъ ограниченіемъ полной демократіи служило существованіе ареопага съ его тогдашними полномочіями. Этотъ совѣтъ состоялъ изъ людей, бывшихъ прежде архонтами; поэтому большая часть ихъ происходила изъ богатѣйшаго класса гражданъ. Всѣ члены его назнача-

лись пожизненно, не выбирались прямо народомъ и не были подчинены обычной въ Аѣинахъ отчетности по истеченіи года. Ихъ полномочія невозможно опредѣлить съ точностью. Ареопагъ былъ въ Аѣинахъ высшимъ судилищемъ, и, что еще важнѣе, ему принадлежалъ общій надзоръ за государствомъ. Во время Солона его называли «контролеромъ всѣхъ дѣлъ и стражемъ законовъ». Эта общая цензорская власть, основывавшаяся на религіи и незапамятной древности учрежденія, составляла, вѣроятно, самую важную часть его обязанностей. Но прошло уже время для примѣненія подобныхъ полномочій. Ими можно было пользоваться только въ вѣкъ вѣры и преданности, и они совсѣмъ не гармонировали съ преобладавшимъ тогда скептическимъ мышленіемъ, а также съ самовластіемъ демократіи.

Но нападать на ареопагъ было очень трудно. Во время персидской войны онъ доблестно исполнялъ свои обязанности. Возможно, что битва при Саламинѣ никогда не была бы дана, если бы ареопагъ не посодѣйствовалъ переправѣ бездомныхъ аѣинянъ. Далѣе, онъ служилъ послѣднею опорой для всѣхъ консервативныхъ симпатій. Солопъ считалъ его и совѣтъ пятисотъ двумя якорями аѣинскаго государства. Послѣдній уже не могъ больше ограничивать полновластіе демократіи; если бы былъ устраненъ и ареопагъ, людямъ, боявшимся демократіи, не къ кому было бы обратиться за защитой. Но не только предразсудокъ служилъ защитой для ареопага. Грозившая ему опасность естественно вызвала сочувствіе такого религіознаго поэта, какъ Эсхиль. Въ «Эвменидахъ» изображена богиня Аѣина, учреждающая ареопагъ и восхваляющая его. «Совѣтую я

вамъ, граждане, уважать эту форму правленія, не анархическую, но и не деспотическую, и не устранять всякій страхъ изъ города, ибо кто изъ смертныхъ соблюдаетъ справедливость, если не боится ничего?.. Этотъ совѣтъ, недоступный корысти, почтенный, строгій, я ставлю бдительнымъ стражемъ надъ дремлющей страной».

На ареопагъ напалъ Фіалътъ, выдающійся демократическій дѣятель эпохи съ безупречнымъ характеромъ, и Периклъ, начавшій въ это время выдвигаться въ качествѣ вождя народа. Нападеніе вызвало сильный отпоръ, и Фіалътъ былъ убитъ — случай рѣдкій въ политической жизни Аѣинъ. Но еще до его смерти побѣда опредѣлилась. Около 460 года ареопагъ былъ побѣжденъ и его полномочія ограничены. Онъ не былъ упраздненъ и уцѣлѣлъ на все время существованія аѣинскаго государства, но уцѣлѣлъ только въ видѣ пережитка. Въ его рукахъ были оставлены дѣла объ убійствѣ, такъ какъ убійство, въ силу навлекаемаго имъ оскверненія представлялось отчасти оскорбленіемъ религіи, и потому дѣла о немъ разбирались отчасти религіознымъ судомъ. Но у ареопага былъ отнятъ контроль за примѣненіемъ законовъ и общій надзоръ за государствомъ. Такъ какъ члены его выбирались изъ самаго богатаго класса, то, вѣроятно, они пользовались своими полномочіями скорѣе въ интересахъ одного класса, чѣмъ всего государства. Но съ ниспроверженіемъ ареопага была устранена послѣдняя преграда для полнаго торжества демократіи.

3. Самымъ страннымъ изъ учрежденій аѣинскаго государства, не исключая даже остракизма, пред-

ставляется примѣненіе жребія къ выбору чиновниковъ не только второстепенныхъ, но, за очень немногими исключеніями, всей массы ихъ. Значеніе этого приема, способъ его примѣненія, его вліяніе на управленіе Аѣинъ мы разсмотримъ въ ближайшей главѣ. Здѣсь необходимо только перечислить то немногое, что мы знаемъ объ исторіи его. Жребій всегда примѣнялся въ аѣинскомъ государствѣ. Если въ этомъ можно было сомнѣваться прежде, то со времени открытія новаго трактата Аристотеля это стало несомнѣннымъ. Быть можетъ, жребій имѣлъ религіозное происхожденіе: назначать по жребію значило—предоставлять рѣшеніе богамъ. Мы не знаемъ времени, когда бы онъ не примѣнялся въ аѣинскомъ устройствѣ. Но примѣненіе его отъ времени до времени разнообразилось. По словамъ Аристотеля, Солонъ установилъ избраніе по жребію всѣхъ сановниковъ изъ числа кандидатовъ, указанныхъ филиами. Когда по изгнаніи Писистратидовъ демократія была восстановлена, она, повидимому, на время устранила жребій, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ архонтамъ. Вѣроятно, аѣиняне чувствовали, что въ продолженіе борьбы съ Персіей и пока демократіи приходилось считаться съ сильной олигархической партіей, народу нужны были вожди съ завѣреннымъ талантомъ, какихъ нельзя было получить при помощи жребія. Но, начиная съ 487 года, жребій въ аѣинскомъ государствѣ примѣняется обычно и придаетъ управленію особенно оригинальный характеръ.

4. Въ теченіе этого періода и, вѣроятно, вскорѣ послѣ ниспроверженія ареопага, была введена и система оплаты политическихъ и общественныхъ

услугъ гражданъ. Когда въ управленіи государствомъ пришлось принимать участіе всѣмъ гражданамъ, богатымъ и бѣднымъ, оплата ихъ услугъ стала необходимостью. Служба въ войскѣ и во флотѣ, служба въ совѣтѣ пятисотъ или въ многочисленныхъ должностяхъ стала постоянно оплачиваться. Всего важнѣе было введеніе Перикломъ платы за службу въ присяжныхъ. Судъ присяжныхъ существовалъ въ Аѣинахъ постоянно со времени Солона, но значеніе его особенно возросло съ ниспроверженіемъ ареопага. Ему была передана почти цѣликомъ вся судебная власть государства, и въ немъ служило до 6.000 гражданъ. Система эта будетъ выяснена и оцѣнена въ ближайшей главѣ. Здѣсь необходимо только сказать, что введеніе платы присяжнымъ относится къ первому періоду преобладанія Перикла.

Г Л А В А VII.

АѢИНСКАЯ ДЕМОКРАТІЯ.

АѢины были въ Греціи главными защитниками демократической формы правленія. Всѣ государства, подчинявшіяся ихъ власти и вліянію, непременно усвоивали себѣ демократическія учрежденія, все равно какъ государства, подчинявшіяся Спартѣ, носили характеръ олигархическій. Со всемірно-исторической точки зрѣнія послѣдовательное развитіе демократической идеи въ АѢинахъ оказало значительное вліяніе на послѣдующіе вѣка и представляетъ огромный интересъ.

Слово «демократія» мы взяли у грековъ и прилагаемъ его къ учреждениямъ и общественному строю, существующимъ во Франціи, Англіи, Америкѣ и нѣкоторыхъ другихъ странахъ. Современное употребленіе этого слова отличается неопредѣленностью. Съ одной стороны, оно употребляется для обозначенія извѣстнаго рода мнѣній или настроеній, имѣющихъ въ виду скорѣе благо всего цѣлага, чѣмъ немногихъ избранныхъ, и въ этомъ смыслѣ оно бываетъ иногда тождественно по смыслу со словомъ «филантропія». Съ другой стороны, оно употребляется для обозначенія формы правленія, основывающейся, въ концѣ-концовъ, цѣликомъ или въ очень значительной степени, на волѣ

народа. Важно отмѣтить, что ни одно изъ этихъ значеній не соотвѣтствуетъ греческому смыслу слова. Демократіей называлась у грековъ форма правленія совѣтъмъ особаго рода.

Грекъ не призналъ бы современныя учрежденія за демократическія. Если бы аѳинянинъ времени Перикла познакомился съ англійской конституціей или съ конституціями Франціи и Америки, онъ удивился бы, слыша, что ихъ называютъ демократіями. Англійская конституція, вѣроятно, показалась бы ему олигархіей нѣсколькихъ сотъ членовъ парламента, или, при ближайшемъ разсмотрѣніи, онъ, пожалуй, назвалъ бы ее тиранніей кабинета министровъ, но, навѣрное, не назвалъ бы ея демократіей. Онъ одобрилъ бы парадоксъ Руссо: «Англійскій народъ считаетъ себя свободнымъ, но онъ очень сильно ошибается. Онъ свободенъ только во время общихъ выборовъ въ парламентъ; какъ только депутаты выбраны, онъ оказывается рабомъ». Демократія представлялась греку не управленіемъ въ интересахъ народа, не косвеннымъ управленіемъ народа черезъ его представителей, а непосредственнымъ участіемъ всего народа въ управленіи государствомъ. Это очевидно повсюду, но, быть можетъ, становится особенно яснымъ при сопоставленіи спартанскаго управленія съ аѳинскимъ. Спарта представлялась въ Греціи образцовой олигархіей, и тѣмъ не менѣе сановники избирались тамъ голосами всѣхъ гражданъ. Только въ Спартѣ разъ выбранные сановники (эфоры и др.) управляли государствомъ по своему усмотрѣнію, не были простыми исполнителями рѣшеній народа, не отвѣчали прямо передъ народомъ за свое пове-

деніе; поэтому Спарта и была не демократіей, а олигархіей. Первымъ условіемъ демократіи служила принадлежность народному собранію дѣйствительнаго надзора за всѣми государственными дѣлами, мелкими и крупными.

Экклесія.

Взглянемъ сначала на источникъ всякой власти — на общее народное собраніе, какимъ оно было въ вѣкъ Перикла. Годъ у аѳинянъ распадался на десять частей, или пританій, и въ каждую изъ нихъ народное собраніе созывалось непременно четыре раза. Кромѣ такихъ регулярныхъ собраній, были еще чрезвычайныя, которыя созывались особыми посланцами, разсылаемыми по сельскимъ округамъ, а также обыкновенными городскими глашатаями. На собраніи могли присутствовать всѣ граждане съ извѣстнаго возраста, вѣроятно, съ двадцати лѣтъ, а чтобы число присутствовавшихъ было возможно больше, принимались особыя мѣры. Изъ опасенія, чтобы дѣла или болтовня на рыночныхъ площадяхъ не отвлекали вниманія гражданъ, мѣсто, гдѣ происходило собраніе, оцѣпляли веревкой, оставляя проходъ только тамъ, гдѣ пролежала ведшая къ нему дорога. Въ то же время запирались всѣ лари и лавки. Позднѣ всякій присутствовавшій на собраніи получалъ три обола (около 25 коп.), но во времена Перикла патриотизмъ былъ настолько силенъ, что могъ обходиться безъ поощренія. Собраніе располагалось на небольшомъ холмѣ близъ площади, называвшемся Пниксомъ. Искусственно приподнятая почва образовывала нѣчто вродѣ театра; на мѣстѣ сцены нахо-

длились скамьи для предсѣдателей и другихъ должностныхъ лицъ, и тутъ же, это важнѣе всего, лежалъ большой камень или *бема*; съ него ораторъ обращался съ рѣчью къ народу.

Каждое собраніе начиналось религіозной церемоніей. Приносили въ жертву молочныхъ поросятъ и кровью ихъ окропляли площадь, жгли ладанъ, проносили торжественную молитву и проклятiе всѣмъ, кто обманывалъ народъ за взятки. Послѣ того предсѣдатель, членъ совѣта 500, избранный по жребію, вносилъ первое предложеніе, стоявшее въ порядкѣ дня. Если собраніе того желало, голосованіе могло происходить тотчасъ же. Если требовалось обсужденіе, какъ обыкновенно бывало, то предлагался вопросъ: «кто желаетъ говорить?» Право говорить къ собранію имѣлъ всякій аѣинскій гражданинъ; онъ всходилъ на *бему* и, прежде чѣмъ начать рѣчь, надѣвалъ на голову миртовый вѣнокъ. Законъ Солона предписывалъ, чтобы первыми говорили люди старше пятидесяти лѣтъ, но это правило часто нарушалось. Можно было обсуждать только тѣ вопросы, которые предлагалъ совѣтъ 500, но позволялось вносить любыя поправки; рѣшеніе собранія не допускало никакой апелляціи. Голосованіе производилось обыкновенно поднятіемъ рукъ; баллотировка примѣнялась только тогда, когда затрогивались интересы отдѣльнаго лица. Предсѣдатель распускалъ собраніе по окончаніи всѣхъ дѣлъ или когда садилось солнце. Нѣкоторыя «знаменія боговъ», вродѣ грома, молніи, дождя, землетрясенія, также вызывали немедленное закрытіе собранія. Если дѣла не были окончены, ихъ отлагали до слѣдующаго дня.

Это-то собраніе многихъ тысячъ гражданъ, часто носившее бурный характеръ и все болѣе разраставшееся съ теченіемъ времени, и имѣло власть распоряжаться судьбами государства. Оно не было тѣмъ, что представляетъ собой въ англійской конституціи народъ. Оно было не только высшимъ апелляціоннымъ судомъ. Оно обладало и пользовалось въ одно и то же время властью короля, палаты парламента и избирательныхъ собраній. Аѣинскій совѣтъ и всѣ должностныя лица только исполняли волю этого собранія. Въ Аѣинахъ не было ничего, что походило бы на систему партійнаго управленія. Ни совѣтъ, ни большинство сановниковъ не были избранниками народа; фактъ избранія ихъ по жребію дѣлалъ это невозможнымъ. Они были простыми секретарями, подчиненными чиновниками, обязанными исполнять выраженную народомъ волю. Но собраніе въ нѣсколько тысячъ человекъ въ дѣйствительности не можетъ пользоваться само властью. Ему необходимо какое-нибудь руководство. И на самомъ дѣлѣ, аѣинская демократія, ревниво относясь ко всякому вмѣшательству и соперничеству съ ея властью, передавала бѣольшую часть власти въ руки отдѣльнаго вожака. Ни человекъ, занимавшій важныя должности, ни предсѣдатель, въ особыхъ случаяхъ представлявшій величіе государства, не были настоящими властелинами Аѣинъ; имъ являлся ораторъ, при помощи хорошихъ или плохихъ средствъ умѣвшій съ *бемы* на Пниксѣ привлекать къ себѣ вниманіе народа и склонять его къ принятію предлагаемыхъ мѣръ. Такой человекъ не занималъ должности, отъ которой могъ бы быть отставленъ, его положеніе и власть были прочнѣе, чѣмъ у ежегодно

смѣнявшихся сановниковъ, громадное большинство которыхъ избиралось по жребію. Въ современной конституціонной жизни нѣтъ ничего, вполнѣ соответствующаго власти чловѣка, который, по словамъ Аристофана, «является господиномъ камня на Пниксѣ». Наиболѣе близкую параллель, пожалуй, можно найти въ тѣхъ журналистахъ, которые, иногда въ Англіи, но чаще во Франціи, пользуются бдльшимъ вліяніемъ на дѣла, чѣмъ министры.

Настоящимъ хранителемъ власти, настоящимъ правителемъ государства былъ народъ въ этомъ верховномъ собраніи, — деспотъ-народъ, какъ его называли. Это—главная черта аѣинской конституціи. И народъ ревниво относился ко всѣмъ соперничавшимъ властямъ. Совѣты и сановники являлись только его пассивными орудіями. Даже судъ не долженъ былъ становиться ему на дорогѣ. Всѣ абсолютные правители, исключая величайшихъ, выказывали то же стремленіе мѣшать возвышенію отдѣльныхъ лицъ изъ среды своихъ подданныхъ и контролировать отправленіе суда. То же, что мы видимъ въ политикѣ Людовика XIV, мы находимъ и въ аѣинской демократіи. Теперь мы опишемъ способъ избранія сановниковъ и совѣта, ихъ обязанности и способъ отправленія суда.

Выборъ должностныхъ лицъ.

Современнымъ изслѣдователямъ самымъ страннымъ фактомъ въ аѣинской конституціи представляются выборы по жребію. Многимъ казалось совсѣмъ невѣроятнымъ, чтобы народъ, замѣчательный остротой своего ума, выбиралъ своихъ сановниковъ

способомъ, который не давалъ возможности опредѣлить пригодность кандидатовъ къ службѣ. Поэтому многіе полагали, что жребій удерживался только изъ уваженія къ древнему обычаю религіознаго характера, но что на практикѣ онъ примѣнялся такимъ способомъ, который дѣлалъ возможнымъ выборъ опредѣленныхъ лицъ. Однако, въ защиту этой теоріи нельзя указать ни одного довода или доказательства. Всѣ наши авторитеты считаютъ фактъ существованія выборовъ по жребію совершенно подлиннымъ. Аристотель разсматриваетъ его какъ мѣру особенно демократическую. Распространяя свое господство на другія государства, Аѣины принуждали ихъ вводить у себя выборъ по жребію. Нѣкоторыя должности всегда замѣщались по выбору народа, но это были должности, всего очевиднѣе требовавшія личныхъ способностей; громадное же большинство должностей замѣщалось метаніемъ жребія. Можно съ увѣренностью утверждать, что въ аѣинскомъ государствѣ замѣщалось такъ 95 процентовъ должностей. Государственные судьи, полиція, финансовыя чиновники и контролеры, надзиратели за путями, члены главнаго совѣта 500, даже секретарь совѣта — всѣ они выбирались по жребію. Таковы факты; какими соображеніями можно ихъ объяснить?

1. Граждане Аѣинъ не только думали, что человѣкъ имѣетъ право голоса, но и ждали отъ него службы на пользу государства. Количество должностей, по сравненію съ населеніемъ, было въ Аѣинахъ такъ велико, что, вѣроятно, каждый аѣинскій гражданинъ занималъ хоть разъ въ своей жизни какой-нибудь офиціальныя постъ; очень многіе должны были занимать его много разъ. Аристотель

говорить (Аеинское устройство, гл. XXIV): «На доходы отъ податей и налоговъ и на взносы союзниковъ содержалось болѣе 20.000 человѣкъ. Тутъ было 6.000 присяжныхъ, 1.600 стрѣлковъ, 1.200 служителей, 500 членовъ совѣта, 500 стражей адмиралтейства, кромѣ 50 городскихъ. Далѣе, когда они шли на войну, къ нимъ прибавлялось 2.500 тяжело-вооруженныхъ, 20 сторожевыхъ кораблей и нѣсколько другихъ кораблей, собиравшихъ подати, съ экипажемъ около 2.000 человѣкъ, выбранныхъ по жребію; кромѣ того, государство содержало на свой счетъ всѣхъ лицъ, пребывавшихъ въ Пританеѣ, сиротъ и тюремщиковъ». Отрывокъ этотъ интересенъ тѣмъ, что показываетъ, какъ много аеинскихъ гражданъ кормилось на средства государства; въ этомъ отношеніи онъ будетъ упомянутъ еще разъ. Но здѣсь я привожу его, чтобы показать, какъ велико было число должностныхъ лицъ въ государствѣ. Исключая лицъ, занимавшихъ военныя должности, тутъ перечислено болѣе десяти тысячъ человѣкъ, между тѣмъ какъ всѣхъ гражданъ въ государствѣ было немного болѣе 20.000. Аристотель сообщаетъ также, что, кромѣ членовъ совѣта 500, никто не могъ занимать одну и ту же должность второй разъ. Итакъ, жребій не опредѣлялъ, кто изъ всей массы гражданъ долженъ занимать должность. Для аеинскаго гражданина занятіе должности было почти нормальнымъ дѣломъ, а жребій опредѣлялъ только, какія должности какими гражданами должны быть замѣщены. Главною цѣлью аеинской демократіи являлось полное равенство гражданъ, чему замѣчательно способствовала многочисленность должностей и распредѣленіе ихъ по жребію.

2. Затѣмъ, назначеніе по жребію являлось гораздо болѣе демократической мѣрой, чѣмъ выборы голосованіемъ, потому что оно обезпечивало полное подчиненіе всѣхъ должностныхъ лицъ общему собранію (экклесіи). Если бы архонты или совѣтъ выбирались голосованіемъ, выбранными оказывались бы люди выдающихся дарованій или очень популярныя. Совѣтъ 500 самыхъ выдающихся гражданъ Аѣинъ, даже при условіи только годовой службы, отвлекалъ бы вниманіе людей отъ общаго собранія на себя. Современемъ онъ могъ бы затмить власть собранія подобно тому, какъ въ Римѣ сенатъ затмилъ комиціи. Но главною цѣлью аѣинской конституціи было предоставить общему народному собранію полный контроль надъ государствомъ; всѣ остальные учрежденія являлись лишь вспомогательными и ограничивались выполненіемъ желаній собранія. Установленіе выбора по жребію доказываетъ вполне правильный инстинктъ демократіи. Оно неизбежно осуждало всѣхъ должностныхъ лицъ на желательную неизвѣстность и предоставляло первенство собранію.

Обязанности аѣинскихъ должностныхъ лицъ обыкновенно были таковы, что легко могли быть выполняемы человекомъ со средними способностями; но тѣмъ не менѣе самый фактъ примѣненія жребія ясно показываетъ, насколько высокъ былъ уровень способностей въ аѣинскомъ государствѣ. Ни въ одномъ современномъ государствѣ подобная система не могла бы быть принята съ такой степенью успѣха. Мы должны помнить, конечно, что вся черная работа исполнялась рабами и что граждане имѣли и досугъ, и возможность образованія не въ

современномъ, правда, смыслѣ, но сильнѣе изоцряв-
шее способности. Въ концѣ-концовъ, получается со-
всѣмъ удивительный фактъ, что аѣинское государ-
ство могло брать гражданъ прямо съ улицы, на
удачу, назначать ихъ на судебныя и финансовыя
должности и такъ мало страдать отъ этой системы.
Мы должны, однако, прибавить, что существовали
гарантіи противъ занятія должности совершенно
недостойными и негодными людьми. Первымъ изъ
этихъ ручательствъ была *докимасія*, или испытаніе
кандидата, на котораго палъ жребій, прежде чѣмъ
онъ вступалъ въ отправленіе обязанностей своего
поста. Это испытаніе происходило передъ однимъ
изъ судовъ, о которыхъ я буду говорить вскорѣ. Безъ
сомнѣнія, оно было обыкновенно чистой формаль-
ностью, но давало возможность отвергать явно не-
пригоднаго человѣка. Аристотель описываетъ спо-
собъ испытанія при избраніи архонтовъ. Повиди-
мому, онъ предполагаетъ, что примѣнявшаяся въ
этомъ случаѣ форма была исключительная, но ее
стоитъ привести. «При испытаніи ихъ прежде всего
спрашивали: «кто твой отецъ и какого онъ дѣма?
кто отецъ твоего отца? кто твоя мать? кто отецъ
твоей матери и какого онъ дѣма?» Потомъ кандидата
спрашивали, есть ли у него семейная могила и гдѣ;
хорошо ли онъ обращается съ родителями и платитъ
ли подати; прослужилъ ли требуемое число воен-
ныхъ походовъ»... Допрашивающій спрашиваетъ за-
тѣмъ: «не желаетъ ли кто предъявить обвиненіе къ
этому человѣку?» Если никто не желаетъ предъявить
обвиненія, онъ сейчасъ же приступаетъ къ голосо-
ванію... Когда, такимъ образомъ, испытаніе закон-
чено, они приступаютъ къ камню, на которомъ

лежать куски жертвъ... Архонты становятся на этот камень и клянутся исполнять свои обязанности честно и согласно съ законами и не принимать подарковъ при исполненіи своихъ обязанностей... Послѣ этого они вступаютъ въ должность». Другимъ ручательствомъ служило испытаніе, которому долженъ былъ подвергаться всякій сановникъ, когда слагалъ съ себя должность. Неспособность и нечестность могли тогда понести наказаніе, и мысль о предстоящемъ испытаніи мѣшала совершенно недостойному кандидату допускать назначеніе себя на должность.

Въ заключеніе можно сказать, что примѣненіе жребія приводило къ полному подчиненію всѣхъ сановниковъ еkkлесіи, и представляется вѣроятнымъ, что оно было установлено сознательно, для достиженія этого результата.

Совѣтъ пятисотъ.

Послѣ народнаго собранія самымъ важнымъ учрежденіемъ аеинскаго государства былъ совѣтъ пятисотъ, булѣ; послѣ того, какъ власть ареопага была ограничена Перикломъ, его можно не принимать во вниманіе. Совѣтъ пятисотъ былъ постояннымъ правительственнымъ учрежденіемъ. Народное собраніе собиралось только по временамъ, а совѣтъ пятисотъ засѣдалъ постоянно. Онъ рѣшалъ всѣ текущія дѣла; къ нему прежде всего обращались иностранныя государства. Если судить по исторіи другихъ крупныхъ городскихъ совѣтовъ, въ Римѣ, средневѣковой Италіи или Германіи, то слѣдовало бы ожидать, что совѣтъ пятисотъ сдѣлается настоящимъ правителемъ государства. Но въ томъ-то и заключается особенность аеинской конституціи, что

онъ не сталъ таковымъ: онъ остался строго подчиненнымъ и почти пассивнымъ орудіемъ въ рукахъ народнаго собранія.

Это явилось слѣдствіемъ того, что члены его выбирались по жребію и только на одинъ годъ. Въ немъ нельзя было встрѣтить наиболѣе вліятельныхъ политическихъ дѣятелей Аѣинъ, и во всякомъ случаѣ не этимъ путемъ оказывали они свое вліяніе. У совѣта не было особаго корпоративнаго духа; онъ почти не существовалъ отдѣльно отъ народнаго собранія, для котораго служилъ послушнымъ орудіемъ. Не было у него, конечно, и особой политики; его назначеніемъ было разрѣшать текуція государственныя дѣла и проводить безъ разсужденія политику, принятую народнымъ собраніемъ. Онъ не могъ ни въ комъ возбуждать зависти. Онъ не обладалъ достаточной властью, чтобы вызывать подобное чувство; и, кромѣ того, почти каждый аѣинскій гражданинъ могъ засѣдать въ немъ нѣкоторое время. Такъ какъ никто не могъ быть выбранъ въ него ранѣе тридцати лѣтъ и болѣе двухъ разъ, то, навѣрное, черезъ совѣтъ должна была проходить большая часть аѣинскихъ гражданъ. Мы разсмотримъ сначала его устройство, а затѣмъ его обязанности.

Со времени Клисѣена совѣтъ пятисотъ состоялъ изъ пятидесяти членовъ отъ каждой фило, выбранныхъ по жребію. Такъ какъ совѣтъ былъ постояннымъ правительственнымъ учрежденіемъ, то необходимо было, чтобы каждый день засѣдало хотя нѣсколько членовъ. Эту обязанность каждая фила исполняла по очереди, и пятьдесятъ представителей ея, называвшихся въ это время пританами, предсѣдателями, обязаны были являться въ присутствіе въ

продолженіе десятой части года. Въ теченіе этого времени они содержались на общественный счетъ и помѣщались въ зданіи, которое мы можемъ, пожалуй, считать аѣинскою городскою думою. Засѣданія совѣта происходили каждый день, но для всѣхъ, кромѣ засѣдающей филы, присутствіе на нихъ не было обязательнымъ. Такое собраніе, конечно, должно было имѣть предсѣдателя, и способъ избранія его ярко характеризуетъ ту страсть къ равенству, которая проходитъ черезъ всю политику Аѣинъ. Предсѣдатель избирался по жребію изъ очередной филы. Онъ занималъ это мѣсто въ теченіе одного дня и одной ночи и въ это время имѣлъ при себѣ ключи отъ святилища, гдѣ хранились сокровища, и государственные документы, и городскую печать. Но никто не могъ предсѣдательствовать дольше одного дня и ночи и быть избраннымъ вторично. Въ этотъ короткій промежутокъ онъ былъ официальнымъ представителемъ аѣинскаго государства. Онъ принималъ пословъ и руководилъ всѣми процессіями, а обычай употребленія жребія позволялъ каждому аѣинскому гражданину съ большою вѣроятностью рассчитывать на достиженіе этого временнаго блеска.

Совѣтъ обязанъ былъ вести государственныя дѣла въ направленіи, указанномъ народнымъ собраніемъ. Прежде всего надо было готовить всѣ дѣла, которыя должно было разсматривать народное собраніе. Нужно было опредѣлять ихъ порядокъ и наблюдать за соблюденіемъ его. Совѣтъ излагалъ въ обычной формѣ рѣшенія, которыя слѣдовало предложить народу, а также назначалъ предсѣдателя собранія на этотъ день. Характерно для аѣинской политики, что во времена Аристотеля предсѣ-

датель совѣта не могъ быть въ тотъ же день предѣ-
дателемъ народнаго собранія. Эти подготовительныя
работы совѣта нисколько не стѣсняли самостоятель-
ности народнаго собранія; одному только ему при-
надлежало руководство всею политикой. Затѣмъ
у совѣта были очень широкія административныя
обязанности. Аристотель перечисляетъ главныя изъ
нихъ. Онъ руководилъ первыми шагами испытанія
(докимасіи), которому подвергался каждый канди-
датъ на должность. Онъ слѣдилъ за постройкой
кораблей и вообще за всѣмъ управленіемъ верфями.
Онъ надзиралъ за всѣми общественными построй-
ками и выбиралъ планы для новыхъ. Онъ осматри-
валъ всѣхъ лошадей, принадлежавшихъ государству.
«Если, — говоритъ Аристотель, — окажется, что у
кого-либо хорошая лошадь, но онъ плохо ее кормитъ,
то совѣтъ штрафуетъ его изъ продовольственныхъ
денегъ; тѣмъ же лошадямъ, которыя не могутъ
поспѣвать или не хотятъ стоять, не поддаваясь дрес-
сировкѣ, совѣтъ выжигаетъ на челюсти тавро, въ
видѣ колеса, и такія лошади считаются негодными
къ службѣ». Во времена Аристотеля совѣтъ завѣды-
валъ также помощью бѣднымъ: лица, владѣвшія иму-
ществомъ ниже трехъ минъ и по увѣчью неспособ-
ныя къ какой-либо работѣ, получали по два обола
въ день. Кромѣ всего этого, «совѣтъ принималъ очень
большое участіе въ дѣятельности другихъ властей». На-
конецъ, въ его рукахъ было веденіе перегово-
ровъ съ иностранными державами и пріемъ по-
словъ. Но и здѣсь, какъ вездѣ, онъ былъ просто
подчиненной народному собранію комиссіей. Внѣш-
няя и внутренняя политика одинаково определя-
лась исключительно верховнымъ демосомъ.

Должностныя лица государства.

Совѣтъ пятисотъ былъ посредникомъ между народнымъ собраніемъ и должностными лицами государства. Онъ участвовалъ въ ихъ дѣятельности и наблюдалъ за нею, но самъ по себѣ онъ въ дѣйствительности не пользовался никакою исполнительною властью. Посмотримъ, какія это были должностныя лица.

Употребленіе жребія было очень распространено, но аеиняне признавали, что нѣкоторыя обязанности не могли какъ слѣдуетъ выполняться лицами, выбранными по жребію. Въ особенности на войнѣ успѣхъ настолько зависѣлъ отъ личныхъ способностей предводителя, а послѣдствія неудачи были такъ важны, что въ военномъ и морскомъ вѣдомствѣ жребія никогда не примѣняли. Народное собраніе поднятіемъ рукъ избирало десять военачальниковъ, и тѣмъ же путемъ распредѣлялись между ними различныя обязанности. Тотъ будетъ командовать тяжелой пѣхотой и вѣдать всѣ военныя экспедиціи; тотъ будетъ командовать мѣстными войсками; два другіе будутъ смотрѣть за Пирейскою гаванью. Намъ кажется, и дѣйствительно исторія это подтвердила, что народное избраніе представляетъ собой очень несовершенный способъ распредѣленія военныхъ должностей; но, во всякомъ случаѣ, оно было лучше, чѣмъ жребій. Нѣкоторые изъ низшихъ офицеровъ назначались также народомъ, а самыя низшіе изъ всѣхъ назначались высшими. Въ военномъ дѣлѣ жребій совсѣмъ не примѣнялся. Одинъ или два другихъ сановника, обязанности которыхъ были особенно важны, также избирались голосова-

ніемъ. Изъ нихъ слѣдуетъ особенно указать на завѣдывавшихъ источниками. Дѣло водоснабженія было слишкомъ трудно и слишкомъ важно для Аѣинъ, чтобы его можно было довѣрять лицу, избранному по жребію.

Теперь мы обращаемся къ общему руководству и управленію государствомъ и находимъ, что оно находилось всецѣло въ рукахъ лицъ, назначаемыхъ по жребію. На большое число ихъ мы уже указывали. Нужно также снова повторить, что большинство должностей нельзя было занимать во второй разъ. Система выбора по жребію, практиковавшаяся въ Аѣинахъ, предполагаетъ, что всѣ аѣинскіе граждане были способны занимать должности и должны были часто дѣлать это. Увеличеніе числа должностныхъ лицъ настолько ограничивало ихъ служебныя обязанности, что онѣ дѣйствительно становились доступными гражданину среднихъ способностей и усердія.

Отмѣтимъ, какія обязанности по общему управленію находились въ рукахъ должностныхъ лицъ, выбранныхъ по жребію. Лучшимъ авторитетомъ по этому вопросу является для насъ трактатъ Аристотеля объ аѣинскомъ устройствѣ. Онъ перечисляетъ завѣдующихъ ремонтомъ храмовъ; лицъ, слѣдившихъ за городскими стоками; завѣдывавшихъ рынками, «для надзора за тѣмъ, чтобы всѣ товары, выставляемые на продажу, были чистые и неподдѣльные»; завѣдывавшихъ вѣсами и мѣрами; уполномоченныхъ слѣдить за тѣмъ, чтобы хлѣбъ продавался по надлежащимъ цѣнамъ и чтобы пекари «продавали хлѣбы по цѣнѣ, соотвѣтствующей стоимости ячменя»; смотрителей государственной тюрьмы

(курьезно назначеніе ихъ по жребію) и другихъ судебныхъ должностныхъ лицъ, о которыхъ придется упомянуть вскорѣ. Во главѣ государства, какъ его номинальные представители, стояли девять архонтовъ, избранныхъ по жребію изъ наиболѣе богатыхъ слоевъ, потому что ихъ должности требовали большихъ расходовъ. Во главѣ архонтовъ стоялъ сановникъ, по имени котораго назывался годъ; кромѣ большого числа другихъ обязанностей, онъ охранялъ права вдовъ и сиротъ; другой архонтъ, царь, былъ оффиціальнымъ главою религіи въ Аѣинахъ; архонтъ-полемархъ, или военачальникъ, бывшій раньше предводителемъ войскъ, былъ теперь главнымъ покровителемъ чужестранцевъ, жившихъ въ государствѣ. За этими тремя шли шесть прочихъ, преимущественно съ судейскими обязанностями. Мы вскорѣ коснемся ихъ снова. Теперь мы довольно насмотрѣлись на громадную толпу должностныхъ лицъ въ Аѣинахъ, сплошь оплачивавшихся государствомъ и почти сплошь избравшихся по жребію. Въ такой массѣ никто особенно не выдѣлялся. Десять военачальниковъ являлись, безъ сомнѣнія, самыми сильными сановниками въ государствѣ, но и они никогда не пользовались особою властью. Они занимали должность только одинъ годъ, и за это время ихъ всегда могли отрѣшить отъ должности, не выставя противъ нихъ никакого обвиненія. Военная администрація государства безспорно страдала отъ такого устройства, но военная власть находилась въ строгомъ подчиненіи у гражданской, и демось властно царилъ безъ помѣхи и преградъ.

Финансовое управленіе.

Остается разсмотрѣть еще двѣ важныя области государственнаго управленія: финансовую и судебную. Здѣсь повторяются главныя отличія аѣинскаго устройства. Починъ исходилъ отъ народнаго собранія, руководство—отъ совѣта пятисотъ, исполненіе—отъ большого числа сановниковъ, избранныхъ по жребію. Ежемѣсячно совѣтъ представлялъ народному собранію отчетъ о состояніи финансовъ. Популярныя ораторы могли предлагать съ бемы на Пникѣ новыя финансовыя мѣры, и, послѣ обсуждения народъ принималъ или отвергалъ ихъ. Если онѣ утверждались и оказывались неудачными, отвѣтственность за это падала на предложившаго ихъ, и онъ могъ быть наказанъ по особому судебному разбирательству. Всѣ новыя финансовыя проекты исходили отъ популярныхъ политическихъ вождей даннаго времени—Перикла или Ѳемистокла, Ѳукидида или Кимона. Но проведеніе ихъ зависѣло отъ должностныхъ лицъ, избранныхъ по жребію изъ массы гражданъ и дѣйствовавшихъ только подъ наблюденіемъ совѣта, тоже избраннаго по жребію. Популярный ораторъ напоминаетъ нѣсколько министра финансовъ; но всѣ постоянныя финансовыя чиновники, всѣ контролеры и сборщики податей были представлены въ аѣинскомъ государствѣ людьми безъ спеціальной подготовки, обязанными своимъ назначеніемъ на годъ безразборчивому жребію.

Главными источниками доходовъ аѣинскаго государства при Периклѣ являлись дань союзниковъ, пошлины, собраніе которыхъ сдавалось на откупъ, и государственныя земли и рудники. Прямое обло-

женіе доходовъ и имуществовъ не было постояннымъ источникомъ дохода; къ нему прибѣгали въ крайнихъ случаяхъ. Дань съ союзниковъ собиралась сановниками, которые назывались казначеями эллиновъ и, вѣроятно, избирались по жребію. Сдача пошлинъ на откупъ и государственныхъ земель и рудниковъ въ аренду производилась совѣтомъ десяти сановниковъ, называвшихся «полетами» и избиравшихся по жребію. Они представляли совѣту списки откуповъ и сроковъ, въ которые должна была вноситься плата. Всѣ платежи вносились десяти главнымъ пріемщикамъ (аподекамъ), избраннымъ по жребію, по одному отъ каждой филы. Они вычеркивали платежи изъ записей, отмѣчали недоплаченное и доносили объ этомъ совѣту, который имѣлъ власть заключать въ тюрьму неплательщиковъ и держать ихъ, пока не вносилась вся плата. На другой день послѣ полученія деньги дѣлились между разными сановниками, завѣдывавшими расходами. Для надзора за этой системой существовало собраніе контролеровъ или счетчиковъ (логистовъ). Во время Аристотеля они выбирались по жребію изъ числа членовъ совѣта. Такъ какъ совѣтъ самъ выбирался по жребію, то это ограниченіе не служило ручательствомъ даже посредственной способности. Самымъ страннымъ въ системѣ аѣинской администраціи является фактъ порученія лицамъ, избраннымъ по жребію, обязанностей, на теперешній взглядъ требующихъ особыхъ способностей. Десять разъ въ годъ эти сановники провѣряли счета всѣхъ финансовыхъ чиновниковъ, особенно внимательно, конечно, въ концѣ финансоваго года, когда вступали въ должность новые чиновники.

Таковы были, если опустить многія подробности, главныя черты аѣинской финансовой системы. Какія представляла она ручательства за добросовѣстное и успѣшное веденіе дѣлъ? Она прекрасно обезпечивала добросовѣтность. Необходимое для казнокрадства соглашеніе между сановниками, избранными по жребію, занимавшими должность только годъ и всегда окруженными множествомъ сослуживцевъ, было почти невозможно. Кромѣ того, дѣятельность каждаго сановника, прежде чѣмъ онъ слагалъ съ себя должность, подвергалась разсмотрѣнію, причемъ всякій могъ выступить обвинителемъ, и тогда дѣло разбиралось обыкновеннымъ судомъ. И хотя мы не можемъ быть очень высокаго мнѣнія о честности аѣинянъ, но расхищеніе общественныхъ суммъ не принадлежало къ числу тѣхъ золъ, отъ которыхъ страдало государство. Гораздо болѣе сомнительной представляется успѣшность этой системы. Аѣинамъ приходилось дорого платиться за ихъ преклоненіе передъ посредственными людьми, за ихъ недовѣріе къ личнымъ способностямъ. Въ вѣкъ Перикла доходы государства были такъ велики, условія жизни такъ просты, что удовлетвореніе государственныхъ нуждъ не встрѣчало никакихъ затрудненій. Но впослѣдствіи, когда на Аѣины обрушились бѣдствія и государственныхъ средствъ стало едва хватать на выполнение ихъ честолюбивыхъ замысловъ, тогда сильно почувствовалось несовершенство инициативы, исходящей отъ народнаго собранія, и отсутствіе болѣе личнаго контроля, чѣмъ какой былъ возможенъ отъ толпы избранныхъ по жребію сановниковъ. Это и вызвало измѣненіе системы и введеніе извѣстнаго

числа руководителей финансовъ, избравшихся народомъ.

Отправленіе суда.

Мы видѣли, что въ аѣинскомъ государствѣ высшая власть во внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ принадлежала общенародному собранію. Теперь мы увидимъ, что и отправленіе правосудія не являлось помѣхой неограниченной власти демоса. Всѣ абсолютные правители, отъ Цезарей до Людовика XIV, чувствовали, что отправленіе суда можетъ явиться ограниченіемъ ихъ власти, и стремились поэтому захватить его въ свои руки. То же стремленіе можно подмѣтить и въ исторіи «деспота-демоса» Аѣинъ. Прежде ареопагъ отправлялъ правосудіе внѣ контроля народа и потому былъ лишенъ почти всей своей судебной власти. Теперь народъ приобрѣлъ такое же верховенство въ судебныхъ дѣлахъ, какъ и въ финансовыхъ. Чтобы понять это, мы должны взглянуть на представителей судебной власти Аѣинъ въ вѣкъ Перикла.

Маловажныя дѣла могли рѣшаться безъ обращенія къ присяжнымъ избранными по жребію судьями. Тридцать человекъ, выбранныхъ по жребію изъ массы народа, объѣзжали всю Аттику и рѣшали окончательно всѣ дѣла, «гдѣ сумма иска не превышала десяти драхмъ» (около 4 рублей). И въ болѣе важныхъ случаяхъ дѣла могли рѣшаться безъ обращенія къ суду присяжныхъ. Въ Аѣинахъ были третейскіе судьи (діэтеты), разбиравшіе въ первой инстанціи крупныя гражданскія дѣла. На ихъ обязанности лежало прежде всего побуждать стороны къ примиренію. Если это оказывалось

невозможнымъ, они постановляли свое рѣшеніе по данному вопросу. Но каждая сторона могла апеллировать отъ этого рѣшенія къ суду присяжныхъ. Эти «посредники» всего больше походили на судей въ аѣинскомъ государствѣ, поэтому стоитъ указать, какъ они назначались. Ихъ выбирали по жребію изъ гражданъ въ возрастѣ 60 лѣтъ, но выбранные такимъ образомъ они не имѣли права отказываться. «По закону, — говоритъ Аристотель, — человекъ, достигшій опредѣленнаго возраста и не служащій посредникомъ, лишается гражданскихъ правъ, если только въ этотъ годъ онъ не занимаетъ какой-либо другой должности или не находится внѣ страны». Пренебреженіе и даже отвращеніе къ особому таланту и образованію въ служителяхъ государства, характеризовавшее аѣинскую демократію, едва ли могло итти дальше. Но великіе суды присяжныхъ имѣли безконечно большую важность, чѣмъ разѣздные судьи или посредники. Къ нимъ мы сейчасъ и обратимся.

Прежде всего разсмотримъ ихъ устройство. Демократическое чувство, несомнѣнно, требовало, чтобы въ судебныхъ дѣлахъ, какъ и во всемъ прочемъ, высшею властью служила воля народа. Нѣкогда судебныя дѣла и разбирались народнымъ собраніемъ; но такъ какъ число тяжбъ увеличивалось соразмѣрно возрастающей сложности аѣинскаго общества, то постоянное обращеніе къ народному собранію стало, очевидно, почти невозможнымъ. Явился вопросъ, какъ обезпечить контроль народа надъ тяжбами, не прибѣгая къ народному собранію. Отвѣтомъ на это и явился судъ присяжныхъ. Въ началѣ каждаго года избиралось по жребію шесть тысячъ

аеинскихъ гражданъ, старше тридцати лѣтъ, — вѣроятно, болѣе четверти общаго числа. Эти шесть тысячъ, опять-таки по жребію, распредѣлялись на десять секцій, по пятисотъ человекъ въ каждой; а одна тысяча оставалась никуда не принадлежащей, въ запасъ. Каждый зналъ, въ какую изъ десяти секцій онъ входитъ; каждая секція обозначалась буквой алфавита.

Посмотримъ теперь, какимъ образомъ дѣло попадало въ судъ присяжныхъ и разрѣшалось имъ. Прежде всего обращались къ одному изъ девяти архонтовъ. Онъ избирался по жребію и не имѣлъ никакого права суда. Его обязанности носили чисто-формальный характеръ. Обвиняемый и истецъ являлись къ нему и излагали суть дѣла. Архонтъ не давалъ никакихъ объясненій, не выражалъ своего мнѣнія. Онъ только заносилъ дѣло въ число тѣхъ, которыя должны были разбираться судомъ присяжныхъ, и назначалъ день, въ который долженъ былъ происходить судъ. Когда этотъ день наступалъ, архонтъ обязанъ былъ опредѣлить по жребію, которая изъ десяти секцій должна разбирать дѣло, и объявлялъ, что такая-то секція должна собраться въ такомъ-то зданіи для рѣшенія такого-то дѣла. Являвшіеся получали въ концѣ дня за исполненіе своихъ обязанностей по два обола (около 12 коп.), но присутствованіе не было ни для кого обязательнымъ. Поэтому число засѣдавшихъ въ отдѣльныхъ случаяхъ измѣнялось очень значительно. Если не являлось достаточнаго числа присяжныхъ, вызывали другую секцію. Въ важныхъ случаяхъ собиралось иногда нѣсколько отдѣленій.

Рѣшенія составленнаго такимъ образомъ суда являлись высшими и окончательными. Судъ не имѣлъ предсѣдателя, который могъ бы давать направленіе рѣшенію или мѣшать рѣчамъ сторонъ. Правда, тамъ былъ предсѣдательствующій сановникъ, но онъ являлся только покорнымъ секретаремъ суда, а никакъ не его руководителемъ или главой. Присяжные выслушивали доводы обѣихъ сторонъ, свидѣтельскія показанія, записанныя раньше и не подвергавшіяся провѣркѣ, затѣмъ рѣшали вопросы о фактѣ и о правѣ и, наконецъ, постановляли приговоръ, не допускавшій апелляціи, назначали наказаніе или опредѣляли убытки. Единогласное рѣшеніе ни въ одномъ случаѣ не считалось необходимымъ: рѣшало простое большинство.

Если сравнить аеинское судопроизводство съ современнымъ, то разница окажется очень значительной. Оба они по всему характеру своему совершенно различны. Въ Аеинахъ все было въ рукахъ людей безъ спеціальнаго образованія. Судьи сегодняшняго дня завтра были простыми гражданами. Стороны не были юристами по спеціальности. Обвиняемый и истецъ говорили лично, и если произносили рѣчи, составленныя другими, то послѣдніе были не профессиональными юристами, а искусными риторамі. Весь процессъ вели любители. Теперь сознательно стремятся при помощи ряда мелкихъ частныхъ устранивъ причины ошибки и облегчить достиженіе истины. Въ Аеинахъ, можно сказать, постановка правильнаго приговора отнюдь не являлась главною цѣлью суда; скорѣе тутъ имѣлось въ виду верховенство народа и подчиненіе его приговору. Ораторъ стремился не доказывать, а убѣждать и,

пользуясь отсутствіемъ ограниченій, произвольно выбиралъ приемы защиты и нужные ему факты, нерѣдко далеко отвлекаясь отъ исходной точки и прямо обращаясь къ чувствамъ и страстямъ присяжныхъ. Разбирательство прерывалось криками одобренія или осужденія. Обвиняемый часто приводилъ въ судъ жену и дѣтей, чтобы ихъ слезы служили поддержкой его доводамъ. Тонъ и духъ процесса носилъ скорѣе характеръ общественнаго собранія, чѣмъ современнаго суда.

Какъ же дѣйствовала аеинская система? Во многихъ отношеніяхъ хорошо. Она мѣшала подкупамъ и обезпечивала повиновеніе данному рѣшенію. Подкупъ былъ почти невозможенъ тамъ, гдѣ секція могла состоять изъ пятисотъ человекъ, имена которыхъ были неизвѣстны до самаго дня суда. И это было большимъ достоинствомъ аеинской системы, потому что греческіе сановники нерѣдко страдали «зудомъ въ рукахъ». Рѣшенію присяжныхъ подчинялись всѣ. Представитель верховнаго народа, многолюдный и случайный по составу, судъ присяжныхъ исключалъ возможность рѣшенія въ интересахъ отдѣльной личности или группы. Рѣшенія суда присяжныхъ поддерживались всею силою демократіи, и поэтому они принимались съ покорностью, какой не встрѣтили бы рѣшенія ни отдѣльных сановниковъ, ни профессиональнаго класса. Аеиняне справедливо называли себя послушнымъ закону народомъ; а беспрекословное подчиненіе приговорамъ суда является, пожалуй, бѣльшимъ общественнымъ благомъ, чѣмъ ихъ неизмѣнная безошибочность. Но, очевидно, подобный судъ не могъ создать высокой системы права. Вѣковой

опытъ доказалъ необходимость для сложнаго общественнаго строя спеціальнаго юридическаго знанія и вполнѣ развитой системы права. Аѳины не могли дать ничего подобнаго. Идею права внесли въ міръ не греки, а римляне.

Способъ выработки законовъ.

Въ древнемъ мірѣ законы не имѣли того значенія и не были такъ многочисленны, какъ у насъ. Въ Англіи главнымъ дѣломъ парламента является выработка законовъ для народа. Но большая часть работы парламента по составленію законовъ исполнялась въ Аѳинахъ народнымъ собраніемъ въ видѣ указаній учрежденіямъ и сановникамъ касательно общаго управленія государствомъ. Да и существовавшіе въ Аѳинахъ законы не отличались особенною сложностью. «Аѳинское право никогда не выходило изъ зачаточнаго состоянія; оно оставалось простымъ спискомъ правилъ и предписаній по поведенію и, очевидно, мало претендовало на научную обработку».

Въ началѣ каждаго года всѣ законы Аѳинъ прочитывались передъ народнымъ собраніемъ, и тогда каждый гражданинъ могъ свободно предложить отмену любого изъ существующихъ законовъ или введеніе новаго. Позднѣе изъ шести тысячъ присяжныхъ текущаго года выбиралось по жребію извѣстное число ихъ, мѣнявшееся, но всегда значительное. Въ то же время отъ государства назначались адвокаты для защиты законовъ, подвергшихся нападкамъ. Вопросъ о принятіи или отклоненіи новаго предложенія предлагался избранной секціи присяжныхъ, называвшихся въ этомъ частномъ случаѣ «номоее-

тами», или законодателями, и дѣло разбиралось точно такъ же, какъ и при обыкновенной тяжбѣ. Если большинство номоеетовъ высказывалось въ пользу предложенія, оно тотчасъ же становилось закономъ; въ противномъ случаѣ оно отвергалось. Такой способъ имѣлъ цѣлью сохранить власть составленія законовъ въ рукахъ народа. Народное собраніе было слишкомъ многочисленно, чтобы отнестись къ предложенію съ должнымъ вниманіемъ; поэтому изъ него выдѣляютъ на удачу большую комиссію. При этомъ нисколько не стараются выбрать людей особенно способныхъ: они должны представлять лишь общій характеръ и дарованія всего народа, и на это время они облакаются властью верховнаго народа и отъ его имени составляютъ законы.

Мы бѣгло обозрѣли главныя особенности аѣинской демократіи. Теперь намъ остается крайне трудная задача оцѣнки ея успѣховъ. Существуютъ двѣ точки зрѣнія, съ которыхъ можно разсматривать всякое правительство: внѣшняя и внутренняя. Прежде всего мы должны задаться вопросомъ, насколько ему удалось достигнуть поставленной имъ себѣ цѣли, а затѣмъ, какое вліяніе оказывало оно на самихъ гражданъ. Оба вопроса должны возникнуть въ умѣ при оцѣнкѣ аѣинской демократіи. Сначала мы познакомимся съ сужденіями современниковъ, а потомъ разберемъ вопросъ съ точки зрѣнія послѣдующей исторіи.

Надгробная рѣчь Перикла.

Въ 35 главѣ второй книги Фукидидъ влагаетъ въ уста Перикла похвалу аѣинской демократіи. Для

нась здѣсь не важно, насколько эти слова дѣйстви-тельно представляютъ сужденіе Перикла и насколько принадлежать самому историку. Во всякомъ случаѣ, это — замѣчательное сужденіе современника объ аѣинскомъ государствѣ. Тамъ утверждается, что демократія развиваетъ величіе и благородство характера и въ то же время сопровождается величайшими военными успѣхами, что Аѣины и вызываютъ удивленіе и пользуются успѣхомъ. Вся рѣчь отличается такой необыкновенной красотой и, какъ произведе-ніе искусства, представляетъ такую цѣльность, что изъ нея трудно дѣлать извлеченія. Но нѣкоторыя наиболѣе выдающіяся мѣста слѣдуетъ все-таки при-вести.

О внутреннемъ состояніи государства Перикль говоритъ: «Мы пользуемся свободой какъ въ жизни политической, такъ и въ повседневныхъ взаимныхъ отношеніяхъ; мы не слѣдимъ подозрительно другъ за другомъ, не сердимся, если сосѣдъ живетъ такъ, какъ ему нравится, не подвергаемъ гражданъ не-убыточнымъ, правда, но неприятнымъ взысканіямъ. Свободные отъ стѣсненій въ частной жизни, въ дѣ-лахъ общественныхъ, мы повинемся больше всего голосу совѣсти, установленнымъ властямъ и зако-намъ, особенно тѣмъ законамъ, какіе имѣютъ цѣлью защиту обижаемыхъ, равно какъ и тѣмъ неписаннымъ, нравственнымъ правиламъ, нарушеніе которыхъ всѣми признается постыднымъ. Для от-дохновенія отъ трудовъ мы создали множество освѣжающихъ душу развлеченій: гимнастическія состязанія, ежегодныя празднества, а также благо-устроенный домашній бытъ, повседневное наслажде-ніе которымъ прогоняетъ уныніе... И на войнѣ, и въ

мирѣ городъ нашъ заслуживаетъ удивленія. Любовь къ прекрасному соединена у насъ съ простотою жизни, а любовь къ знанію не ослабляетъ нашего мужества. Богатство въ нашихъ рукахъ служить средствомъ для дѣятельности, а не предметомъ тщеславія. У насъ считается постыднымъ скрывать свою бѣдность, но еще болѣе постыднымъ — неумѣніе трудомъ выбиться изъ нея. Попеченіе о домашнихъ дѣлахъ совмѣщается у насъ съ заботою о дѣлахъ государственныхъ, да и тѣ изъ насъ, которые отдались промысламъ, не чужды пониманію политики... Кратко сказать: цѣлый городъ нашъ служить училищемъ для Эллады, и каждый изъ насъ, на мой взглядъ, можетъ съ величайшею ловкостью и граціей приспособиться къ самымъ разнообразнымъ видамъ дѣятельности». Далѣе Перикль говоритъ, что утонченность аѣнянъ не ослабила ихъ энергіи, что они имѣютъ на войнѣ такой же успѣхъ, какъ и спартанцы, хотя и гораздо меньше готовятся къ ней. «Въ устройствѣ военнаго дѣла мы отличаемся отъ своихъ противниковъ: нашъ городъ открытъ для всякаго; мы никогда не изгоняемъ изъ него чужестранцевъ и не мѣшаемъ имъ учиться здѣсь или любоваться зрѣлищами; мы не боимся, что непріятель, увидѣвъ у насъ что-либо несокрытымъ, воспользуется этимъ; мы полагаемся не столько на предосторожности и хитрости, сколько на свое мужество. Въ дѣлѣ воспитанія наши противники приобрѣтаютъ мужество, съ ранней юности подчиняясь тяжелымъ упражненіямъ, а мы живемъ вольно и, однако, не менѣе отважно идемъ на борьбу съ такими же опасностями». Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ указываетъ на

аѣнскую имперію. «Изъ современныхъ одинъ только нашъ городъ лучше древнихъ выдерживаетъ испытаніе; одинъ онъ своими побѣдами не унижаетъ напавшаго противника; одного его власть не представляется подданнымъ унизительною, такъ какъ она исходитъ отъ достойнаго. Мы воздвигли себѣ великіе памятники, свидѣтельствующіе о нашемъ могуществѣ, и будемъ возбуждать удивленіе въ послѣдующихъ поколѣніяхъ, какъ возбуждаемъ его теперь въ современникахъ... Съ нашей отвагою мы всюду проникли силою, на морѣ и на сушѣ, и вездѣ создали вѣчные памятники нашей дружбы и вражды».

Болѣе блестящаго панегирика никогда еще не произносилось ни одному государству, и исторія, несомнѣнно, должна подтвердить, что во время его произнесенія онъ въ общемъ представлялся заслуженнымъ.

Взглядъ на аѣнскую демократію позднѣйшихъ современниковъ.

Въ вѣкъ Перикла аѣнская демократія достигла высшей точки своего развитія. Положеніе, дѣйствительно, было исключительнымъ. Сильное личное вліяніе Перикла придавало аѣнскому правительству болѣе связи и сосредоточенности, чѣмъ сколько ихъ общали учрежденія. Къ тому же демократическая форма правленія была недавняго происхожденія, и мы должны обратиться къ позднѣйшему періоду, чтобы получить образецъ ея нормальной дѣятельности. Поэтому хорошо будетъ поставить рядомъ съ панегирикомъ Перикла враждебную критику позднѣйшаго времени. Таковую критику мы находимъ

въ «Политіи» Платона. Онъ не называсть, правда, прямо Аѣинъ, но очевидно, что, критикуя демократическія учрежденія, онъ принимаетъ Аѣины за типическую демократію. Свидѣтельство Платона въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ пристрастно, такъ какъ именно аѣинскіе присяжные приговорили его учителя Сократа къ смерти, и онъ, очевидно, не забылъ и не простилъ этого оскорбленія; но и съ этой оговоркой критика его полна для насъ интереса и поучительности. Платонъ требуетъ отъ государства такого же дѣятельнаго характера, такой же опредѣленности цѣлей, какъ и отъ отдѣльной личности. Онъ находитъ, что демократія представляетъ прямое отрицаніе дисциплины въ жизни. Единственная мудрость политика-демократа заключается въ лести народу, и демократическій строй, въ случаѣ своего сохраненія, приводитъ къ полной нравственной анархіи. Нѣсколько отрывковъ дадутъ понятіе объ общемъ тонѣ критики, проникнутой нерѣдко насмѣшливой ироніей.

Вотъ интересная картина народнаго собранія: «Когда большая толпа собирается въ экклесіи или въ судѣ, или въ театрѣ, или въ лагерѣ, или въ какомъ другомъ большомъ собраніи, она со страшнымъ шумомъ одни слова и дѣйствія одобряетъ, другія — порицаетъ, преувеличивая въ обоихъ случаяхъ, крича и стуча, причѣмъ скалы и мѣсто, гдѣ происходитъ собраніе, своимъ эхомъ вдвойнѣ усиливаютъ шумъ похвалы и порицанія. Какъ, по-твоему, должно это дѣйствовать на настроеніе юноши? Какое долженъ онъ получить особое образованіе, чтобы быть въ состояніи устоять противъ потока похвалы или порицанія и не быть унесеннымъ имъ?»

Не подчинится ли юноша взгляду других на прекрасное и низкое, не будет ли онъ поступать такъ, какъ они, и не станетъ ли такимъ же?» (Политія, 492).

А вотъ изображеніе Платономъ демагога: «Его можно сравнить съ человѣкомъ, изучающимъ порывы и стремленія воспитываемаго имъ большого и сильнаго звѣря, какъ къ нему нужно подходить и какъ за него браться, когда и отчего онъ бываетъ всего опаснѣе и кротче, какіе по какому поводу издаетъ крики, какіе крики другого его успокаиваютъ или раздражаютъ. Узнавъ все это съ теченіемъ времени и благодаря оценію со звѣремъ, демагогъ называетъ это знаніе мудростью, создаетъ изъ него систему и начинаетъ преподавать ее, не имѣя, въ сущности, никакого понятія о томъ, какіе изъ этихъ порывовъ и стремленій высокіе или низкіе, нравственные или безнравственные, справедливые или несправедливые, и называя ихъ согласно взглядамъ большого звѣря» (Политія, 493).

Далѣе Платонъ описываетъ «демократа», типическій продуктъ демократіи. «Онъ не принимаетъ разумныхъ совѣтовъ; если кто-нибудь ему говорить, что одни удовольствія удовлетворяютъ хорошія и благородныя стремленія, а другія—низкія, и что одними нужно пользоваться съ уваженіемъ, а другія—презирать и подавлять,—въ отвѣтъ на это онъ качаетъ головою и заявляетъ, что всѣ они одинаковы и заслуживаютъ одинаковаго уваженія... Такъ онъ и живетъ со дня на день, поддаваясь случайной прихоти: то онъ пьетъ и увлекается музыкой, то становится трезвенникомъ и постникомъ, то принимается за гимнастику, то ничего не дѣлаетъ и ни о чемъ не заботится; то какъ будто

увлекается философией, то нередко пускается въ политику, вскакиваетъ и начинаетъ говорить и дѣлать то, что ему придетъ въ голову; позавидуетъ онъ какому-нибудь воину, — и самъ становится героемъ, позавидуетъ дѣльцу, становится дѣльцомъ. Въ его жизни нѣтъ ни плана, ни порядка, а онъ называетъ ее пріятною, свободною и блаженною и ведетъ ее постоянно» (Политія, 561).

Общество, соответствующее подобной личности, рисуется въ такихъ чертахъ: «Въ этомъ обществѣ учитель боится учениковъ и льститъ имъ, а ученики презираютъ учителей и воспитателей; да и вообще юноши становятся наравнѣ со стариками и соперничаютъ съ ними на словахъ и на дѣлѣ, а старики, снисходя къ молодежи и подражая ей, проявляютъ обходительность и любезность изъ опасенія показаться нелюбезными и деспотичными... Кто не видѣлъ самъ, тотъ не повѣритъ, насколько животныя, подчиненныя человѣку, пользуются въ демократіи большею свободою, чѣмъ въ другомъ государствѣ. Какъ говорится въ пословицѣ, какова хозяйка, такова и собака; даже лошади и ослы привыкли расхаживать совсѣмъ свободно и важно; если встрѣчный не уступаетъ имъ дороги, они сталкиваютъ его съ пути. Да и все прочее проникнуто такой же свободой... Самымъ главнымъ результатомъ всего этого является страшная щекотливость настроенія гражданъ; они приходятъ въ негодованіе при малѣйшемъ проявленіи власти и не выносятъ его; наконецъ, они перестаютъ обращать вниманіе даже на законы, писанные или неписанные, не желая имѣть ничего выше себя» (Политія, 563).

Оцѣнка аѣинской демократіи.

Въ заключеніе необходимо, несмотря на трудность задачи, попытаться представить оцѣнку аѣинской демократіи въ цѣломъ. Сначала мы рассмотримъ ея вліяніе на духовное развитіе Аѣинъ, а потомъ ея административную и правительственную дѣятельность.

1. Никто не станетъ отрицать, что истинная заслуга Греціи относится къ области научной и художественной. Ясно также, что въ этомъ отношеніи Аѣинамъ принадлежитъ бѣльшая доля, чѣмъ всѣмъ остальнымъ греческимъ государствамъ, взятымъ вмѣстѣ. Какая же зависимость между этой вѣчно памятной дѣятельностью и демократическимъ правленіемъ Аѣинъ? Связь, несомнѣнно, не совсѣмъ случайная: заслуги демократіи передъ искусствомъ и наукой не маловажны. Аѣинскій строй обезпечивалъ людямъ гораздо бѣльшую свободу мысли и слова, чѣмъ какую можно было найти гдѣ бы то ни было въ Греціи, а свобода мысли является первымъ, хотя и не единственнымъ, условіемъ умственного развитія. Если Сократъ былъ преданъ смерти, а Анаксагоръ изгнанъ изъ Аѣинъ за разногласіе съ народными мнѣніями и вѣрованіями, то нигдѣ въ Греціи они не могли бы такъ долго развивать свои мнѣнія безнаказанно. Дѣйствительно, Платонъ говоритъ, что Сократъ отказался предпочесть изгнаніе смерти на томъ именно основаніи, что никакое другое государство не позволило бы ему вести его философскія бесѣды съ той свободой, какую онъ находилъ въ Аѣинахъ. Если эти соображенія болѣе приложимы къ области науки, чѣмъ искусства, то

все же поэты и художники Аѳинъ многимъ были обязаны свободной атмосферѣ аѳинской демократіи. Тутъ легче обходились традиціонныя правила, охотнѣе встрѣчались новшества. Засѣданія народнаго собранія и судовъ присяжныхъ дѣйствовали возбуждающимъ образомъ на умственную жизнь аѳинянъ; и если, въ концѣ-концовъ, нравственное вліяніе системы было скорѣе дурнымъ, чѣмъ хорошимъ, все же она давала одно время аѳинскимъ поэтамъ слушателей чрезвычайно способныхъ къ критикѣ и оцѣнкѣ. Но дальше этого идти невозможно. Крайне трудно, пожалуй, даже невозможно, опредѣлить условія процвѣтанія искусства и науки. Ихъ развитіе или упадокъ не зависятъ исключительно и даже главнымъ образомъ отъ формъ правленія. Ихъ расцвѣтъ или увяданіе бывали при всякаго рода правителяхъ. Величайшій духовный расцвѣтъ Аѳинъ совпадаетъ не съ періодомъ разнузданной демократіи, послѣдовавшимъ за смертью Перикла, а съ тѣмъ временемъ, когда народъ, еще не вполне сознавшій свою силу, подчинялъ свою волю авторитетамъ, когда старыя вѣрованія были еще крѣпки, на ареопагѣ смотрѣли еще съ уваженіемъ, а Периклъ правилъ съ властью, превосходившею царскую. Если демократіи принадлежитъ вся слава блестящаго періода аѳинскаго искусства и науки, то она же должна принять на свой счетъ и весь позоръ ихъ позднѣйшаго упадка. На дѣлѣ она была въ обоихъ случаяхъ только второстепенной причиной.

Платонъ утверждаетъ, что демократія вызвала ухудшеніе характера аѳинянъ. Обладаніе верховной властью повело за собой ослабленіе чувствъ преданности и повиновенія. Воля народа, а во мно-

гихъ случаяхъ и воля отдѣльнаго лица, стала единственнымъ критеріемъ правды или неправды. То же повторяютъ и другіе крупные мыслители: Аристофанъ, Ксенофонтъ и Аристотель. Безспорно, что нравственный упадокъ Аѣинъ наступилъ въ срединѣ IV столѣтія. Сograждане Демосѣена не обладали тою твердостью и силой характера, которая отличала аѣинянъ вѣка Перикла. Тутъ есть опасность преувеличенія; однако, внѣ всякаго сомнѣнія, что доблесть въ это время уже покинула аѣинскій народъ. Но хотя доля порицанія за упадокъ и падаетъ на вліяніе демократіи, все же оно не единственная и не главная причина этого. Пало значеніе учреждений, наиболѣе вліяющихъ на характеръ народа. Потеряла свою власть религія; не показывало признаковъ усиленія всегда слабое семейное начало. Въ Аѣинахъ того времени вліяніе формы правленія на характеръ гражданъ было гораздо сильнѣе, чѣмъ въ Римѣ или въ большинствѣ современныхъ государствъ. Самодовольство и тщеславіе были главными пороками аѣинянъ въ концѣ эпохи независимости, и пороки эти должны были сильно поощряться лестью демагоговъ и безспорнымъ обладаніемъ верховной властью. Но и до конца аѣинская демократія представляетъ много прекрасныхъ чертъ: уметвенную подвижность, целовѣчность, патриотизмъ. 2

2. Но, въ концѣ-концовъ, наше сужденіе объ аѣинской демократіи будетъ зависѣть главнымъ образомъ отъ того, какъ выполняла она задачи управленія. Обезпечивала ли она порядокъ и прогрессъ, осуществляла ли военныя и административныя цѣли, которыя ставилъ себѣ аѣинскій народъ?

Если мы будемъ основывать свое сужденіе исключительно на сравненіи Аѣинъ съ другими греческими государствами, нашъ приговоръ долженъ быть благопріятнымъ. Порядкомъ и правильностью внутренняго управленія Аѣины несомнѣнно далеко превосходили Спарту и Фивы, Аргосъ и Коринѣъ. Хотя онѣ и потерпѣли поражение въ войнѣ со Спартой, хотя ихъ имперія, послѣ короткаго процвѣтанія, распалась, все же въ дѣлѣ завоеванія и управленія демократическія Аѣины выказали себя лучше, чѣмъ олигархическая Спарта послѣ униженія своего соперника. Но если стать на высшую точку зрѣнія, если судить объ аѣинской демократіи не только по сравненію съ современными ей формами управленія, а при свѣтѣ всемірной исторіи, то мы не можемъ высоко поставить ее среди другихъ правительствъ. Если я правильно разобралъ въ предыдущихъ параграфахъ дѣятельность и духъ аѣинской демократіи, ея характерными чертами является полное верховенство народнаго собранія, недовѣріе къ выдающимся достоинствамъ сановниковъ государства, удовлетвореніе чувства равенства предпочтительно предъ успѣхомъ общаго дѣла. Ни на одинъ мигъ нельзя отрицать, что рядомъ съ этими чертами стоитъ и нѣсколько прекраснѣйшихъ: замѣчательное совершенство частныхъ устройствъ, высокое великодушіе, терпимость и отсутствіе мстительности, не имѣвшія себѣ подобныхъ въ то время и въ той странѣ. Но если мы станемъ разсматривать демократію просто какъ орудіе управленія, то послѣднія ея особенности окажутся не столь важными, какъ раньше упомянутыя, и въ правительственной дѣятельности обнаружится недостатокъ

быстроты, постоянства и твердости. Съ такими средствами даже великимъ государственнымъ людемъ, вродѣThemistocles, Pericles и Democritus, невозможно было выполнить задачу, которую они считали наиболѣе необходимою для Греціи,— образование сильной сплоченной державы, способной отражать нападенія враждебныхъ варваровъ. Греція создала идеи цивилизаціи; Риму оставалось дать имъ матеріальную основу, на которой онѣ могли бы расти и распространяться. Нѣтъ болѣе поразительной противоположности, какъ между этими двумя великими государствами, которымъ такъ много обязана цивилизація. Разница одинаково замѣтна какъ въ государственномъ, такъ и въ общественномъ устройствѣ. Все въ Римѣ дышало духомъ дисциплины и преданности. Уваженіе къ семейному очагу связывало и укрѣпляло все общество. Безпрекословное повиновеніе каждаго гражданина своему начальнику, преданность всѣхъ государству доставляли Риму въ его сношеніяхъ съ иностранными державами замѣчательную твердость. Аѳинская демократія, по сравненію съ римскимъ государствомъ, то же, что увеселительная яхта по сравненію съ броненосцемъ. Тяжело произносить обвинительный приговоръ надъ аѳинской демократіей, но невозможно отрицать, что, даже достигнувъ своего величайшаго развитія, она представляла крупнѣйшіе недостатки, какъ въ руководствѣ военнымъ дѣломъ, такъ и въ управленіи во время мира.

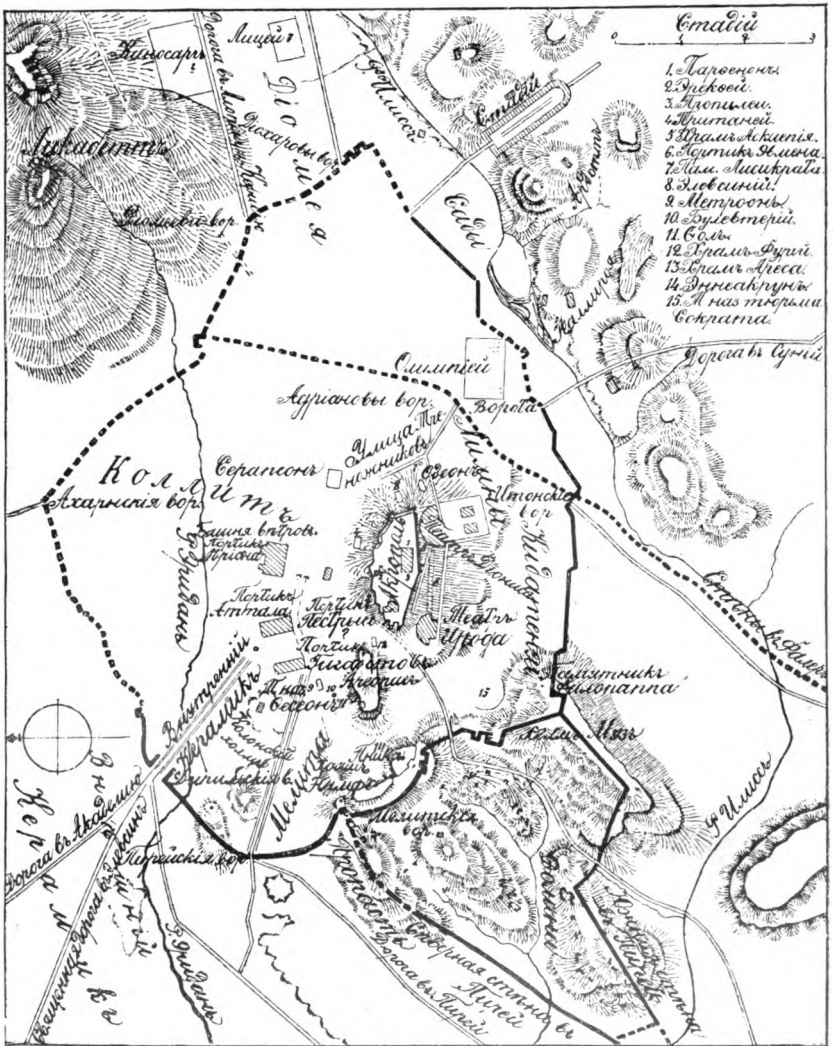
Г л а в а VIII.

ПЕРИКЛЬ, ЕГО ПОЛИТИКА И ЕГО ДРУЗЬЯ.

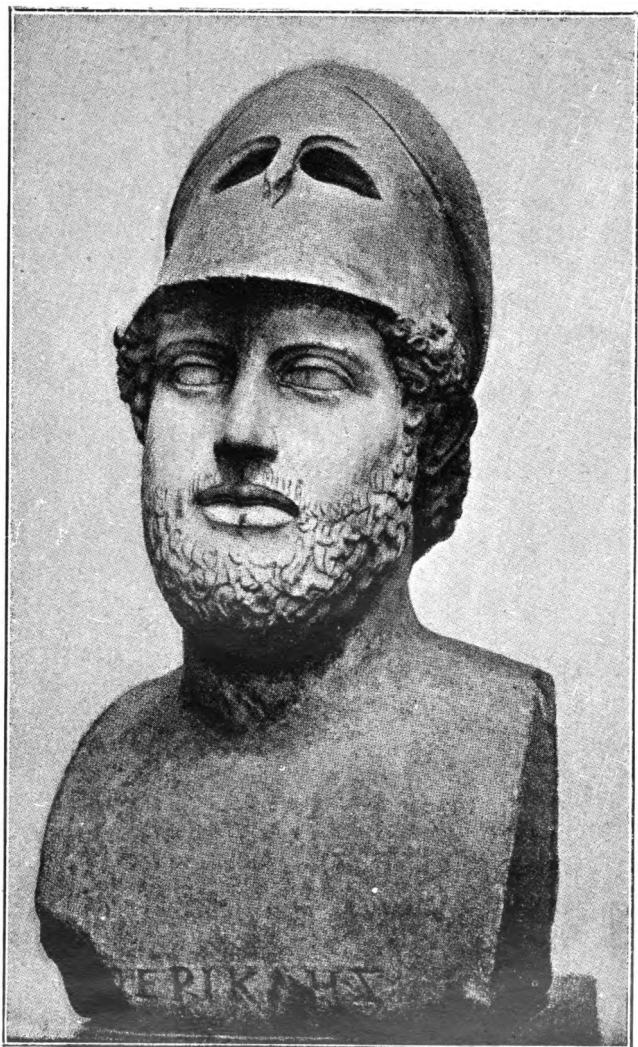
Частная жизнь Перикла.

Предки Перикла играли выдающуюся роль въ исторіи Греціи, и роль эта была такова, что ихъ потомокъ, ставши замѣтнымъ человѣкомъ, почти не имѣлъ возможности примкнуть къ консервативной партіи. Его отецъ Ксантиппъ командовалъ аеинянами въ битвѣ при Микалѣ, гдѣ были разбиты на голову сухопутныя и морскія силы персовъ. За десять лѣтъ передъ тѣмъ (въ 489 г.), онъ приобрѣлъ извѣстность болѣе сомнительнымъ путемъ: онъ обвинялъ Мильтіада, героя Мараэона, въ неудачномъ походѣ противъ Пароса. Вслѣдствіе этого обвиненія Мильтіада присудили къ большой денежной пенѣ, и онъ умеръ, не заплативши ея. Кимонъ, великій вождь консерваторовъ, былъ сыномъ Мильтіада. Трудно было забыть обвиненіе и его результаты, и сыновья обоихъ противниковъ 489 г. естественно оказались противниками и въ позднѣйшихъ политическихъ столкновеніяхъ. Со стороны матери предки Перикла были еще болѣе рѣшительными либералами. Его мать Агариста происходила отъ знаменитаго Сикіонскаго тиранна Клизеена и была племянницей того Клизеена, который послѣ изгна-

ПЛАНЪ АѢИНЫ.

Къ стр. 193.

П е р и к л ъ .

Къ стр. 193.

ніа Писистратидовъ положилъ основаніе позднѣйшей аеинской демократіи. Клизеенъ принадлежалъ къ Алкмеонидамъ, одной изъ знатнѣйшихъ аеинскихъ фамилій, но заподозрѣнной въ религіозномъ преступленіи. Въ началѣ греческой исторіи, въ седьмомъ вѣкѣ до Р. Х., одинъ аристократъ, по имени Килонъ, составилъ планъ захватить акрополь и овладѣть Аеинами. Заговоръ не удался. Самъ Килонъ спасся бѣгствомъ, а многіе изъ его сторонниковъ были умерщвлены, говорятъ, вопреки обѣщанію безопасности и несмотря на покровительство боговъ, у алтарей которыхъ они искали себѣ защиты. Люди, виновные въ этомъ убійствѣ и святотатствѣ, принадлежали къ фамиліи Алкмеонидовъ, и оскорбленіе, нанесенное ими божеству, запятнало, по общему мнѣнію, весь ихъ родъ и всѣхъ ихъ потомковъ. Духъ суевѣрія, проникавшій всю духовную жизнь Греціи, былъ настолько силенъ, что, болѣе чѣмъ черезъ полтора столѣтія послѣ этого событія, противники Перикла считали возможнымъ выставять противъ него обвиненіе въ нечестіи.

Перикль родился, вѣроятно, въ 493 году, навѣрное, около этого года. У него должно было сохраниться нѣкоторое воспоминаніе о бѣгствѣ на Саламинъ и торжественномъ возвращеніи оттуда. Годы его жизни, наиболѣе доступные для яркихъ и прочныхъ впечатлѣній, были ознаменованы побѣдами Эллады, въ которыхъ Аеинамъ принадлежало предводительство и все возраставшее участіе. Если, въ качествѣ политика, онъ ставилъ слишкомъ высоко могущество Аеинъ, то въ его зрѣлые годы ихъ успѣхи, казалось, оправдывали самыя пылкія надежды. О политической обстановкѣ его юности

сказано достаточно. Характеръ его ума тоже заслуживаетъ вниманія. Твердая вѣра, опредѣленные идеалы вѣка персидскихъ войнъ уступали мѣсто новому умственному движенію и философской критикѣ, возникшей въ Малой Азіи. Старое и новое уживались рядомъ. Эсхиль и Пиндаръ, съ ихъ непоколебимой вѣрой, были современниками философовъ, отрицавшихъ цѣликомъ всю греческую миеологию; они были также современниками, если не дѣятельности, то юности такихъ полныхъ представителей вѣка анализа и скептицизма, какъ Эврипидъ и Сократъ. Перикль принадлежалъ скорѣе къ новому, чѣмъ къ старому вѣку. Мы не знаемъ никакихъ подробностей его ранней жизни и воспитанія, которыя современный біографъ постарался бы намъ сообщить. Безъ сомнѣнія, первоначальное обученіе его ничѣмъ не отличалось отъ того, какое получалъ обыкновенный аѣинскій мальчикъ — развитіе ума и тѣла, чтеніе, письмо, способы счисленія и поэмы Гомера, какъ основаніе всей умственной и нравственной культуры. Но для него, какъ и для большинства аѣинскихъ юношей, главнымъ источникомъ образованія и знанія служила общественная жизнь Аѣинъ. Съ возрастомъ на него начали вліять умственные теченія времени, и мы имѣемъ достаточно свѣдѣній на этотъ счетъ, чтобы сказать, кто были его главными учителями, и каково было направленіе его ума и вкусовъ. Наставниками Перикла въ философіи называютъ Зенона Элейскаго, Анаксагора и Дамона. Каковы бы ни были различія между этими тремя философами, всѣ они покинули миеологическое объясненіе вселенной и пытались отыскать новую основу жизни.

Вліяніе Зенона на Перикла, повидимому, было не велико. Плутархъ говоритъ, что Периклъ слушалъ его чтенія по естественной философіи и что его особенно привлекало діалектическое искусство Зенона. «Зенонъ особенно занимался изученіемъ того, какъ принудить къ молчанію человѣка, предлагающаго вопросы, поставивъ предъ нимъ неразрѣшимую дилемму», — искусство, въ которомъ Периклъ часто нуждался въ экклесіи. Дамонъ былъ особенно извѣстенъ, какъ «музыкантъ», но въ Греціи подъ этимъ словомъ подразумѣвали гораздо больше, чѣмъ у насъ: оно могло включать въ себя всякую философію. Плутархъ говоритъ, что подъ именемъ музыки Дамонъ училъ политической философіи: «онъ подготовлялъ Перикла къ политической борьбѣ, какъ наставникъ готовитъ атлета къ играмъ». Изъ одного указанія Платона мы знаемъ, что Дамонъ соединялъ музыку съ философіей, а его политическіе интересы видны изъ свидѣтельства Плутарха объ изгнаніи его остракизмомъ, повидимому, за то, что онъ былъ «безпокойный человѣкъ и поклонникъ деспотизма». Гораздо большее значеніе, чѣмъ оба они, имѣлъ Анаксагоръ. Онъ былъ философъ-физикъ и продолжалъ умозрительную работу, начатую Фалесомъ. Всѣ философы того времени стремились объяснить и понять вселенную, не прибѣгая къ сверхъестественнымъ причинамъ. Пренніе мыслители находили основу всего въ самой матеріи. Анаксагоръ нашелъ ее въ чемъ-то, независящемъ отъ матеріи, и это нѣчто онъ называлъ «нусъ» — разумъ. «Въ началѣ всего былъ хаосъ, затѣмъ явился разумъ и привелъ все въ порядокъ». Анаксагоръ жилъ въ тѣсной дружбѣ съ

Перикломъ и поэтому сталъ предметомъ вражды для противниковъ послѣдняго. Отъ этого наставника Перикль пріобрѣлъ два важныхъ преимущества. Прежде всего ученіе Анаксагора сообщило его уму возвышенность и послѣдовательность мысли, поставившія его выше путаницы политическихъ мелочей и страстей. Плутархъ говоритъ: «Это сообщило ему высокій умъ, возвышенную рѣчь, чуждую низкаго площаднаго шутовства, а также невозмутимое выраженіе лица, спокойную походку, полный достоинства видъ, невозмущаемый никакими порывами краснорѣчія, наконецъ, ровный голосъ». Съ другой стороны, это ученіе освободило его отъ суевѣрныхъ страховъ, общихъ большинству грековъ и часто вредившихъ дѣлу. Геродотъ объясняетъ серьезную неудачу въ битвѣ при Платеяхъ тѣмъ, что предзнаменованія не позволили спартанскому вождю произвести нападеніе; въ греческой исторіи найдется не мало другихъ примѣровъ, когда выполненіе или невыполненіе важныхъ дѣлъ зависѣло отъ знаменій и чудесъ. Перикль былъ совершенно свободенъ отъ этихъ смущающихъ суевѣрій. Здѣсь стоитъ привести одинъ разсказъ Плутарха, такъ какъ онъ характеризуетъ Перикла и его время. «Говорятъ, однажды принесли Периклу изъ деревни голову однорогаго барана, и прорицатель Лампонъ, увидѣвъ крѣпкій рогъ, выросшій изъ середины лба, сказалъ, что при существованіи въ государствѣ двухъ партій, съ Фукидидомъ и Перикломъ во главѣ, власть перейдетъ къ тому, у кого явилось знаменіе. Тогда Анаксагоръ вскрылъ черепъ и показалъ, что мозгъ не заполнилъ его цѣликомъ, а собрался отовсюду, въ формѣ яйца, въ томъ мѣстѣ,

откуда брать свое начало корень рога. Тут присутствующіе были поражены Анаксагоромъ, а немного спустя, когда Фукидидъ былъ изгнанъ и всѣ государственныя дѣла цѣликомъ перешли въ руки Перикла, люди стали восхищаться Лампономъ».

Наравнѣ съ философіей вниманіе Перикла привлекало къ себѣ искусство; но прежде чѣмъ говорить объ его отношеніяхъ къ великому скульптору Фидію, остановимся лучше на женщинѣ, оказавшей на него такое сильное вліяніе. О положеніи женщинъ въ Греціи будетъ больше сказано въ слѣдующей главѣ. Мы уже видѣли, насколько оно было зависимымъ. Какъ общее правило, аѣинскія женщины благороднаго происхожденія не умѣли ни читать, ни писать. Онѣ проводили жизнь въ полномъ уединеніи въ нарочно устроенныхъ для нихъ покояхъ. Если и не преувеличивать дурныхъ сторонъ ихъ положенія, очевидно, люди высшей культуры не находили и не могли находить себѣ умственной поддержки въ аѣинскихъ гражданкахъ. Но былъ въ городѣ другой классъ женщинъ — гетеры. Мы называемъ ихъ «куртизанками», но это не совсѣмъ точный переводъ. Ихъ положеніе признавалось въ то время и умомъ, и чувствомъ, нѣкоторыя изъ нихъ жили въ полнѣйшемъ униженіи, но другія вступали въ союзы съ аѣинскими гражданами, хотя и не признававшіеся закономъ, но во многихъ отношеніяхъ больше приближавшіеся къ идеалу брака, чѣмъ законные браки въ Аѣинахъ. Къ этому-то классу принадлежала и Аспасія. Мы мало знаемъ о ней, и хотя нѣкоторые ученые пробовали раскрыть ея жизнь на основаніи этихъ немногихъ данныхъ, но ихъ старанія оказались безуспѣшными.

Она была уроженкой Милета. Какъ и когда появилась она въ Аѣинахъ, совершенно неизвѣстно. Когда Перикль впервые познакомился съ нею, онъ былъ женатъ на родственницѣ, но ни одной стороны бракъ не удовлетворялъ. Брачныя узы въ Аѣинахъ порывались легко. Хотя у Перикла было уже два сына, но онъ разошелся съ женой, «передалъ ее», по выраженію Плутарха, «другому мужу», и вскорѣ затѣмъ сталъ жить съ Аспасіей и жилъ съ ней до своей смерти.

Свѣдѣнія о ней и ея вліяніи достались намъ съ большимъ трудомъ. О немногихъ женщинахъ греческой исторіи извѣстно намъ такъ много, но нѣтъ греческой женщины, о которой мы желали бы знать еще больше. Несомнѣнно, что Перикль былъ къ ней страстно привязанъ. Плутархъ передаетъ слова современника, что «онъ никогда не входилъ и не выходилъ изъ дому, не поцѣловавъ ея». Перикль покинулъ свое олимпійское спокойствіе одинъ только разъ въ жизни, когда жизнь Аспасіи находилась въ опасности. Во время суда надъ ней, о которомъ будетъ упомянуто дальше, онъ со слезами просилъ присяжныхъ не наносить ему тяжелаго удара ея осужденіемъ. Ея вліяніе на него въ значительной степени зависѣло отъ ихъ духовныхъ симпатій. Мы не можемъ опредѣлить, каковъ былъ ея образъ мыслей, но она была другомъ Сократа, Фидія и другихъ знаменитыхъ аѣинянъ великаго вѣка, и это достаточно говорить въ пользу ея ума. Вполнѣ вѣроятно также, что она была недовольна положеніемъ женщинъ въ Аѣинахъ и старалась измѣнить его. Въ аѣинскомъ обществѣ вызывало нѣкоторое смущеніе то, что иные выдающіеся гра-

ждане приводили своихъ женъ слушать ея бесѣды. Очень можетъ быть, что, мечтая объ улучшеніи браковъ, она часто говорила при этомъ о необходимости для женщинъ лучшаго воспитанія и болѣе полной жизни. Ненормальность ея положенія, величіе Перикла и ея вліяніе на него, естественно, дѣлали ее мишенью для нападокъ его политическихъ противниковъ. Комическіе поэты, до нѣкоторой степени представлявшіе въ Аѣинахъ то же, что теперешняя газетная печать, часто нападали на нее. Ее сравнивали съ Омфалой, околдовавшей Геракла, съ Деянирой, женой Геракла и виновницей его смерти. Иногда ее называли Герой, супругой «олимпійца» Перикла и этимъ намекали на предполагаемое сильное вліяніе ея въ аѣинскихъ дѣлахъ. Тѣмъ не менѣе, нѣтъ никакихъ доказательствъ политическаго вліянія Аспасіи. Она была для Перикла подругой въ духовной и личной жизни, но въ своей политической дѣятельности онъ не зависѣлъ ни отъ кого.

О Фидіи уже было упомянуто какъ объ одномъ изъ обычныхъ посѣтителей салона Аспасіи; но на немъ слѣдуетъ долѣе остановиться, чтобы выяснить художественные интересы Перикла. Фидій, по общему признанію, величайшій въ свѣтѣ скульпторъ, уже во время Кимона работалъ надъ украшеніемъ Аѣинъ. Факты его жизни покрыты полною неизвѣстностью, но несомнѣнно, что еще раньше того, какъ Периклъ достигъ власти, около 445 г., Фидій уже приобрѣлъ большую извѣстность. Въ воспоминаніе о побѣдахъ надъ персами въ Дельфы были посланы статуи его рѣзца. Онъ уже исполнилъ колоссальную статую Аѣины Защитницы, которая стояла у самага входа въ Акрополь. Но наиболѣе

благоприятное для него время наступило тогда, когда Перикль взялъ на себя дѣйствительное руководство аѣинскими дѣлами. У политика и скульптора было много основаній для взаимной симпатіи. Преданность искусству не мѣшала Фидію живо интересоваться умственными и политическими теченіями эпохи. Самъ аѣинянинъ, онъ сочувствовалъ желанію Перикла прославить Аѣины. Перикль назначилъ его главнымъ руководителемъ всѣхъ общественныхъ работъ въ городѣ, и потому онъ завѣдывалъ роскошнымъ украшеніемъ Аѣинъ, составляющимъ одну изъ самыхъ важныхъ заслугъ эпохи Перикла. Но политикъ былъ не только покровителемъ скульптора, а также и его близкимъ другомъ. Мы увидимъ, что когда противники Перикла, еще опасаясь затрогивать его самого, выбрали предметомъ своихъ нападокъ его ближайшихъ друзей, Фидій подвергся особенно ожесточенному преслѣдованію.

По наружности Перикла считали похожимъ на Писистрата, хотя, можетъ-быть, сходство было выдумкой его противниковъ, утверждавшихъ, будто онъ стремится установить тираннію. Говорятъ, у него была изящная наружность, но несоразмѣрно крупная голова. Эта особенность физическаго строенія служила постояннымъ предметомъ насмѣшекъ для комическихъ поэтовъ, принадлежавшихъ по большей части къ его политическимъ противникамъ. Они называли его «луковично-головымъ», выдумывали для него всевозможныя прозвища, указывавшія на форму его головы. Утверждали, будто онъ былъ изображаемъ на всѣхъ статуяхъ въ шлемѣ съ цѣлью скрыть это уродство, хотя долгое занятіе имъ должности стратега (полководца) дѣлало вполнѣ

естественнымъ изображеніе его въ племѣ. У него былъ очень пріятный голосъ и очень плавная рѣчь.

Современниковъ наиболѣе поражали въ его характерѣ невозмутимость, сдержанность и постоянное спокойствіе, которое они называли «олимпійскимъ». Хотя первымъ условіемъ всей его дѣятельности служило расположеніе къ нему экклесіи, но онъ казался чуждымъ ея страстямъ. Въ рѣчахъ онъ мало прибѣгалъ къ жестамъ, никогда не нападалъ на своихъ политическихъ противниковъ и не обращалъ вниманія на ихъ нападки. Онъ провелъ мѣры, усиливавшія демократію и ведшія прямо къ господству демагоговъ. Нѣкоторыя изъ его мѣръ, несомнѣнно, не были чужды демагогизму. Но въ своихъ отношеніяхъ къ народу онъ всегда держался тона авторитетнаго совѣтника, никакъ не льстеца или простого исполнителя его указаній. Въ экклесіи онъ не говорилъ постоянно, а выступалъ только въ особенныхъ случаяхъ, и рѣдкость его рѣчей только усиливала ихъ вліяніе. Интересно, что онъ любилъ вводить въ свои рѣчи поясненія изъ естествознанія. Впослѣдствіи Аристофанъ говорилъ, что онъ «гремѣлъ, сверкалъ и приводилъ въ смятеніе Грецію». Но это можетъ относиться только къ дѣйствию его рѣчей, а не къ ихъ стилю. Хотя онъ говорилъ очень плавно, но онъ писалъ свои рѣчи передъ ихъ произнесеніемъ и, какъ говорятъ, первый усвоилъ эту привычку; всходя на кафедру, онъ молилъ боговъ, чтобы нечто неподходящее не сорвалось у него съ устъ.

Его частная жизнь была отмѣчена той же невозмутимостью и сдержанностью. Къ несчастію, мы не въ состояніи сорвать завѣсу, скрывающую отъ насъ

его личныя отношенія къ друзьямъ. По всей вѣроятности, мы составили бы о немъ другое представленіе, если бы могли видѣть его съ Аспасіей и Сократомъ, съ Фидіемъ и Анаксагоромъ. Но граждане находили его суровымъ. Его рѣдко видѣли внѣ дома. Говорили, что его можно было встрѣтить только на улицѣ, ведущей къ рыночной площади и къ эkkлесіи. Кимонъ былъ постояннымъ и любимымъ гостемъ на частныхъ пиршествахъ аѳинянъ. Перикль не принималъ никакихъ приглашеній. Рассказывали, что его видѣли только разъ на праздничномъ сборищѣ; это была свадьба его двоюроднаго брата, да и тогда онъ ушелъ очень рано. Такое строгое уединеніе представляетъ очень любопытную черту въ блестящемъ вождѣ демократіи. Оно было, несомнѣнно, отчасти результатомъ его настроенія. Въ салонѣ Аспасіи онъ находилъ гораздо болѣе подходящую для себя бесѣду, чѣмъ среди обыкновенныхъ гражданъ Аѳинъ. Отчасти это можно объяснять политикой, отчасти осторожностью. Хотя Греція мало была знакома съ религіознымъ гоненіемъ, но судьба Сократа и послѣдующее преслѣдованіе друзей Перикла за нечестіе показываетъ, какъ опасно могло быть публичное выраженіе философскихъ и религіозныхъ мнѣній, которыхъ придерживался Перикль.

Философъ, художникъ, ораторъ, политикъ, демагогъ, — Перикль былъ всѣмъ этимъ. Онъ представляетъ собой прекрасный образецъ полной и гармонической культуры Аѳинъ въ это время. Но прежде всего другого онъ былъ государственнымъ человекомъ, и извѣстность его основывается главнымъ образомъ на его политической дѣятельности.

Перикль, какъ политическій дѣятель.

Мы уже видѣли, какъ успѣшно велъ Перикль политическую борьбу съ Кимономъ. Но Кимонъ, съ его грубыми приемами моряка и исключительно военными интересами, не могъ быть особенно искуснымъ вождемъ политической партіи въ демократіи. Послѣ его смерти во главѣ консервативной партіи сталъ его родственникъ Фукидидъ, сынъ Мелесія¹⁾. Новый вождь посвятилъ все свое вниманіе политической борьбѣ и являлся постояннымъ противникомъ Перикла въ экклесіи. Консервативная партія отказалась теперь отъ всякихъ надеждъ на реакцію. Нужно было примириться съ полной демократіей, съ равенствомъ гражданъ и съ оплатой всѣхъ государственныхъ обязанностей. Ниспровергнуть ее могъ только насильственный политическій переворотъ. Вопросы, раздѣлявшіе обѣ партіи, относились не къ формѣ правленія, а къ управленію. Какую цѣль должна преслѣдовать политика Аѣинъ—дружбу или вражду со Спартой? Должны ли Аѣины въ своихъ отношеніяхъ къ союзу принять рѣшительно всѣ послѣдствія достигнутаго ими верховенства, или же онѣ еще должны поддерживать кажущееся равенство и свободу? Могли ли Аѣины расходовать по своему усмотрѣнію дань, платимую «союзниками» или подданными, или слѣдовало отчасти сообразоваться съ желаніями плательщиковъ дани? Вотъ вопросы, волновавшіе экклесію. Консервативная партія, съ Фукидидомъ во главѣ, требовала дружбы со Спартой и мягкаго обращенія съ союзниками. Борьба

¹⁾ Не смѣшивать съ Фукидидомъ историкомъ.

велась съ большою живостью. Соглашеніе, подобное тому, какое было заключено съ Кимономъ, было невозможно. Для успѣшнаго управленія аѣинскимъ государствомъ, дѣйствительно, было необходимо принять какое-либо рѣшеніе. Партія Фукидида требовала остракизма, но послѣ голосованія изгнаннымъ оказался ея собственный глава (444 до Р. X). Съ этого времени и до самой смерти Перикль былъ полнымъ господиномъ Аѣинъ, а такъ какъ весь характеръ аѣинскаго государства, казалось, опредѣлялся желаніемъ не имѣть надъ собой властелина, то это бесспорное преобладаніе Перикла представляется явленіемъ, требующимъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія и объясненія.

Политическое положеніе Перикла.

Поразительные таланты, повелительный и возвышенный характеръ помогли Периклу занять положеніе бесспорнаго главы государства. Но для объясненія этого ихъ недостаточно. Въ позднѣйшій періодъ аѣинской исторіи подобные таланты и такой характеръ вызвали бы скорѣе подозрительность, чѣмъ покорность народа. Но въ половинѣ пятаго столѣтія демократія была только-что создана. Привилегіи недавно исчезли. За новое чувство независимости и власти люди были исполнены благодарности къ человѣку, давшему имъ все это. Еще не вполне увѣренные въ своемъ умѣннѣ пользоваться своею новою властью, они готовы были слѣдовать за тѣмъ, кого считали вполне сторонникомъ народа. Злоупотребленіе властью и скептическія вѣянія времени еще не уничтожили чувствъ почтенія и восхищенія. Для народа «не было еще ничего чудовищ-

наго въ томъ, что ему не позволяютъ дѣлать, что угодно». Для Перикла было счастьемъ, что онъ явился въ эту эпоху. Послѣ его смерти никто уже не могъ приобрести подобнаго господствующаго положенія.

Основаніемъ его власти была «бема» на Пниксѣ, съ которой онъ обращался къ народному собранію. Онъ занималъ важныя должности въ государствѣ и дорожилъ ими, такъ какъ онѣ давали ему возможность слѣдить за тѣмъ, чтобы предложенныя имъ мѣропріятія выполнялись въ его духѣ. Но сами по себѣ онѣ не обеспечивали ему руководства аѣинскимъ государствомъ. Онъ былъ вождемъ народа потому, что когда онъ говорилъ въ собраніи, его слушали; онъ совѣтовалъ, и съ нимъ соглашались. Въ государствѣ не было другого положенія, которое могло бы соперничать съ этимъ. Большинство сановниковъ назначалось по жребію. Всѣ они занимали должности только одинъ годъ, и самые важные изъ нихъ, военачальники, могли быть отрѣшены въ теченіе года по немотивированному требованію народа. Пока народъ настолько увлекается страстью къ равенству, что для удовлетворенія ея жертвуетъ прочнымъ успѣхомъ и хорошимъ управленіемъ, онъ долженъ чувствовать потребность въ нѣкоторомъ руководствѣ. Обыкновенные сановники не могли быть такими руководителями; такимъ образомъ, получалось свободное мѣсто для оратора экклесіи. Периклъ обладалъ большимъ краснорѣчіемъ и силой убѣжденія и вдобавокъ къ этому былъ первокласснымъ политикомъ.

При выборѣ на должности, замѣщавшіяся не по жребію, народъ много разъ проявлялъ свое пол-

ное довѣріе къ Периклу. Пятнадцать разъ его вы-
бирали стратегомъ (полководцемъ); онъ каждый
разъ доказывалъ свои способности въ качествѣ пред-
водителя сухопутныхъ и морскихъ силъ, и эта дол-
жность давала ему право, при открытіи враждебныхъ
дѣйствій, руководить военными операціями. Но по-
литикой народа онъ руководилъ не какъ стратегъ,
а какъ вождь народа въ эkkлeсiи. Кромѣ должности
стратега, время отъ времени онъ занималъ и мно-
гія другія. Намъ не извѣстно объ избраніи его въ
должности, замѣщавшіяся по жребію, хотя, конечно,
онъ долженъ былъ пройти черезъ нихъ наравнѣ
съ прочими аѣинянами. Вмѣстѣ тѣмъ онъ былъ
выбранъ руководителемъ общественныхъ работъ и
въ этой должности содѣйствовалъ Фидію и другимъ
художникамъ въ украшеніи Аѣинъ. Тутъ черезъ
его руки проходили огромныя суммы денегъ, и влі-
яніе его должно было быть очень велико. Мы зна-
емъ, кромѣ того, что онъ завѣдывалъ укрѣпленіями
и заготовкой военнаго матеріала и устраивалъ об-
щественныя празднества въ Аѣинахъ.

Но все зависѣло отъ его вліянія въ эkkлeсiи; какъ
онъ себя велъ тамъ, объ этомъ сообщаетъ намъ
Фукидидъ въ замѣчательныхъ выраженіяхъ: «Силь-
ный уваженіемъ и умомъ, безспорно неподкупнѣй-
шій изъ гражданъ, Периклъ свободно сдерживалъ
народную толпу и не столько подчинялся ей, сколько
самъ руководилъ ею. Приобрѣтя вліяніе благовид-
ными средствами, онъ не льстилъ массѣ и могъ
иногда съ гнѣвомъ противорѣчить ей, опираясь на
уваженіе къ себѣ. Такъ, когда онъ замѣчалъ въ
аѣинянахъ неумѣстную заносчивость и смѣлость,
онъ своими рѣчами внушалъ имъ осторожность, а

когда видѣлъ ихъ неосновательныя опасенія, старался пробудить въ нихъ отвагу. Народоправство оставалось на словахъ, а на дѣлѣ власть принадлежала первому гражданину. Преемники Перикла, не особенно отличаясь одинъ отъ другого, старались каждый занять первое мѣсто и потому стали льстить народу и предоставлять ему управленіе государствомъ. Какое бы названіе ни носило правленіе Аѣинъ при Периклѣ, оно было на дѣлѣ народной диктатурой. Это сообщало аѣинской политикѣ цѣльность и устойчивость, — въ чемъ позже ощущался такой страшный недостатокъ, — и въ то же время аѣиняне наслаждались полнѣйшей личной свободой, и каждый гражданинъ чувствовалъ, что величіе его родины—его собственное величіе.

Политика Перикла.

Теперь время рассмотреть политику Перикла по отношенію къ различнымъ важнымъ вопросамъ, которые приходилось разрѣшать Аѣинамъ. Кромѣ вопроса о внутреннемъ устройствѣ Аѣинъ, который уже былъ рассмотрѣнъ, остаются еще вопросы: 1) объ отношеніи Аѣинъ къ Спартѣ, 2) объ отношеніи ихъ къ союзникамъ, 3) о внутренней политикѣ Аѣинъ.

1. Аѣины и Спарта.

По этому вопросу демократическая и консервативныя партіи со времени Кимона постоянно расходились. Послѣдняя неизбѣжно искала у Спарты поддержки тѣмъ старымъ государственнымъ учрежденіямъ, которымъ грозила опасность со стороны новой демократіи. Но часто консерваторы станови-

лись на гораздо болѣе высокую точку зрѣнія. Мы уже видѣли, что когда, благодаря землетрясенію и мятежу, опасность стала грозить самому существованію Спарты, Кимонъ поддержаль ея обращеніе къ Аѣинамъ изъ побужденій общеэллинскаго патріотизма. Аѣины и Спарта — естественные союзники. Если Спарта будетъ ранена, охромѣетъ на одну ногу вся Греція. Консервативная партія держалась той же политики даже послѣ оскорбленія, нанесеннаго Аѣинамъ при Иеомъ. Спарта и Аѣины, — говорила она, — необходимы для цѣлости Греціи. Если онѣ не могутъ быть союзниками, то должны быть друзьями и доброжелателями и пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ для укрѣпленія дружбы. Демократическая партія и ея глава, Перикль, держались противоположной политики. По ихъ мнѣнію, Аѣины и Спарта не могли быть друзьями. Разница въ характерѣ и цѣляхъ была настолько велика, что вражда становилась естественнымъ отношеніемъ между ними. Перикль считаль войну неизбѣжной и желаль воспользоваться промежуткомъ тридцатилѣтняго перемирія (445 г.) для подготовки къ рѣшительной борьбѣ. «Необходимо признать, — говоритъ онъ въ одной изъ рѣчей, приписываемыхъ ему Фукидидомъ (I, 44), — что война неизбѣжна, и чѣмъ охотнѣе мы примемъ вызовъ, тѣмъ неохотнѣе враги будутъ наступать на насъ». Имѣя постоянно передъ глазами войну, онъ желаль довести военныя силы государства до высшей степени. Онъ не желаль расширенія владѣній; онъ старался изо всѣхъ силъ сдерживать горячихъ политиковъ, толковавшихъ о непобѣдимости аѣинскаго флота и предлагавшихъ походы противъ Сициліи или Кареагена, или Ита-

ліи. Онъ зналъ, что средства Аѣинъ, даже при условіи строгой бережливости и сосредоточенія, не слишкомъ велики для предстоящей войны. Растрата ихъ должна была привести къ гибели Аѣинъ.

Если признать правильною враждебную политику Перикла по отношенію къ Спартѣ, то нельзя не согласиться, что способъ, какимъ онъ готовился къ войнѣ, заслуживаетъ вниманія и восхищенія. И хотя исходъ возникшей войны оказался въ полномъ противорѣчїи съ его ожиданіями, но ходъ ея показалъ, какъ вѣрно онъ предугадалъ скалы, о которыя подъ конецъ разбились Аѣины. Но что сказать о самой политикѣ вражды? Симпатїи читателя девятнадцатаго вѣка съ перваго взгляда будутъ вполнѣ на сторонѣ Кимона и его примирительной политики. Утомленный ревнивымъ соперничествомъ европейскихъ державъ, онъ видитъ въ политикѣ Перикла только нѣчто подобное соперничеству Франціи съ Германїей или Англии съ Франціей. Но условія тутъ и тамъ совершенно разные. Политической задачей Греціи было обезпечить для цивилизаціи широкое и прочное основаніе, какое существовало въ Европѣ нѣсколько столѣтій. Конечно, въ то время эта задача не могла быть выражена въ такихъ словахъ, но достаточно ясно видно, что Периклъ понималъ необходимость обезпечить болѣе устойчивое положеніе, чѣмъ то, какое могли создать отдѣльныя общины Греціи. Прошлая исторія Греціи доказала, какъ мало была способна Спарта дѣйствовать вмѣстѣ съ Аѣинами ради общаго блага, какъ ни ея достоинства, ни ея недостатки не позволяли ей руководить общими судьбами Греціи. Послѣ недавняго опыта ни одинъ политикъ не могъ бы надѣяться переки-

нуть мостъ черезъ пропасть, раздѣлившую Аѣины и Спарту. Аѣинамъ оставалось взяться однимъ за дѣло, въ которомъ имъ не могла помогать Спарта. Никто не скажетъ, что онѣ не дѣлали ошибокъ, или даже что онѣ выказали качества, необходимыя для полнаго успѣха. Но, если греческой цивилизаціи суждено было уцѣлѣть на основѣ политической независимости, задачу эту нужно было разрѣшить. Поэтому мы должны вполнѣ сочувствовать попыткѣ Перикла основать сильную и сплоченную аѣинскую державу; такъ какъ это ему не удалось, и никакое другое государство Греціи не подошло такъ близко къ цѣли, то намъ и приходится привѣтствовать подчиненіе Греціи сначала Македоніи, а потомъ Риму.

2. Отношенія къ союзнымъ государствамъ.

Съ той же точки зрѣнія можемъ мы всего лучше понять развитіе отношеній между Аѣинами и тѣми государствами, которыя были сначала ихъ союзниками, а теперь стали подданными. Было уже достаточно ясно показано, какимъ образомъ совершилась эта перемѣна. Благодаря ошибкамъ самихъ союзниковъ и Аѣинъ, естественному ходу развитія, а также ловкой политикѣ, Аѣины изъ представителя равноправныхъ союзниковъ превратились теперь въ главный городъ обширной морской державы. Невозможно одобритъ цѣликомъ поведеніе Аѣинъ въ этомъ случаѣ. Жажда власти была одною изъ главныхъ причинъ перемѣны. Аѣины не проявили стремленія опередить Римъ и дать, въ большей или меньшей степени, права своего гражданства подчиненнымъ общинамъ. Замѣтно скорѣе

обратное стремленіе: въ правленіе Перикла въ рядахъ гражданъ была произведена очистка и уменьшено число лицъ, пользовавшихся привилегіями. По отношенію къ союзникамъ демократія Аѣинъ была только «Демосомъ - Тиранномъ». Но когда мы видимъ, какъ энергія Греціи растрчивалась на мелочныя распри между незначительными городами, мы можемъ только привѣтствовать развитіе болѣе крупнаго государства, даже если первыя ступени этого развитія не обошлись безъ несправедливостей.

Перикль настаивалъ на томъ, чтобы Аѣины ни на одинъ мигъ не отказывались отъ своего господствующаго положенія. Эгейское море должно было стать аѣинскимъ озеромъ. Эскадра изъ 60 триремъ плавала большую часть года между островами, въ видѣ постоянной угрозы всѣмъ тѣмъ, кто думалъ о бунтѣ, и школы для обученія аѣинскихъ гражданъ труднымъ эволюціямъ, необходимымъ тогда для греческой морской войны. Когда въ 440 г. возмущился противъ Аѣинъ Самось, одинъ изъ послѣднихъ союзниковъ, остававшихся еще независимыми, Перикль самъ руководилъ походомъ и строгими мѣрами принудилъ непокорный островъ къ повиновенію. По понятіямъ грековъ, Аѣины не имѣли другого права дѣлать это, кромѣ права сильнаго. Мысли, выраженныя по этому поводу однимъ аѣиняниномъ на страницахъ Фукидида, раздѣлялись, вѣроятно, всѣмъ народомъ. «Намъ была предложена власть; нѣтъ ничего страннаго и несогласнаго съ человѣческой природой, если мы ее приняли и не отдаемъ ея, увлекаясь сильнѣйшими побужденіями: честолюбіемъ, страхомъ и выгодой. Съ другой стороны, не мы первые поступили такъ: искони слабѣйшій под-

чинялся сильнѣйшему... Никто еще, если представлялся къ тому случай, не ставилъ справедливости выше захвата силою». Но хотя аѣинская держава и была узурпаціей, Перикль старался, насколько возможно, оправдать ее справедливымъ обращеніемъ съ подданными. Податныя записи показываютъ намъ, что вскорѣ послѣ его смерти подати были сильно повышены. Перикль признавалъ, что власть Аѣинъ покоится на правѣ сильнѣйшаго; но при жизни его Аѣины никогда не пользовались этой властью такъ грубо, какъ послѣ его смерти. Перикль понималъ, что мягкое обращеніе съ подданными было въ интересахъ самихъ Аѣинъ.

Государства жаловались на отрицаніе за ними независимости, на то, что уплата подати является признакомъ ихъ рабскаго положенія. Но были двѣ другія жалобы, не такъ ясно связанныя съ имперіей, но возбуждавшія сильное неудовольствіе. Такъ какъ обѣ онѣ появились въ правленіе Перикла, то о нихъ слѣдуетъ здѣсь упомянуть.

Первая касалась клерухій или поселеній аѣинскихъ гражданъ на земляхъ островныхъ государствъ. Около середины V столѣтія эти поселенія начали устраиваться систематически, хотя нѣчто подобное было извѣстно всегда. Въ покоренныхъ послѣ возстанія общинахъ или въ слишкомъ слабыхъ для сопротивленія аѣиняне оставляли какъ бы оккупационный отрядъ. Эти поселенія не составляли колоній, потому что греческая колонія всегда была независима отъ метрополіи. Переселенцы оставались аѣинскими гражданами и пользовались успѣхами и славою Аѣинъ; ихъ назначеніемъ было наблюдать за окружающимъ населеніемъ, доносить о предвѣ-

стіяхъ возмущенія или подавлять дѣйствительный взрывъ. Очевидно, они занимали земли, отобранныя у подчиненнаго государства. Несомнѣнно также, что аѣинскіе поселенцы считали себя выше коренныхъ жителей страны и обращались съ ними презрительно. Все это служило матеріальными и духовными причинами жестокой ненависти къ нимъ. Эвбея и Херсонесъ, Наксосъ, Андросъ, Лемносъ, Имбросъ были мѣстами постоянного пребыванія аѣинскихъ поселенцевъ. Взглядъ на карту показываетъ, что большая часть этихъ острововъ лежитъ между Аѣинами и Чернымъ моремъ, и, вѣроятно, эти поселенія должны были отчасти обезпечивать подвозъ хлѣба въ Аѣины, шедшій главнымъ образомъ съ этой стороны.

Вызывало также жалобы перенесеніе судебного разбирательства изъ того государства, гдѣ было совершено преступленіе, въ аѣинскіе суды. Можетъ-быть, намъ недостаточно извѣстны частности этой системы, чтобы мы могли вполне увѣренно произнести свой приговоръ. Но мы знаемъ, что за нѣсколько времени до начала Пелопоннесской войны всѣ тяжбы, затрогивавшія жизнь гражданина, и всѣ гражданскія дѣла, касавшіяся крупныхъ суммъ, были переданы на рѣшеніе аѣинскихъ присяжныхъ. Весьма возможно, что аѣинскіе присяжные разсматривали дѣла лучше и рѣшали справедливѣе, чѣмъ суды подчиненныхъ государствъ. Но при такой системѣ полная потеря независимости дѣлалась до очевидности ясной. А если вспомнить, что судебная плата служила однимъ изъ главныхъ источниковъ существованія значительной части аѣинскаго народа, и что поэтому для него была важна на-

личность большого числа дѣлъ, то мы можемъ безъ колебанія утверждать, что главнымъ поводомъ для введенія новой системы служили отнюдь не цѣли справедливости или хорошаго управленія, а просто желаніе аѣинскаго народа воспользоваться выгодами управленія державой.

Стоить задаться вопросомъ, дѣйствительно ли Перикль считалъ аѣинскую демократію способной къ постоянному управленію значительной державой. Мы уже видѣли, что представляла собой эта демократія: настоящая власть принадлежала въ ней собравію, состоявшему часто изъ 5000 человекъ; вся система управленія была рассчитана на устраненіе личныхъ способностей; наконецъ, отсутствовала всякая возможность обезпечить политикѣ государства единство и постоянство. Дѣйствительно ли Перикль имѣлъ въ виду построить державу на такомъ шаткомъ основаніи? Нѣкоторые современники относились съ недоувѣріемъ къ его намѣреніямъ. Говорили, что онъ стремится къ тиранніи, и это было поводомъ къ частымъ сравненіямъ его съ Писистратомъ. Подъ конецъ его поприща Клеонъ и наиболѣе крайніе изъ демократовъ обвиняли его въ томъ, что онъ тормозитъ дѣятельность демократіи. Какъ мы уже видѣли, Фукидидъ, вполне восхищаясь имъ, говоритъ, что правленіе Аѣинъ было въ его рукахъ «демократіей только по имени, а на дѣлѣ господствомъ перваго гражданина». Вопросъ не допускаетъ опредѣленнаго рѣшенія. Ничто изъ того, что намъ извѣстно о Периклѣ, не даетъ права предполагать въ немъ стремленіе къ власти. Демократія своимъ полнымъ развитіемъ была обязана ему, и все заставляетъ думать, что она было дѣломъ человека, въ-

рившаго въ то, что онъ дѣлалъ. Но легкость, съ какою демократія въ продолженіе пятнадцати лѣтъ подчинялась его руководству, могла скрыть отъ него настоящій характеръ такой формы правленія; а его столкновенія подъ конецъ жизни съ самыми крайними демократами и подавленіе имъ свободы преній въ первый годъ войны заставляютъ насъ вѣрить, что, не случись неожиданно его смерть, въ Аѣинахъ была бы сдѣлана какая-нибудь попытка усилить въ государствѣ исполнительную власть.

3. Домашняя политика Перикла.

Политику Перикла относительно Спарты и союзниковъ Аѣинъ можно оправдывать, но справедливость и цѣлесообразность ея, несомнѣнно, найдутся подъ сомнѣніемъ. Во всякомъ случаѣ, она была неудачна: аѣинская держава не оставила слѣда во всемирной исторіи; борьба со Спартой окончилась политическимъ униженіемъ Аѣинъ. Если бы въ дѣятельности Перикла не было ничего, кромѣ уже указаннаго, онъ все-таки остался бы выдающимся человѣкомъ въ греческой исторіи, а его политика представлялась бы блестящей неудачей, отблескъ которой отразился бы на ея виновникѣ. Но мы еще не видѣли того, что придаетъ такой блескъ времени его преобладанія во всемирной исторіи. Настоящее его величіе заключается въ его домашней политикѣ; онъ понялъ, въ чемъ состоитъ истинное величіе аѣинскаго народа, и способствовалъ его развитію. И въ политикѣ, и въ военномъ дѣлѣ у грековъ было много сильныхъ соперниковъ. Настоящая заслуга Греціи передъ человѣчествомъ относится къ области искусства и

науки. Художественная и умственная жизнь греков проявилась наиболѣе совершенно въ Аѣинахъ при Периклѣ; Перикль содѣйствовалъ росту этой жизни, и отблескъ ея славы падаетъ и на него.

Предметъ этотъ слишкомъ обширенъ, чтобы говорить о немъ на нѣсколькихъ страницахъ въ концѣ главы. Мы можемъ здѣсь только упомянуть о той славѣ, какую покрыли себя Аѣины въ области скульптуры и архитектуры, и о роли Перикла въ этомъ дѣлѣ. Доходы Аѣинъ, на современный взглядъ крайне скудные, по мнѣнiю современниковъ, были почти невѣроятно велики. Главнымъ источникомъ этого дохода служила дань союзниковъ. Первоначально, какъ мы видѣли, Аѣины просто завѣдывали ею въ интересахъ всѣхъ союзниковъ. Но союзъ превратился въ имперiю. Казна была перевезена съ Делоса въ Аѣины. Сначала дань собиралась для войны съ персами; теперь враждебныя дѣйствiя давно прекратились, а обложенiе въ цѣломъ не уменьшилось. Въ результатѣ получался большой ежегодный излишекъ. Что должны были дѣлать съ нимъ Аѣины? Онъ былъ въ полномъ ихъ распоряженiи. Ни одно государство не обладало достаточной силой, чтобы заявить дѣйствительный протестъ, и всѣ они были главнымъ образомъ противъ необходимости платить, а не противъ того или иного способа траты средствъ.

Мнѣнiя по этому поводу далеко не были согласны въ Аѣинахъ. Консервативная партiя, партiя Кимона и Фукидида (см. стр. 203), требовала, чтобы деньги, получаемыя съ союзниковъ, тратились въ ихъ же интересахъ. Они не признавали аѣинской имперiи, какъ существующiй фактъ; они протестовали противъ употребленiя средствъ на цѣли, выгодныя

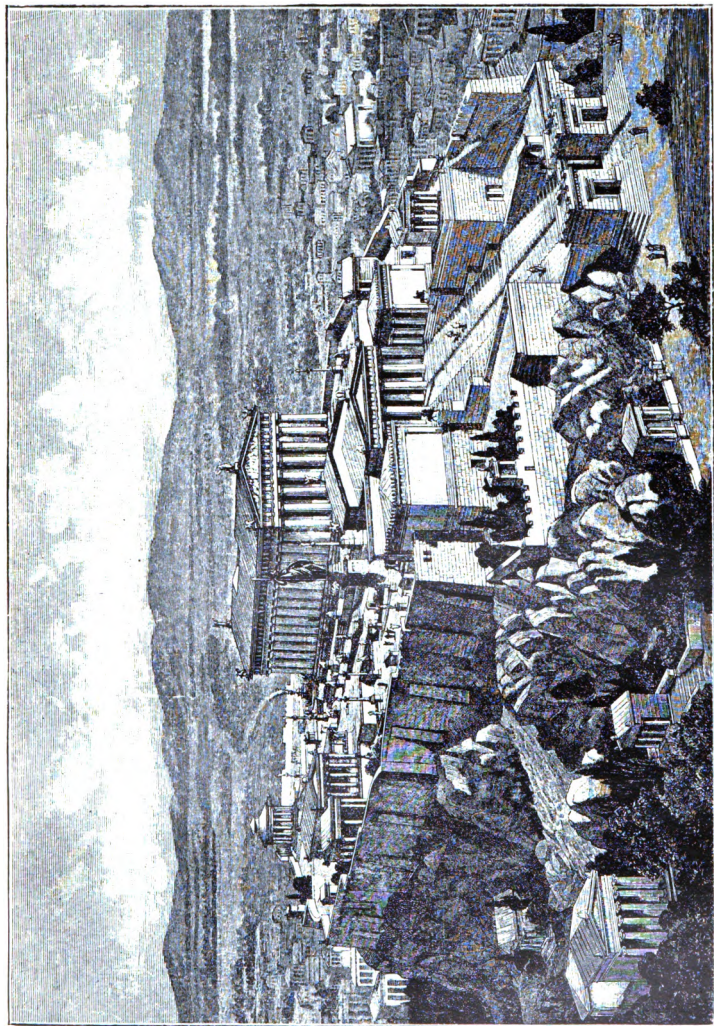
только для Аеинъ. Наоборотъ, для Перикла и его сторонниковъ верховное положеніе Аеинъ было центральнымъ фактомъ ихъ политики. Взносы принадлежали Аеинамъ, какъ подати, уплачиваемыя подданными, принадлежать государю. Своей собственностью аеиняне могли распоряжаться, какъ имъ угодно. Чтобы оправдать эту политику, приводили доводы обыкновенно софистическаго характера. Консервативная партія доказывала, что такое пользованіе взносами покрываетъ Аеины позоромъ, «что Греція оскорблена, терпитъ открытое угнетеніе, когда видитъ, какъ средства, вымогаемыя у нея для войны съ персами, употребляются Аеинами на обогащеніе и украшеніе города, какъ будто бы онъ былъ тщеславной женщиной, и на украшеніе его драгоценными мраморами, статуями и храмами, стоящими 1000 талантовъ». Партія Перикла возражала на это, что взносы уплачиваются для обезпеченія Эгейскаго моря отъ нападеній персовъ; Аеины вполнѣ достигли этой цѣли и поэтому не обязаны никому давать отчета въ томъ, какъ онѣ тратятъ эти средства.

Получивъ, такимъ образомъ, средства, аеиняне приступили къ превращенію своей столицы въ самый красивый городъ, когда-либо существовавшій на свѣтѣ. Выполненію этой задачи удивительно благопріятствовали обстоятельства. Аеинская казна была полна. Греческая скульптура тогда быстро переходила отъ своей первобытной грубости къ полному господству надъ матеріаломъ и выраженіемъ. Фидій былъ безспорно первымъ скульпторомъ того времени, онъ былъ аеинянинъ, и въ Аеины стекались тогда самые выдающіеся скульп-

пторы со всѣхъ концовъ Греціи. Гора Пентеликонъ, не требуя большихъ расходовъ, доставляла превосходный мраморъ. Но, пожалуй, всего важнѣе было то, что еще не погасло возбужденіе, вызванное персидскими войнами. Участіе въ этой великой борьбѣ пробудило въ Аѣинахъ сильную національную гордость; скептическое движеніе, правда, уже началось, но еще не убило въ народѣ общаго уваженія къ богамъ и вѣры въ легенды, касавшіяся ихъ. Пятьдесятъ лѣтъ спустя Аѣины не имѣли бы ни великихъ надеждъ, ни общаго воодушевленія, ни общей вѣры и любви, одушевлявшихъ ихъ во время Перикла. Пятидесятью годами раньше у нихъ не хватило бы ни средствъ, ни художественнаго умѣнья исполнить такую работу.

Всюду начали вырастать храмы, театры и портики. Но центромъ всего служило украшеніе Акрополя. Сначала священный холмъ былъ просто цитаделью Аѣинъ. Даже послѣ персидскихъ войнъ главнымъ его назначеніемъ было служить послѣдней защитой для города; но быстрый ростъ Аѣинъ, длинныя стѣны и обширныя укрѣпленія города отняли у Акрополя всякое военное значеніе. Разъ наружныя укрѣпленія были заняты, бесполезно было бы держаться на большомъ холмѣ въ центрѣ; тамъ могла бы помѣститься только небольшая часть населенія. Тогда оказалось возможнымъ заняться его украшеніемъ, имѣя въ виду одни архитектурные эффекты.

Взглянемъ на Акрополь, какимъ онъ сталъ, когда были закончены работы вѣка Перикла. Хронологія различныхъ построекъ представляетъ интересный и спорный вопросъ, но онъ не настолько важенъ, чтобы здѣсь намъ стоило на немъ останавливаться.

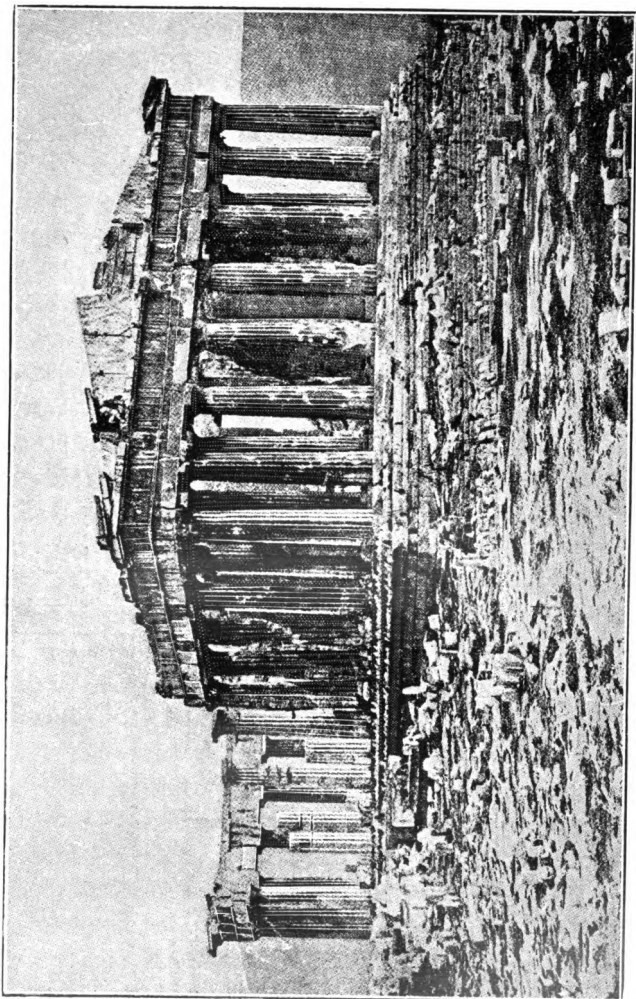
Видъ Акрополя (реконструкция).

Къ стр. 218.

Взойти легко на священный холмъ можно было только съ западной стороны. Отсюда напалъ на него Ксерксъ, и въ прежнее время эта сторона была сильно защищена. Но теперь въ этомъ уже не было нужды. На этой сторонѣ возвышалась блестящая масса построекъ, исполненныхъ по плану архитектора Мнесикла. На верху лѣстницы стоялъ портикъ изъ мраморныхъ колоннъ въ простомъ дорійскомъ стилѣ, ведшій въ большой залъ, изъ котораго черезъ другой портикъ шла дорога въ Акрополь. Посѣтитель вѣка Перикла, пройдя черезъ Пропилеи (или портикъ) въ Акрополь, видѣлъ всюду вокругъ себя скульптурныя произведенія и храмы неподобной для того времени красоты. Передъ нимъ, слегка влѣво, возвышалась колоссальная статуя Аѣины — защитницы города. Она стояла на высококомъ подножии съ воинственно поднятымъ копьемъ. Говорятъ, мореплаватели, оглябая мысъ Суній, могли видѣть, какъ солнце сверкало на мѣдномъ концѣ ея копья.

Но нашего вниманія заслуживаютъ болѣе храмы, чѣмъ статуи. Какъ разъ направо отъ Пропилей, на возвышеніи, находящемся сзади входа на скалу, стоялъ храмъ Безкрылой Побѣды. Годъ его постройки достовѣрно неизвѣстенъ, но онъ относится ко времени Перикла. Вѣроятно, онъ былъ сооруженъ въ память побѣды грековъ надъ персами; отсюда открывался прекрасный видъ на аѣинскую равнину, на Саламинскую бухту, на лежавшіе за нею острова и горы. Зданіе было очень небольшое — 18 футовъ ширины и 27 футовъ длины, а колонны не выше 14 футовъ. И архитектура, и украшающія его изваянія отличаются чудной красотой, но нашего

вниманія требуютъ болѣе замѣчательные храмы. На сѣверной сторонѣ холма стоялъ храмъ, извѣстный теперь подъ названіемъ Эрехея. Въ древности онъ назывался не такъ. Онъ былъ посвященъ Аѣинѣ-Полиадѣ (покровительницѣ города) и Пандросѣ, богинѣ росы; съ нимъ также связывалось имя Эрехея, легендарнаго царя Аѣинъ. Вѣроятно, планъ и начало, но не окончаніе этой постройки, блестящіе остатки которой сохранились до сихъ поръ, относятся ко времени Перикла. Это былъ самый почитаемый изъ храмовъ Акрополя. Другіе служили памятниками недавнихъ побѣдъ надъ персами или еще болѣе поздняго величія Аѣинъ; здѣсь находились символы старой религіи и воспоминанія о болѣе наивныхъ вѣрованіяхъ, чѣмъ вѣрованія вѣка Перикла. Легенда говорила, что вначалѣ Посейдонъ и Аѣина спорили за обладаніе Аѣинами, и Посейдонъ, въ доказательство своего права, создалъ источникъ соленой воды, но Аѣина одержала побѣду, вырастивъ оливковое дерево. И соленый источникъ, и оливковое дерево находились въ оградѣ Эрехея; послѣднее стало еще болѣе священнымъ послѣ того, какъ сожженное персами оно, говорятъ, въ одну ночь дало побѣгъ въ локоть длиною. Думали также, что тамъ жила посвященная Аѣинѣ змѣя, которой жрецы каждый мѣсяцъ давали медовую лепешку. Между другими святынями, находившимися въ храмѣ, можно упомянуть старинную статую Аѣины, сдѣланную изъ священнаго оливковаго дерева. Новое произведеніе Фидія отодвинуло ее на задній планъ, какъ предметъ религіознаго поклоненія, но она была слишкомъ священна, чтобы быть уничтоженной. По своему виду Эрехей отличался отъ всѣхъ другихъ

Развалины Парфенона.

Къ стр. 221.

извѣстныхъ намъ греческихъ храмовъ: съ сѣвера и съ юга къ нему примыкали два неправильныхъ портика. Утонченная законченность частныхъ и трезвая красота іонійскаго стиля дѣлають его наиболѣе привлекательнымъ изъ всѣхъ существующихъ зданій древности, но окончаніе его не относится къ вѣку Перикла, и потому онъ не требуетъ отъ насъ дальнѣйшаго описанія.

На южной сторонѣ холма почва круто понижалась, и поэтому всѣ прежнія зданія строились дальше къ сѣверу. Но при Периклѣ почва была приподнята посредствомъ громаднаго каменнаго фундамента, такъ что храмъ помѣщался не на общемъ уровнѣ, а на возвышеніи надъ остальными зданіями Акрополя. Здѣсь былъ построенъ Пареемонъ, храмъ богинѣ дѣвственницѣ Аѣинѣ. Это одинъ изъ самыхъ большихъ греческихъ храмовъ — 228 футовъ въ длину и 101 футъ въ ширину; на каждомъ концѣ стоитъ по восьми колоннъ и съ каждой стороны по семнадцати; колонны имѣютъ около 34 футовъ высоты и состоятъ изъ двѣнадцати частей. Но размѣры Пареемона въ очень слабой степени обусловливали то впечатлѣніе, какое онъ производилъ. Въ этомъ отношеніи его превосходитъ безчисленное множество какъ современныхъ, такъ и древнихъ зданій. Но на него Аѣины потратили всѣ художественныя средства самаго цвѣтущаго періода ихъ искусства. Размѣры колоннъ были заботливо рассчитаны въ цѣляхъ наибольшаго впечатлѣнія; говорятъ, во всемъ зданіи нѣтъ ни одной прямой линіи. Для декоративныхъ цѣлей свободно прибѣгали къ окраскѣ какъ внутри зданія, такъ и внѣ его; но и въ древности, и въ новое время всего

больше вызывала общее восхищеніе богатая скульптура, украсившая храмъ подь руководствомъ Фидіа, имя котораго даже тѣснѣе связано съ Пареенономъ, чѣмъ имя дѣйствительнаго его строителя, Иктина. Только небольшая часть громаднаго количества скульптурныхъ работъ могла быть произведеніемъ рѣзца самого Фидіа; тамъ было пятьдесятъ статуй въ натуральную величину, фризы тонкой работы въ 524 фута длины, 92 скульптурныхъ группы въ метопахъ, кромѣ колоссальной статуи внутри храма. Но все было исполнено подь руководствомъ Фидіа, и если въ работѣ замѣтны разныя руки и даже разные стили, то, въ общемъ, она служила выраженіемъ его идей. На фронтонахъ храма находились скульптурныя группы, изображавшія рожденіе Аѣины и ея споръ съ Посейдономъ изъ-за обладанія Аѣинами. Метопы изображали битвы съ кентаврами и амазонками, знаменитыя событія въ легендарной исторіи Аѣинъ. Фризъ, шедшій вокругъ зданія внутри внѣшняго ряда колоннъ, представлялъ процессію великихъ Панаѣиней, происходившую черезъ каждые четыре года; въ ней участвовали всѣ аѣиняне, подносявшіе богинѣ Аѣинѣ вновь сотканную одежду, въ знакъ признательности за ея покровительство; боги были зрителями этой церемоніи. Наконецъ, внутри храма находилась громадная статуя Аѣины, 39 футовъ въ вышину, исполненная изъ золота и слоновой кости, на деревянномъ остоѣ. Высокая цѣнность матеріала способствовала раннему уничтоженію статуи, но мы знаемъ, что богиня стояла со статуэткой Побѣды въ вытянутой правой рукѣ, со шлемомъ на головѣ, а лѣвой рукой опиралась на щитъ,

вокругъ котораго обвивалась змѣя, посвященная Аѣинамъ и ей самой. Прочіе храмы Акрополя большею частью служатъ напоминачіемъ общей побѣды грековъ надъ персами; въ Парѣенонѣ все говоритъ только о славѣ Аѣинъ.

Такъ эта священная скала надѣла свою мраморную діадему; но эти художественныя произведенія не стояли одиноко. Былъ исправленъ театръ Діониса, построенъ на сѣверной сторонѣ Акрополя большой храмъ, теперь называемый Тесеевымъ, сооруженъ близъ театра концертный залъ, Одеонъ. Пниксъ и Агора были много улучшены; обращено особое вниманіе на укрѣпленіе города и его предмѣстій. Архитектурная дѣятельность эпохи распространилась за предѣлы Аѣинъ. На мысѣ Сунія былъ построенъ большой храмъ. Недалеко отъ Мараяона, въ Рамнунтѣ, воздвигли храмъ Немезидѣ, въ память великой битвы. Въ Элевсинѣ, по плану Иктина, строителя Парѣенона, былъ построенъ храмъ для мистерій. Въ то же время было обращено особенное вниманіе на доки, гавань и городъ Пирей. Улицы Аѣинъ остались извилистыми, неправильными и убогими; Пирей былъ построенъ по строному плану съ прямыми улицами.

Этотъ голый перечень можетъ дать нѣкоторое понятіе объ архитектурной дѣятельности Перикла; расходваніе общественныхъ средствъ на подобныя цѣли составляло одну изъ самыхъ важныхъ особенностей его политики. Его военные и имперіалистскіе планы окончились паденіемъ Аѣинъ, хотя и не по его винѣ; благодарность потомства обезпечена ему тѣмъ содѣйствіемъ, какое онъ оказывалъ научному и художественному развитію Аѣинъ.

Г Л А В А IX.

ОБЩЕСТВО ВЪ ГРЕЦІИ.

Въ этой главѣ я предполагаю дать небольшой очеркъ главныхъ особенностей общественной жизни грековъ. Я не стану здѣсь останавливаться на подробностяхъ, касающихся ихъ одежды и обстановки, нравовъ и обычаевъ; но я постараюсь изобразить занятія народа, условія труда, положеніе женщинъ и, въ заключеніе, дать характеристику грековъ. Я буду говорить о греческомъ, а не только объ аеинскомъ обществѣ; но такъ какъ Аеины имѣютъ гораздо большее значеніе, чѣмъ всѣ остальные греческія государства, взятые вмѣстѣ, то всего болѣе вниманія и будетъ удѣлено Аеинамъ.

Занятія населенія.

Торговля, ремесла и промышленность имѣли сравнительно мало значенія въ древней Греціи. Поэтому нерѣдко крайне затруднительно представить себѣ, чѣмъ занимались жители Греціи и какими способами они добывали себѣ средства къ жизни. Однако, для пониманія греческой цивилизаціи необходимо имѣть хотя нѣкоторое представленіе объ этомъ.

Населеніе Греціи далеко не было однороднымъ. Различіе между населеніемъ Аркадіи и Акарнаніи, съ одной стороны, Аеинъ и Коринѳа, съ другой, должно

было быть крупнѣе того, какое существуетъ между теперешними Корнуоломъ и Лондономъ. Нигдѣ населеніе не пользовалось одинаковыми правами. Въ каждомъ государствѣ были рабы и свободные, а во всѣхъ болѣе развитыхъ государствахъ подраздѣленіе могло итти еще дальше. Въ Спартѣ, какъ мы видѣли, были собственно спартанцы, свободное, не-спартанское населеніе, періэки, и гелоты, или классъ крѣпостныхъ. Почти то же самое мы находимъ въ Эссалии, гдѣ, кромѣ правящаго класса и не принимавшаго участія въ управленіи свободного населенія, жили «пенесты», крѣпостные, бывшіе почти въ такомъ же положеніи, какъ спартанскіе гелоты. Въ Аѣинахъ также существовало тройное подраздѣленіе. Тамъ, кромѣ гражданъ и рабовъ, мы встрѣчаемъ многочисленный и важный классъ метэковъ. Это были свободные греки, жившіе въ Атикѣ, но не пользовавшіеся правами гражданства. Аѣиняне хвалились, что ихъ государство совсѣмъ не страдаетъ исключительностью Спарты. У нихъ не было законовъ, изгонявшихъ чужеземцевъ съ аѣинской территоріи. По мѣрѣ того, какъ Аѣины становились большимъ торговымъ центромъ Греціи, туда стекалось все больше и больше иностранцевъ. Реформы Клисеена позволили значительному числу метэковъ стать аѣинскими гражданами; но этотъ опытъ болѣе не повторялся. Съ возрастаніемъ привилегій гражданства, граждане, подобно олигархамъ, старались закрыть всякій доступъ въ свои ряды. Поэтому во время Перикла въ Атикѣ жило много чужеземцевъ, занимавшихся торговлей, ремеслами и промышленностью, состоявшихъ подъ покровительствомъ аѣинскаго государства, но лишенныхъ всякаго участія въ

его привилегіяхъ денежныхъ или иныхъ. Это и были такъ-называемые метэки. Невозможно опредѣлить ихъ число, но, несомнѣнно, оно было велико. Большинство изъ нихъ жило въ Пиреѣ, и въ ихъ рукахъ находилась значительная часть торговли и ремеслъ Аѣинъ. Аѣиняне не сочувствовали занятію торговлей, политическія и военныя обязанности отнимали слишкомъ много времени у аѣинскихъ гражданъ, чтобы они могли часто посвящать себя торговой дѣятельности; такимъ образомъ, это прибыльное занятіе, вообще вполне соответствовавшее способностямъ аѣинянъ, перешло, за рѣдкими исключеніями, въ руки чужеземцевъ. Тѣмъ не менѣе, государство получало съ нихъ значительный доходъ. Большую часть аѣинскихъ доходовъ составляли пошлины на предметы ввоза или вывоза, и поэтому для государства было важно поддерживать оживленную торговую жизнь. Далѣе, каждое семейство метэковъ платило государству ежегодную подать въ двѣнадцать драхмъ. Кромѣ прямыхъ доходовъ казны, для Аѣинъ было, очевидно, выгодно, что торговля государства не глхла единственно изъ-за неспособности или нежеланія гражданъ заниматься ею. Поэтому метэки всегда пользовались въ Аѣинахъ покровительствомъ и поощреніемъ. Многіе изъ нихъ очень разбогатѣли. Временами мы слышимъ о людяхъ, получившихъ гражданство за услуги, оказанныя государству. Но, какъ классъ, они всегда оставались въ полномъ подчиненіи у гражданъ. Сами по себѣ они не имѣли юридическихъ правъ, и каждый метэкъ долженъ былъ стать подъ покровительство аѣинянина, который и являлся его представителемъ во всѣхъ дѣлахъ на судѣ.

Разсматривая общественную жизнь грековъ, мы должны принимать во вниманіе этотъ многочисленный и важный классъ метэковъ. Мы должны также помнить и о громадной массѣ рабовъ, о которыхъ рѣчь будетъ позднѣе. Но для нашей настоящей цѣли гораздо важнѣе задаться вопросомъ, чѣмъ же занимались свободные граждане Греціи и особенно Аѣинъ.

Нигдѣ въ Греціи не считалось постыднымъ для свободнаго человѣка заниматься земледѣліемъ. Вначалѣ обыкновенными занятіями были обработка полей и война. Даже въ вѣкъ Перикла эти занятія играли большую роль. Въ Аркадіи и Беотіи и во всѣхъ менѣе извѣстныхъ греческихъ государствахъ главнѣйшую часть населенія составляли крестьяне-землевладѣльцы. Въ Спартѣ число полноправныхъ гражданъ было такъ незначительно, а число ихъ враговъ такъ велико, что военное обученіе и подготовка отнимали у нихъ возможность заниматься чѣмъ-нибудь другимъ. Земля обрабатывалась гелотами или періэками. Но въ Атикѣ вплоть до того періода, о которомъ мы говоримъ, земля не только принадлежала аѣинскимъ гражданамъ, но и обрабатывалась ими. Одною изъ главныхъ цѣлей политики Писистрата являлось стремленіе удерживать аѣинянъ въ деревнѣ, вдали отъ политическихъ волненій города, гдѣ всего легче могъ развиваться республиканскій духъ. Но послѣ Писистрата началось усиленное движеніе въ большіе города. Вокругъ Аѣинъ быстро выросли предмѣстья. Рынокъ, театръ и мѣсто политическаго собранія все болѣе и болѣе привлекали вниманіе всѣхъ тѣхъ, кто желалъ быть причастнымъ аѣинской цивилизаціи. Къ несчастью, и

Пелопоннесская война вліяла въ томъ же направленіи. Много лѣтъ поля и усадьбы аеинскихъ землевладѣльцевъ находились во власти пришельцевъ-спартанцевъ, и всѣ граждане почти на цѣлый годъ были заперты въ стѣнахъ Аеинъ. А когда война окончилась, городская жизнь забрала такую власть надъ аеинскимъ населеніемъ, что старый классъ крестьянъ-земледѣльцевъ уже не появлялся. Аеинскіе граждане, конечно, еще владѣли землей, потому что земельная собственность не могла находиться въ рукахъ чужеземцевъ. Но земля обрабатывалась рабами, а аеинскій гражданинъ былъ только ея главнымъ управителемъ и получателемъ доходовъ съ нея. Однако, и тогда на земледѣліе смотрѣли, какъ на лучшее занятіе для человѣка. Эврипидъ называетъ земледѣльца «единственной опорой государства», а Аристофанъ въ своемъ «Мирѣ» рисуетъ картину сельскаго благополучія въ противоположность тягостямъ и бѣдствіямъ Пелопоннесской войны. Предполагается, что объявленъ миръ и хоръ поетъ: «Какъ пріятно, какъ пріятно отдѣлаться отъ шлема, сыра и луку! Не люблю я сражаться, а люблю вытянуться у огня съ любезными пріятелями, подкладывать въ него дрова, высушенные лѣтомъ, и поджаривать горохъ и желуди... Всего пріятнѣе, когда поля уже засѣяны, идетъ дождь, а соедѣ говоритъ: «Скажи мнѣ, что намъ теперь дѣлать, Комархидъ? Въ такую прекрасную погоду мнѣ хочется выпить. Ну, жена, спеки намъ три мѣрки бобовъ, прибавь къ нимъ немного муки и достань смокъ; да пусть работница позоветъ съ поля работника: сегодня совсѣмъ нельзя подчищать виноградъ, да и окапывать,—слишкомъ влажна почва. Да пусть при-

несутъ отъ меня дроздовъ и воробьевъ. Было у меня въ домѣ свѣжее молоко и четыре куска зайца, если не стащила ихъ вечеромъ кошка; въ домѣ не знаю что-то шумѣло и стучало. Изъ нихъ принеси, малый, три для насъ, а одинъ отдай отцу, да спроси у Эскинада миртовыхъ вѣтвей съ ягодами и мимоходомъ покричи Харинада выпить съ нами, такъ какъ погода благоприятствуетъ посѣвамъ. Когда поетъ свою звонкую пѣсню кузничикъ, люблю я разсматривать лемносскія лозы, созрѣваютъ ли онѣ: это самый ранній сортъ, и вижу я, какъ полнѣютъ смоквы, а когда онѣ созрѣваютъ, подношу ихъ ко рту, пробую и говорю: «прекрасная погода!» Затѣмъ я дѣлаю питье изъ тимьяна и становлюсь толстымъ въ эту пору года. Куда мнѣ это пріятнѣе, чѣмъ видѣть ненавистнаго богамъ сержанта съ тремя перьями на шлемѣ и въ ярко-красномъ плащѣ... Въ сраженіи онъ убѣгаетъ первый, а я остаюсь на мѣстѣ въ недоумѣніи». Позднѣе, когда, послѣ Пелопоннесской войны, городская жизнь стала почти общимъ правиломъ, Платонъ съ сожалѣніемъ обращается къ прежней земледѣльческой жизни, когда люди «работали лѣтомъ раздѣтые и разутые, а зимою тепло одѣвались и обувались. Они питались ячменной и пшеничной мукой, обращая ее въ тѣсто, изъ котораго пекли прекрасные хлѣбы и пироги. Они ихъ подавали на тростниковыхъ цыновкахъ или на чистыхъ листьяхъ, а сами располагались въ это время на лежахъ, усѣянныхъ дубовыми и миртовыми вѣтвями. На пиру крестьяне и ихъ дѣти пили выдѣланное ими вино, имѣли вѣнки на головахъ и воспѣвали хвалы богамъ, весело бесѣдуя другъ съ другомъ». Сказаннаго достаточно, чтобы показать,

что во время Перикла земледѣліемъ занималось значительное число аеинянъ, и что жизнь земледѣльца постоянно считалась почетной.

Какъ мы уже сказали, аеинская торговля и промышленность находились больше въ рукахъ метэковъ, и нигдѣ общественное мнѣніе не смотрѣло на эти занятія, какъ на почетныя. Однако, имъ, повидимому, посвящало себя значительное число аеинянъ и другихъ грековъ. Греческіе города Малой Азіи въ VI вѣкѣ вели большую часть транзитной торговли на Эгейскомъ морѣ. Однимъ изъ сильнѣйшихъ мотивовъ войнъ въ греческой исторіи всегда служило торговое соперничество; Пелопоннесская война была вызвана главнымъ образомъ соперничествомъ Аеинъ съ Коринѣомъ. Эта энергичная и все разрастающаяся торговля должна была доставлять выгоды какъ отдѣльнымъ гражданамъ Аеинъ, Коринѣа или Эгины, такъ и казнѣ этихъ государствъ. Но точныя свѣдѣнія по этому предмету, какія намъ хотѣлось бы имѣть, повидимому, невозможно получить. Солонъ, какъ извѣстно, былъ купецъ; смуты его времени объясняются отчасти появленіемъ торговаго класса рядомъ съ поземельной аристократіей. Въ позднѣйшія эпохи мы встрѣчаемъ богатыхъ людей, которымъ не земля дала ихъ богатство, — Кимона и Никія, Алкивіада и Клеона. Вскорѣ послѣ Пелопоннесской войны въ Греціи выросъ классъ капиталистовъ, начавшій сильно угрожать демократическому равенству. Но численность аеинскаго населенія, занятаго торговлей, остается намъ неизвѣстной. Несомнѣнно, она была очень велика, потому что Аеины стали тогда торговымъ центромъ всей Греціи. Ихъ морское могущество

обезпечивало ихъ купцамъ такую безопасность, какую не могло дать никакое другое государство. Предубѣжденіе противъ торговли было не такъ сильно въ демократическихъ Аѣинахъ, какъ въ другихъ государствахъ, особенно олигархическихъ. Перикль говорить, что никто не считалъ бѣдность позоромъ; но истиннымъ позоромъ считалась неспособность отдѣлаться отъ нея. Рвеніе, съ какимъ Аѣины поощряли торговлю и старались направить ее въ Пирей, говорить за то, что она была выгодна для нихъ. Союзники обязаны были вывозить нѣкоторые товары не въ какую другую гавань, а только въ Пирей. Аѣинянамъ не дозволялось давать ссуды подъ тѣ корабли, которые не должны были вернуться съ грузомъ въ Пирей. Если современные изслѣдователи считаютъ многія торговыя ограниченія аѣинянъ неразумными, все же они достигали желаемой цѣли. Аѣины сдѣлались величайшимъ въ мірѣ торговымъ центромъ. «Все больше и больше городъ становился центромъ обширныхъ морей, а въ гавань его, какъ на главный рынокъ, стекались товары изъ всѣхъ береговыхъ странъ; здѣсь выставлялись на продажу всѣ предметы иноземнаго и туземнаго производствъ: рабы, рыба и кожи съ Чернаго моря, строевой лѣсъ изъ Фракіи, фрукты съ Эвбеи, виноградъ съ Родоса, вина съ острововъ, ковры изъ Милета, металлы съ Кипра, ладанъ изъ Сиріи, финики изъ Финикіи, папирусъ изъ Египта, сильфіи изъ Кирены, лакомства изъ Сициліи, изящная обувь изъ Сикіона» (Курциусъ). Намъ хотѣлось бы имѣть по этому предмету точную статистику и опредѣленные свѣдѣнія, но даже и при отсутствіи ихъ ясно видно,

какъ легко преувеличить праздность аѳинскаго народа.

Еще труднѣе опредѣлить степень распространенія среди свободныхъ аѳинскихъ гражданъ ремесель и простого ручного труда. Опять-таки и здѣсь, хотя такая работа не была въ обычай среди аѳинянъ и обыкновенно возлагалась на рабовъ, легко преувеличить пренебреженіе аѳинянъ къ ней и ихъ отчужденіе отъ нея. Дѣйствительно, въ Аѳинахъ, какъ и вообще въ Греціи, домашнія работы и грубый ручной трудъ обыкновенно исполнялись рабами. Но въ демократическихъ Аѳинахъ ручной трудъ не считался такимъ унизительнымъ, какъ въ олигархическихъ государствахъ. Уже было упомянуто, какъ широко въ земледѣліи примѣнялся свободный трудъ, да и въ городѣ на долю свободныхъ выпадало во время Перикла не мало ручного труда. Плутархъ утверждаетъ, что одною изъ причинъ, почему Периклъ предпринималъ такъ много крупныхъ построекъ, было желаніе обезпечить работой аѳинскихъ ремесленниковъ. Стоитъ привести это мѣсто въ связи (Плутархъ, Периклъ 12)¹⁾. «Периклъ доказывалъ, что разъ государство приготовило въ достаточномъ количествѣ все необходимое для войны, оно должно обратить остатокъ средствъ на сооруженіе памятниковъ, которыхъ завершеніе доставить ему вѣчную славу, а самая постройка обезпечить тотчасъ изо-

¹⁾ Плутархъ писалъ болѣе, чѣмъ черезъ 500 лѣтъ, и, можетъ-быть, на его словахъ отражаются отчасти идеи римской имперіи; но онъ имѣлъ передъ глазами много современныхъ свидѣтельствъ, и хотя нужно всегда осторожно относиться къ его утвержденіямъ, но приведенный отрывокъ представляется мнѣ заслуживающимъ вниманія.

биліе, вызывая всякія потребности и мастерства, занимая всѣ руки... Не желая, чтобы ремесленники и низшіе классы не пользовались выгодами или получали ихъ безъ работы и въ праздности, онъ составилъ планы крупныхъ сооружений, для которыхъ нужно было много рабочихъ... Нуженъ былъ разный матеріаль, камень, мѣдь, слоновая кость, золото, эбеновое и кипарисовое дерево, требовавшій для своей обработки особыхъ рабочихъ, плотниковъ, литейщиковъ, кузнецовъ, каменщиковъ, живописцевъ, узорщиковъ, рѣзчиковъ; нужны были также люди для доставки матеріала, матросы, капитаны кораблей, кормчіе на морѣ, а на сушѣ—телѣжники, извозчики, канатчики, сапожники, строители дорогъ, рудокопы. Сверхъ того каждое ремесло нуждалось въ извѣстномъ числѣ простыхъ рабочихъ, такъ что, однимъ словомъ, тутъ оказывалась работа для людей всякаго возраста и состоянія». Ясно, что упомянутые здѣсь простые и обученные рабочіе были изъ гражданъ, потому что Периклу не было никакого интереса снабжать работой безправныхъ рабовъ или чужеземцевъ. Поэтому, говоря объ аѣинскихъ гражданахъ вѣка Перикла, мы должны измѣнить взглядъ на нихъ, какъ на лѣнтяевъ, жившихъ на счетъ взносовъ подданныхъ и труда рабовъ. Мы должны помнить, что многіе изъ нихъ вели торговлю, а значительное число занималось ремеслами. Однако, самую тяжелую работу, безъ сомнѣнія, исполняли рабы.

Но было очень много аѣинянъ, прямо получавшихъ плату съ государства, или въ видѣ жалованья за службу, или, просто, въ качествѣ гражданъ,—что является самой характерной чертой Аѣинъ. Выше

приведенное мѣсто изъ Аристотеля (стр. 161) указываетъ на необыкновенное число гражданъ, жившихъ, вполнѣ или отчасти, на счетъ доходовъ государства. Онъ насчитываетъ 4880 человекъ, занимавшихъ военныя или флотскія должности, и 7900, занимавшихъ тѣ или иныя гражданскія. «Кромѣ нихъ, — прибавляетъ онъ, — были лица, содержавшіяся въ пританѣ, а также сироты и тюремщики, — всѣ жившіе на счетъ государства. *Такимъ путемъ народъ зарабатывалъ себѣ средства къ существованію*». Очевидно, многія изъ перечисленныхъ Аристотелемъ лицъ получали отъ государства только часть своихъ средствъ къ существованію. Напримѣръ, изъ шести тысячъ присяжныхъ никто не былъ обязанъ являться, и большая часть ихъ должна была смотрѣть на плату за службу въ судѣ только какъ на пріятное добавленіе къ остальному заработку. Но эта выдержка даетъ намъ возможность всего лучше понять экономическій характеръ аеинскаго государства. Аеиняне походятъ на пайщиковъ крупной компаніи. Граждане Аеинъ управляютъ государствомъ; они дѣлятъ между собой его доходы, но въ работѣ, приносящей эти доходы, они, въ сущности, не участвуютъ. Такое положеніе часто встрѣчается при монархическихъ, олигархическихъ и аристократическихъ правительствахъ; особенностью аеинскаго государства является то, что въ немъ демократія существовала главнымъ образомъ на счетъ труда другихъ. Фактъ этотъ указываетъ на громадное различіе между аеинской демократіей и современной. Изучая развитіе искусства и литературы въ аеинскомъ государствѣ, надо всегда имѣть въ виду ту массу свободнаго времени, какую пользовались аеиняне.

Свобода гражданъ отъ тяжелаго ручнаго труда несомнѣнно представляется въ Аѣинахъ болѣе поразительной, чѣмъ въ остальной Греціи. Это было возможно здѣсь только благодаря большимъ ежегоднымъ податямъ, платившимся подчиненными государствами, и когда имперія пала, сохраненіе этого порядка создало для Аѣинъ крупныя финансовыя затрудненія. Во многихъ государствахъ — Аркадіи, Элидѣ, Фокидѣ — какой-либо трудъ являлся даже для гражданъ скорѣе правиломъ, чѣмъ исключеніемъ. Но во всѣхъ городахъ правящій классъ жилъ на счетъ прочихъ. Въ Спартѣ, Коринѣ, Мегарахъ рыночная площадь была полна людьми, готовыми спорить или болтать: торговля и работа отнимали у нихъ слишкомъ мало времени, такъ какъ въ государствахъ, не имѣвшихъ подобно Аѣинамъ податей союзниковъ, всегда были руки и спины безчисленнаго множества рабовъ. Теперь мы и перейдемъ къ положенію и условіямъ жизни рабовъ въ Греціи.

Рабы въ Греціи.

Мы отмѣтили въ первой главѣ коренное различіе между цивилизаціей Греціи и цивилизаціей XIX столѣтія, заключающееся въ томъ, что въ основаніи первой лежалъ рабскій трудъ, а вторая основана на трудѣ свободномъ или договорномъ. Вездѣ было очень много рабовъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они составляли большинство населенія. Въ Коринѣ ихъ было 460.000, въ Эгинѣ—470.000. Число рабовъ въ Эгинѣ въ десять разъ превышало число свободныхъ гражданъ, въ Аѣинахъ — въ пять разъ. Число гелотовъ въ Спартѣ было, вѣроятно, очень велико. Въ походахъ ихъ всегда было много больше, чѣмъ

свободныхъ воиновъ. Въ битвѣ при Платеяхъ, когда Спарта выставила, вѣроятно, почти все свои военныя силы, было пять тысячъ собственно спартанцевъ, пять тысячъ свободныхъ лакедемонянъ и сорокъ тысячъ гелотовъ. Рабовъ было такъ много не только на материкѣ Греціи. Греческіе города Малой Азіи тоже были переполнены ими. Фукидидъ (VIII, 40) прямо говоритъ, что на Хиосѣ было больше домашнихъ рабовъ, чѣмъ въ какомъ другомъ греческомъ государствѣ, кромѣ Спарты. Такимъ образомъ, сравнивая число рабовъ и свободныхъ въ любомъ государствѣ, мы ясно видимъ, что свободное населеніе подавлялось громадными массами рабовъ. Въ болѣе патриархальныхъ областяхъ Греціи рабовъ, безъ сомнѣнія, было меньше, но вездѣ число ихъ было очень велико, и это составляетъ самое рѣзкое различіе между греческой и нашей соціальной жизнью.

Итакъ, въ Греціи рабство было повсемѣстно и вездѣ признавалось и совѣстью, и разумомъ. Правда, оно считалось величайшимъ несчастіемъ для поработеннаго. Трагики посвящаютъ рядъ самыхъ трогательныхъ мѣстъ въ своихъ произведеніяхъ описанію порабощенія военноплѣнныхъ. Обращеніе въ рабство свободныхъ аеинянъ представлялось во времена Солона невыносимымъ варварствомъ. Платонъ высказываетъ, какъ неопровержимую истину, что свободный человѣкъ долженъ бояться рабства больше смерти. Но у греческихъ писателей не встрѣчается и слѣда возмущенія противъ рабства, какъ учрежденія; нѣтъ его ни у римскихъ писателей, ни въ Новомъ завѣтѣ. Его не предлагаетъ уничтожить Платонъ въ своей идеальной республикѣ; Аристо-

тель стоитъ за смягченія, но считаетъ его постояннымъ общественнымъ учрежденіемъ. Здѣсь кстати будетъ изложить вкратцѣ то, что Аристотель говоритъ о рабствѣ въ *Политикѣ*.

Онъ основываетъ рабство, какъ учрежденіе, во-первыхъ, на необходимости подчиненія въ обществѣ, а во-вторыхъ, на явныхъ различіяхъ въ характерѣ людей, отчего одни отъ природы оказываются склонными повелѣвать, а другіе повиноваться. «Спрашивается, дѣйствительно ли природа предназначила къ рабству иныхъ людей, для которыхъ лучше и поэтому справедливѣе оставаться въ подчиненіи, или всякое рабство противорѣчитъ природѣ и праву? На этотъ вопросъ очень легко отвѣтить на основаніи какъ разсужденія, такъ и опыта. Во-первыхъ, господство и подчиненіе вообще принадлежать къ началамъ не только необходимымъ, но и полезнымъ; несомнѣнно также, что между извѣстными существами уже съ самаго начала существуетъ крупное различіе, предназначающее однихъ къ господству, другихъ къ подчиненію... Всюду, гдѣ цѣлое составлено изъ многихъ частей, или гдѣ много существъ вступаетъ въ общеніе другъ съ другомъ, является руководящее начало, которое и опредѣляетъ положеніе и дѣятельность прочихъ элементовъ... Если отдѣльные люди различаются почти такъ же, какъ душа и тѣло или какъ человѣкъ и животное, — послѣднее бываетъ тогда, когда человѣкъ умѣетъ пользоваться только своими тѣлесными силами и, самое большее, способенъ къ физической работѣ, — то такой человѣкъ является прирожденнымъ рабомъ, для котораго, какъ для всѣхъ низшихъ существъ, и естественно, и полезно

быть въ подчиненіи... По первоначальному предназначенію природы, какъ тѣла, такъ и души свободныхъ и зависимыхъ людей должны были различаться: одни должны были отличаться силою и мускулистостью, способностью къ низкимъ и тяжелымъ, но необходимымъ работамъ, другіе — строительною и тонкостью, непригодностью къ рабскому труду, но способностью къ дѣламъ гражданской жизни, между которыми особенно выдается дѣятельность военная и политическая. Но въ дѣйствительности часто встрѣчается, что одинъ человекъ обладаетъ свободнымъ тѣломъ, другой — свободной душой. На дѣлѣ уже физическое различіе можетъ считаться естественнымъ основаніемъ подчиненія. Если бы были такіе люди, которые физической силою и красотою настолько же превосходили бы прочихъ, насколько иныя статуи боговъ работы лучшихъ мастеровъ превосходятъ настоящихъ людей, то не сказали ли бы мы, что эти прочіе люди заслуживаютъ только подчиненія высшимъ? Если такъ много значить внѣшнее превосходство, то насколько же важнѣе различіе душевное? Не легко только опредѣлить преимущество одной души надъ другою или степень его. Итакъ, изъ всего этого ясно, что бываютъ люди отъ природы свободные и бываютъ прирожденные рабы, для которыхъ полезно и справедливо служить и подчиняться другимъ». Такимъ образомъ, рабство представляется Аристотелю нормальнымъ общественнымъ учрежденіемъ; положеніе раба не кажется ему невыносимымъ; онъ признаетъ прямой обязанностью господина учить и воспитывать раба. Я привелъ это мѣсто не столько ради его крупнаго внутренняго интереса, сколько съ

цѣлью выяснитъ отношеніе къ рабству одного изъ величайшихъ и гуманнѣйшихъ мыслителей Греціи.

Но, признавая рабство, какъ учрежденіе, многіе пытались облегчить его или ограничить его источники. Аристотель говоритъ, что у каждаго трудолюбиваго раба должна существовать надежда на освобожденіе. Для Платона дурное обращеніе съ рабами является признакомъ дурнаго воспитанія; онъ особенно настаиваетъ на томъ, что ни одинъ грекъ не долженъ быть рабомъ грека же. Онъ говоритъ: «Считаете ли вы справедливымъ, чтобы эллины порабощали своихъ соплеменниковъ или при случаѣ помогали другимъ въ этомъ? Не должны ли были бы они падать другихъ эллиновъ, имѣя въ виду опасность подчиненія современемъ всего племени игу варваровъ?» У Сократа, у Эврипида мы встрѣчаемъ слѣды такого же стремленія къ болѣе чело-вѣчному обращенію съ рабами.

Какъ же на самомъ дѣлѣ обращались съ рабами во время Перикла? Вообще говоря, въ греческомъ рабствѣ не было ничего возмутительнаго, что заставило бы насъ отказать въ своемъ удивленіи греческой цивилизаціи и ея результатамъ. Рабство обыкновенно носило въ Греціи домашній характеръ и не имѣло ничего общаго съ извѣстнымъ девятнадцатому столѣтію рабствомъ американскимъ. Рабъ былъ членомъ семьи. Онъ находился въ постоянныхъ отношеніяхъ съ самимъ господиномъ и его семьей. Эти отношенія носили не просто экономическій характеръ: они допускали развитіе уваженія, симпатіи и даже преданности. Въ Италіи, а не въ Греціи появились въ древнемъ мірѣ зачатки извѣстнаго новому міру плантаторскаго рабства. Рабство

въ Афинахъ или Коринѣ представляло нѣкоторыя опасности, но въ немъ не было ничего подобнаго той постоянной угрозѣ возмущенія, какую представляло римское рабство въ эпоху паденія республики. Греческое рабство давало свободнымъ грекамъ досугъ, необходимый для художественнаго и умственнаго развитія, и сомнительно, чтобы въ то время представители физическаго труда находились гдѣ либо въ лучшемъ положеніи. Рабы сами принимали нѣкоторое участіе въ греческой культурѣ. Видя, какъ много хорошаго доставляло греческое рабство и какъ мало оно дѣлало дурного, мы должны признать его одною изъ наиболѣе привлекательныхъ ступеней въ постепенномъ поднятіи труда до подобающаго ему положенія въ обществѣ.

Источники рабства были разнообразны. Нѣкоторыхъ рабовъ привозили изъ чужихъ странъ. Особенно крупными центрами торговли рабами считались Иллирія и Поить. Но главнымъ поставщикомъ рабовъ служила война; поэтому многіе рабы были сами греками, и горечь ихъ участи обострялась воспоминаніями о недавней свободѣ и власти. Обращеніе съ рабами измѣнялось, смотря по государству, и было грубѣе въ олигархическихъ, чѣмъ въ демократическихъ государствахъ. Въ своихъ нападкахъ на демократію Платонъ указываетъ на предоставленіе свободы рабамъ: «крайняя степень народной свободы является тогда, когда рабъ, купленный за деньги, оказывается столь же свободнымъ, какъ и его господинъ»; а въ приписываемомъ Ксенофонту сочиненіи объ афинской республикѣ, авторъ, стоя на спартанской точкѣ зрѣнія, жалуется на своеволие, дозволяемое рабамъ въ Афинахъ. «Они, — говоритъ

онъ,—не носили особой одежды, не кланялись и не переходили на другую сторону улицы при встрѣчѣ съ гражданиномъ»; повидимому, они предъявляли какія-то права на существованіе. Спарта представляла полную противоположность этому. Гелоты (которые, напоминаемъ, были крѣпостными, а не рабами) находились тамъ въ полнѣйшемъ подчиненіи. Они носили отличную отъ свободныхъ одежду. Они систематически подвергались униженіямъ, справедливы или нѣтъ рассказъ, будто ихъ принуждали напиваться пьяными въ назиданіе спарганскимъ юношамъ. Въ началѣ каждаго года, рассказываютъ намъ, эфоры объявляли войну противъ нихъ, такъ что убійство ихъ не ложилось виной на государство. Специально для надзора за ними была учреждена тайная полиція, и всякаго, кто подозрѣвался въ заговорѣ противъ государства, безъ стѣсненія умерщвляли. Аѣнская демократія подъ вліяніемъ внезапнаго порыва могла совершать большія жестокости, но, вообще говоря, своей человѣчностью она далеко опередила вѣкъ.

Мы можемъ съ увѣренностью сказать, что матеріальныя условія и, пожалуй, степень культурности аѣнскихъ рабовъ были выше, чѣмъ въ громадныхъ массахъ рабочихъ Европы или даже современной Англии. Но жизнь раба была подвержена страшнымъ случайностямъ. Прежде чѣмъ давать показаніе на судѣ, его всегда пытали. Это было не принужденіе нежелающихъ говорить, а необходимое условіе свидѣтельскаго показанія рабовъ. Г. Магаффи называетъ это единственнымъ примѣромъ глупости въ греческой жизни. И въ Греціи рабство могло становиться ужасною вещью, когда оно теряло

свой домашній характеръ, когда множество рабовъ работало въ уединенныхъ мѣстахъ, и къ нимъ относились просто какъ къ живымъ орудіямъ. При подобныхъ обстоятельствахъ приняло такую ужасную форму и стало такъ опасно рабство въ Римѣ. Къ счастью для Греціи, промышленность была такъ слабо въ ней развита, а земледѣліе носило такіе мелкіе размѣры, что большихъ скопленій рабовъ въ уединенныхъ мѣстахъ быть не могло. Но мы имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ одномъ такомъ случаѣ, въ рудникахъ Лаврійской горы. Оттуда добывали серебро и олово, и испаренія при этихъ работахъ были особенно зловредны. Рудники разрабатывались еракійцемъ Сосіей, а рабы нанимались у аеинянина Никія. Въ году у нихъ было только пять праздничныхъ дней, а насколько зловредна была ихъ работа, видно изъ того, что Сосія платилъ за рабовъ половину ихъ стоимости. Если они выживали три года, Никій получалъ 50 процентовъ прибыли. Понятно, что рабъ, работавшій въ рудникахъ, жилъ не дольше теперешней коночной лошади и, вѣроятно, видѣлъ не лучшее къ себѣ отношеніе.

Обыкновенными слѣдствіями рабства для того общества, гдѣ оно существуетъ, являются, во-первыхъ, шаткость общественныхъ основъ и, во-вторыхъ, признаніе позорнымъ всякаго ручного труда, такъ какъ то, что дѣлаютъ рабы, неприлично гражданину. Въ Греціи во всей полнотѣ можно замѣтить второе явленіе. Повидимому, даже великіе скульпторы не пользовались большимъ почетомъ на томъ основаніи, что они были ремесленниками. Но первое изъ упомянутыхъ слѣдствій чувствовалось далеко не такъ сильно, какъ въ большинствѣ другихъ странъ, гдѣ

существовало рабство. Въ дѣйствительности, трудовая основа общества была въ Греціи, пожалуй, устойчивѣе, чѣмъ въ Европѣ XIX столѣтія. Но опасность отъ присутствія въ государствѣ большого числа людей, только косвенно пользовавшихся его благами, часто давала себя сильно чувствовать. Какъ и слѣдовало ожидать, это было особенно замѣтно въ Спартѣ. Многое въ ея общественныхъ учрежденіяхъ объясняется исключительно ея постояннымъ стремленіемъ поддержать свою власть надъ гелотами. Одинъ разъ, какъ мы уже видѣли, возмущеніе гелотовъ чуть было не сломило Спарту (464 г.), а во время пелопоннеской войны Спарта боялась повторенія его больше даже, чѣмъ аѣинскаго оружія. Въ Аѣинахъ при обыкновенныхъ условіяхъ мы не находимъ такой опасности; но когда въ концѣ пелопоннеской войны начался голодъ, много тысячъ рабовъ перебѣжало въ Спарту, а Платонъ въ своей *Республикѣ* утверждаетъ, что только страхъ удерживалъ ихъ отъ возстанія противъ господъ. Итакъ, ясно, что и мягкая форма рабства, господствовавшая въ Греціи, представляла свои затрудненія и опасности. Если опасность была не такъ сильна, то это объясняется, по крайней мѣрѣ, отчасти, человѣчнымъ характеромъ греческаго народа.

Положеніе женщинъ въ Греціи.

Переходя отъ положенія рабовъ къ положенію женщинъ въ Греціи, мы встрѣчаемся съ тѣми же затрудненіями. Женщины составляли совершенно подчиненную часть населенія; онѣ принимали мало участія въ жизни Греціи, и потому историки обращали на нихъ такъ мало вниманія, что не-

возможно получить желательное полное представление объ этомъ предметѣ. Но изъ всего, что мы знаемъ о нихъ, ясно одно, что положеніе ихъ было гораздо болѣе неудовлетворительно, чѣмъ положеніе рабовъ, и что съ теченіемъ времени оно не измѣнялось къ лучшему. Положеніе греческихъ рабовъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи условій того времени, заключало въ себѣ мало достойнаго порицанія и представляло удивительно мало опасности для государства. Но положеніе женщинъ и обращеніе съ ними было хуже, чѣмъ мы могли бы, по справедливости, ожидать, и, если оно и не представляло опасности для государства, то лишало его того, что было однимъ изъ важныхъ условій силы наиболѣе могущественныхъ государствъ.

Повидимому, женщины пользовались большей свободой и значеніемъ въ ранніе вѣка, чѣмъ въ позднѣйшіе, и въ менѣе успѣвшихъ государствахъ, чѣмъ въ болѣе развитыхъ. Нельзя смотрѣть на поэмы Гомера, какъ на изображеніе дѣйствительно существовавшей цивилизаціи; однако, читатель не можетъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что гомеровскія женщины находились въ лучшемъ положеніи, чѣмъ женщины вѣка Перикла. Юридически ихъ положеніе было почти рабскимъ. Рабство предстоило военноплѣннымъ, даже высшаго класса; даже свободныя женщины были въ полномъ подчиненіи у мужчины — главы семьи. Но какъ поразительны женскія фигуры, появляющіяся на страницахъ Гомера! Елена, Навсикая, Пенелопа, — каждая въ своемъ родѣ, представляютъ чистые типы обаятельной красоты, чарующей чистоты и постоянной супружеской любви. Женское вліяніе сильно вездѣ — и въ *Иліадѣ*, и въ *Одиссеевѣ*. Тро-

янская война началась изъ-за женщины; гнѣвъ Ахилла—изъ-за женщины, которую отняли у него; руководящимъ мотивомъ *Одиссеи* служить постоянная любовь Улисса къ его женѣ Пенелопѣ. Точно такъ же у Геродота женщина еще играетъ важную роль, и въ его разсказахъ мы не разъ встрѣчаемся съ сильнымъ вліяніемъ женщинъ. Но если мы перейдемъ къ Фукидиду, историку, представляющему вѣкъ Перикла, мы оказываемся исключительно въ мужскомъ обществѣ; только въ двухъ случаяхъ упоминается у него имя женщины: когда говорится о матери выдающейся личности или о жрицѣ богини. Вполнѣ очевидно, что прогрессъ греческой мысли и цивилизаціи только усилилъ ограниченія и стѣсненія въ положеніи греческихъ женщинъ.

Ясно также, что въ менѣ развитыхъ государствахъ Греціи положеніе женщины было лучше, чѣмъ въ такихъ городахъ, какъ Коринѣи или Аѣины. Въ Спартѣ не было ничего подобнаго полному уединенію аѣинскихъ женщинъ. Какъ мы показали во второй главѣ, спартанская дисциплина предоставляла будущимъ «матерямъ и женамъ» воиновъ замѣчательную свободу и вліяніе. Онѣ обучались гимнастикѣ, свободно, безъ всякой ложной скромности вращались среди мужчинъ; ихъ вліяніе въ государствѣ было всегда значительно, а въ послѣдній періодъ спартанской исторіи оно, несомнѣнно, стало слишкомъ велико. Крѣпкое здоровье спартанскихъ женщинъ славилось по всей Греціи, и всюду онѣ требовались въ качествѣ кормилицъ. Мы имѣемъ слишкомъ мало подробныхъ свѣдѣній о положеніи женщинъ въ менѣ извѣстныхъ государствахъ Греціи, но по всему замѣтно, что тамъ, гдѣ жизнь была

болѣ патриархальной, женщины пользовались наибольшою свободою, а гдѣ населеніе сосредоточивалось въ городахъ, тамъ на нихъ сразу налагались стѣсненія.

Положеніе женщинъ въ Аѣинахъ требуетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія. Каково бы ни было ихъ прежнее положеніе, въ вѣкъ Перикла мы видимъ ихъ окруженными самыми строгими ограниченіями. Онѣ жили въ отдѣльныхъ покояхъ, обыкновенно въ верхней части дома. Онѣ очень рѣдко выходили изъ дому. На агорѣ или на улицахъ Аѣинъ, если бы мы и встрѣтили женщинъ, то очень мало, и, вѣроятно,—ни одной свободной гражданки. Имъ, по-видимому, не давали никакого образованія. Возможно, что жена Софокла или Фидія не умѣла ни читать, ни писать. Умственная жизнь Аѣинъ была не для нихъ. Философское движеніе эпохи не затрогивало ихъ. Театръ былъ такъ тѣсно связанъ съ религіей, что двери его не могли быть вполне закрыты для нихъ; но имъ позволялось смотрѣть только трагедіи. Комедіи давались исключительно для мужчинъ. Женщины, имѣвшія вліяніе на аѣипскую исторію, не были замужними. Жены и матери великихъ дѣятелей Аѣинъ являются по большей части только именами, къ которымъ мы не можемъ присоединить никакой характеристики.

Брачныя отношенія были поставлены въ Аѣинахъ крайне неудовлетворительно. Почти всегда мужъ былъ много старше жены. Аристотель считаетъ настоящимъ возрастомъ для вступленія въ бракъ 35 лѣтъ для мужчины и 18 для женщины. Отсюда слѣдуетъ, что идея духовнаго союза была чужда аѣинскому браку. Все устраивалось родителями, и часто бра-

чувсіеся не видали другъ друга до обряда помолвки. Во всѣхъ замѣчаніяхъ опытныхъ людей по поводу брака мы никогда не слышимъ о взаимной любви, какъ о главномъ условіи успѣха. Бракъ, это — обязанность передъ государствомъ, передъ семьей, это дѣло религіи и патріотизма, но никакъ не личнаго счастія. И вслѣдствіе этого романтическая страсть нашего времени едва ли когда имѣла мѣсто въ бракѣ. Высказывая, повидимому, неопровержимую истину, ораторъ говоритъ: «У насъ есть подружки для удовольствія, наложницы для ежедневныхъ услугъ и жены—для произведенія законныхъ дѣтей и вѣрнаго охраненія домашняго очага». Чтобы дополнить нашу картину аѳинской жизни, мы должны напомнить о большомъ числѣ куртизанокъ (гетеръ), получавшихъ лучшее образованіе, чѣмъ гражданки, и лучше знавшихъ искусство нравиться; хотя онѣ не пользовались уваженіемъ, но ихъ положеніе, во всякомъ случаѣ, вполне признавалось моралью и приличіями того времени. Исторія учитъ, что при такихъ условіяхъ нравственность должна падать, а общественная жизнь понижаться; но при томъ особенномъ отношеніи, какое видѣли къ себѣ гетеры въ Аѳинахъ, онѣ могли сами избѣжать униженія, выпадающаго на ихъ долю въ современномъ обществѣ. Безъ сомнѣнія, въ Греціи между ними встрѣчалось не мало женщинъ, похожихъ на Аспасію по характеру и талантамъ.

Союзъ между мужемъ и женой былъ непроченъ и легко расторгимъ. Жена никогда не входила вполне въ родъ своего мужа. Законнымъ опекуномъ жены былъ не мужъ ея, а отецъ или братъ; юридическая связь со своимъ родомъ была у нея силь-

нѣе, чѣмъ съ родомъ мужа. Во всѣхъ брачныхъ договорахъ вопросъ о приданомъ игралъ, повидимому, первенствующую роль. Оно не становилось полною собственностью мужа и, въ случаѣ развода, возвращалось женѣ. Вся жизнь замужней женщины протекала въ четырехъ стѣнахъ. Ее рѣдко видѣли за порогомъ дома. Воспитаніе дѣтей и веденіе хозяйства — вотъ единственныя обязанности женщины; и какъ бы низко ни стояли нравственныя требованія грековъ относительно поведенія мужчинъ, они были достаточно строги къ женамъ и дочерямъ.

Сказаннаго достаточно для характеристики почти восточной замкнутости и подчиненія, въ какомъ жили аѣинскія женщины. Главными причинами этого служили, вѣроятно, развитіе городской жизни и сношенія Греціи съ восточными государствами. Безъ сомнѣнія, тутъ легко возможны преувеличенія. Вѣроятно, было много исключеній изъ общаго правила, много примѣровъ нѣжной любви между мужемъ и женой. Трудно повѣрить, чтобы цѣлыя поколѣнія слушали и восхищались исторіей Одиссея и Пенелопы, не подчиняясь совсѣмъ ея вліянію въ жизни. Трагики передаютъ рассказы о романтической любви, рисуютъ почти высочайшіе женскіе типы, но замѣчательно, что ни одна изъ героинь, даже въ легендахъ и мифологіи, не была аѣинянкой. Но и въ аѣинскихъ условіяхъ женщина могла оказывать вліяніе, могла иногда пользоваться нѣкоторой свободой; достаточнымъ доказательствомъ этого служатъ два разсказа — одинъ изъ Геродота, другой изъ Плутарха. Плутархъ говоритъ о Ѳемистоклѣ, что «сынъ его былъ избалованъ матерью и, кромѣ того, имъ самимъ, въ угоду ей. Ѳемистоклѣ

любилъ говорить, что сынъ его самая вліятельная особа въ Греціи: въ самомъ дѣлѣ, аеиняне управляли Греціей, онъ управлялъ аеинянами, его жена управляла имъ, а его сынъ управлялъ ею». У Геродота (VI, 121) мы находимъ слѣдующее: «Каллій былъ замѣчательнъ своимъ отношеніемъ къ дочерямъ: когда онѣ пришли въ возрастъ невѣсть, онъ далъ каждой изъ нихъ богатое приданое съ правомъ распоряжаться имъ по собственному усмотрѣнію, позволилъ имъ выбирать мужей изъ всѣхъ аеинскихъ гражданъ и выдалъ каждую за того, на кого палъ ея выборъ». Но именно то обстоятельство, что понадобилось упоминать о такомъ вліяніи жены и о такой свободѣ выбора, указываетъ на исключительность этихъ случаевъ.

Несомнѣнно также, что въ Аеинахъ много думали по вопросу о настоящемъ положеніи женщинъ. Очевидно, полурабскимъ положеніемъ аеинской женщины былъ недоволенъ кружокъ Аспасіи. У великихъ трагиковъ, высказывающихъ наиболѣе высокія стремленія грековъ, мы находимъ постоянныя жалобы на судьбу, выпавшую на долю женщинъ. Сохранился отрывокъ Софоклова *Терея*, гдѣ женщина говоритъ такъ: «Часто я думала о природѣ женщины и рѣшила, что мы—ничтожество. Дома, въ дѣтствѣ, мы ведемъ, на мой взглядъ, самую пріятную жизнь и, благодаря нашей беззаботности, растемъ счастливо. Но когда мы достигаемъ зрѣлости, насъ выбрасываютъ за двери и продаютъ какъ товаръ, далеко отъ нашихъ домашнихъ боговъ и родителей. Иныя изъ насъ попадаютъ въ дома иноземцевъ, другія — варваровъ. А мы должны соглашаться на это и думать, что все идетъ, какъ слѣдуетъ». Въ уста Медеи Эври-

пидь влагаетъ сильнѣйшее обличеніе жребія аеинской женщины (*Медея*, ст. 230 сл.): «Изъ всѣхъ живыхъ и разумныхъ существъ мы, женщины, самыя несчастныя. Во-первыхъ, на свои средства мы должны купить себѣ супруга и въ немъ приобрѣсти господина; тяжело это, но вотъ чтò еще тяжелѣе. Является важный вопросъ, какимъ окажется этотъ господинъ, добрымъ или злымъ. Разводъ безславить женщинъ, и невозможно отказаться отъ мужа... Если за всѣ наши труды намъ достанется мужъ не злоупотребляющій своею властью, завидна наша участь; въ противномъ случаѣ лучше умереть... Говорять, будто дома мы ведемъ привольную жизнь, а они сражаются оружіемъ. Безумные люди! Я предпочла бы выдержать три сраженія, чѣмъ родить одинъ разъ».

Наконецъ, Платонъ, въ *Республикѣ*, высказываетъ свою глубокую неудовлетворенность положеніемъ женщинъ и ясное пониманіе необходимости великихъ реформъ. Его взгляды въ высшей степени странны: онъ требуетъ полного уничтоженія семьи. Его утвержденіе, что наиболѣе развитая женщина по уму равна только второстепенному мужчинѣ, выставляетъ его какъ бы противникомъ женщинъ. Но всего поразительнѣе въ его предположеніяхъ, съ точки зрѣнія современныхъ соціальныхъ условій, является его требованіе болѣе полного физическаго и умственнаго воспитанія женщинъ, его желаніе, чтобы женщины принимали участіе въ государственной жизни.

Высказывая эти мысли, великіе умы Аеинъ не являются выразителями чувствъ, общихъ всѣмъ аеинянамъ. Положеніе женщинъ не улучшалось, а, въ-

роятно, съ упадкомъ греческихъ «нравовъ» стало еще хуже. Слабость семейныхъ связей составляет, несомнѣнно, наиболѣе замѣчательную черту греческой исторіи. Этимъ же отчасти объясняется и слабая сплоченность, какую мы замѣчаемъ въ греческомъ государствѣ.

Характеристика грековъ.

Чрезвычайно трудная задача — дать характеристику какого-нибудь народа; доказательство этого — мнѣнія современныхъ еврейскихъ націй другъ о другѣ. Задача упрощается, если рѣчь идетъ о народѣ, отдѣленномъ отъ насъ такимъ большимъ промежуткомъ времени, какъ греки. Но даже и здѣсь мы встрѣчаемся съ большими затрудненіями. Многія стороны греческой цивилизаціи полны такой неподобной красоты, такого очарованія для людей, способныхъ понимать характеръ, культуру и искусство, что это ослѣпляетъ наши глаза, и мы рискуемъ не замѣтить пятенъ на солнцѣ. Хорошо было сказано, что, въ случаѣ суда надъ Греціей, ей стоитъ только, подобно Фринѣ въ древности, снять покрывало съ своей красоты, и осужденіе становится невозможнымъ. Но, конечно, стоитъ попытаться отдѣлать блестящія дѣла Греціи отъ неудачныхъ или имѣвшихъ только частичный успѣхъ, стоитъ показать, не увлекаясь остроуміемъ, какія стороны національной жизни грековъ были несовершенны и какія превосходны; здѣсь опять, даже больше, чѣмъ прежде, мы должны обратить вниманіе преимущественно на Аѣины, какъ на самое главное изъ греческихъ государствъ.

Всякому, кто может разсматривать всемірную исторію съ болѣе высокой точки зрѣнія, ясно, я думаю, что главный успѣхъ грековъ лежалъ не въ области практической жизни, не въ политикѣ и не въ войнѣ. Мы видимъ,—видѣли это достаточно ясно и многіе изъ величайшихъ грековъ,—какъ велика была опасность попасть подъ власть варваровъ, какъ необходимо было для грековъ единство. Они могли видѣть цѣль, но не могли достигъ ея. Для достиженія ея пускались въ ходъ и мирныя, и насильственные средства, но въ обоихъ случаяхъ безуспѣшно. Ни одно государство не имѣло достаточно патріотизма, чтобы поступиться своими эгоистическими желаніями въ пользу интересовъ Эллады; ни одно не было достаточно сильно, чтобы держать другія въ полномъ повиновеніи. Полная раздоровъ, Эллада представляла легкую добычу для перваго сильнаго завоевателя. И во внутренней политикѣ успѣхи грековъ нельзя ставить особенно высоко. Ихъ политическіе опыты полны интереса, иногда и значенія, но, скорѣе, въ видѣ предостереженій, чѣмъ въ видѣ примѣровъ. Олигархіи и демократіи одинаково преслѣдовали узко себялюбивыя цѣли. Главною цѣлью аѳинской демократіи представляется, скорѣе, удовлетвореніе чувства, чѣмъ разрѣшеніе задачи. Разсматриваемая какъ орудіе администраціи и управленія, аѳинская демократія должна считаться потерпѣвшей крушеніе; а въ эпоху ея расцвѣта истинный характеръ демократіи затемнялся вліяніемъ Перикла. Безъ сомнѣнія, многія другія правительства, можетъ быть, даже большинство ихъ, были такъ же слабы, какъ правительства греческихъ государствъ. Но ихъ заслуги не позволяютъ намъ ставить грековъ ря-

домъ съ римлянами или съ венеціанской республикой, или съ Франціей, или съ Англіей, какъ націю, оставившую міру политическіе опыты, имѣющіе постоянное значеніе. Создать своимъ оружіемъ и своимъ возвышеннымъ патріотизмомъ прочную основу для цивилизаціи, полученной имъ отъ Греціи, предстояло Риму.

Далѣе, грековъ упрекають въ нравственной несостоятельности, въ быстрой утратѣ высокаго уровня честности, добросовѣстности и мужества, наконецъ, въ жестокости. Современный писатель неустанно противопоставляетъ грековъ, съ ихъ любовью къ красотѣ и знанію, евреямъ, съ ихъ высокими нравственными требованіями. Такое обвиненіе, отчасти, конечно, справедливо, но допускаетъ сильныя преувеличенія. Величайшія въ свѣтѣ нравственныя движенія едва ли совершались когда безъ временнаго, по крайней мѣрѣ, ущерба для мысли и искусства. Намъ почти слѣдовало ожидать, что громаднѣйшій и умственный прогрессъ, совершенный Греціей, будетъ сопровождаться нѣкоторымъ нравственнымъ уклоненіемъ. А насколько высоко стояла Греція, доказывается уже тѣмъ, что критики XIX столѣтія прилагають свою высшую мѣрку къ народу, жившему въ пятомъ вѣкѣ до Р. Х. Съ такой оговоркой можно согласиться, что уровень честности и добросовѣстности былъ въ Греціи не высокъ. Разсматривая ихъ политическую жизнь или ихъ сохранившіяся судебныя рѣчи, мы встрѣчаемся съ поразительнымъ отсутствіемъ строгаго чувства честности, отличавшаго, напримѣръ, римлянъ до начала паденія республики. Насколько рѣдко встрѣчалась денежная честность, мы можемъ видѣть изъ того вліянія, какое

приобрѣтали политическіе дѣятели, не обладавшіе «загребистою лапою», и только на этомъ основаніи. Судебная система народа, обыкновенно, даетъ хорошій матеріалъ для его характеристики, а, несомнѣнно, раскрытіе истины было не единственнымъ, едва ли даже главнымъ, мотивомъ аѣинскаго суда присяжныхъ. Въ одной изъ предыдущихъ главъ мы признали также, что мужество грековъ имѣло границы. Они были хорошими воинами, Европа въ то время не имѣла лучшихъ; но, въ цѣломъ, они не подчинялись дисциплинѣ и легко поддавались паникѣ. Можно предположить, что ихъ воображеніе было слишкомъ живо для непоколебимаго мужества римлянъ или германцевъ. Съ обвиненіемъ въ жестокости согласиться невозможно. Безъ сомнѣнія, исторія Греціи представляетъ примѣры ужаснаго варварства. Исторія какой націи обходится безъ нихъ? Греки совершали вещи, на какія неспособна ни одна цивилизованная нація XIX столѣтія, но сомнительно, были ли человѣчнѣе грековъ англичане XVI, XVII или XVIII столѣтія.

Величія Греціи нужно искать не въ практической, а въ созерцательной и художественной области человѣческой жизни. Другіе народы, не греки, были руководителями человѣчества въ политикѣ, общественномъ устройствѣ и военномъ дѣлѣ. Но греки больше, чѣмъ какой-либо изъ древнихъ или современныхъ народовъ, вложили въ міровой капиталъ истины и красоты. Больше всѣхъ намъ извѣстныхъ народовъ они отличались художественнымъ чутьемъ и умственной энергіей. Если нельзя назвать грековъ націей художниковъ, то должно признать, что только широкая любовь народа ко всему прекрасному и

умѣнье понимать его создали художественныя произведенія Греціи. Величайшимъ художественнымъ произведеніемъ грековъ была аѳинская драма; а великая драма предполагаетъ слушателей, способныхъ оцѣнить ее. Высшимъ доказательствомъ художественной воспримчивости греческаго народа служить популярность Эсхила, Софокла, Эврипида и Аристофана. То же самое, хотя и не во всей полнотѣ, можно сказать о греческой скульптурѣ и архитектурѣ. Онѣ были дѣломъ государства; на нихъ тратились общественныя деньги, которыя могли бы попасть въ карманы гражданъ. Послѣдніе соглашались жертвовать прямыми денежными выгодами для украшенія города. То же тонкое пониманіе красоты проявляется и въ другихъ случаяхъ. Вѣроятно, никогда человѣческая красота не цѣнилась такъ высоко, какъ у грековъ V вѣка до Р. Х.; въ видѣ доказательства, достаточно слѣдующаго мѣста изъ Геродота: «Этотъ Филиппъ былъ олимпійскимъ побѣдителемъ и красивѣйшимъ грекомъ своего времени. Его красота доставила ему почести со стороны жителей Эгесты, какихъ они не оказывали никому другому: они воздвигли храмъ надъ его могилой и все еще чествуютъ его жертвоприношеніями».

Ихъ умственная дѣятельность такъ очевидна, что о ней достаточно сказать нѣсколько словъ. Сэръ Генри Мэнъ, не любившій восторгаться, сказалъ: «Исключая слѣпыхъ силъ природы, все въ мірѣ движется на основѣ, положенной греками»; если въ этихъ словахъ и есть доля преувеличенія, то все же несомнѣнно, что первые шаги почти во всѣхъ отрасляхъ умозрительной и точной науки и искус-

ства были сдѣланы греками. И опять-таки и здѣсь слава принадлежитъ всему народу столько же, сколько нѣсколькимъ гениальнымъ людямъ. Ихъ драмы, ихъ политическія и судебныя рѣчи, основы ихъ философіи, — все доказываетъ тонко-развитой умъ аѳинянъ. Въ пользу высокаго развитія Аѳинъ всего сильнѣе говоритъ то, что громадная толпа народа съ наслажденіемъ слушала хоры въ драмахъ Эсхила, рѣчи Перикла и Демосеена и остроумныя разсужденія Сократа. И въ этой главѣ, и въ другихъ мѣстахъ я указывалъ на темную сторону характера и цивилизаціи грековъ. Несомнѣнно, что ихъ нравственное развитіе, выражаясь мягко, не шло наравнѣ съ умственнымъ. Несомнѣнно, что основу ихъ общества подтачивалъ червь, который, въ концѣ-концовъ, и долженъ былъ разрушить его. Но пока общество еще держалось, цивилизація, несомнѣнно, переживала періодъ высочайшаго расцвѣта.

Г Л А В А X.

ПЕЛОПОННЕССКАЯ ВОЙНА ДО СМЕРТИ ПЕРИКЛА.

Оканчивая свой трудъ, составленный въ началѣ пелопоннеской войны въ Оуріяхъ, въ Италіи, Геродотъ пишетъ: «Междоусобная война настолько хуже внѣшней, насколько война сама по себѣ хуже мира». Эти слова, вѣроятно, имѣютъ нѣкоторое отношеніе къ только-что начавшейся борьбѣ. Взрывъ ея долженъ былъ быть страшнымъ ударомъ для панэллинскаго патріотизма Геродота. Если бы онъ дожилъ до ея конца, быть можетъ, персидскія войны показались бы ему бесплодной побѣдой.

Съ 445 до 432 года Греція, въ общемъ, пережила мирный періодъ. Не то, чтобы за эти тринадцать лѣтъ оружіе всюду оставалось въ бездѣйствіи, но войны носили совершенно мѣстный характеръ и казались едва замѣтными для людей, полныхъ воспоминаніями о пелопоннеской войнѣ. Всѣ предыдущія войны вели къ этой послѣдней, и она опредѣлила политическую судьбу Эллады. Я возобновлю теперь разсказъ, прерванный изложеніемъ внутреннихъ условій аѣинской жизни, и, возвращаясь къ 445 году, году тридцатилѣтняго перемирія, объясню, какъ началась въ Греціи эта великая борьба.

Что постояннымъ отношеніемъ между греческими государствами была война, доказывается тѣмъ фак-

томъ, что у нихъ миръ и перемиріе заключались на опредѣленное число лѣтъ, послѣ чего опять начиналась война, если снова не заключали перемирія. Но въ случаѣ тридцатилѣтняго перемирія поводы для войны были слишкомъ сильны, чтобы даже дать ему окончиться. Три слѣдующихъ причины вызвали, главнымъ образомъ, войну:

1. Сильное обаяніе Аѣинъ необходимо возбуждало горячую зависть Спарты. Правда, въ 445 году аѣиняне окончательно отказались отъ всякихъ надеждъ на господство надъ материкомъ, но потеря власти надъ нимъ не была настоящимъ упадкомъ могущества Аѣинъ. Аѣинская имперія выросла и окрѣпла; никогда ея могущество на морѣ не было такъ безспорно, какъ въ это время. Ни одно государство не обладало такой богатой сокровищницей, какъ Аѣины. Ко всему этому присоединилась научная и художественная слава Аѣинъ. Одного этого было достаточно для того, чтобы загорѣлась война. XVIII вѣкъ нашей эры объявилъ войну, когда нарушилось равновѣсіе силъ, и поэтому для насъ едва ли можетъ быть удивительнымъ, если въ древней Греціи Спарта, издавна занимавшая первенствующее положеніе, не могла допустить успѣшнаго съ нимъ соперничества.

2. Спарта способна была жестоко и злобно ненавидѣть, но не умѣла горячо и быстро дѣйствовать. Эта особенность мѣшала ей быть достойнымъ вождемъ пелопоннескихъ государствъ, принадлежавшихъ къ ея союзу. Но въ этомъ союзѣ были и другія государства, столь же раздраженные, но болѣе способныя выразить свое раздраженіе дѣйствіемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Мегары своимъ возстаніемъ нанесли смертельный ударъ материковому

могуществу Аеинъ, постановленіе аеинскаго народа устранило ихъ съ аеинскихъ рынковъ и довело до состоянія полной нищеты. Если бы имъ представился какой-нибудь случай освободиться отъ узъ и отомстить за обиду, онъ его ни за что бы не упустили. Столь же враждебно настроеннымъ, но гораздо болѣе сильнымъ противникомъ былъ Коринеъ. Онъ былъ первымъ торговымъ государствомъ Греціи въ то время, когда Аеины еще не завладѣли Саламиномъ. Онъ изобрѣлъ военный корабль, тріеру, который сталъ теперь главнымъ орудіемъ величія Аеинъ. Его положеніе на Исѣмѣ представляло большія торговыя преимущества, и онъ вполне ими воспользовался. Многочисленное рабское населеніе удовлетворяло всѣ его внутреннія и внѣшнія потребности. Жизнь Коринеа носила, по всей вѣроятности, гораздо болѣе роскошный, но и менѣе здоровый по своимъ общественнымъ условіямъ характеръ, чѣмъ гдѣ-либо въ Греціи. Теперь это государство увидѣло себя стѣсненнымъ возраставшимъ могуществомъ Аеинъ. На востокъ ему запирали путь Эгина и Саламинъ, и оба острова были теперь въ рукахъ Аеинъ. На западъ, въ самомъ узкомъ мѣстѣ Коринескаго залива, въ Навпактѣ, аеиняне поселили мессенцевъ, возмущившихся противъ Спарты въ 464 году, когда она была разрушена землетрясеніемъ. Мессенцы ненавидѣли спартанцевъ и ихъ союзниковъ болѣе, чѣмъ сами аеиняне. У нихъ не было недостатка ни въ предпріимчивости, ни въ мужествѣ, и коринескія суда не чувствовали себя въ безопасности, пока не проходили мимо этой разбойничьей твердыни и не достигали болѣе широкихъ водъ Адриатики Я говорилъ раньше, что

въ древнемъ мірѣ соперничество между членами одного и того же государства чувствовалось слабѣе, чѣмъ теперь, а между разными государствами сильнѣе. Поэтому нечего говорить, какъ страстно желалъ Коринѣъ сдѣлать съ Аѣинами то же, что тѣ сдѣлали съ Эгиной. Одинъ Коринѣъ не могъ бороться съ подавляющими силами Аѣинъ; но онъ былъ главнымъ союзникомъ Спарты и могъ надѣяться повліять на образъ дѣйствій ея союза. Мы скоро увидимъ, какъ вскорѣ къ этому представился случай и какъ Коринѣъ имъ воспользовался.

3. Наконецъ, постояннымъ поводомъ къ беспокойству и зависти служила аѣинская имперія. Въ другомъ мѣстѣ мы уже разсмотрѣли ея характеръ и видѣли, что, несмотря на несправедливости и нѣкоторыя притѣсненія, это была интересная и много обѣщавшая попытка. Но къ такимъ выводамъ насъ приводитъ только послѣдующая исторія. Для современниковъ было ясно одно, что греческія государства, бывшія нѣкогда свободными, теперь потеряли свою свободу, что ихъ подчиненіе сопровождалось всякаго рода униженіями—уплатой подати, разореніемъ крѣпостей и нерѣдко появленіемъ аѣинскаго гарнизона и аѣинскихъ поселенцевъ. Въ Греціи было много другихъ несвободныхъ городовъ, напримѣръ, города Мессеніи и тѣ города Беотіи, которые признавали надъ собой верховенство Фивъ. Спарта такъ же мало допустила бы возстаніе своихъ свободныхъ союзниковъ, какъ Аѣины не допускали возстанія острововъ Архипелага. Но подчиненіе всѣхъ этихъ городовъ смягчалось его продолжительностью или, во всякомъ случаѣ, не усиливалось ни посылкою гарнизоновъ, ни уплатою податей; по-

этому ни Фивы, ни Спарта не оскорбляли чувства грековъ такъ сильно, какъ Аѣины. Такимъ образомъ, внутри аѣинскаго союза существовало постоянное недовольство и стремленіе къ возстанію; враги Аѣинъ знали, что, въ случаѣ нападенія на Аѣины, многіе союзники или возстанутъ, или окажутъ помощь Аѣинамъ неохотно.

Таковы были матеріалы для пожара, а въ 434 году произошло событіе, быстро ихъ воспламенившее.

Ссора между Керкирой и Коринеомъ и вмѣшательство Аѣинъ.

Пожаръ начался на самой окраинѣ Эллады. До тѣхъ поръ Керкира (теперешній Корфу) стояла въ сторонѣ отъ политики центральной Греціи, и это было разумно съ ея стороны. Она составляла перепутье между собственно Греціей и греческими поселеніями въ Сициліи и Италіи, такъ какъ греческіе моряки обыкновенно плыли до Керкиры вдоль береговъ и потомъ пересѣкали Адриатическое море по направленію къ итальянскому берегу. Ея мѣстоположеніе и нейтральная политика были очень выгодны для развитія ея торговли. При началѣ пелопоннесской войны она была «не бѣднѣе любого изъ тогдашнихъ эллинскихъ государствъ». Ея флотъ былъ такъ силенъ, торговля такъ обширна, что претензія ея на происхожденіе отъ баснословныхъ феаковъ не представлялась нисколько странною.

Керкира была коринеской колоніей, а Эпидамнъ, на противоположномъ материкѣ,—общей колоніей Керкиры и Коринеа; большинство его поселенцевъ были керкирцами, а главнымъ основателемъ — ко-

ринейнинъ. Въ этой семьѣ колоній возникла жестокая вражда. Каждая изъ нихъ была, очевидно, совершенно независимымъ государствомъ; но взгляды грековъ требовалъ, чтобы младшая колонія въ известныхъ обрядахъ выражала свое почтеніе къ старшей. Керкира отказывала коринейнамъ въ такомъ почетѣ. «Во время жертвоприношеній керкирцы отказывали коринейнамъ въ правѣ получать первыми клочъ волосъ съ головы жертвы». Керкира была такъ же богата, какъ и Коринѣъ, и считала свой флотъ столь же сильнымъ. Вражда между ними носила постоянный характеръ. А тутъ началась жестокая ссора между Керкирой и Эпидамномъ. Въ послѣднемъ, какъ и всюду въ Греціи, было двѣ партіи — олигархическая и демократическая. Олигарховъ изгнали изъ города, и они обратились за помощью къ Керкирѣ; но тамъ была сильнѣе демократическая партія, и она отказала имъ въ поддержкѣ. Тогда они обратились къ Коринѣу; коринейне съ жаромъ схватились за случай разсчитаться со своимъ старымъ врагомъ — Керкирой. Высланный ими значительный отрядъ съ олигархами во главѣ легко проникъ въ Эпидамнъ. Керкирцы пришли въ бѣшенство, немедленно обложили городъ и готовы были овладѣть имъ и захватить коринейскіе корабли. Коринейне снарядили вспомогательную экспедицію, и между Керкирой и Коринѣомъ началась открытая война.

Ссоръ, подобныхъ этой, но позабытыхъ, бывало много въ греческой исторіи; но эта вызвала великую пелопоннесскую войну. Какъ только коринейскій и керкирскій флоты встрѣтились, первый былъ легко разбитъ, а вскорѣ за тѣмъ сдѣлся и Эпи-

дамъ. Тогда коринѣяне стали готовить гораздо болѣе сильный флотъ. Они построили много кораблей и предложили высокую плату гребцамъ изъ всѣхъ областей Элады. Керкирцы сами почувствовали невозможность бороться безъ чужой помощи съ такой опасностью. Мы уже говорили, что до тѣхъ поръ они не принадлежали ни къ аѣинскому, ни къ спартанскому союзу. Теперь они рѣшились разстаться со своимъ нейтралитетомъ. Доступъ въ спартанскій союзъ, очевидно, былъ закрытъ для нихъ, такъ какъ послѣ Спарты его главнымъ членомъ былъ Коринѣ. Поэтому они обратились къ Аѣинамъ.

Положеніе было очень серьезное. Тридцатилѣтнее перемиріе прямо говорило, что любой эллинскій городъ, еще не вошедшій ни въ какой союзъ, можетъ присоединяться къ какому ему угодно. По этому Аѣины имѣли полное право принять предложеніе Керкиры. Но, что бы ни говорила буква договора, на дѣлѣ никто не могъ сомнѣваться, что принятіе Керкиры въ аѣинскій союзъ являлось шагомъ, и крупнымъ шагомъ, въ сторону войны со Спартой и ея союзниками. Самый смѣлый человекъ могъ призадуматься надъ такой опасностью. Если война была неизбежна,—а большинство народа думало, что, раньше или позднѣе, она начнется,—результатъ ея могъ всецѣло зависѣть отъ рѣшенія этого вопроса. Если принять Керкиру, ея флотъ,—третій даже, можетъ быть, второй въ Эладѣ,—присоединялся къ аѣинскому, и сопротивленіе имъ на морѣ становилось невозможнымъ. Если отказать Керкирѣ, раньше или позже она подчинится Коринѣу, и ея флотъ въ соединеніи съ коринѣскимъ и съ

флотомъ остальныхъ союзниковъ Спарты составить сильный противовѣсъ Аѣинамъ. Вопросъ сводился вотъ къ чему: начнутъ ли Аѣины войну въ скоромъ времени съ подавляющими силами на морѣ, или нѣсколько позже съ сомнительнымъ превосходствомъ своего флота. Вопросъ былъ предложенъ на разрѣшеніе народнаго собранія. Передъ аѣинскимъ народомъ предстали послы и отъ Керкиры, и отъ Коринѣа. Одного дня для преній оказалось мало. На второй день, послѣ нѣкотораго колебанія, народъ высказался за оборонительный союзъ съ Керкирой. «Они знали, — говоритъ Фукидидъ, — что во всякомъ случаѣ война съ Пелопоннесомъ неизбѣжна, и не имѣли желанія отдавать Керкиру съ ея флотомъ въ руки коринѣянь».

Это рѣшеніе скоро привело къ открытому столкновенію. Согласно рѣшенію народа, Аѣины послали на помощь Керкирѣ корабли съ строгимъ приказомъ только защищаться, такъ какъ нападеніе на коринѣянь было бы нарушеніемъ тридцатилѣтняго перемирія. Такимъ образомъ, вскорѣ послѣ этого (432 г.) около Керкиры произошло большое морское сраженіе. Никогда раньше не сталкивалось столько греческихъ кораблей. Аѣинская эскадра сначала не принимала участія въ битвѣ; она ограничивалась помощью нѣсколькимъ керкирскимъ кораблямъ, особенно тѣснымъ непріателемъ. Вообще счастье благопріятствовало коринѣянамъ. Только рѣшительное вмѣшательство аѣинянь спасло керкирцевъ отъ сильнаго пораженія. Битва еще не совсѣмъ окончилась, какъ коринѣяне замѣтили на горизонтѣ нѣсколько новыхъ кораблей, и, принявъ ихъ за подкрѣпленіе изъ Аѣинъ, отступили. Ихъ

подозрѣнія оправдались: въ слѣдующую ночь къ керкирскому флоту присоединилось двадцать аеинскихъ судовъ. Подкрѣпленіе было незначительно, но такъ велико было превосходство аеинянъ надъ врагомъ во всемъ, относившемся до морской войны, что на слѣдующій день коринейяне, претендовавшіе на побѣду въ предшествовавшемъ сраженіи, съ удовольствіемъ приняли предложеніе аеинянъ держаться строго оборонительно и отплыли домой.

Если Кориней и раньше ненавидѣлъ Аеины, то каковы были его чувства теперь! Онъ всюду искалъ средствъ отомстить за свое униженіе. Главной его цѣлью было вызвать великую войну; тѣмъ временемъ, въ видѣ перваго шага къ ней, онъ поднялъ возстаніе противъ Аеинъ въ ихъ отдаленныхъ владѣніяхъ. Его колоніей былъ городъ Потидея, лежавшій на Палленскомъ перешейкѣ въ Халкидикѣ и связанный съ нимъ болѣе чѣмъ обычными узами официальной преданности. Говорятъ, каждый годъ Кориней посылалъ туда магистратовъ. Но все Эгейское море находилось въ рукахъ Аеинъ, и, волей или неволей, Потидея стала членомъ аеинскаго союза. Какъ и большинство другихъ «союзныхъ» государствъ, она тяготилась игомъ и только искала удобнаго случая для возмущенія. Аеиняне заподозрили ея намѣренія и приказали потидейцамъ разрушить ихъ укрѣпленія съ одной стороны и выдать заложниковъ. Отвергая эти требованія, потидейцы стали искать помощи и скоро нашли ее. Коринейяне обѣщали помогать имъ до послѣдней возможности; посольство, отправленное въ Спарту, получило обѣщаніе, что, если аеиняне осадятъ Потидею, спартапцы нападуть на Аттику. Такое обѣщаніе шло

въ разрѣзъ съ условіями тридцатилѣтняго перемирія, прямо устанавливавшего право главы каждаго союза наказывать его членовъ. Но обѣщаніе это вполне характеризуетъ спартанскую дипломатію; характерно также и то, что она не исполнила его. Потидея возстала; коринѣяне прислали помощь, помогали ей и сосѣдніе македоняне, но аѣиняне прогнали своихъ противниковъ и обложили городъ. Безъ новой помощи, его паденіе было неминуемо. Несмотря на всѣ свои усилія, Коринѣи понесъ новую чувствительную неудачу; если бы не удалось вовлечь въ дѣло Спарту, можно было ожидать еще другихъ подобныхъ ударовъ.

Пренія по вопросу о войнѣ.

Въ спартанскій союзъ входили всѣ государства Пелопоннеса, за исключеніемъ Ахайи и Аргоса, и многія государства средней Греціи. Спартанцы съ гордостью противопоставляли добровольный характеръ своего союза принудительной власти Аѣинъ; но выходъ изъ спартанскаго союза допускался такъ же мало, какъ и изъ аѣинскаго. Союзники Спарты пользовались, повидимому, тѣмъ большею свободой, что ихъ обязанности заключались въ личной службѣ, а не во вносѣ податей; поэтому они были постоянно вооружены и могли оказывать больше сопротивленія, чѣмъ союзники Аѣинъ. Спартѣ принадлежала инициатива по всѣмъ вопросамъ, касавшимся всего союза, но ни одно рѣшеніе Спарты не могло быть приведено въ исполненіе, пока оно не было утверждено собраніемъ союзниковъ.

И вотъ въ Спартѣ было созвано собраніе для рѣшенія вопроса о войнѣ или мирѣ съ Аѣинами. Тутъ

были коринескіе послы; изъ Мегаръ пришли горькія жалобы на запретительную торговую политику Аѣинъ; Эгина прислала тайное обѣщаніе возстать. Ораторы различныхъ государствъ были приглашены на общее собраніе спартанцевъ. Аѣиняне, случайно находившіеся въ Спартѣ, защищали свое государство. Пренія закончились рѣчами самихъ спартанцевъ. Это были наиболѣе замѣчательныя изъ всѣхъ когда-либо бывшихъ въ Греціи преній, и Фукидидъ даетъ намъ полный отчетъ о нихъ. Правда, мы не можемъ считать излагаемыя имъ рѣчи буквальной передачей того, что дѣйствительно говорилось, но онѣ даютъ довольно точное понятіе о ходѣ аргументаціи различныхъ ораторовъ. Самою выдающеюся во всѣхъ отношеніяхъ представляется рѣчь коринескихъ пословъ. Она не даетъ доказательствъ справедливости войны, а раздражается негодующимъ протестомъ противъ медлительности Спарты и рѣзкими нападками на аѣинянъ. Проводимое ими противоположеніе аѣинянъ спартанцамъ заслуживаетъ краткой выписки: «Аѣиняне любятъ новизну, быстро принимаютъ рѣшенія и быстро ихъ исполняютъ; вы стремитесь сохранить существующее, не придумывать ничего новаго, не исполнять на дѣлѣ даже необходимаго. Далѣе, они отваживаются на то, что превышаетъ ихъ силы, рискуютъ до безразсудства, и надежда не покидаетъ ихъ даже въ опасностяхъ; вы дѣлаете меньше, чѣмъ сколько позволяютъ вамъ силы, не довѣряете вѣрнымъ расчетамъ и думаете, что никогда не избавитесь отъ опасностей. Они рѣшительны, вы медленны; они ѣздятъ въ чужія земли, вы постоянно сидите дома... Побѣждая враговъ, аѣиняне преслѣдуютъ ихъ возможно дальше, а побѣ-

ждаемые отступаютъ какъ можно меньше. Поэтому, если бы кто-нибудь въ немногихъ словахъ сказалъ, что аеиняне рождены для того, чтобы не имѣть покоя самимъ и не давать его другимъ, онъ сказалъ бы правду» (I, 70). На все это краснорѣчіе аеиняне, повидимому, отвѣчали болѣе холоднымъ тономъ. Они напоминали о своихъ великихъ подвигахъ въ войнѣ съ персами, о славныхъ событіяхъ, сопровождавшихъ основаніе ихъ имперіи, но защиту своей власти они основывали не на доводахъ справедливости, а на правѣ сильнаго. «Мы не первые стремились къ господству: свѣтъ всегда думалъ, что слабый долженъ покоряться сильному». Въ заключеніе они требовали третейскаго суда на основаніи тридцатилѣтняго перемирія. «Если вы откажете, мы призовемъ въ свидѣтели боговъ, которыми вы клялись, — что вы виновники войны, и постараемся отплатить вамъ». Затѣмъ выступилъ со своими предостереженіями престарѣлый царь Спарты Архидамъ. Онъ облилъ холодной водой пылкое честолюбіе Спарты. Война будетъ продолжительна, а исходъ ея совершенно неизвѣстенъ. Онъ совѣтовалъ согласиться на третейскій судъ, но не мѣшкать съ приготовленіями къ войнѣ. Затѣмъ выступилъ одинъ изъ эфоровъ, Сеенелаидъ, произнесшій краткую зажигательную рѣчь. «Длинныхъ рѣчей аеинянъ я не понимаю. Они много восхваляли самихъ себя, но вовсе не доказали, что поступаютъ справедливо съ нашими союзниками и съ Пелопоннесомъ. Вѣдь если они были доблестны прежде въ борьбѣ съ персами, а теперь поступаютъ безчестно съ нами, они вдвойнѣ заслуживаютъ наказанія, такъ какъ изъ доблестныхъ людей

стали подлыми... Пусть никто не утверждает, что, подвергаясь обидѣ, мы должны тратить время на размышление; долго раздумывать слѣдуетъ скорѣе тому, кто замышляетъ обиду... Не давайте усиливаться аеинянамъ. Не окажемся предателями нашихъ союзниковъ, но съ помощью боговъ пойдѣмъ на обидчиковъ» (I, 86). Послѣ этого вопросъ былъ пущенъ на голоса. Обыкновенно вопросы рѣшались крикомъ, но тутъ крикъ съ обѣихъ сторонъ казался почти равносильнымъ, и опредѣлить рѣшеніе было невозможно. Результатъ былъ настолько важенъ, что потребовалось настоящее голосованіе. Поэтому собраніе раздѣлилось на двѣ стороны, и обнаружилось, что значительное большинство высказалось за войну (432 г.). Такое рѣшеніе являлось окончательнымъ, поскольку оно касалось самихъ спартанцевъ, но прежде чѣмъ привести его въ исполненіе, нужно было, по правиламъ спартанскаго союза, созвать собраніе союзниковъ и спросить ихъ мнѣнія. Это собраніе было созвано позднѣе въ томъ же году. Коринѣяне снова выступили главными ораторами, настаивали на необходимости войны и утверждали, что успѣхъ обезпеченъ. Тогда вопросъ былъ предложенъ всѣмъ союзникамъ, крупнымъ и мелкимъ, и большинство высказалось за войну. Тотчасъ же начались дѣятельныя приготовления, но прошелъ почти годъ, прежде чѣмъ была пролита кровь.

Перикль и война.

Въ продолженіе этого года Аеины находились въ тяжеломъ положеніи. Ожиданіе опасной войны пробудило всѣ страсти, и это особенно отзывалось на

Периклѣ. «На словахъ демократія, а на дѣлѣ—управленіе перваго гражданина» — вотъ приговоръ Оукидида надъ аѳинскимъ управленіемъ. Почти все въ ближайшемъ будущемъ зависѣло отъ вліянія и положенія Перикла, и это знали и друзья, и враги. Его первенствующее положеніе уже сдѣлало его цѣлью многочисленныхъ нападковъ. Нападки комическихкихъ поэтовъ были такъ сильны, что въ 440 г. былъ изданъ законъ, воспрещавшій изображеніе еще живущихъ людей на сценѣ. Но выходки комиковъ являлись лишь внѣшнимъ выраженіемъ извѣстнаго недовольства партій среди гражданъ. Старая аристократическая партія, разбитая, но не исчезнувшая, не прощала Периклу своего пораженія. Партія жрецовъ и приверженцевъ старой вѣры знала, что другъ Анаксагора и Дамона — ихъ врагъ. Довольно многочисленная партія желала, чтобы демократія только по имени стала демократіей въ дѣйствительности, и негодовала на присвоеніе власти «первымъ гражданиномъ». Было, безъ сомнѣнія, много людей, не сочувствовавшихъ идеѣ войны со Спартой и отступавшихъ передъ представляемыми ею грозными опасностями. Всѣ эти различныя партіи желали бы низвергнуть Перикла, а для этого нужно было скорѣе взяться за дѣло. Промежутокъ между рѣшеніемъ Спарты въ пользу войны и дѣйствительнымъ открытіемъ враждебныхъ дѣйствій занять нападками на Перикла и его друзей.

Никто не стоялъ въ такихъ близкихъ отношеніяхъ къ Периклу, какъ скульпторъ Фидій. Его художественная дѣятельность не отвлекала его отъ общественныхъ интересовъ. Онъ сочувствовалъ планамъ Перикла и приводилъ въ исполненіе ту часть ихъ,

которая касалась украшенія Аѳинъ. Подробности и хронологія его жизни, къ сожалѣнью, крайне сомнительны. Но въ 432 году противъ него было выдвинуто два обвиненія. Первое— въ растратѣ; говорили, что онъ взялъ у государства больше золота, чѣмъ сколько ему понадобилось для большой статуи Аѳины. Это обвиненіе было не опасно: золотыя одежды богини снимались, и ихъ взвѣшиваніе ясно доказало честность Фидія. Но затѣмъ противъ него было выдвинуто другое обвиненіе, гораздо болѣе опасное по своей неопредѣленности, — обвиненіе въ нечестіи. На щитѣ богини находилось барельефное изображеніе битвы амазонокъ. Чувство грековъ не допускало введенія реализма въ религіозное искусство, а тутъ на щитѣ, утверждали обвинявшіе, было два портрета. Плѣшивый человѣкъ, поднимающій большой камень, былъ самъ Фидій. Сражающійся съ амазонкой человѣкъ, лицо котораго наполовину было скрыто копьемъ въ его рукѣ, былъ Перикль. Дѣйствительные результаты этого обвиненія неизвѣстны. Плутархъ рассказываетъ, что Фидій былъ заключенъ въ тюрьму, тамъ заболѣлъ и умеръ.

Партія жрецовъ одержала одну побѣду; другую доставило ей нападеніе на Анаксагора. Обвинителями въ этомъ случаѣ явились Діопейсъ, фанатическій жрецъ, добившійся проведенія закона, по которому всякій отказъ слѣдовать религіи государства признавался актомъ государственной измѣны, и Клеонъ, глава крайней демократической партіи, послѣ смерти Перикла ставшій на нѣкоторое время вождемъ государства. Нападеніе было такъ серьезно, что Перикль посовѣтовалъ Анаксагору бѣжать изъ

Аеинъ. Философъ на склонѣ своихъ лѣтъ нашель себѣ пристанище въ Лампсакѣ.

По такому же обвиненію судили Аспасію, но, рядомъ съ нечестіемъ, ей была поставлена въ вину порча нравственности аеинскихъ женщинъ. Опасность для Аспасіи была очень велика. Перикль, чуть ли не первый разъ въ своей жизни, покинулъ олимпійское спокойствіе, подъ которымъ онъ обыкновенно скрывалъ свои личныя чувства. Долго вспоминали, какъ со слезами на глазахъ онъ молилъ объ оправданіи женщины, которая играла такую важную роль въ его собственной жизни. И присяжные, уступивъ его слезамъ или доводамъ, оправдали Аспасію.

Наконецъ, затронули прямо самого Перикла, обвиняя его въ растратѣ общественныхъ денегъ; дѣло было отдано на разсмотрѣніе 1500 гражданъ. Онъ былъ оправданъ, но не лишень былъ значенія самый тотъ фактъ, что осмѣлились напасть на него.

Подвергаясь такимъ нападкамъ на родинѣ, онъ въ то же время долженъ былъ выдерживать натискъ спартанской дипломатіи. Годъ ожиданія войны былъ занятъ дипломатической борьбою; при этомъ, очевидно, упускались изъ виду всѣ настоящія причины спора, и каждая сторона старалась выставить другую зачинщицей. Первое требованіе спартанцевъ носило довольно странный характеръ. «Они желали, чтобы аеиняне изгнали преступниковъ передъ богиней». Въ періодъ, предшествующій точной исторіи, — можно думать, въ 620 г., — родъ Алкмеонидовъ, къ которому со стороны матери принадлежалъ Перикль, былъ замѣшанъ въ убійствѣ нѣсколькихъ людей, искавшихъ себѣ защиты у алтаря Аеины

(см стр. 193). Проклятіе за это преступленіе считалось перешедшимъ на все потомство. Смысль такого требованія былъ совершенно ясенъ. Спартанцы знали, что довольно сильная партія враждовала съ Перикломъ изъ-за религіозныхъ побужденій, и они старались воспользоваться этими предразсудками для собственныхъ выгодъ. Но ударъ былъ отраженъ, и со стороны аеинянъ было представлено такое же требованіе. Спартанцы сами были запятнаны убійствомъ нѣсколькихъ гелотовъ въ храмѣ Посейдона. Пусть, — говорили аеиняне, — они первые изгоняютъ оскорбителей изъ своей страны, и тогда они будутъ имѣть нѣкоторое право предъявлять свои требованія Аеинамъ. Потомъ пошло требованіе за требованіемъ, каждое съ разсчитанной цѣлью выставить Спарту хранительницей вольностей Греціи, а Аеины своей вольной ихъ нарушительницей. Прежде всего, Спарта потребовала снятія осады съ Потидеи и возвращенія Эгинѣ ея прежней независимости, затѣмъ отмѣны постановленія, закрывавшаго мегарянамъ всѣ аеинскіе рынки и гавани. Наконецъ, когда на каждое изъ этихъ требованій былъ данъ надлежащій отвѣтъ, пришло торжественное посольство изъ Спарты: «Лакедемоняне желаютъ сохранить миръ, но миръ возможенъ только въ томъ случаѣ, если вы возвратите независимость эллинамъ». Это означало, что спартанцы согласны отказаться отъ войны, если Аеины добровольно уступятъ имъ все, что они могли надѣяться пріобрѣсти войной. Было созвано народное собраніе. Много голосовъ было за уступку; нѣкоторые, повидимому, желали мира какой бы то ни было цѣной. Но заговорилъ Периклъ и склонилъ собраніе въ пользу непреклонной политики. Онъ на-

пираль на слабые пункты Спарты и на силу Афинъ, на ихъ богатство, ихъ флотъ и на единство ихъ власти. Онъ намекнулъ на планъ кампаніи, который хотѣлъ предложить государству. На требованія Спарты онъ отвѣтилъ встрѣчными требованіями, одинаково справедливыми, равно какъ и одинаково невозможными. Онъ опять предложилъ третейскій судъ, который былъ установленъ тридцатилѣтнимъ договоромъ, и закончилъ словами: «Вотъ отвѣтъ справедливый и достойный нашего города. Но необходимо помнить, что война неизбежна. Чѣмъ спокойнѣе мы будемъ относиться къ ней, тѣмъ меньше будутъ придирааться къ намъ враги. Вспомнимъ также, что величайшія опасности доставляютъ величайшую славу и государству, и частному человѣку. Вѣдь предки наши выдержали нашествіе персовъ, не располагая такими средствами, даже покинувши свое достояніе, отразили варваровъ больше благодаря мудрости, чѣмъ удачѣ, больше отвагою, чѣмъ силою, и такъ высоко подняли наше могущество. Мы не должны отставать отъ нихъ, но всякими способами отражать врага и заботиться о томъ, чтобы это могущество передать потомкамъ неуменьшеннымъ» (I, 144). Афиняне приняли совѣтъ Перикла и дали спартанцамъ формальный отвѣтъ, отвергая ихъ требованія, но предлагая третейскій судъ. И, такимъ образомъ, хотя война не была прямо объявлена, но она стала неизбежной.

Объ стороны готовились выставить въ этой борьбѣ все свои силы. Сухопутныя силы Спарты были прямо непреодолимы. На ихъ призывъ явилось бы 60.000 тяжело вооруженныхъ воиновъ изъ Пелопоннеса и изъ средней Греціи; ихъ военный духъ и

дисциплина соответствовали ихъ многочисленности. Аттика была безпомощна въ случаѣ ихъ нападенія. Коринескій перешеекъ и проходы Гераніи были въ рукахъ союзниковъ Спарты. Аѣиняне не имѣли въ распоряженіи никакихъ средствъ помѣшать имъ войти въ Аттику и никакой возможности сопротивляться имъ, разъ они вошли въ нее. Слабымъ пунктомъ Спарты были, во-первыхъ, финансы, во-вторыхъ, флотъ. Ея союзники могли дать ей войновъ, но ничего больше. У нея не хватило бы военныхъ силъ, если бы война не пришла быстро къ концу. На морѣ она была еще слабѣе. Теперь, когда флотъ Керкиры соединился съ аѣинскимъ, они могли господствовать на морѣ, не встрѣчая сопротивленія. Но Спарта была сильна нравственной поддержкой Греціи. Всѣ аристократическія и олигархическія партіи вездѣ смотрѣли на нее, какъ на своего главнаго представителя. Всѣ государства считали аѣинскую имперію несправедливой и сами боялись подобной же участи. Было несомнѣнно, что многіе аѣинскіе союзники возстанутъ при первомъ случаѣ. Спартанцы намѣревались вторгнуться въ Аттику и разореніемъ страны принудить аѣинянь къ бою; въ случаѣ отказа аѣинянь сражаться,—постоянными вторженіями подорвать ихъ силу. На это и на возстаніе союзниковъ спартанцы полагались всего сильнѣе; однако, были и болѣе горячія головы, желавшія возможно скорѣе построить флотъ и напасть на аѣинянь въ ихъ собственной стихіи; Коринѣ, Мегары, Сикіонъ и другіе приморскіе союзники Спарты могли образовать отличное ядро для этого флота. Но ничто не могло отвлечь Спарту отъ ея болѣе осторожной политики.

Съ другой стороны, финансы и флотъ составляли главныя основы могущества Аѣинъ. Онѣ могли выслать въ море триста кораблей, а ихъ морская стратегія и тактика не уступали численности флота Аѣинскіе предводители относились съ большимъ пренебреженіемъ къ старымъ приѣмамъ боя, когда корабли нападали одинъ на другой, сталкивались, и вопросъ о побѣдѣ рѣшался схваткой, тяжело вооруженныхъ воиновъ на палубѣ, когда не дѣлали попытки прорвать непріятельскую линію, «а тактику замѣняла грубая сила и изступленіе». Для аѣинскаго предводителя корабль самъ по себѣ былъ наиболѣе важнымъ орудіемъ. Его главной цѣлью было прорвать линію непріятеля и потомъ таранить его отдѣльные корабли; такими маневрами не умѣли руководить другіе греческіе предводители, и никакая другая команда не была достаточно подготовлена для выполненія ихъ. Морское могущество Аѣинъ при Периклѣ было по меньшей мѣрѣ такъ же велико, какъ могущество Англій при Питтѣ. Ихъ казна тоже была полна. Въ ней лежалъ запасной фондъ въ шесть тысячъ талантовъ. Вѣроятно, ни въ одномъ греческомъ государствѣ доходы не доходили до $\frac{1}{3}$ этой суммы. Хотя сухопутныя силы Аѣинъ не могли выдержать борьбу со спартанскими, все же онѣ были не малы: въ распоряженіи аѣинянъ было 29.000 тяжело вооруженныхъ воиновъ, и хотя большое число ихъ требовалось для охраны аѣинскихъ укрѣпленій, но оставались значительныя силы, всегда готовыя къ походу. Эти силы Периклъ и принялъ во вниманіе при составленіи своего плана; главныя черты его заключались въ слѣдующемъ: онъ принималъ Аѣины за островъ, который долженъ пола-

гаться вполнѣ на свой флотъ, а войскомъ пользоваться только для случайныхъ высадокъ и походовъ. Аѣины были соединены съ Пиреемъ и съ моремъ длинными стѣнами. Поэтому, пока за ними оставался перевѣсъ на морѣ, онѣ не могли подвергаться осадѣ. Аттику, со всѣми ея хуторами, деревнями и сельскими удовольствіями, слѣдовало покинуть. Все населеніе ея должно было скучиться на пространствахъ между длинными стѣнами Аѣинъ. «Если бы мы были островитянами, — говоритъ Перикль, — кто былъ бы неодолимѣе насъ? И теперь намъ нужно какъ можно больше имѣть въ виду эту точку зрѣнія, покинуть земли и дома и оберегать городъ и море... сожалѣть о потерѣ не столько домовъ и земель, сколько людей: не богатства приобрѣтаютъ людей, а люди — богатства. Если бы я надѣялся убѣдить васъ, я предложилъ бы вамъ самимъ пойти и опустошить земли и тѣмъ показать пелопоннесцамъ, что изъ-за этого вы не покоритесь имъ» (I, 143). Строго придерживаясь оборонительнаго положенія дома, Аѣины должны были доказывать Спартѣ свою способность къ нападенію, производя высадки на берега Пелопоннеса, поскольку это было возможно для ихъ флота; чтобы окончить войну въ свою пользу, онѣ должны были, заботливо сберегая свои силы и, не увлекаясь далекими походами, рассчитывать на какой-нибудь ложный шагъ Спарты и на свою зоркую бдительность.

Такимъ образомъ, Перикль ожидалъ войны, по выраженію Грота, «со стойкой и величавой твердостью». Нельзя не восхищаться этимъ. Однако, слѣдя за тѣмъ, какъ столкнулись двѣ половины Греціи въ одной изъ наиболѣе самоубійственныхъ войнъ

всей исторіи, мы задаемся вопросами: «Неужели въ такомъ цивилизованномъ мірѣ, какъ греческій, не было возможности избѣгнуть войны? И могла ли воинственная политика Перикла привести дѣйствительно къ хорошимъ результатамъ?» Всѣ признаютъ величіе его характера, силу его ума; но въ данномъ случаѣ вель ли онъ Аѣины по прямому пути? Указать на то, что война окончилась поражениемъ Аѣинъ, не значитъ отвѣтить на эти вопросы, потому что это поражение относится къ времени, когда преемники Перикла совершенно отказались отъ его политики. Не вѣрно будетъ также называть планы Перикла честолюбивыми и стѣснительными для свободы Греціи. Наоборотъ, ясно, что если бы Аѣины оказались способны выполнить свою задачу, подчиненіе греческихъ общинъ власти Аѣинъ содѣйствовало бы успѣхамъ цивилизаціи. Главнымъ возраженіемъ противъ политики Перикла является несомнѣнно неспособность Аѣинъ къ разрѣшенію этой задачи. Онѣ владѣли уже однажды материковой державой и не сумѣли удержать ее; самое большее, чего онѣ могли ожидать отъ предстоящей войны, было расширеніе ихъ морской имперіи. Но никакое господство на морѣ не дало бы имъ власти надъ материкомъ Греціи. И если взглянуть глубже, мы, навѣрное, найдемъ, что Аѣины не обладали характеромъ, необходимымъ для выполненія этой задачи. У нихъ совѣтъ не было единства, прочности и политической талантливости, сдѣлавшей завоеванія Рима возможными и благотворными. Аѣинская демократія и аѣинское общество носили въ самихъ себѣ зародыши упадка и были совѣтъ неспособны руководить другими. Безъ сомнѣнія, успѣшная

война могла многое измѣнить въ Аѣинахъ: она могла ослабить демократію и усилить исполнительную власть, но она не могла сообщить имъ того искусства управлять, которое оправдываетъ собой самый фактъ управленія.

Первый годъ войны.

Въ то время какъ главные борцы смотрѣли другъ на друга съ обнаженными мечами, и каждый колебался напасть первымъ, борьбу начали ихъ мелкіе союзники. На сѣверѣ отъ горной цѣпи Киеерона, на территоріи Беотіи находился городокъ Платей, бывший въ союзѣ съ Аѣинами. Всея Беотіей, за исключеніемъ одного этого города, владѣли Фивы, уже много лѣтъ зарившіяся на него. Дружба Фивъ съ Аѣинами стала невозможной съ тѣхъ поръ, какъ Платей примкнули къ Аѣинамъ. И вотъ Фивы попытались завладѣть Платеями при помощи измѣны, нисколько не оправдывавшейся ни греческой моралью, ни тридцатилѣтнимъ перемиріемъ. Онѣ вступили въ сношенія съ олигархической партіей Платей. Отрядъ, отправленный изъ Фивъ, нашелъ городскія ворота измѣннически открытыми. Онъ прошелъ на площадь въ центръ города и предложилъ гражданамъ сдаться. Опасность явилась неожиданно, число нападающихъ было неизвѣстно, и сначала граждане, пораженные страхомъ, приняли предложенныя имъ условія. Но потомъ малочисленность нападавшаго отряда обнаружилась, и платейцы рѣшились сопротивляться. Они одолѣли еиванцевъ, закрыли передъ ними городскія ворота и большинство ихъ взяли въ плѣнъ. Если бы они оставили плѣнныхъ заложниками, это представляло бы вели-

чайшую важность, но сосѣдская ненависть оказалась сильнѣе личныхъ интересовъ, и, вопреки даннымъ обѣщаніямъ, они умертвили всѣхъ еиванцевъ. Тридцатилѣтній миръ былъ явно нарушенъ, и немедленно началась война (431 г.)

Архидамъ отправилъ послѣднее посольство въ Аѣины, но посла не впустили въ городъ. Пелопоннесскія войска собрались на Исѣмъ и приготовились вторгнуться въ Аттику; при приближеніи врага аѣиняне поступили по совѣту Перикла и, забравъ всѣ свои семейства, все движимое имущество и даже деревянныя части домовъ, перешли въ городъ. Это было для нихъ жестокой необходимостью. До сихъ поръ многіе аѣиняне жили въ деревняхъ; теперь всѣ деревенскія удовольствія пришлось промѣнять на такое помѣщеніе, какое имъ удалось найти въ стѣнахъ города. Они старались по возможности обратиться въ самыя храмы боговъ; они находили себѣ убѣжища въ стѣнныхъ башенкахъ или сами строили жалкія хижины въ пустомъ промежуткѣ между длинными стѣнами. Такое полное измѣненіе привычекъ народа было тяжелой платой даже за побѣду. Архидамъ медленно двигался по Флевсинской равнинѣ и затѣмъ вступилъ въ главную равнину Аттики. Нѣкоторое время онъ воздерживался отъ разоренія страны, надѣясь, что аѣиняне бросятся оборонять свои посѣвы. Чтобы удержать ихъ отъ этого, понадобилось все вліяніе Перикла. Онъ отказался созвать народное собраніе, чтобы ихъ раздраженіе противъ него не нашло тамъ себѣ выхода. Поэтому Архидамъ разорилъ страну почти до самыхъ городскихъ стѣнъ и затѣмъ удалился. Аѣиняне тѣмъ временемъ не бездѣйствовали. Они

отправили эскадру, которая объѣхала Пелопоннесъ, мѣстами производила высадки и причинила не мало вреда. Населеніе Эгины было безжалостно прогнано съ острова по подозрѣнію въ измѣнническихъ намѣреніяхъ. Область Мегаръ была совершенно опустошена. Съ варварами сѣвера были заключены союзы. Такъ кончился первый годъ войны. Онъ не доставилъ никакихъ опредѣленныхъ выгодъ, но раздражилъ страсти; самые горячіе умы Спарты должны были признать, что война окончится не скоро. А такъ какъ Аѣины изъ своей территоріи не потеряли ничего, а, по общему мнѣнію, должны были потерять многое, то перевѣсъ въ общемъ оставался на ихъ сторонѣ.

Чума и смерть Перикла.

Казалось, второй годъ будетъ точнымъ воспроизведеніемъ перваго: спартанцы будутъ разорять Аттику, аѣиняне—мстить за это. Въ началѣ лѣта 430 г. царь Архидамъ снова привелъ сильную пелопоннесскую армію въ Аттику и снова опустошилъ страну. Но затѣмъ онъ отступилъ изъ окрестностей Аѣинъ, такъ какъ пришла вѣсть, что въ городѣ чума. Для насъ, понимающихъ тѣсную зависимость между здоровьемъ и санитарными мѣрами, чума не покажется неожиданностью. Громадный наплывъ населенія въ Аѣины, гдѣ нельзя было найти для него достаточно приспособленій, создалъ ужасныя санитарныя условія; этимъ современные врачи объясняютъ, если не начало болѣзни, то, во всякомъ случаѣ, тотъ характеръ, какой она приняла въ Аѣинахъ. Она появилась раньше на Востокѣ, но нигдѣ не сопровождалась такими ужас-

ными послѣдствіями. Фукидидъ, самъ перенесшій болѣзнь, оставилъ намъ полное и трагическое описаніе ея; намъ остается только или изложить его разсказъ, или сдѣлать изъ него извлеченіе.

Сначала врачи примѣняли обычныя средства, но совершенно безуспѣшно; смертность среди людей ихъ профессіи достигла необыкновенной высоты, потому что имъ приходилось всего чаще приходиться въ соприкосновеніе съ болѣзнью. Отъ человѣческой помощи люди обратились къ божественной, но одинаково безуспѣшно. Оракулы не могли дать никакого полезнаго совѣта. Храмы были полны молящихся, но болѣзнь не прекращалась. Тогда подозрѣніе пало на пелопоннесцевъ,—говорили, что они отравили воду для питья въ водоемахъ. Припадокъ болѣзни наступалъ удивительно внезапно. Главными симптомами ея были воспаленіе глазъ, сопровождавшееся такимъ ужаснымъ внутреннимъ жаромъ, что одежда становилась невыносимой, и многіе бросались въ водоемы, чтобы утолить, если возможно, неутолимую жажду. Болѣзнь продолжалась семь или девять дней, а когда проходила, то оставляла послѣ себя ужасную слабость, такъ что многіе умирали отъ истощенія. Иногда она съ внутреннихъ частей тѣла переходила на конечности; иные люди теряли пальцы на рукахъ или ногахъ или глаза и, все-таки, оставались въ живыхъ. Чтò особенно сильно поражало Фукидида, когда онъ оглядывался на это ужасное время, такъ это страшное отчаяніе, овладѣвшее народомъ, ниспроверженіе всѣхъ законовъ, божескихъ и человѣческихъ, и вызванная этимъ нравственная анархія. «Умирающіе лежали одинъ на другомъ какъ трупы или валялись полумертвые по улицамъ

и около всѣхъ колодцевъ, мучимые жаждою. Храмы въ которыхъ поселились пришельцы, были полны, труповъ людей, умиравшихъ тамъ. Болѣзнь свирѣпствовала страшно, люди не знали, что съ ними будетъ, и потому переставали уважать законы и божескіе, и человѣческіе. Всѣ обряды, прежде соблюдавшіеся при погребеніяхъ, были попораны, и каждый совершалъ похороны какъ могъ... Одни клали своего покойника на чужой костеръ и поджигали его прежде, чѣмъ приходили сложившіе его; другіе бросали принесеннаго покойника на костеръ, сверху уже сожигаемаго на немъ трупа, и удалялись. И въ прочемъ чума послужила для города началомъ сильнѣйшей распущенности. Теперь легче отваживались на такія дѣйствія, которыя раньше скрывали, чтобы избѣжать упрековъ въ разнузданности... Никто не имѣлъ охоты переносить страданія ради того, что считалось нравственнымъ, такъ какъ не былъ увѣренъ, что не умретъ раньше достиженія цѣли. Что было теперь пріятно и усиливало удовольствіе, то и считалось прекраснымъ и полезнымъ. Людей не останавливалъ ни страхъ передъ богами, ни человѣческіе законы... гораздо болѣе тяжкимъ приговоромъ представлялся уже висѣвшій надъ головою, и потому казалось естественнымъ сорвать хоть что-нибудь съ жизни раньше его исполненія» (II, 52—53). Эта ужасающая катастрофа, въ соединеніи съ постояннымъ опустошеніемъ Аттики спартанцами, естественно привела аеинянъ въ сильное ожесточеніе. Они обратили свой гнѣвъ на Перикла, котораго считали виновникомъ войны. Многіе стояли за принятіе требованій лакедемонянъ. Перикль, бывшій въ этомъ году, по обыкновенію, однимъ изъ стратеговъ,

созвалъ собраніе и, со своей обычной стойкой твердостью, обратился къ народу съ рѣчью. Эта рѣчь передана Фукидидомъ и представляетъ одну изъ наиболѣе замѣчательныхъ рѣчей Перикла. Онъ говорилъ о величіи аѣинской имперіи, о непредвидѣнномъ характерѣ настоящаго бѣдствія, объ еще оставшихся надеждахъ на будущій успѣхъ. Напоминая о томъ, чѣмъ они были и что есть, онъ заклиналъ ихъ неустрашимо встрѣтить врага. «Посылаемые богами бѣды слѣдуетъ переносить съ покорностью, а причиняемые врагами—съ мужествомъ. Такъ было въ обычаѣ у нашего города прежде, и вы не должны измѣнять ему... Если бы даже мы когда-нибудь и потерпѣли нѣкоторую убыль,—всему въ природѣ свойственно расти и убывать,—то останется память о томъ, что мы, сами принадлежа къ эллинамъ, имѣли подъ своею властью наибольшее число ихъ, что въ страшнѣйшихъ войнахъ мы боролись съ врагами какъ вмѣстѣ, такъ и поодиначкѣ, и что мы были жителями величайшаго и богатѣйшаго во всѣхъ отношеніяхъ города» (II, 64).

На время онъ вернулъ себѣ довѣріе аѣинянъ. Они не сдѣлали никакихъ предложеній Спартѣ и упорно продолжали войну. Однако, власть Перикла, повидимому, уже никогда не достигала той высоты, на какой она стояла до начала войны. Вскорѣ послѣ этого, неизвѣстно по какому обвиненію, народъ наложилъ на Перикла денежный штрафъ и не выбралъ его въ стратеги; но затѣмъ онъ опять былъ избранъ, и въ его руки было отдано веденіе всѣхъ дѣлъ Аѣинъ. Въ эти послѣдніе мѣсяцы жизни Перикла война шла для аѣинянъ удачно. Осада Потидеи, наконецъ, окончилась въ 430 г. сдачею города.

Его возстаніе такъ сильно раздражило аеинянь, что, безъ сомнѣнія, они готовы были умертвить большое число жителей, но аеинскіе стратеги спѣшили покончить съ осадой и дозволили вѣсьмъ жителямъ выйти и разойтись по сосѣднимъ городамъ. Еще болѣе замѣчательную побѣду одержалъ при Навпактѣ, въ Коринескомъ заливѣ, аеинскій адмиралъ Форміонъ. Здѣсь невозможно приводить подробности этой борьбы, возникшей благодаря усиліямъ пелопоннесцевъ оторвать отъ аеинскаго союза Акарнанію. Все зависѣло отъ аеинскаго адмирала Форміона, оставленнаго, благодаря ошибокъ правительства, только съ двадцатью кораблями для охраны Коринескаго залива. Прежде всего ему пришлось встрѣтиться съ сорока семью коринескими кораблями, направлявшимися къ акарнанскому берегу и никакъ не ожидавшими, что аеиняне нападутъ на почти втрое сильнѣйшаго непріятеля. Но превосходство аеинской дисциплины и тактики восполнило численный перевѣсъ. Коринеяне были разбиты, и двѣнадцать изъ ихъ сорока семи кораблей захвачены. Это была замѣчательная побѣда, но за ней послѣдовало нѣчто еще болѣе удивительное. Коринеяне были подкрѣплены пелопоннесскимъ флотомъ, и тогда на спартанской сторонѣ оказалось всего семьдесятъ семь кораблей, тогда какъ Форміонъ оставался со своими двадцатью. Онъ просилъ подкрѣпленія, но не получилъ ничего: повидимому, аеинское правительство вело всю эту экспедицію крайне небрежно. Имѣя двадцать кораблей противъ семидесяти семи, Форміонъ тѣмъ не менѣе и не думалъ о бѣгствѣ. При сраженіи въ открытомъ морѣ онъ рассчитывалъ избѣжать пораженія, полагаясь

на силу своихъ гребцовъ и на свою искусную тактику. Но спартанскій адмираль Брасидъ ловко завлекъ его въ самую узкую часть пролива и тамъ напалъ на него. Изъ двадцати кораблей Форміона девять были загнаны на мель. Одиннадцать остальныхъ ожесточенно преслѣдовались двадцатью пелопоннескими кораблями, на которыхъ уже пѣли пѣсни въ предвкушеніи побѣды. Внезапно аеинскіе корабли повернули, напали на передовой пелопоннесскій корабль и этимъ неожиданнымъ ударомъ привели прочіе въ такой ужасъ, что тѣ обратились въ бѣгство. Остальная часть эскадры заразилась ихъ паникой, и скоро зрителямъ представилось поразительное зрѣлище одиннадцати аеинскихъ кораблей, преслѣдовавшихъ бѣжавшій передъ ними въ безпорядкѣ пелопоннесскій флотъ изъ семидесяти семи судовъ. Аеиняне вернули себѣ всѣ свои корабли и завладѣли шестью непріятельскими. Но нравственное значеніе побѣды было выше захвата любого числа кораблей. Ничто не могло показать яснѣ превосходства аеинянъ на морѣ.

Когда вѣсть объ этой блестящей побѣдѣ достигла Аеинъ, Перикль былъ при смерти. Конецъ его жизни, должно быть, былъ очень печаленъ. Домъ его былъ опустошенъ чумой. Она унесла двухъ его законныхъ сыновей, Парала и Ксантиппа, сестру и много другихъ родственниковъ. Ему было 64 года отроду. Неизвѣстно, была ли у него чума или нѣтъ, но, повидимому, со времени ея онъ никогда не чувствовалъ себя хорошо. Мы можемъ легко повѣрить, что понадобились убѣжденія друзей, чтобы склонить его опять взять на себя бразды правленія. Онъ воспользовался вновь приобрѣтеннымъ влі-

яніемъ для того, чтобы испросить у народа позволеніе узаконить сына, родившагося отъ Аспасіи, и просьба его была охотно исполнена. Но у него уже не было достаточно силъ и здоровья. У насъ есть два интересныхъ разсказа о послѣднихъ дняхъ его жизни. Когда друзья пришли навѣстить его, онъ показалъ имъ амулетъ, который повѣсилъ себѣ на шею. Мы можемъ себѣ представить его улыбку при мысли о томъ, что на старости лѣтъ его уговорили послѣдовать одному изъ тѣхъ суевѣрныхъ обычаевъ, которые онъ такъ презиралъ всю свою жизнь. Потомъ, разсказываетъ намъ Плутархъ, когда его друзья стали говорить у его постели объ одержанныхъ имъ побѣдахъ, о принадлежавшей ему власти, о благородствѣ его характера, онъ очнулся отъ сна, въ который они считали его впавшимъ, и сказалъ, что не это составляетъ главное право его на славу: всего болѣе гордится онъ мыслью, что ни одинъ аеинянинъ никогда не носилъ траура изъ-за него. Странная претензія въ устахъ непреклоннаго сторонника пелопоннеской войны; но ее легко допустить всякій, кто знаетъ его исторію, кто знаетъ, какъ въ своей политикѣ онъ съ отвращеніемъ относился ко всякой войнѣ, кромѣ необходимой, кто знаетъ его высоко-гуманный характеръ и полное отсутствіе мстительности.

Величайшій государственный человѣкъ Аеинъ умеръ на 65 году своей жизни. Слава его, какъ великаго политика, основывается скорѣе на томъ, къ чему онъ стремился, чѣмъ на томъ, что онъ совершилъ. Онъ велъ Аеины прямо къ пелопоннеской войнѣ, но онѣ вышли изъ нея разбитыми и разоренными. Онъ довершилъ развитіе аеинской демо-

кратіи, но едва онъ умеръ, какъ она начала отклоняться отъ тѣхъ великихъ цѣлей, которыя онъ приписывалъ ей въ своей «Надгробной рѣчи». Онъ не былъ ни великимъ организаторомъ подобно Цезарю, ни великимъ завоевателемъ подобно Александру. Основанныя имъ учрежденія не имѣли прочности римскаго сената или англійскаго парламента. Его идея демократіи, управляющей царствомъ, оказалась призракомъ, никогда еще не осуществлявшимся во всемирной исторіи. Онъ представляетъ собой не только зенитъ греческой исторіи, но и начало ея упадка. Тѣмъ не менѣе право его на почетное мѣсто среди государственныхъ людей всего міра всегда останется безспорнымъ. Онъ видѣлъ необходимость эллинскаго единства и пытался осуществить его. До насъ дошли неопредѣленные указанія на раннюю попытку его созвать депутатовъ со всей Греціи для разсмотрѣнія плана общей эллинской политики. Когда эти мечты разсѣялись, онъ постарался сдѣлать Аѣнны достойными главенства надъ Греціей и доставить имъ это положеніе дипломатіей и оружіемъ. Попытка не удалась, можетъ быть, и не могла удалась; но она доказала правильную оцѣнку нуждъ Греціи и была хорошо проведена Перикломъ. Если не удалось его политическіе и военные замыслы, то его заслуги передъ искусствомъ и наукою заслуживаютъ вѣчной благодарности. Другъ Фидія и Сократа, Дамона и Анаксагора заслуживаетъ, по крайней мѣрѣ, такой же памяти, какъ и мудрые покровители просвѣщенія вродѣ Мецената и Людовика XIV. Онъ показалъ міру, что городъ можетъ быть чѣмъ-то бѣдльшимъ, чѣмъ простымъ скопленіемъ домовъ. Въ его рукахъ Аѣнны сами стали образцомъ красоты,

какимъ много вѣковъ спустя была Флоренція. Пока греческая литература вызываетъ восхищеніе, пока колонны Пареемона стоятъ въ Акрополѣ, до тѣхъ поръ имя Перикла будетъ пользоваться почетомъ.

Личный характеръ великаго политика не представляетъ предмета особой исторической важности. Но интересно найти у Перикла тѣсное соотвѣтствіе человѣка съ его дѣятельностью. Въ немъ самомъ воплощался, во всякомъ случаѣ, тотъ характеръ, какой онъ приписывалъ аѣинской демократіи: онъ былъ мыслителемъ и практическимъ дѣятелемъ, любилъ искусство, но велъ строгую жизнь. Онъ руководилъ аѣинской демократіей, никогда не прибѣгая къ приемамъ демагога. Можно даже сомнѣваться, чтобы другой великій вождь народа такъ мало прибѣгалъ къ лести. Онъ далъ народу власть, но никогда не считалъ народъ непремѣнно правымъ. Его рѣчи не служили отзвукомъ желаній еkkлесіи, но указывали ей направленіе, часто шедшее въ разрѣзъ съ волей народа. Все, что касается непосредственно его частной жизни, производитъ на насъ одинаково благопріятное впечатлѣніе. Его постоянная любовь къ Аспасіи, его горькая скорбь по умершимъ сыновьямъ, привязанность къ нему замѣчательнаго кружка друзей,—все доказываетъ, что подъ его почти ледяной сдержанностью билось горячее и любящее сердце. И хотя ничто не даетъ права предполагать въ немъ оригинальнаго мыслителя, но его преданность высокимъ идеямъ помогала ему стоять выше мелкихъ увлеченій минуты и придавала ему то олимпійское спокойствіе, какое одинаково признавали за нимъ какъ друзья, такъ и враги.

Г Л А В А XI.

ПЕЛОПОННЕССКАЯ ВОЙНА.

Исторія пелопоннесской войны, строго говоря, не входитъ въ содержаніе настоящей книги. Но такъ какъ спокойное предвидѣніе этой войны было главной особенностью внѣшней политики Перикла, то наше сужденіе о немъ и его вѣкѣ не можетъ быть полнымъ безъ нѣкотораго знакомства съ главными результатами войны. Мы не будемъ пытаться подробно рассказывать ее. Для нашихъ цѣлей всего важнѣе будетъ, изучая ея ходъ, отыскать отвѣты на слѣдующіе вопросы: Какъ проявила себя аѣинская демократія въ это критическое время? Какъ повліяла война на общую политику Греціи? Какія перемѣны внесла она въ мысль и чувство грековъ? Насколько ходъ ея оправдалъ, насколько доказалъ негодность политики Перикла? Въ виду послѣдняго вопроса, не мѣшаетъ повторить, какія условія, по мнѣнію Перикла, нужно было соблюдать для обезпеченія успѣха. Онъ требовалъ, чтобы аѣиняне отказались отъ всякой мысли о побѣдѣ на сушѣ и воспользовались во всей полнотѣ тѣмъ почти островнымъ положеніемъ, какое придавали имъ длинныя стѣны; онъ требовалъ, чтобы они строго воздерживались отъ далекихъ походовъ и дальнѣйшаго расширенія владѣній и чтобы война со стороны Аѣинъ носила по преимуществу оборони-

тельный характеръ. Вдобавокъ къ этимъ прямо поставленнымъ условіямъ, въ умѣ Перикла должны были возникнуть и другія, если блескъ его власти не скрывалъ отъ него недостатковъ демократіи: онъ долженъ былъ понимать необходимость руководящаго вліянія отдѣльной личности для приданія устойчивости военной политикѣ государства.

Война естественно распадается на три періода.

Отъ смерти Перикла до Никіева мира.

До шестого года войны всѣ военныя дѣйствія строго слѣдуютъ направленію, принятому обѣими сторонами съ самаго начала. Каждый годъ, исключая 429, когда было опасно приближаться къ городу, пораженному чумой, спартанская армія вступала въ Аттику и опустошала страну. Во всѣ эти годы аеиняне ограничивались оборонительными мѣрами, предписанными Перикломъ, и если нападали, то только съ моря. Въ 428 г. произошло событіе первой важности, одно изъ тѣхъ, которыхъ давно опасались аеиняне и на которыя съ самаго начала рассчитывали спартанцы. Возмутился большой островъ Лесбосъ, не считая Хиоса, послѣдній независимый членъ делосскаго союза. Это было по преимуществу дѣломъ олигархической партіи; народная масса, по обыкновенію, осталась вѣрна аеинской демократіи. Опасность была очень велика. Если бы Спарта немедленно поддержала возмущеніе, оно, вѣроятно, имѣло бы успѣхъ и дало бы врагу не только очень важное само по себѣ владѣніе, но и прекрасную основу для поддержки дальнѣйшихъ возстаній. Но помощь спартанцевъ прибыла слишкомъ поздно. Митилена, а съ нею и

весь островъ, уже были подчинены. Здѣсь мы встрѣчаемся съ первымъ поразительнымъ примѣромъ тѣхъ жестокостей, которыя во все время войны позорятъ и унижаютъ характеръ грековъ. Тысяча митиленскихъ плѣнниковъ и ихъ спартанскій вождь были отправлены въ Аѣины, и народное собраніе постановило предать смерти не только всѣхъ ихъ, но всѣхъ взрослыхъ гражданъ Митилены, число которыхъ доходило, вѣроятно, до нѣсколькихъ тысячъ. Тотчасъ былъ посланъ корабль съ приказаніемъ исполнить этотъ жестокой приговоръ, нашедшій себѣ поддержку въ лицѣ Клеона и крайней демократической партіи. На другой день народъ понялъ смыслъ своего рѣшенія, и было созвано новое собраніе. Первый приговоръ былъ отмѣненъ; митиленцы были спасены посылкою быстроходной тріеры, но надъ тысячею плѣнниковъ, уже привезенныхъ въ Аѣины, смертный приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе. Въ томъ же году была приведена къ концу осада Платей. Большею части гарнизона удалось бѣжать, а оставшіеся, послѣ мнимаго суда, были перебиты спартанцами.

Въ 425 году произошли болѣе поразительныя событія. Аѣинскій стратегъ Демосеень, человекъ очень предпріимчивый и смѣлый, укрѣпился на западномъ берегу Мессеніи, въ гавани Пилоса. Для Спарты присутствіе тамъ аѣинскихъ войскъ представляло большую опасность, такъ какъ грозило постояннымъ опустошеніемъ спартанской территоріи и постоянно побуждало туземныхъ гелотовъ къ возмущенію, чѣмъ тѣ и воспользовались въ большомъ числѣ. Напрасно спартанцы приняли рѣшительныя мѣры для изгнанія аѣинянъ. При этомъ значитель-

ное число спартанскихъ гоплитовъ оказалось запертымъ на островѣ Сфактеріи, лежавшемъ у самаго берега; тамъ аѣиняне ихъ окружили и осадили. Они защищались такъ отчаянно, что аѣиняне почти были готовы отказаться отъ попытки взять ихъ. Но Клеонъ, вмѣстѣ съ крайней демократической партией, требовалъ болѣе энергичныхъ мѣръ. Ему поручили начальство надъ новымъ отрядомъ. Островъ былъ взятъ, и въ Аѣины привезли 292 плѣнныхъ спартанскихъ гоплитовъ. Отчаяніе Спарты было такъ велико, что, безъ сомнѣнія, Аѣины могли бы, если бы захотѣли, заключить миръ, миръ почетный и очень выгодный. Но успѣхъ при Пилосѣ воспламенилъ воображеніе аѣинянъ; все казалось имъ возможнымъ.

На слѣдующій 424 годъ — восьмой годъ войны — дѣла приняли другой оборотъ. Счастье стало измѣнять Аѣинамъ. Во-первыхъ, онѣ предприняли крупныя операціи на сушѣ. Почти такимъ же непримиримымъ врагомъ Аѣинъ, какъ и Спарта, были Фивы. И вотъ въ Беотію вступили съ сѣвера и съ юга два войска, предполагавшія соединиться и дать врагу сраженіе. Но произвести соединеніе имъ не удалось, и отрядъ, вошедшій съ сѣвера подъ начальствомъ Гиппократа, былъ атакованъ и разбитъ на голову при Деліи. Дальше къ сѣверу Аѣины потерпѣли другую, еще болѣе сильную неудачу. Въ Спартѣ явился, наконецъ, талантливый человекъ. Спартанская дисциплина и политика поддерживали на высокомъ уровнѣ мужество и гражданское чувство среди спартанцевъ, но общій характеръ государства представлялъ сильнѣйшія препятствія для развитія особыхъ та-

лантовъ; притомъ люди, особенно одаренные, не могли проявить своихъ способностей вблизи города, подъ бдительнымъ надзоромъ эфоровъ. Брасидъ, выступившій теперь на сцену, чтобы въ короткое время сыграть самую блестящую роль, обладалъ всѣми главными особенностями спартанца: твердостью, мужествомъ и преданностью государству. Но ему было чуждо спартанское преклоненіе передъ рутинной, ихъ презрѣніе къ силѣ слова и разума, а вмѣсто этого онъ отличался смѣлой предприимчивостью и особеннымъ даромъ убѣжденія. Онъ рѣшилъ вывести Спарту изъ того стѣсненія, похожаго на блокаду, въ какое ее поставило занятіе Пилоса и преобладаніе аеинскаго флота. Этого онъ надѣялся достигнуть, нанеся ударъ какой-нибудь отдаленной и слабой части аеинской имперіи. Спарта вяло и неохотно приняла его планъ. Тогда онъ повелъ черезъ Тессалію на берега Фракіи войско, почти цѣликомъ состоявшее изъ гелотовъ. Тамъ находились богатые аеинскія владѣнія; рудники и торговля страны дѣлали ее особенно цѣнной для Аеинъ. Сначала Брасидъ побуждалъ къ возмущенію Аканеъ, а потомъ и много другихъ городовъ. Наконецъ, онъ овладѣлъ Амфиполемъ на Стримонѣ, ради котораго аеиняне принесли много жертвъ, — главнымъ центромъ торговли этой области.

Эти неудачи заставили аеинянъ отнестись благосклоннѣе къ мыслѣ о мирѣ. Было заключено перемиріе на годъ подъ условіемъ сохраненія владѣній. Но партія войны, крайніе демократы съ Клеономъ во главѣ, еще стояли за войну, а во Фракіи Брасидъ продолжалъ враждебныя дѣйствія. Въ 422 г.,

на десятомъ году войны, туда отправили Клеона освѣжить его успѣхъ при Пилосѣ. При Амфиполѣ онъ былъ убитъ, а аѣинское войско позорно разбито. Со стороны аѣинянъ пало шестьсотъ человекъ, но между ними былъ Клеонъ; спартанцы потеряли только семь человекъ, но въ числѣ ихъ былъ Брасидъ. Такимъ образомъ, главные противники мира съ обѣихъ сторонъ были устранены. Смерть Брасида была большимъ ударомъ для Спарты, а вѣроятно, и для всей Греціи. Если бы Спарта одержала побѣду подъ руководствомъ Брасида, то, пожалуй, на мѣстѣ грубаго терроризма, распространеннаго ею затѣмъ на всю Грецію, явилась бы какая-нибудь цѣлесообразная и справедливая организація. Немедленно былъ заключенъ такъ-называемый Никіевъ миръ (421 г.). Согласно любопытному греческому обычаю, признававшему войну нормальнымъ отношеніемъ между государствами, миръ былъ ограниченъ пятьюдесятью годами. Обѣ стороны должны были вернуть то, что онѣ приобрѣли во время войны. Одиннадцать лѣтъ войны не разрѣшили спора, но вѣра Перикла въ то, что Аѣины побѣдоносно выйдутъ изъ нея, оправдалась.

Въ продолженіе этого періода рѣзко чувствовалось отсутствіе Перикла. Аѣины уже не были «по имени демократіей, а на дѣлѣ — управленіемъ перваго гражданина». Теперь царилъ экклесія, и потому аѣинской политикѣ не хватало единства. Если бы размѣры книги позволяли намъ прослѣдить подробно ходъ войны, мы нашли бы множество примѣровъ крайне нелѣпыхъ промаховъ въ распоряженіи флотомъ и арміей, вызванныхъ приказами народнаго собранія; мы нашли бы въ веденіи всей войны

отсутствіе опредѣленнаго плана. Явились двѣ партіи: крайнихъ и умѣренныхъ демократовъ; подвергать сомнѣнію или противиться демократіи теперь уже не осмѣливалась ни одна партія. Безъ сомнѣнія, въ Аѣинахъ все еще оставались олигархи, но они скрывались въ клубахъ и тайныхъ обществахъ, которыя вскорѣ стали оказывать сильное и роковое вліяніе на Аѣины. Во главѣ болѣе умѣренной партіи стоялъ Никій, человѣкъ богатый и, по общему признанію, прямодушный, но мало энергичный и безъ искры таланта, — человѣкъ, совершенно неспособный руководить Аѣинами въ начавшейся ужасной борьбѣ. Его сторонниками были богатые классы и люди консервативныхъ или робкихъ мнѣній. Противная партія признавала своимъ ораторомъ, скорѣе чѣмъ вождемъ, Клеона. Онъ былъ человѣкъ низкаго происхожденія, кожевникъ по ремеслу. Онъ не былъ полнымъ представителемъ аѣинской культуры подобно Периклу или Никію. Фукидидъ, самый правдивый изъ историковъ, и Аристоеанъ, самый ѣдкій изъ сатирическихъ писателей, осыпали его безпощадной бранью. Несомнѣнно, что многое въ ихъ порицаніяхъ является только выраженіемъ партійной ненависти. Точно также несомнѣнно, что онъ обладалъ большимъ даромъ краснорѣчія, хотя его горячая жестикуляція оскорбляла аѣинянъ, еще помнившихъ спокойствіе Перикла. Несомнѣнно также, что, какъ политикъ, онъ обладалъ проницательностью и умѣлъ дѣйствовать энергично. Совѣтъ, данный имъ по поводу пилосекаго дѣла, былъ осмѣянъ въ то время, но имѣлъ блестящій успѣхъ. Со всѣмъ этимъ можно согласиться; но вѣрно и то, что Клеонъ былъ злымъ гениемъ для

аѣинскаго государства и отмѣтилъ собой начало сильнаго политическаго упадка. Онъ раболѣпствовалъ передъ народомъ, льстилъ его страстямъ, какъ хорошимъ, такъ и дурнымъ; политику онъ замѣнилъ демагогіей. Государство уклонилось съ пути, указаннаго ему Перикломъ; духъ честности исчезъ. Съ этихъ поръ главной мудростью для большинства выдающихся политиковъ Аѣинъ стало, по выраженію Платона, наблюденіе за настроеніемъ духа великаго звѣря. Народъ въ эkkлeсiи не признавалъ другого авторитета, кромѣ самого себя, и отнынѣ веденіе великой войны было поручено его неизбѣжно непостоянному и ненадежному руководству.

Такова была переменѣна, происходившая въ Аѣинахъ. Въ то же самое время не только въ Аѣинахъ, но и вездѣ, появилось другое, еще болѣе тяжкое зло. Патріотическое чувство подрывалось партійнымъ духомъ. Два великія государства, боровшіяся теперь на смерть, были представителями олигархіи и демократіи. Этотъ фактъ, вмѣстѣ со страшнымъ гнетомъ войны, вызвалъ во всѣхъ государствахъ появленіе олигархическихъ и демократическихъ партій или обострилъ ихъ настроеніе и дѣятельность тамъ, гдѣ онѣ уже существовали. Въ продолженіе войны почти въ каждомъ греческомъ государствѣ мы наблюдаемъ самую ужасную картину ожесточенныхъ междоусобій, явныхъ или тайныхъ. Противную партію ненавидѣли сильнѣе, чѣмъ общаго врага. А такъ какъ греческая нравственность была моралью государственной, и половина всего хорошаго, что было у грековъ, вытекало изъ ихъ преданности государству, то это обусловливало страшный упадокъ нравственности.

Эта особенность войны поразила Фукидида, повидимому, всего сильнее. Въ 82 главѣ III книги онъ говорить: «Всюду происходили раздоры между партіями народа и знати: одна призывала аеинянъ, другая — лакедемонянъ. Въ мирное время онѣ не имѣли бы къ этому ни повода, ни охоты; напротивъ, въ военное призывы иноземныхъ союзниковъ облегчались для всякаго». Съ особенной горечью говорить онъ о нравственномъ упадкѣ, сопровождавшемъ такое озлобленіе партій. «Извращено было по произволу общепринятое значеніе словъ въ примѣненіи къ поступкамъ: безразсудная отвага стала называться мужествомъ, на которое могутъ полагаться друзья, разумная медлительность — благовидною трусостью, осторожность — прикрытіемъ трусости, вниканіе во всякое дѣло — бездѣятельностью; напротивъ, бѣшеный пылъ приравнивался къ мужественной доблести, а осмотрительное обсужденіе вопроса считалось благовиднымъ предлогомъ къ уклончивости... Узы крови ставились ниже партійныхъ связей. Взаимное довѣріе скрѣплялось не столько уваженіемъ къ божескому закону, сколько соучастіемъ въ противозаконіи. Отомщеніе за обиду ставилось выше защиты отъ нея... Причина всѣхъ этихъ золъ жажда власти изъ-за корыстолюбія и честолюбія; это и вызывало, разъ люди начинали враждовать, страстное увлеченіе. Вожди обѣихъ партій въ городахъ выступали подъ благовидными предлогами, отдавая предпочтеніе то политическому равенству народной массы, то разумной аристократіи; на словахъ они боролись ради общественныхъ интересовъ, а на дѣлѣ всѣми способами стремились къ преобладанію... Такимъ образомъ, вслѣдствіе

междоусобицъ среди эллиновъ водворились всякаго рода пороки, и то простодушіе, которое всего болѣе присуще благородству, было осмѣяно и исчезло; напротивъ, сильно возобладали непріязнь и недо-вѣріе другъ къ другу, такъ какъ для примиренія не было ни достаточно надежныхъ словъ, ни доста-точно грозной клятвы. Никто не полагался на твердость слова другого, и каждый больше забо-тился о своей безопасности» (III, 83). Таково было положеніе Греціи, когда Никіевъ миръ далъ ей время для передышки передъ началомъ еще болѣе ожесточенной борьбы.

Сицилійскій походъ.

Вспоминая тѣ пылкія надежды на немедленную побѣду, съ какими спартанцы начинали пелопон-несскую войну, мы видимъ, что Никіевъ миръ на дѣлѣ доказывалъ побѣду Аѣиновъ. Ясно также, что, если бы положеніе Греціи и честолюбіе соперничав-шихъ державъ не допустили постоянного мира, то Аѣины могли хладнокровно смотрѣть на возобно-вленіе войны, увѣренные въ томъ, что, слѣдуя болѣе или менѣе совѣтамъ Перикла, онѣ, въ концѣ-кон-цовъ, одержать побѣду. Но стеченіе обстоятельствъ увлекло ихъ въ сторону безумныхъ завоеватель-ныхъ плановъ, которые, въ результатѣ, привели къ разрушенію государства и, насколько мы можемъ судить, ни въ какомъ случаѣ не могли принести прочнаго блага.

Главною изъ причинъ, приведшихъ къ паденію Аѣиновъ, было пріобрѣтеніе вліянія и власти Алки-віадовъ. Очень интересно остановиться подольше надъ разборомъ этого въ высшей степени замѣча-

тельного характера. Природа одарила его на гибель государству и ему самому всевозможными талантами и привлекательностью. Менѣе подозрительный народъ могъ бы сдѣлать его орудіемъ величайшихъ побѣдъ; менѣе вѣроломная натура, чѣмъ его, могла бы дать много хорошаго даже для Аѣинъ. Но Алкивіадъ былъ несчастіемъ для Аѣинъ, а Аѣины — для него. Отецъ его умеръ, когда ему было около пяти лѣтъ. Однако, онъ попалъ подъ прекраснѣйшее вліяніе: его опекуномъ былъ Периклъ, а его первымъ учителемъ Сократъ. Мы не знаемъ, какъ повліялъ на него Периклъ, но господствующее положеніе его въ государствѣ должно было сильно возбуждать честолюбіе его питомца. Сократъ подѣйствовалъ обаятельно на его умъ и пробудилъ все, что въ немъ было хорошаго; онъ былъ близокъ къ избавленію своего ученика отъ эгоизма, роковаго и для него самого, и для государства. Новизна и успѣшность приемовъ Сократа должны были сильно привлекать такой тонкій умъ; а эгоизмъ Алкивіада еще не достигъ такой степени, чтобы помѣшать воздѣйствію на него нравственной строгости Сократа. За господство надъ нимъ боролись политика и нравственная философія. Вліяніе Сократа было близко къ тому, чтобы произвести въ немъ религіозный переворотъ; идея нравственнаго блага, проповѣдуемая имъ, заставляла «сердце Алкивіада биться сильнѣе сердець тѣхъ, кто празднуетъ мистеріи корибантовъ». Но подъ конецъ притягательная сила политики оказалась слишкомъ сильной. «Слава, которой вѣнчается народъ», увлекла Алкивіада. Наклонности и необходимость одинаково влекли его въ сторону крайней демократической

партіи, такъ какъ Никій все еще оставался признаннымъ главой консерваторовъ. Прекрасными способностями, доходившими почти до гениальности, и полнымъ отсутствіемъ нравственнаго благородства, напоминающимъ вѣкъ Маккіавелли, онъ обратилъ на себя глаза всѣхъ и сталъ управлять государствомъ, имѣя въ виду единственно свое личное возвышеніе. Онъ сталъ безспорно первымъ человѣкомъ въ Аѣнахъ. Его вліяніе на государство было почти такъ же велико, какъ и вліяніе Перикла.

Аѣины не представляли достаточнаго простора для его честолюбія. Чтобы вліять на народъ, онъ долженъ былъ льстить ему, а лестью народу нельзя пріобрѣсти прочной власти. Поэтому онъ и сталъ искать себѣ опоры въ чужихъ странахъ.

Вопреки миру Аѣинъ со Спартой, во всей Греціи царили раздоры. Многія изъ пелопоннесскихъ государствъ были крайне недовольны послѣдними дѣйствіями Спарты, и съ 421 по 418 годъ Алкивіадъ былъ занятъ организаціей союза противъ Спарты въ самомъ Пелопоннесѣ. Его успѣхъ вначалѣ былъ очень великъ, но въ 418 г. въ битвѣ при Мантинѣ спартанцы одержали побѣду надъ противниками и восстановили свое главенство въ Пелопоннесѣ. 416 годъ ознаменовался однимъ изъ самыхъ ужасныхъ событій войны, показавшимъ, что для достиженія военныхъ цѣлей даже тогда, когда номинально существовалъ миръ, примѣнялись мѣры, отличавшіяся крайней жестокостью и вопіющей несправедливостью. Къ группѣ Кикладовъ принадлежалъ и островъ Мелось, не входившій, впрочемъ, въ составъ аѣинскихъ владѣній. Въ 416 г. онъ получилъ приглашеніе присоединиться къ союзу. Между меліянами и аѣинянами начались пере-

говоры. Фукидидъ передаетъ ихъ намъ скорѣе въ драматическомъ, чѣмъ въ строго точномъ изложеніи. Но нѣтъ сомнѣнія, что оно точно отражаетъ полную нравственную анархію, овладѣвшую Греціей. «Мы не будемъ, — говорятъ аѣиняне, — распространяться о томъ, что мы имѣемъ право на власть... Право имѣеть рѣшающее значеніе только при равенствѣ силъ съ обѣихъ сторонъ; въ противномъ случаѣ сильнѣйшій дѣлаетъ то, что можетъ, а слабѣйшій этому покоряется... Относительно боговъ мы догадываемся, относительно людей знаемъ навѣрное, что вездѣ, гдѣ люди имѣютъ силу, они властвуютъ по непререкаемому велѣнію своей природы» (V, 89, 105). Здѣсь признается только право сильнаго. Меліане мужественно сопротивлялись, но, наконецъ, уступили блокадѣ. «Аѣиняне, — говоритъ Фукидидъ, — умертвили всѣхъ взрослыхъ, а дѣтей и женщинъ обратили въ рабство» (V, 116).

Въ томъ же году прибыли послы изъ Эгесты, въ Сициліи, прося помощи противъ сосѣдняго имъ Селинунта. Мы можемъ не останавливаться на рѣшеніи вопроса о первоначальной причинѣ этого обращенія, потому что, какъ это характерно для того времени, вопросъ этотъ скоро потерялся изъ виду. Аѣиняне стали спорить уже не о томъ, будутъ ли они помогать Эгестѣ противъ враждебнаго сосѣда, а о томъ, слѣдуетъ ли имъ напасть на Сицилію въ видахъ собственной выгоды. Уже при началѣ войны глаза всѣхъ были направлены на Западъ. Сицилія, Италия, Карфагенъ считались доступными для эллинскаго завоеванія. Въ это время Аѣины были исполнены вѣры въ себя, но имъ было тяжело сознавать, что онѣ не въ силахъ помѣриться со спартапцами

въ открытомъ полѣ. Теперь Эгеста давала обманчивое обѣщаніе заплатить за всю кампанію. Воображеніе аеинянъ разыгралось. Напрасно Никій настаивалъ на громадныхъ затрудненіяхъ, на полной невозможности присоединить такой большой островъ, какъ Сицилія, къ аеинской имперіи. Для Алкивіада съ этимъ походомъ соединялась возможность почти безконтрольной власти и открывалось необозримое поприще. Аеины послѣдовали его совѣту и высказались за войну.

Это было первое рѣшительное уклоненіе съ пути политики Перикла, и оно неизбѣжно оказалось гибельнымъ. Аеины со всѣми ихъ силами едва могли просто держаться противъ Спарты. Что могли сдѣлать онѣ, лишившись всѣхъ своихъ лучшихъ войскъ? «Во время войны вы не должны думать о расширеніи владѣній или рисковать понапрасну. Меня больше страшатъ ваши ошибки, чѣмъ планы враговъ». Такъ говорилъ Периклъ до начала войны, и теперь слова его вполнѣ оправдались.

Съ самаго начала все говорило противъ прочнаго успѣха похода. Но его неудача была ускорена событіемъ, до сихъ поръ остающимся одною изъ неразрѣшимыхъ загадокъ исторіи. Въ Аеинахъ было много тайныхъ политическихъ обществъ, состоявшихъ по большей части изъ «бѣшенныхъ» олигарховъ, которые отъ явнаго противодѣйствія демократіи перешли къ тайной оппозиціи. Ихъ-то вліянію, вѣроятно, и нужно приписать послѣдующее, хотя подробности его остаются столь же неясными для насъ, какъ и для современниковъ. Незадолго до отплытія флота оказалось, что большинство статуй Гермеса, стоявшихъ у дверей, были изуродованы или сбро-

шены. Суевѣрные страхи были очень сильны въ Аѣинахъ. Такое оскорбленіе боговъ было сочтено грознымъ предзнаменованіемъ наканунѣ сицилійскаго похода. Еще до отплытія флота молва связывала съ преступленіемъ имя Алкивіада. Но въ это время не было принято никакихъ рѣшительныхъ мѣръ; когда же флотъ отплылъ, увозя съ собой большое число аѣинскихъ гражданъ, тогда приступили къ болѣе внимательному разслѣдованію дѣла. Олигархическіе клубы рѣшили воспользоваться благопріятнымъ для нихъ отсутствіемъ болѣе вліятельной части населенія и воиновъ, преданныхъ Алкивіаду. Въ частности противъ него было выдвинуто обвиненіе въ нечестивомъ осмѣяніи мистерій. Было рѣшено вернуть его въ Аѣины для суда; за нимъ отправили тріеру. Онъ отказался присутствовать при комедіи суда въ городѣ, очевидно, враждебно настроенномъ противъ него, гдѣ ему нельзя было рассчитывать на поддержку своихъ сторонниковъ. Онъ далъ обѣщаніе слѣдовать за тріерой, прибывшей за нимъ, но воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы бѣжать. Его страстная и эгоистичная натура понимала, какимъ путемъ онъ можетъ опять приобрѣсти значеніе и отомстить. Онъ отправился въ Спарту и отдалъ въ ея распоряженіе и свои таланты, и свое знаніе аѣинскихъ дѣлъ (415 г.).

Со страшной точностью онъ указалъ всѣ слабыя стороны аѣинской обороны. Нужно было немедленно возобновить открытую войну, построить въ Атикѣ укрѣпленіе, гдѣ спартанскій гарнизонъ могъ бы оставаться цѣлый годъ, чтобы не давать аѣинянамъ пользоваться ни единой минутой полной

безопасности и подстрекать афинских рабовъ къ бѣгству; наконецъ, и это самое главное, нужно было отправить на Сицилію небольшое войско со спартанскимъ вождемъ во главѣ, чтобы враги Аѣны могли знать о готовности Спарты оказывать имъ дѣятельную поддержку. Совѣтъ Алкивіада былъ принятъ. Для укрѣпленія была выбрана Декелея въ Атикѣ, крѣпкая позиція около главной дороги изъ Аѣны па Эвбею, и вскорѣ для постояннаго ея занятія туда былъ отправленъ спартанскій отрядъ. На Сицилію былъ посланъ съ очень небольшимъ отрядомъ Гилиппъ, спартанскій воинъ, нѣсколько напоминавшій Брасида.

До его прибытія аѣняне, несмотря на вялыя дѣйствія Никія, быстрыми шагами шли къ успѣху. На Сиракузы было произведено энергичное нападеніе. На сушѣ и на морѣ аѣняне выказали себя болѣе чѣмъ равносильными противникамъ. Городъ былъ тѣсно осажденъ со стороны моря, и Никій началъ постройку обводныхъ стѣнъ на высотахъ Эпипола, сзади города. Въ Сиракузахъ распространилось уныніе. Въ это время, несмотря на усилія Никія перехватить его, вошелъ въ городъ Гилиппъ. Съ его прибытіемъ все сразу измѣнилось, вернулись надежды. Сиракузяне подъ начальствомъ Гилиппа взяли одинъ изъ аѣнскихъ фортовъ и вполне разстроили обложеніе съ суши. Уныніе перешло въ противный лагерь. Никій, никогда не питавшій большихъ надеждъ, впалъ въ полное отчаяніе. Онъ былъ боленъ и не рѣшался взять на свою отвѣтственность ни отступленія, ни выжиданія. Онъ написалъ въ Аѣны отчаянное посланіе, умоляя о помощи и заявляя, что безъ значи-

тельнаго подкрѣпленія ничего нельзя сдѣлать. Какъ ни сильно были разочарованы аеиняне неудачею ихъ перваго похода, они еще не отказались отъ всѣхъ надеждъ и отправили Демосеена, испытаннаго и рѣшительнаго вождя, съ 73 новыми тріерами и съ полнымъ составомъ войска (413 г.).

Подкрѣпленіе только увеличило число жертвъ. Правда, Демосеенъ придалъ дѣйствіямъ больше энергии. Онъ задумалъ произвести ночью энергичное нападеніе на укрѣпленія сиракузянъ. Успѣшный вначалѣ, штурмъ былъ подъ конецъ отбитъ, и Демосеенъ, принявъ во вниманіе силы города и ослабленіе аеинскихъ войскъ, имѣлъ мужество предложить отступленіе. Но Никій, опасаясь порицанія демократіи, хотя и не имѣя никакихъ надеждъ, предпочелъ остаться. Между тѣмъ опасность росла съ каждымъ днемъ, и, наконецъ, онъ далъ свое согласіе на отступленіе. Все было приготовлено. Уже матросы готовились отчалить, какъ вдругъ наступило лунное затменіе. Никій всегда отличался крайнимъ суевѣріемъ. Предвѣщатели объявили, что боги явно противятся отплытію и что его нужно отложить до ближайшаго полнолунія. Но въ этомъ переутомленномъ человѣкѣ религіозныя убѣжденія были такъ же непочны, какъ и военныя рѣшенія. Въ страхъ передъ перспективой угрожающаго бѣдствія, онъ снова отдалъ приказъ отступать, но было слишкомъ поздно. Такъ какъ отступленіе само по себѣ являлось признаніемъ пораженія, то сиракузяне рѣшились напасть. Аеинскіе корабли, поврежденные, съ усталымъ экипажемъ, принужденные сражаться въ гавани, гдѣ не было достаточно мѣста для маневровъ, были разбиты, и

сиракузяне поспѣшили тотчасъ загородить входъ въ гавань.

Положеніе было теперь совсѣмъ отчаянное. Какой бы то ни было цѣной необходимо было завладѣть выходомъ изъ гавани. Еще разъ снарядили аеиняне корабли и направили ихъ на непріятельскую линію. Послѣдовала отчаянная битва, между тѣмъ какъ на берегахъ толпились тысячи зрителей. Но аеинскіе моряки, даже если бы у нихъ были хорошіе корабли, никакъ не могли выказать своего обычнаго искусства на такомъ узкомъ пространствѣ. Непрѣтельскіе корабли были приспособлены особенно хорошо для сраженія. Наконецъ, разбитые аеиняне отступили, и никакія усилія предводителей не могли заставить моряковъ возобновить битву. Теперь не оставалось ничего, кромѣ отступленія сухимъ путемъ въ сосѣдній дружественный городъ Камарину. Если бы попытку сдѣлали тотчасъ, она, вѣроятно, удалась бы; но Никій отсрочилъ ее на сутки, и когда войско двинулось, всѣ дороги оказались занятыми сиракузскими войсками. Послѣдовавшее представляетъ самое трагическое событіе въ греческой исторіи. Войско вышло изъ лагеря двумя отрядами, подъ начальствомъ Никія и Демосеена. Неудача постигла ихъ съ самаго начала. Они принуждены были свернуть въ сторону съ намѣченнаго пути, такъ какъ онъ былъ загороденъ сиракузскими войсками. Съ этой поры они брели почти наудачу туда, гдѣ ожидали встрѣтить меньше сопротивленія или больше провіанта; все время имъ не давала покоя конница; многіе были отрѣзаны; голодъ и жажда доводили ихъ до безумія. На шестой день этого несчастнаго отступленія отрядъ Демосеена

былъ окруженъ и засыпанъ метательными снарядами; оставшіеся въ живыхъ, въ числѣ шести тысячъ, сдались подъ условіемъ сохраненія имъ жизни. Два дня спустя войска Никія, мучимыя жаждой, бросились въ рѣку Асинаръ и подъ непрерывнымъ градомъ метательныхъ снарядовъ утолили свою жажду въ водѣ, мутной и окрашенной кровью. Наконецъ, когда берега и рѣка покрылись горами тѣлъ, Никій и немногіе уцѣлѣвшіе сдались безусловно. Оба аеинскихъ вождя были казнены. Плѣнниковъ заперли въ каменоломни, гдѣ они страдали и отъ суровой погоды, и отъ издѣвательствъ сиракузской черни. Отъ недостатка пищи и антисанитарныхъ условій ряды ихъ скоро порѣдѣли. Черезъ десять недѣль аеинскіе союзники были проданы въ рабство; но сами аеиняне должны были искупить свое величіе и свою заносчивость пожизненнымъ заключеніемъ. Возвышенныя надежды Перикловыхъ Аеинъ погибли въ кровавыхъ водахъ Асинара и въ каменоломняхъ Сиракузъ (413 г.).

Окончаніе войны.

Конецъ сцилійскаго похода не становится менѣе трагичнымъ отъ того, что мы считаемъ его заслуженнымъ. Честолюбіе, вызвавшее походъ, нельзя назвать благороднымъ; рѣшеніе снарядить его, въ виду положенія центральной Греціи, было несомнѣнно неблагоприятно; отозваніе Алкивіада было дѣломъ или измѣны, или безумія. Но послѣдующія событія заставляютъ произнести столь же строгій приговоръ надъ Спартою. Если Аеины оказались неспособными сохранить или воспользоваться своимъ первенствомъ въ Греціи, то Спарта не сумѣла захватить его,

когда оно было ей предложено. Послѣ сицилійской неудачи Аѣины представляли собой легкую добычу, но Спарта дала имъ время оправиться. Поэтому съ 413 г. и до конца войны прошло девять томительныхъ лѣтъ совершенно безплодной борьбы, прежде чѣмъ Аѣины были повергнуты во прахъ. Мы не имѣемъ въ виду пересказывать событія этихъ девяти лѣтъ; но, пренебрегая иногда порядкомъ событій, остановимся снова на главныхъ особенностяхъ этой борьбы.

Война шла очень безпорядочно; отдѣльные событія иногда представляются не имѣющими связи другъ съ другомъ. Но характеръ войны опредѣляется двумя обстоятельствами. Во-первыхъ, Аѣины могли быть побѣждены только послѣ уничтоженія ихъ морского могущества. Пока существовалъ аѣинскій флотъ, городъ оставался неприступнымъ. Поэтому театръ войны переносится на Эгейское море, гдѣ, послѣ сицилійской катастрофы, спартанцы отважились напасть на Аѣины. Во-вторыхъ, самымъ важнымъ факторомъ является нужда въ деньгахъ. Аѣинская казна была истощена, Спарта никогда не располагала большими средствами; такимъ образомъ, ни съ одной стороны не были возможны рѣшительныя и настойчивыя дѣйствія безъ помощи какой-либо иноземной державы. И вотъ, послѣ болѣе чѣмъ пятидесятилѣтняго промежутка, исторіи Греціи и Персіи снова переплетаются. Персія быстро приходила въ состояніе упадка, сдѣлавшаго возможными успѣхи Александра Великаго. Но междоусобія Греціи давали Персіи возможность, несмотря на ея упадокъ, вмѣшиваться въ дѣла своего недавно еще побѣдоноснаго врага. Персія

была, вѣроятно, страной небогатою; но хотя народъ былъ бѣденъ, зато казна была богата, а для окончанія войны въ Греціи нужны были именно деньги. Поэтому и Аѣины, и Спарта начали скоро придумывать способы стать пенсіонерами великаго царя. Мараѳонъ и Саламинъ могли представляться отомщенными, когда передъ персидскими сатрапами стали появляться съ поклонами послы Спарты и Аѣинъ. Спарта первая обратилась съ просьбой о займѣ и для веденія переговоровъ прибѣгла къ содѣйствию Алкивіада. Чтобы прослѣдить этотъ запутанный періодъ, намъ лучше всего взять путеводной нитью именно карьеру Алкивіада. Ему уже начала надобѣдать жизнь въ Спартѣ. Его распущенныя привычки сгладили благопріятное впечатлѣніе, первоначально произведенное его талантами. Царь Агидъ былъ его ожесточеннымъ врагомъ. Предѣлы спартанскаго государства оказались столь же тѣсными для него, какъ раньше стѣны Аѣинъ. Онъ, безъ сомнѣнія, былъ обрадованъ возможностью перенести свою дѣятельность на воды Эгейскаго моря. Здѣсь союзники Аѣинъ всюду отпадали отъ нихъ. Хіосъ, Лебедъ, Милеть, Абидъ, Фасосъ, Родосъ, Эвбея, Византія и многіе другіе отдѣлились отъ Аѣинъ въ 412 и 411 г. Если бы только Спарта могла достать денегъ, она могла бы нанести ударъ въ Фладъ, и тогда Аѣины были бы въ ея рукахъ. Въ 412 г. Алкивіадъ заключилъ три договора съ персидскимъ сатрапомъ Тиссаферномъ. Во всѣхъ нихъ, хотя въ нѣсколько различныхъ формахъ, Спарта продавала тяжело пріобрѣтенную независимость грековъ за жалованье своимъ матросамъ.

Между тѣмъ, положеніе Алкивіада становилось очень неудобнымъ. По свойственному спартанцамъ обыкновенію, они начали относиться къ нему подозрительно. Говорятъ, было отдано приказаніе умертвить его. Спарта, очевидно, не желала признавать его своимъ повелителемъ. Онъ составилъ смѣлый планъ вернуться въ Аѣины, несмотря на несчетныя бѣды, которыя навлекла на нихъ его измѣна. Вліяніе, пріобрѣтенное имъ при дворахъ персидскихъ сатраповъ, и его поистинѣ несравненныя способности военныя и дипломатическія могли заставить аѣинянь согласиться на его возвращеніе. Но совершенно неожиданнымъ образомъ онъ выступилъ защитникомъ демократіи. Въ Аѣинахъ, отчасти благодаря его проiscaмъ, въ 411 г. произошелъ крупный олигархическій переворотъ. Политическіе клубы, въ отсутствіе аѣинскаго флота на Самосѣ, при помощи явныхъ насилій, испровергли демократію и учредили олигархію четырехсотъ, столь же вѣроломную, какъ и жестокою; первымъ ея дѣломъ была попытка предать Аѣины во власть Спарты. Аѣинское войско и флотъ на Самосѣ протестовали противъ этой олигархіи. Они объявили себя настоящимъ демосомъ Аѣинъ. Однако, положеніе ихъ было очень опасное. Они пригласили въ свой лагерь Алкивіада, для котораго все казалось возможнымъ, и выбрали его стратегомъ на годъ. Послѣдовавшія событія представляютъ интереснѣйшую страницу въ исторіи, но о нихъ придется только слегка упомянуть. Перемѣна настроенія въ Аѣинахъ испровергла правленіе четырехсотъ. На Самосѣ войскомъ овладѣлъ энтузіазмъ, побудившій его подчиниться дисциплинѣ и быть готовымъ ко всякимъ опасно-

стямъ. Въ Алкивіадѣ оно нашло вождя, обладавшаго повидимому настоящимъ военнымъ геніемъ. Въ битвахъ при Киносемѣ (411 г.) и при Кизикѣ (410 г.) аѣиняне одержали замѣчательныя побѣды. Въ первомъ сраженіи, при значительномъ перевѣсѣ непріятельскихъ силъ, выступило старое превосходство аѣинской тактики; во второмъ, подъ личнымъ начальствомъ Алкивіада, былъ истребленъ или захваченъ спартанскій флотъ въ 60 кораблей. Спарта предложила условія мира; но Аѣины отвергли ихъ, да и врядъ ли они были предложены искренно. 409 и 408 годы прошли безъ важныхъ событій. На очереди стоялъ вопросъ о помощи Персіи, и въ 408 г. съ обѣихъ сторонъ были отправлены послы въ Сузы добиваться милости великаго царя. Тѣмъ не менѣе положеніе Аѣинъ улучшилось, и въ 408 г. Алкивіадъ могъ вернуться на родину. Онъ былъ принятъ со смѣсью восторга и удивленія. Власть его, казалось, никогда еще не достигала такой высоты. Послѣ всѣхъ ихъ неудачъ надъ Аѣинами, казалось, восходило ясное солнце.

Но теперь война приняла оборотъ совсѣмъ неблагоприятный для Аѣинъ. Причинъ этому было нѣсколько. Ошибки Аѣинъ были столь же значительны, какъ и превосходство силъ ихъ противника, получившихъ теперь очень крупную прибавку. Въ это время въ качествѣ представителя всего персидскаго царства прибылъ на берега моря принцъ Киръ. Онъ обладалъ твердымъ и настойчивымъ характеромъ и сталъ вполне на сторону спартанцевъ. Въ спартанскомъ адмиралѣ Лисандрѣ онъ нашелъ себѣ человѣка по сердцу: хитраго спартанца, искуснаго адмирала, но еще болѣе ловкаго

интригана и дипломата. Между тѣмъ Алкивіадъ, послѣ небольшого и неважнаго морского пораженія, былъ отставленъ отъ должности стратега. Его жизнь не была бы въ безопасности въ Аѣинахъ. Спарта едва ли пріютила бы его опять. Поэтому онъ удалился въ свой укрѣпленный замокъ на еракійскомъ Херсонесѣ и, два года спустя, погибъ отъ руки убійцы. Слѣдующій (406) годъ былъ свидѣтелемъ новой блестящей побѣды аѣинянъ на морѣ. Въ битвѣ при Аргинусахъ, имѣя 150 кораблей противъ 120, аѣиняне истребили 70 непріятельскихъ и потеряли 25 своихъ судовъ. Но никакое пораженіе не могло быть такъ губительно для Аѣинъ, какъ послѣдствія этой побѣды. Внезапная буря помѣшала аѣинскимъ стратегамъ собрать послѣ побѣды тѣла убитыхъ и живыхъ моряковъ, уцѣпившихся за обломки кораблей. Несомнѣнныхъ доказательствъ того, что они пренебрегли своимъ долгомъ, нѣтъ. Но когда вѣсти объ этомъ дошли до Аѣинъ, побѣдоносные стратеги, поступокъ которыхъ, правильно истолкованный, могъ бы спасти Аѣины, были осуждены на смерть за пренебреженіе къ религіозной обязанности собрать убитыхъ и оставшихся въ живыхъ послѣ кораблекрушенія. Правда, религіозному чувству аѣинянъ было нанесено очень сильное оскорбленіе; но представляется вѣроятнымъ, что тайныя общества олигарховъ воспользовались религіознымъ чувствомъ, какъ предлогомъ для умышленнаго измѣнническаго акта. Яснѣйшія постановленія закона, самыя очевидныя начала правосудія были несомнѣнно нарушены для того, чтобы совершить это заранѣе обдуманное убійство. Эта несправедливость переполнила чашу Аѣинъ. Въ слѣ-

дующемъ (405) году аѣинскій флотъ изъ 180 триеръ былъ разбитъ спартанцами при Эгоспотамосѣ, на Геллеспонтѣ. Плохая стратегія, прямая измѣна, — все способствовало поражению. Недавнія событія въ Аѣинахъ не могли служить поощреніемъ патриотическому чувству или военному энтузіазму стратеговъ. Эта ужасная война достойно закончилась дѣломъ вопіющей жестокости: всѣ аѣинскіе плѣнники были преданы смерти.

Теперь даже непреклонность аѣинскаго народа была сломлена. Въ городѣ, осажденномъ съ суши и съ моря, свирѣпствовали голодь. Наконецъ, Аѣины должны были сдаться. Нѣкоторые изъ враговъ требовали полнаго разрушенія ихъ. Спарта позволила имъ продолжать существованіе, но подъ условіемъ учредить олигархическое правленіе и скрыть длинныя стѣны. Разрушеніе укрѣпленій произошло при звукѣ флейты. Многие вѣрили, что насталь первый день свободы для Греціи.

Когда мы оглядываемся на эту 27-лѣтнюю войну, прежде и сильнѣе всего поражаетъ насъ стойкость и упругость Аѣинъ. На нихъ сыпались ударъ за ударомъ. Чума, измѣна Алкивіада, сицилійская катастрофа, возстаніе союзниковъ, союзъ спартанцевъ съ персами, — каждаго изъ этихъ ударовъ было бы достаточно, чтобы раздавить и не такое слабое государство, какъ Аѣины. Много разъ врагъ провозглашалъ гибель Аѣинъ; но корабль опять выпрямлялся и смѣло шелъ впередъ навстрѣчу бурѣ. Слѣдующимъ нашимъ впечатлѣніемъ будетъ неспособность спартанскихъ вождей. Война, это — длинная цѣпь нарушенныхъ обѣщаній, упущенныхъ случаевъ, вялыхъ нападѣній. Аѣины должны были бы

пасть послѣ сицилійской экспедиціи, если бы Спарта энергично воспользовалась своимъ преимуществомъ. Тотъ фактъ, что Спарта восторжествовала, наконецъ, объясняется, скорѣе, дѣйствіями ея союзниковъ, чѣмъ ея самой. Брасидъ, Гилиппъ и Лисандръ сдѣлали свое дѣло, несмотря на мелочную подозрительность государства. Но, несомнѣнно, война показала также, что характеръ и государственное устройство Аѣинъ не пригодны для управленія и войны. Напрасно ходъ войны доказывалъ вполнѣ ясно необходимость послѣдовательной политики и централизаціи и усиленія исполнительной власти. Демократія попрежнему относилась подозрительно къ выдающимся талантамъ, жертвуя реальными и очевидными интересами государства своему стремленію къ равенству. Если бы живъ былъ Периклъ, управлявшій или сдерживавшій демократическія стремленія, результатъ былъ бы, вѣроятно, иной. Но всѣ ограниченія были устранены, государственное устройство ниспровергнуто, городскія укрѣпленія срыты. Съ точки зрѣнія эллинской и всемірной исторіи самымъ важнымъ результатомъ войны была гибель независимости Эллады. Политика Аѣинъ представляла наиболѣе возможности образовать дѣйствительно устойчивую власть въ Элладѣ; одно время и союзники, и покоренные готовы были подчиниться ей, забывая свою зависимость ради той славы, какая вытекала изъ ихъ связей съ Аѣинами. Отчасти по собственной винѣ Аѣинъ случай для этого былъ упущенъ, и результатомъ войны было новое освященіе идеи городской автономіи. Тамъ, гдѣ потерпѣли неудачу Аѣины, не могло имѣть успѣха ни одно государство. Съ этихъ

поръ однимъ изъ главныхъ вопросовъ греческой исторіи является постепенное, но постоянное приближеніе иноземнаго господства. Для Эллады оставалось еще около семидесяти лѣтъ независимости. Первая половина этого періода заполнена преобладаніемъ Спарты. Тогда стало очевиднымъ, что свобода Греціи подъ спартанскимъ владычествомъ была гораздо болѣе тяжелымъ и нелѣпымъ игомъ, чѣмъ «рабство» въ періодъ аѣинской имперіи. Аѣины оправились отъ своего разоренія и унынія и снова стали силою въ Греціи. Ихъ длинныя стѣны были возстановлены въ 393 г. Онѣ вступили въ союзъ съ Ѡивами, уже смотрѣвшими завистливо на могущество Спарты, и скоро главенству послѣдней стала грозить серьезная опасность. Тупоуміе ѣиванскихъ гражданъ вошло въ Греціи въ пословицу, но среди нихъ явился государственный человѣкъ, быть можетъ, наиболѣе замѣчательный въ греческой исторіи. Эпаминондъ обладалъ и характеромъ, и талантомъ, достаточными для увѣковѣченія его имени во всемирной исторіи, но обстоятельства были сильнѣе его. Въ битвахъ при Левктрахъ и Мантинѣѣ (371 и 362 гг.) онъ сокрушилъ военное обаяніе Спарты. Самъ онъ палъ въ послѣдней битвѣ. Если бы даже онъ остался живъ, онъ едва ли могъ бы придать настоящее значеніе главенству Ѡивъ надъ Греціей; его смерть уничтожила даже тѣнь послѣдняго.

Среди своихъ раздоровъ Греція съ удивленіемъ, которое не могло остановить ея распрей, смотрѣла на усиленіе могущества Македоніи. Царствовавшая въ ней фамилія претендовала на греческое происхожденіе. Греческая культура давно уже нахо-

дила себѣ при македонскомъ дворѣ убѣжище отъ смуть Эллады. Варварскіе обитатели этой страны представляли прекрасный матеріалъ для войска, предводимаго искусными вождями. Напрасно старался Демосеенъ поднять Элладу для отраженія очевидно грозившей ей опасности. Въ 338 году битва при Херонеѣ нанесла рѣшительный ударъ независимости Эллады, не возрождавшейся до XIX столѣтія. Нельзя безъ нѣкотораго волненія слѣдить за тѣмъ, какъ греческія государства утрачивали свои вольности. Но историкъ долженъ признать, что потеряно было мало дѣйствительно цѣннаго. Свобода превратилась въ анархію, партійныя страсти подорвали патріотизмъ, и нигдѣ въ Греціи не было и признаковъ лучшей соціальной или политической организаціи. Подчиненіе Эллады сначала власти Македоніи, а потомъ Рима доставило широкое распространеніе всему хорошему, что создали греки въ области искусства, науки и философіи, и позволило Элладѣ сыграть видную роль въ созиданіи основъ европейской цивилизаціи.

ГЛАВА XII.

НАУКА И ИСКУССТВО ВЪ АФИНАХЪ.

Мы уже говорили въ этой книгѣ, что не военные успѣхи и не политическія идеи Греціи составляютъ главную заслугу ея передъ цивилизаціей. Завоевательная и организаторская задача была прекрасно выполнена Римомъ послѣ того, какъ Греція оказалась неспособной справиться съ ней. Греція дала міру искусство, науку и философію. Она учила «восхищаться красотой жизни и искать истину, не думая о выгодѣ». Ея искусство, включая сюда и поэзію, прямо обусловило всю художественную работу Рима, явилось главнымъ факторомъ въ эпоху Возрожденія, оказало болѣе косвенное вліяніе на все современное искусство. Ея наука и философія составляли интеллектуальную основу европейской жизни, по крайней мѣрѣ, въ теченіе 1500 лѣтъ, такъ какъ христіанство съ интеллектуальной стороны заимствовало гораздо больше у грековъ, чѣмъ у евреевъ, а средневѣковая схоластика работала почти исключительно при отраженномъ свѣтѣ греческой мысли, послѣ того, какъ послѣдняя на время перестала прямо сіять надъ міромъ. Эта громадная художественная и умственная работа не ограничивается предѣлами вѣка Перикла. Многія изъ величайшихъ поэтическихъ произведеній Греціи появились раньше, а наиболѣе важныя изъ

научныхъ и философскихъ являются много позже. Тѣмъ не менѣе, эпоха Перикла представляетъ самый блестящій періодъ аѳинской жизни, когда энергично и успѣшно шла работа въ искусствѣ и наукѣ, въ политикѣ и войнѣ. Къ ней относятся старость Эсхила, главныя произведенія Софокла и Эврипида, триумфы Фидія, начало дѣятельности Сократа, исторіи Геродота и Фукидида. Умственное движеніе, связанное съ этими именами, представляетъ гораздо болѣе важности для всемірной исторіи, чѣмъ демократическія реформы Перикла или пелопоннеская война. Поэтому всего приличнѣе закончить книгу, посвященную вѣку Перикла, очеркомъ умственной и художественной жизни Аѳинъ.

Какъ ни трудно опредѣлить условія, наиболѣе благопріятныя для развитія искусства и науки, но ясно, что многое въ духовной и матеріальной жизни Греціи V вѣка до Р. X. способствовало развитію того и другого. Если первымъ условіемъ прогресса является разнообразіе, то умственному прогрессу способствовала многочисленность мелкихъ государствъ съ ихъ различными государственными устройствами и нѣсколько менѣе различными обычаями. Какой громаднѣй запасы разносторонняго опыта представлялся политику или философу на Олимпійскомъ празднествѣ! Насколько это разнообразіе должно было возбуждать умственную дѣятельность и отвлекать умъ отъ слѣпого подчиненія рутинѣ! Затѣмъ большое значеніе имѣло рабство. Искусство и наука представляются роскошью жизни и появляются только тогда, когда удовлетворены непосредственныя потребности орга-

низма. Свободный грекъ могъ не обращать всего своего вниманія на эти нужды, такъ какъ для удовлетворенія ихъ существовалъ классъ рабовъ. Если мы взглянемъ на греческій рынокъ, то увидимъ на немъ людей, не занятыхъ никакимъ дѣломъ, готовыхъ болтать, разсуждать, восхищаться и критиковать, не менѣе падкихъ на всякую новость въ вѣкъ Перикла, чѣмъ пять столѣтій спустя. Эта черта въ послѣдствіи выродилась въ безцѣльную и прямо унизительную страсть къ спорамъ. Но изъ этого источника вытекли также краснорѣчіе и философія Греціи. Такимъ образомъ, безъ рабства греческая цивилизація немислима. Климатъ Греціи тоже заслуживаетъ особаго вниманія. Не случайно цивилизація, наука и искусство зарождаются въ теплыхъ странахъ. Первые потребности жизни удовлетворяются тамъ легче; борьба съ почвой и климатомъ не такъ поглощаетъ человѣка.

Не менѣе благопріятствовали Греціи и другія, болѣе общія, условія. Благодаря мелкимъ размѣрамъ политической жизни, война и управление не поглощали всего вниманія. Если бы аѣиняне побѣдили въ пелопоннесской войнѣ, навѣрное, ихъ лучшіе умы обратились бы къ практической, а не созерцательной жизни. Потерпѣвъ неудачу въ борьбѣ за свое матеріальное превосходство, аѣиняне сознательно или инстинктивно, но тѣмъ заботливѣе стали охранять свое умственное и художественное превосходство. Между отвлеченнымъ мышленіемъ и практической дѣятельностью существуетъ прямой антагонизмъ. Платонъ и Аристотель едва ли могли бы заниматься своими трудами въ Римѣ, занятомъ своими завоеваніями и ихъ организаціей. Наконецъ,

искусство и наука Греціи находили себѣ поддержку въ религіи. Небо и земля были населены существами, подобными человѣку. Легенды, передававшіяся о нихъ, послужили общеприятнымъ матеріаломъ для поэтовъ, подобно тому, какъ средневѣковыя легенды послужили матеріаломъ для художниковъ эпохи Возрожденія. Чисто-человѣческой характеръ боговъ помѣшалъ скульпторамъ увлечься изображеніемъ такихъ грубыхъ чудовищъ, какихъ слишкомъ часто представляетъ намъ искусство Востока. Греческая религія оказала мысли и отрицательную услугу. Греческое понятіе о божествѣ никогда не внушало греку такого страха, чтобы дѣйствовать подавляюще на его воображеніе и умъ. Во время Перикла образованные люди были вполне свободомыслящими; они стремились найти взаимную связь людей съ окружающимъ міромъ, которой имъ уже не разъясняла религія.

Греческое воспитаніе.

Греческое воспитаніе состояло изъ трехъ частей: «грамоты», музыки и гимнастики. Подъ «грамотою» мы должны разумѣть чтеніе, письмо, а также начальныя операціи счисленія. Ни чтеніе, ни письмо не были такимъ легкимъ дѣломъ, какъ у насъ. Въ греческихъ рукописяхъ слова слѣдовали одно за другимъ безъ указанія на то, гдѣ кончалось одно и начиналось другое; писали острымъ инструментомъ (стилемъ) на дощечкѣ, покрытой воскомъ, а это было гораздо труднѣе, чѣмъ писать перомъ на бумагѣ. Въ основу этого отдѣла воспитанія полагались поэмы Гомера. Отрывки изъ его поэмъ служили прописями, первымъ урокомъ чтенія и заучи-

ванія на память. Событія и размышленія изъ *Иліады* и *Одиссеи* брались за основаніе нравственнаго воспитанія. Ни одинъ поэтъ никогда въ такой степени не проникалъ въ жизнь великой націи и не оказывалъ на нее такого вліянія. Было замѣчено, что онъ являлся для грековъ въ одно и то же время Библіей, Шекспиромъ, Робинзономъ Крузо, арабскими сказками. Кромѣ того, онъ былъ общей собственностью всѣхъ грековъ и, такимъ образомъ, дѣйствовалъ, какъ связующая и объединяющая сила, можетъ быть, самая могущественная изъ всѣхъ.

Наиболѣе поразительную черту греческаго воспитанія представляетъ на нашъ взглядъ отведеніе широкаго мѣста и приписываніе важнаго значенія музыкѣ. Ее считали абсолютно необходимой при всякомъ воспитаніи. Намъ говорятъ, что Фемистокль, будучи полуиноземнаго происхожденія, не получилъ поэтому обычнаго воспитанія аѣнскихъ мальчиковъ, и его неумѣніе играть на какомъ-либо музыкальномъ инструментѣ упоминается какъ слѣдствіе и доказательство этого. Художественный и подвижной характеръ грековъ, а, можетъ быть, также и простой характеръ ихъ музыки, дѣлали ихъ крайне воспріимчивыми къ ея вліянію. И Платонъ, и Аристотель возстаютъ противъ допущенія всякаго рода музыки безъ различія. Они осуждаютъ не слова, сопровождающія музыку, а нравственное воздѣйствіе извѣстныхъ стилей или видовъ музыки.

Воспитаніе грека дополнялось еще курсомъ гимнастики, за которымъ слѣдили съ безпримѣрной заботливостью и усердіемъ. Гимназія составляла принадлежность каждаго греческаго города, и ни одинъ греческій мальчикъ, кромѣ физически неспо-

собныхъ, не могъ миновать обученія въ ней. Первоначальной цѣлью гимнастики было — закалить тѣло для перенесенія тягостей войны, но позднѣе очень усилилось вліяніе Олимпійскихъ и другихъ празднествъ, и гимнастика приобрѣла самостоятельное значеніе. Греки были страстными любителями всякаго рода состязаній между отдѣльными лицами, рѣшались ли они силой или ловкостью; но о состязаніяхъ между партіями, подобныхъ современнымъ атлетическимъ играмъ, они не имѣли почти никакого понятія.

Это гармоническое развитіе умственной, физической и эстетической стороны человѣка, вмѣстѣ съ несложнымъ характеромъ древняго греческаго общества и отсутствіемъ научной спеціализаціи, допускало такую широту интересовъ и знанія, которая потомъ стала невозможной. Послѣ персидскихъ войнъ жизнь усложнилась, а съ началомъ научнаго движенія знаніе сильнѣе спеціализовалось, и уже стало не такъ легко, какъ это было прежде для Солона или Перикла — «смотреть на жизнь спокойно и понимать ее вполнѣ». Въ частности все болѣе значенія приобрѣтала городская жизнь; политическія собранія и суды присяжныхъ все болѣе обращали на себя вниманіе всѣхъ гражданъ. Чтобы удовлетворить политическому честолюбію или тягаться съ успѣхомъ на судѣ, необходимо было быстро соображать, ловко доказывать, ясно выражать свои мысли. На ряду со всѣмъ этимъ шло постепенное ослабленіе старыхъ религіозныхъ и нравственныхъ связей. Старая вѣра утратила свою власть надъ болѣе образованными классами и перестала оказывать благотворное вліяніе на массы.

Религія и обычай нѣкогда достаточно опредѣляли поведеніе людей. Теперь съ ними вступилъ въ борьбу разумъ, и, какъ это нерѣдко бываетъ въ исторіи, усилившійся свѣтъ на время какъ бы затмилъ разницу между правдой и несправедливостью. Греческое воспитаніе въ томъ видѣ, какъ оно было описано, прекрасно выполняло свое назначеніе въ томъ обществѣ, гдѣ люди имѣли опредѣленные убѣжденія насчетъ великихъ вопросовъ жизни. Но въку броженія и неустойчивости оно не могло предложить ни достаточной подготовки къ жизни, ни удовлетворительнаго рѣшенія вопросовъ нравственности; а такимъ именно и былъ въкъ Перикла.

С о ф и с т ы .

Навстрѣчу новымъ потребностямъ вѣка явился новый классъ учителей; ихъ называли софистами. Сначала подъ этимъ именемъ разумѣли людей, занимавшихся наукой и желавшихъ передавать свое знаніе другимъ. Въ составъ ихъ всегда входило большое число людей, учившихъ очень разнообразнымъ предметамъ и несвязаннымъ другъ съ другомъ ничѣмъ, ни общими взглядами, ни общими цѣлями. Мы знаемъ, что между ними были и метафизики, но обыкновенно они были «риторами, грамматиками, учителями математики и того, что было тогда извѣстно изъ физическихъ наукъ, — учителями музыки, учителями добродѣтели, политики и искусства имѣть успѣхъ въ гражданской жизни, діалектиками, диспутантами и знатоками логики». Они представляли собой нѣчто вродѣ неорганизованнаго университета, кучку лекторовъ по всѣмъ предметамъ, входившимъ въ умственный кру-

гозорь грековъ, но не имѣли ни настоящей организаціи, ни общихъ интеллектуальныхъ основъ. Чаще всего они учили предмету, имѣвшему тогда наибольшій спросъ: искусству краспорѣчія и разсужденія, риторикѣ и діалектикѣ, т.-е. искусству, позволявшему его обладателю блеснуть въ собраніи на Пниксѣ или разбить своего противника передъ судомъ присяжныхъ. Въ обоихъ случаяхъ преобладало стремленіе къ побѣдѣ, а не къ истинѣ. Обязанностью софистовъ было научить плавному и грамматическому слогу, правильному употребленію словъ, лучшимъ способамъ опровергать или обходить доводы противника, скрывать слабыя стороны и нападать на сильныя. Всѣ эти приемы могли служить на пользу истинѣ, но также и противъ нея. Софистъ, въ сущности, походилъ на учителя фехтованія, который учитъ обращаться съ оружіемъ, нисколько не думая о томъ, для чего имъ воспользуются. Имѣя дѣло съ другими предметами, они, повидимому, относились къ нимъ такъ же. Разсматривая вопросы нравственности, они могли часто становиться на сторону началъ истины и справедливости, подобно Продику въ его разсказѣ о выборѣ пути Геракломъ. Но есть основаніе думать, что обыкновенно они испытывали чисто-умственное наслажденіе, играя доводами обѣихъ сторонъ и показывая этимъ, на какомъ ненадежномъ основаніи покоится традиціонная нравственность. «Условную» нравственность они противопоставляли «естественной» къ невыгодѣ для первой и часто понятіе «естественной» нравственности сводили къ провозглашенію «права сильнаго». Безъ сомнѣнія, на долю софистовъ выпало не мало мелочной зависти и неприязни

которыя часто обрушиваются на людей, обладающих выдающимися талантами и пользующихся ими для опроверженія традиціонныхъ взглядовъ. Но на софистовъ ожесточенно нападали также величайшіе греческіе философы—Сократъ, Платонъ и Аристотель; краткій обзоръ ихъ возраженій можетъ дать болѣе ясное понятіе о воззрѣніяхъ софистовъ.

Первымъ и наиболее распространеннымъ обвиненіемъ было то, что «они учатъ за плату», они «наемные шарлатаны». Они берутъ плату съ тѣхъ, кого учатъ, и благодаря этому богатѣютъ. Многіе изъ нихъ приобрѣтали большія богатства. Сократъ говоритъ, что Протагоръ «своей профессіей нажилъ большее состояніе, чѣмъ Фидій и десятокъ другихъ скульпторовъ, взятыхъ вмѣстѣ». Имъ ставили въ упрекъ тотъ фактъ, что они требовали платы за обученіе. Людямъ XIX вѣка такое обвиненіе кажется страннымъ, и, однако, оно имѣетъ свое объясненіе и отчасти оправданіе. Вся эта система являлась совершенною новизной для поколѣнія Сократа; на нее смотрѣли подозрительно, какъ на всякій новый способъ добыванія денегъ. Пораженіе имѣло особую силу, когда исходило отъ Сократа, который бралъ со своихъ учениковъ только то, что они добровольно давали ему, и, постоянно занимаясь преподаваніемъ, оставался бѣднымъ. Онъ стремился къ знанію не ради успѣха въ состязаніяхъ на Пниксѣ или въ судахъ, а ради лучшаго пониманія назначенія и обязанностей челоуѣка. Онъ былъ, въ сущности, главнымъ образомъ религіознымъ наставникомъ и презиралъ всякое знаніе, не преслѣдовавшее такихъ возвышенныхъ идеаловъ, какъ избранный имъ. А что распространеніе новой рели-

гіозной истины на коммерческомъ основаніи невозможно, это было и остается справедливымъ.

Слѣдующее обвиненіе имѣеть связь съ первымъ. Благодаря тому, что софисты учили за плату, они должны были учить такъ, чтобы привлекать къ себѣ учениковъ; Сократъ и Платонъ обвиняютъ ихъ поэтому въ томъ, что они являются простыми льстецами, а не руководителями народа. Платонъ говоритъ о нихъ въ *Республикѣ*: «Всѣ эти наемные шарлатаны, называемые софистами, выражаютъ лишь общее мнѣніе большинства... и въ этомъ заключается ихъ мудрость».

Далѣе еще одно обвиненіе, опиравшееся на выше указанныя, говорило, что, имѣя дѣло съ предметами, требовавшими самой широкой философіи, они оказывались совсѣмъ чуждыми ей. Они провозглашали себя учителями мудрости, и сами не были мудры. Ихъ называютъ столь же несвѣдующими въ философіи, сколько снисходительными въ морали. Ихъ способъ обученія исключалъ возможность лучшихъ результатовъ, и, даже при условіи лучшаго метода, они не могли научить ничему особенно цѣнному. Вотъ приблизительно итогъ враждебной критики Сократа и Платона.

Это мнѣніе, господствовавшее въ продолженіе многихъ столѣтій благодаря авторитету такихъ великихъ именъ, встрѣтило въ XIX вѣкѣ сильныя возраженія. Въ III главѣ своей «Исторіи Греціи» Гротъ собралъ все, что мы знаемъ о самихъ софистахъ, объ ихъ дѣятельности и ихъ мнѣніяхъ, и разобралъ вопросъ, насколько оправдываются фактами открыто возводимыя на нихъ неопредѣленныя обвиненія въ безнравственности и развращенности. Онъ

ясно доказаль, что въ цѣломъ они не учили особенно низкой нравственности и не занимались развращеніемъ юношества; что они не имѣли между собою ничего общаго, кромѣ того, что были профессиональными учителями, учившими за плату. Наконецъ, онъ убѣдительно доказаль, что такое спеціальное обученіе логикѣ, діалектикѣ и краснорѣчію настоятельно требовалось строемъ аѣинской демократіи, гдѣ такъ многое зависѣло отъ умѣнья говорить. Онъ привелъ изъ ихъ преподаванія примѣры цѣнныхъ работъ въ области грамматики и краснорѣчія, интересныхъ разсужденій по метафизическимъ и философскимъ вопросамъ, внушенныхъ возвышенною нравственностью. Приговоръ потомства, утверждаетъ онъ, слишкомъ подчинился критикѣ Платона и Аристотеля и сильно отличается отъ мнѣнія современниковъ. Если мы признаемъ умственные, общественныя и политическія условія аѣинскаго общества удовлетворительными, намъ придется согласиться, что дѣятельность софистовъ была крайне полезна. Нашлись и послѣдователи Грота, утверждавшіе, что обвиненія противъ софистовъ можно перенести почти въ тѣхъ же выраженіяхъ и съ такимъ же правомъ на теперешнихъ издателей газетъ, лекторовъ, университетскихъ профессоровъ. Подобно софистамъ, они проповѣдуютъ различныя ученія и не стремятся къ общимъ цѣлямъ; точно такъ же ихъ, часто прекрасная, дѣятельность оплачивается. Платонъ и Аристотель, говоритъ Гротъ, представляютъ собою теоретиковъ и реформаторовъ, нападающихъ на практическихъ дѣятелей. По существу, эта критика должна быть признана справедливою, но, тѣмъ не менѣе, я думаю,

мнѣнія философовъ должны имѣть для насъ большее значеніе, чѣмъ взгляды современниковъ. Греческому обществу нужно было нѣчто большее, чѣмъ система образованія въ границахъ условной мысли. Гораздо болѣе, чѣмъ въ усовершенствованіи оружія для политической борьбы или въ возбужденіи умственной дѣятельности средняго гражданина, Греція V вѣка до Р. Х. нуждалась въ новой нравственной дисциплинѣ, въ болѣе ясномъ взглядѣ на цѣль и смыслъ жизни. Софистовъ нельзя очистить отъ всѣхъ упрековъ указаніемъ на существованіе и въ настоящее время подобныхъ имъ людей. Сэръ Александръ Грантъ говоритъ: «гдѣ люди выдаютъ себя за наставниковъ высшихъ предметовъ и, вмѣсто служенія истинѣ ради нея самой, выказываютъ суетный эгоизмъ, тамъ господствуетъ духъ софистики». Если въ будущемъ явится какая-нибудь стройная система, обнимающая природу человѣка, цѣли и обязанности его жизни, то «лекторамъ, профессорамъ и издателямъ газетъ» можетъ грозить критика, похожая на нападки Платона на софистовъ, и тогда станетъ очевиднымъ, что то, что есть истиннаго въ его взглядахъ, не менѣе важно, чѣмъ убѣдительное изложеніе Протомъ великихъ заблужденій, окутавшихъ и затемнившихъ предметъ.

Сократъ.

Толпа причисляла къ софистамъ самого Сократа и, въ концѣ-концовъ, онъ былъ осужденъ на смерть на основаніи обвиненій, возводимыхъ Платономъ на софистовъ. Утверждали, что онъ отрицаетъ боговъ государства, вводитъ новыя божества и развращаетъ юношество. Но по характеру, методу и цѣлямъ

онъ сильно расходился съ софистами, и единодушный приговоръ потомства призналъ его однимъ изъ величайшихъ учителей нравственности всѣхъ временъ.

Ни факты его жизни, ни его смерть не представляютъ для насъ особаго значенія. Онъ родился въ 469 г. и выпилъ чашу съ цикутой въ 399 г. Такимъ образомъ, въ юности онъ былъ свидѣтелемъ энтузіазма, вызваннаго побѣдами надъ персами; въ послѣдніе годы своей жизни онъ присутствовалъ при униженіи Аѣинъ подъ властью Спарты. Въ важныхъ событіяхъ своего времени онъ принималъ такое участіе, какое выпадало на долю всякаго аѣинскаго гражданина. Онъ служилъ съ выдающимся мужествомъ въ войскѣ. Во время осады Потидеи его выносливость къ холоду вызвала удивленіе его товарищей по оружію; въ битвѣ при Деліи онъ былъ однимъ изъ немногихъ, не поддавшихся паникѣ. Онъ отказывался преклоняться передъ демократіей и съ нескрываемымъ презрѣніемъ смотрѣлъ на примѣненіе ею жребія, на ея восторги и честолюбивыя мечты. Обыкновенно онъ воздерживался отъ всякихъ политическихъ споровъ, предостерегаемый внутреннимъ голосомъ, своимъ «демономъ», о которомъ онъ такъ часто говорилъ. Однако, онъ всегда настаивалъ на подчиненіи законамъ государства и былъ покорнымъ подданнымъ, хотя и громогласнымъ критикомъ Аѣинъ. Дважды грозила ему не меньшая опасность со стороны его согражданъ, чѣмъ на полѣ битвы: одинъ разъ, когда онъ отказался принять участіе въ незаконномъ судѣ надъ предводителями въ битвѣ при Аргинусахъ, и еще разъ, когда онъ воспроти-

вился волѣ олигархіи тридцати тиранновъ (404 г.). Въ обоихъ случаяхъ онъ слѣдовалъ требованіямъ законности и справедливости безъ колебанія и не думая о послѣдствіяхъ.

Но внѣшніе факты его жизни имѣютъ мало значенія. Глубокій слѣдъ во всемірной исторіи оставили его характеръ и его преподаваніе. По внѣшности его коренастая и неуклюжая фигура, плѣшивая голова и неправильныя черты противорѣчили убѣжденію грековъ, что душевная красота неразрывно связана съ физической. Въ «Пирѣ» Платона Алкивиадъ сравниваетъ его съ ящикомъ скульпторовъ, имѣвшимъ форму грубой фигуры Силена, но въ которомъ, раскрывая его, находили изображенія божествъ. Когда въ XV вѣкѣ наступило возрожденіе наукъ, и люди прочли исторію жизни и смерти Сократа, они стали смотрѣть на него, какъ на христіанскаго святого. Но хотя, по своему вниманію къ нравственности и по своему серьезному характеру, Сократъ представляетъ нѣчто, обыкновенно не встрѣчавшееся среди грековъ, однако, во многихъ отношеніяхъ онъ былъ типичнымъ эллиномъ. Онъ былъ, какъ мы видѣли, непоколебимо мужественнымъ воиномъ и безъ колебанія пользовался всѣми удовольствіями жизни. Обыкновенно воздержный до аскетизма, онъ при случаѣ сильно выпивалъ и всегда проявлялъ большую чувствительность къ человѣческой красотѣ. Онъ былъ страстно преданъ исканію истины и никогда не сомнѣвался, что разумъ, это — руководитель, на котораго слѣдуетъ полагаться. «Жизнь безъ изслѣдованія — не жизнь», такія слова влагаютъ въ его уста Платонъ. Не смущаясь неудачей, онъ настойчиво убѣждаетъ своихъ

учениковъ широко распустилъ паруса навстрѣчу разуму и вѣрить въ то, что онъ приведетъ ихъ, наконецъ, въ тихую пристань. Когда, наконецъ, надъ нимъ былъ произнесенъ смертный приговоръ, онъ радостно встрѣтилъ смерть, надѣясь, что на томъ свѣтѣ ему можно будетъ продолжать безъ перерыва свои изслѣдованія. Но страсть къ знанію соединилась у Сократа съ глубокой набожностью. Его обвинили въ томъ, что онъ отрицалъ боговъ государства и вводилъ новыя божества, и это обвиненіе въ буквальномъ смыслѣ было, безъ сомнѣнія, справедливо. Его смѣлый и свѣтлый умъ не могъ признавать истинными тѣ вѣрованія, которыя быстро теряли свое вліяніе на образованные классы; но мѣнѣе, чѣмъ кого-либо, можно было упрекнуть его въ насмѣшливомъ отношеніи къ нимъ. Онъ соглашался даже приносить обычные жертвы богамъ города; онъ былъ проникнутъ вѣрой въ существованіе силы, стоящей выше его самого и охраняющей его. Онъ, въ сущности, монотеистъ, хотя все еще говоритъ о богахъ, и убѣжденъ, что эта божественная сила печется о людяхъ, и что ничего дурного не можетъ случиться съ хорошимъ человѣкомъ. Если любовь къ истинѣ и глубокая религіозность были двумя главными чертами его характера, — чертами, рѣдко соединяющимися въ такой степени въ одномъ и томъ же лицѣ, — то для полноты его характеристики необходимо прибавить еще юморъ, часто переходившій въ иронію, которою проникнуты всѣ его рѣчи и поступки.

Какъ мыслитель, Сократъ если и установилъ какія-либо положенія, то немного, но онъ сообщилъ мысли толчокъ, результаты котораго никогда не исчезали.

Онъ направилъ мысль на вопросы нравственности и всѣми признается основателемъ нравственной философіи. И до него уже думали надъ этимъ предметомъ и учили ему, но онъ посвятилъ ему все свое вниманіе и провозгласилъ его самымъ важнымъ изъ всѣхъ. Его настойчивое требованіе ясныхъ сужденій въ области этики привело его къ низкой оцѣнкѣ и даже къ пренебреженію физическими науками, которымъ было положено такое прекрасное начало въ Малой Азіи. Сократа интересовала человѣческая жизнь и ея задачи. Его ученикъ Ксенофонтъ говоритъ: «Онъ никогда не переставалъ обсуждать челоувѣческія дѣла, спрашивая: Что такое благочестіе. Что такое нечестіе? Что благородно, что низко? Что справедливо и что несправедливо? Что такое умѣренность? Что такое безуміе? Что такое государство? Что значитъ быть гражданиномъ? Что значитъ управлять людьми? Что дѣлаетъ челоувѣка способнымъ управлять?»

Эти слова употреблялись въ обществѣ безъ всякаго опредѣленнаго значенія, стершагося благодаря постоянному употребленію. Первой его цѣлью было показать людямъ, что можно употреблять слова, не понимая ихъ. Онъ утверждалъ, что недостаточно еще условныхъ фразъ и ссылокъ на Гомера, Пиндара или Эсхила. Необходимо точное и внимательное мышленіе. Онъ не давалъ систематическаго обученія и не бралъ со своихъ учениковъ платы; онъ имѣлъ обыкновение начинать разговоръ съ какимъ-нибудь аеиняниномъ и, если послѣдній употреблялъ слово съ нравственнымъ значеніемъ, вродѣ «воздержный», «благочестивый», «мужественный», настаивалъ на опредѣленіи этого слова, выражая

лишь желаніе просвѣтитъ собственное невѣжество. Въ діалогѣ Платона *Эвтифронъ* находится типическій примѣръ метода, какимъ допрашивалъ Сократъ. Эвтифронъ, привѣтливый аѣинскій юноша, употребляетъ слово «святость»; его просятъ опредѣлить это слово. Онъ опредѣляетъ святость, какъ нѣчто угодное богамъ. Сократъ затрогиваетъ здѣсь слабый пунктъ многобожія. Боговъ много, и они иногда расходятся другъ съ другомъ; какъ быть, если вещь нравится одному богу и не нравится другому? Молодой человѣкъ снова опредѣляетъ святость, какъ нѣчто угодное *всѣмъ* богамъ. Сократъ объявляетъ, что доволенъ опредѣленіемъ, но потомъ продолжаетъ спрашивать, является ли довольство боговъ причиной или слѣдствіемъ благочестиваго поступка? «Потому ли поступокъ становится благочестивымъ, что онъ угоденъ богамъ, или онъ угоденъ богамъ по своему благочестію?» Эвтифронъ принужденъ признать, что святость составляетъ существенное свойство, котораго не можетъ измѣнить благоволеніе боговъ. Тогда Сократъ неумолимо настаиваетъ на дальнѣйшемъ опредѣленіи, но Эвтифронъ, измученный и приведенный въ отчаяніе, убѣгаетъ отъ своего мучителя. Опредѣленіе словъ являлось новостью для того времени. Немногіе и въ нашъ вѣкъ могутъ отвѣтить на вопросы Сократа; для самодовольнаго аѣинскаго общества его методъ былъ очевидно не по силамъ. Понятно и раздраженіе, какое должно было вызывать въ допрашиваемомъ человѣкѣ обнаруженіе его невѣжества. Такимъ путемъ Сократъ возбудилъ противъ себя злобу, которая и привела его подъ конецъ къ смерти. Аристотель называетъ этическихъ разсужденія

и опредѣленіе точнаго смысла словъ заслугою его передъ мыслью. Его характеръ имѣлъ, пожалуй, почти такое же значеніе для греческой мысли; его мужество, благородство, безкорыстіе, его особое обаяніе и — можетъ быть, больше всего — героизмъ его смерти доставили ему горячую любовь учениковъ, какъ при жизни его, такъ и послѣ смерти, и оказали большое нравственное вліяніе и на послѣдующія пять или шесть столѣтій.

Театръ въ Афинахъ.

Здѣсь невозможно останавливаться на всѣхъ сторонахъ умственной и художественной дѣятельности Аѣинъ. Въ дополненіе къ тому, что уже было сказано, я долженъ ограничиться краткимъ описаніемъ аѣинскаго театра и упоминаніемъ нѣкоторыхъ представителей аѣинской литературы.

Большой аѣинскій театръ находился въ юго-восточномъ углу Акрополя. Каменныя сидѣнія, теперь находящіяся на мѣстѣ, не относятся къ вѣку Перикла, но они даютъ намъ понятіе о размѣрахъ и устройствѣ древняго театра. Вычислено, что въ немъ могло помѣститься тридцать тысячъ человекъ, т.-е. число мѣстъ было рассчитано на все свободное взрослое населеніе Аѣинъ. Ни въ одну эпоху исторіи театръ не оказывалъ такого вліянія на національную жизнь, какъ въ Афинахъ V вѣка. Аѣинское общество было лишено большей части тѣхъ путей, по которымъ проникаютъ теперь въ народъ художественныя и умственные вліянія. Тогда не было ни проповѣдей, ни газетъ, а литература того времени, состоявшая изъ книгъ, имѣла, повидимому, очень ограниченный кругъ читателей. Все, что

даютъ современному обществу газеты, проповѣди, текущая литература, Аѣинамъ давалъ театръ. Въ лучшій періодъ аѣинскаго театра почти не было новой мысли, которой нельзя было бы провозгласить со сцены. Въ сохранившихся театральныхъ пьесахъ мы находимъ самыя высокія ученія нравственности, прямые совѣты по вопросамъ современной политики, повѣсти и фарсы.

Всѣ особенности аѣинской драмы вполне характерны для народа. Во - первыхъ, ею руководило государство. Богатые люди поочередно брали на себя издержки по постановкѣ и исполненію пьесы. Это была обычная система въ аѣинской политической жизни, и обязанность эта называлась «литургіей». Но, за исключеніемъ этого, все остальное находилось подъ прямымъ наблюденіемъ государства. Во-вторыхъ, это главнѣйшее развлеченіе народа состояло подъ покровительствомъ религіи. Всѣ драматическія представленія давались въ честь бога Діониса. Жрецу этого божества отводили почетное мѣсто въ театрѣ; статую бога торжественно приносили туда ночью передъ началомъ представленія. Театральныя зрѣлища устраивались только дважды въ годъ, каждый разъ по случаю праздниковъ Діониса (Ленѣи и великія Діонисіи). Въ-третьихъ, мы и здѣсь, какъ всюду въ аѣинскомъ государствѣ, встрѣчаемся съ любовью грековъ къ состязаніямъ и съ ихъ вѣрой въ приговоръ народнаго суда. Всякій разъ состязались на призъ три поэта; каждый ставилъ три трагедіи и одну комическую или сатирическую пьесу. Послѣ исполненія всѣхъ пьесъ награду присуждали пять чловѣкъ, избранныхъ по жребію изъ списка, составленнаго филами. При-

нимались всё мѣры къ тому, чтобы обезпечить непристрастный приговоръ, и хотя встрѣчаются случаи, когда потомство отказывалось согласиться съ ихъ приговоромъ, но общая справедливость ихъ рѣшеній доказывается большимъ числомъ побѣдъ, одержанныхъ Эсхиломъ. Конечно, прежде всего театральная извѣстность всегда зависѣла отъ одобренія народа. Особенностью Аѣинъ была та опредѣленность, какою была обставлена постановка этого приговора.

Обстановка театра показалась бы намъ грубою и нерѣдко смѣшною, хотя на нее и обращали много вниманія. Много улучшеній ввелъ Эсхиль; другія добавили его преемники. Но всё они, повидимому, никогда не стремились къ реализму. Отдѣльные актеры пріобрѣтали большую славу, и судьба пьесы иногда рѣшалась участіемъ популярнаго исполнителя; но, въ общемъ, личность актера выдавалась гораздо меньше, чѣмъ въ современномъ театрѣ. Каждый актеръ носилъ маску, которая скрывала черты и, вѣроятно, усиливала звукъ голоса. Поэтому успѣхъ пьесы зависѣлъ главнымъ образомъ отъ поэтическихъ и драматическихъ достоинствъ и только потомъ уже отъ присоединенія декорацій, музыки или личной популярности актера.

Въ вѣкъ Перикла были созданы образцовыя произведенія всѣхъ великихъ аѣинскихъ драматурговъ. Эсхиль умеръ въ 456 г., за двадцать четыре года до начала пелопоннеской войны; но по духу онъ принадлежитъ скорѣе періоду персидскихъ войнъ, чѣмъ торжества аѣинской демократіи. Онъ самъ сражался съ отличіемъ въ великихъ битвахъ съ персами и въ своей трагедіи *Персы* изобразилъ торже-

ство Греціи и униженіе ея врага. Но величайшее изъ его произведеній *Агамемнонъ* и другія пьесы изъ трилогіи «Орестія» принадлежать 458 году и были исполнены въ разгаръ политической борьбы изъ-за реформы Ареопага. Ни одинъ изъ когда-либо жившихъ трагиковъ не ставилъ такъ высоко свои обязанности, какъ Эсхиль. Правда, своему искусству онъ удѣлялъ очень много вниманія. Первоначально въ драмахъ дѣйствовалъ только одинъ актеръ и хоръ. Эсхиль прибавилъ второго актера и сдѣлалъ возможной настоящую драму. Ему приписываютъ также усовершенствованіе декораций и сценическихъ эффектовъ. Но онъ пользовался сценой для выраженія глубочайшихъ мыслей по поводу всѣхъ великихъ вопросовъ жизни. Онъ проповѣдуетъ патріотизмъ и гражданскія добродѣтели. Его умъ всегда занятъ отношеніями боговъ къ людямъ; онъ отвергаетъ грубыя идеи стараго времени и изображаетъ божественную силу по существу справедливой, хотя бы справедливость и медлила проявиться. Его драмы по интересу не уступаютъ никакимъ греческимъ трагедіямъ, но драматическія достоинства—не самая важная ихъ сторона. Духъ Эсхила, по справедливому замѣчанію Фредерика Гаррисона, есть духъ «Исаи и Іезекииля, Данте и Мильтона». Выраженные имъ мысли о людяхъ и богахъ, о жизни и судьбѣ доставили ему въ греческой жизни духовное вліяніе, уступавшее только вліянію Гомера.—Софокль (495—406 гг.) былъ свидѣтелемъ и начала, и конца эпохи Перикла. У него драма отбросила послѣдніе слѣды архаизма, какъ въ сценической постановкѣ, такъ и въ слогѣ. По языку, построенію и изображенію ха-

ракторовъ онъ неподобный художникъ. За шестьдесятъ лѣтъ своей поэтической дѣятельности онъ написалъ, говорятъ, сто тринадцать драмъ. Семь сохранившихся изъ нихъ являются несравненными образцами красоты и паѳоса. Но онъ не обладалъ пророческимъ пыломъ Эсхила. Подъ его руководствомъ аѳинская сцена облагораживала жизнь рядомъ трогательныхъ и нѣжныхъ фигуръ, но не хватала такъ за сердце, не дѣйствовала такъ на совѣсть, какъ это дѣлалъ Эсхиль. — Эврипидъ (480—406 гг.) былъ современникомъ Софокла; онъ имѣлъ несчастіе всю свою жизнь и послѣ смерти быть затмеваемымъ своимъ великимъ соперникомъ. Онъ былъ представителемъ другого направленія того же вѣка. Подобно Эсхилу, онъ пользовался сценой для выраженія мнѣній о правительствѣ, обществѣ и религіи; но это были мнѣнія скептика и революціонера. Онъ проникнуть духомъ новой философіи, потрясавшей своимъ могучимъ прогрессивнымъ движеніемъ основы аѳинскаго общества. Онъ учился, говорятъ, у Анаксагора, наставника Перикла въ философіи, а позднѣе подпалъ сильному вліянію Сократа. Его неудовлетворенный и колеблющійся умъ и характеръ представляютъ особенную привлекательность для людей нашего времени. Но и съ чисто-художественной стороны у Эврипида много правъ на наше восхищеніе. Онъ сильнѣе другихъ греческихъ трагиковъ задѣваетъ глубочайшія струны сердца и выказываетъ замѣчательное пониманіе и силу въ изображеніи женскихъ характеровъ. — Аристофанъ (444—380 гг.) принадлежалъ больше эпохѣ пелопоннесской войны, чѣмъ вѣку Перикла. Но при самомъ бѣгломъ обзорѣ аѳинскаго театра нельзя не упомянуть объ

его удивительномъ геніи, который не имѣетъ себѣ равнаго въ исторіи литературы. Фредерикъ Гаррисонъ недавно обрисовалъ геній Аристофана такъ прекрасно, что мнѣ простиительно будетъ привести его слова. «Поэтъ, страстный поклонникъ древнихъ героевъ, старыхъ учрежденій и нравовъ, въ рядѣ сатиръ бичуетъ демагоговъ, сторонниковъ войны, щеголей, шарлатановъ, кляузниковъ, нововводителей въ философіи, политикѣ, нравахъ, поэзіи. Онъ крайній и беззащитный сторонникъ партіи, несправедливый насмѣшникъ надъ богами и людьми, смѣлый защитникъ «святого дѣла» и «добраго стараго времени». При всей своей язвительности и чрезвычайной непристойности, онъ проявляетъ здравый политическій смыслъ, сознательный консерватизмъ и мужественную любовь къ истинѣ и правдѣ... Клеонъ, какъ демагогъ, Эврипидъ, какъ сентименталистъ, Сократъ, какъ типъ софиста-критика, были постоянными предметами его насмѣшекъ. Во всѣхъ этихъ нападкахъ много ослѣпленія, но ни капли недобросовѣстности. Для строгаго консерватора, какимъ былъ поэтъ, Клеонъ олицетворялъ глупости и причуды демократіи, Эврипидъ — пристрастіе къ болѣзненной риторикѣ въ поэзіи, а Сократъ — направленіе, подвергавшее всѣ установленныя вѣрованія критикѣ разума... Что Аристофанъ соединялъ въ себѣ всѣ таланты поэта и сатирика, въ этомъ согласны и древніе, и новѣйшіе критики. Его неистощимое остроуміе, своенравную фантазію, мѣткую насмѣшливость, утонченныя мечты о волшебномъ мірѣ можно сравнить развѣ только съ шекспировскими; только они изъ всѣхъ поэтовъ возвысили фарсъ до настоящей комедіи. Кромѣ того, въ хорахъ этихъ

комедій встрѣчаются мѣста, лирической красотѣ и силѣ которыхъ могъ бы позавидовать Пиндаръ, а въ мастерскомъ пользованіи аттическимъ нарѣчіемъ съ Аристофаномъ могутъ соперничать только Софокль и Платонъ... Его комедіи соединяли въ себѣ все то, что даютъ намъ въ настоящее время политическіе журналы, художественныя каррикатуры, поэтическія сатиры, комическія оперы и пантомимы. Разсматривая творчество Аристофана со всѣхъ сторонъ, мы должны искать для него параллелей въ Свифтовыхъ памфлетахъ и *Путешествіяхъ Гулливера*, въ карикатурахъ *Понча*, въ лирической поэзіи Шелли и Виктора Гюго, въ волшебномъ мірѣ *Сна въ лѣтнюю ночь* и *Бури*, въ нападкахъ Юніуса и юморѣ Карлейля, — притомъ исполняемыхъ съ музыкальнымъ аккомпаниментомъ и сценическими приспособленіями современнаго театра».

Прозаики вѣка Перикла.

Чтобы дать полную оцѣнку широкой умственной дѣятельности грековъ въ вѣкъ Перикла, необходимо было бы коснуться многого кромѣ того, что разсматривается въ этой книгѣ. Пришлось бы говорить о быстромъ развитіи философіи въ Греціи, о вкладахъ ея въ науку, о важныхъ открытіяхъ въ области механики, о медицинской системѣ Гиппократата. Но, по недостатку мѣста и знаній, я оставляю въ сторонѣ большинство этихъ вопросовъ и ограничусь прозаиками вѣка Перикла.

Въ греческомъ мірѣ книги, очевидно, не имѣли такого значенія, какъ теперь. Только изобрѣтеніе книгопечатанія позволило имъ пріобрѣсти широкое вліяніе на человѣческой умъ. Въ Аѣинахъ дѣло пе-

реписки не было поставлено такъ методически, какъ въ послѣдствіи въ Римѣ. Я полагаю, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о цѣнѣ книгъ, но, должно быть, книжная торговля была незначительна. Кромѣ того, общественная и судебная жизнь играла такую огромную роль въ Аѣинахъ, что граждане предпочитали живое слово писанному; слогъ большинства ихъ писателей ясно отражаетъ на себѣ вліяніе судовъ и народнаго собранія. За свѣдѣніями и умственнымъ возбужденіемъ обыкновенный аѣинянинъ охотнѣе, чѣмъ къ свиткамъ великихъ писателей, обращался къ театру или къ экклесіи, къ спорамъ и разговорамъ на рынкѣ. Мы знаемъ, что даже историки читали свои произведенія публично. Въ то время въ аѣинской жизни не было и слѣда существованія профессіи литератора.

Изъ прозаиковъ того времени самыми выдающимися были Геродотъ и Фукидидъ. Если оставить въ сторонѣ Ксенофонта, принадлежащаго къ позднѣйшему періоду, то, за исключеніемъ небольшихъ отрывковъ, только ихъ труды дошли до насъ, и на нихъ, главнымъ образомъ, мы и должны обратить наше вниманіе. Но они были не первыми греческими авторами, писавшими прозой, даже не единственными въ свое время. Подобно философіи, проза получила свое начало на западномъ берегу Малой Азіи, гдѣ впервые проявился во всей полнотѣ греческій умъ. Первый греческій историкъ, имя котораго намъ извѣстно, былъ Кадмъ Милетскій, и, кромѣ имени, мы не знаемъ о немъ почти ничего. Самымъ главнымъ предшественникомъ Геродота былъ Гекатей Милетскій. У его великаго преемника мы находимъ рассказъ, какъ онъ отговаривалъ своихъ со-

отечественниковъ отъ сопротивленія персамъ въ 500 г. до Р. Х., и, когда ему не удалось ихъ убѣдить, онъ далъ имъ цѣнные совѣты касательно продолженія войны. Изъ его сочиненій сохранилось очень мало. Но мы знаемъ, что онъ много путешествовалъ, и его путешествія по Египту, несомнѣнно, были извѣстны и пригодились Геродоту. Самое главное его произведеніе представляетъ смѣшеніе географіи и исторіи; говорятъ, онъ составилъ также исправленную географическую карту свѣта. Если оставить пока въ сторонѣ Геродота, то слѣдующимъ выдающимся писателемъ будетъ Гелланикъ изъ Митилены; время его относятъ приблизительно къ 496—411 гг. Онъ писалъ о генеалогіи, хронологіи и исторіи и, говорятъ, — до насъ дошло только нѣсколько отрывковъ, — писалъ, мало заботясь о планѣ и слогѣ. Между современниками Фукидида двое задлуживаютъ упоминанія — Стесимбротъ съ Эасоса и Ионъ съ Хиоса. Сохраненные Плутархомъ отрывки даютъ намъ достаточное понятіе объ ихъ произведеніяхъ и заставляютъ жалѣть объ ихъ исчезновеніи. Стесимбротъ читалъ въ Аѣинахъ о Гомерѣ, и среди его произведеній упоминаются жизнеописаніяThemistocles, Фукидида (политика) и Перикла. Ионъ Хиосскій былъ другомъ Кимона и Эсхила; все, что мы знаемъ о немъ, показываетъ, что онъ былъ горячимъ сторонникомъ аристократической партіи въ Аѣинахъ. Онъ написалъ много трагедій, отъ которыхъ почти не осталось слѣда. Особенно приходится сожалѣть о рядѣ бѣглыхъ характеристикъ передовыхъ людей Аѣинъ, главнымъ образомъ прославившихся въ искусствѣ и литературѣ. У Плутарха мы находимъ нѣсколько интересныхъ отрыв-

ковъ. Говоря о Периклѣ, онъ останавливается на его высокоуміи и замкнутости и вообще представляетъ его дѣятельность въ неблагопріятномъ свѣтѣ. Нельзя не сожалѣть объ утратѣ этихъ произведеній, которыя дали бы намъ такъ много интересныхъ свѣдѣній о жизни художниковъ и политиковъ вѣка Перикла; но время поступило милостиво съ нами, оставивъ намъ двухъ величайшихъ историковъ эпохи; къ ихъ трудамъ мы и должны теперь обратиться.

Геродотъ родился около 484 года въ Галикарнассѣ. Слѣдовательно, онъ былъ еще слишкомъ малъ, чтобы сохранить что-нибудь, кромѣ очень слабыхъ воспоминаній, о великой борьбѣ грековъ съ персами, которую впоследствии ему пришлось описывать. Думаютъ, хотя пожалуй безъ достаточнаго основанія, что онъ бѣжалъ изъ Галикарнасса на Самось, но вернулся туда послѣ изгнанія тиранна Дигдамида. Онъ много путешествовалъ по всему греческому міру. Въ его исторіи мы находимъ доказательства того, что въ своихъ путешествіяхъ онъ доходилъ на сѣверѣ до Понта и Скиѳіи, на югѣ до Элефантины въ Египтѣ, на востокѣ до Вавилона и на западѣ до Италіи и Сициліи. Онъ покинулъ Галикарнассъ и поселился въ Аѳинахъ,—по одному разсказу, прогнанный изъ родной страны насмѣшками его скептическихъ соотечественниковъ надъ его наивными религіозными взглядами, или, что гораздо вѣроятнѣе, привлеченный возраставшимъ преобладаніемъ Аѳинъ во всѣхъ областяхъ искусства и литературы. Въ Аѳинахъ онъ, повидимому, познакомился съ великими людьми того времени; особенно хорошо завѣрена его дружба съ Софокломъ.

Въ 446 г. послѣ прочтенія части своей исторіи онъ, говорятъ, получилъ денежный подарокъ отъ государства. Когда въ 443 г. была основана въ Италиі колонія Эуриі, онъ присоединился къ новому поселенію, привлеченный, быть можетъ, возможностью получить тамъ полное право гражданства, недостижимое въ Афинахъ. Тамъ онъ написалъ свою исторію, тамъ и умеръ. Нѣтъ доказательствъ того, чтобы онъ жилъ дольше 430 г.

Въ своей исторіи онъ ставитъ себѣ задачей описаніе великой войны съ персами, которую онъ считаетъ не только самою замѣчательною борьбою, но и объединяющимъ пунктомъ исторіи. Чтобы понять все значеніе ея, надо сначала ознакомиться съ исторіей Дидіи, Персіи, Египта, Скиѳіи. Все его повѣствованіе проникнуто глубокимъ религіознымъ чувствомъ; онъ стремится, если не оправдать, то объяснить отношеніе боговъ къ людямъ. Онъ жилъ въ то время, когда религіозный скептицизмъ уже овладѣвалъ образованными классами; но самъ онъ принадлежалъ къ людямъ вѣрующимъ. Правда, мы можемъ найти доказательства того, что вѣянія времени коснулись и его. По временамъ онъ подвергаетъ сказанія критикѣ; при случаѣ онъ выражаетъ сомнѣнія въ точности какой-нибудь благочестивой легенды. Но преобладающей особенностью и главной прелестью его труда является набожный тонъ и простое согласіе съ вѣрованіями его времени. Онъ рассказываетъ, какъ передъ Марафонской битвой Фидиппиду явился Панъ, какъ благоволеніе боговъ къ грекамъ ясно выразилось передъ Саламинской битвой земными и небесными знаменіями. Въ теченіи всей войны онъ видитъ

ясное доказательство справедливости его вѣры въ то, что боги завистливы, что они завидуютъ чело-вѣческому величію, не желаютъ, чтобы что-либо было выше ихъ, любятъ всегда низвергать то, что всего выше. Поэтому свои обязанности историка онъ ставитъ очень высоко, хотя и любитъ также передавать рассказъ ради него самого. Онъ пишетъ свою исторію, говоритъ онъ намъ, «въ надеждѣ сохранить отъ забвенія подвиги людей и не допустить того, чтобы великія и славныя дѣла грековъ и варваровъ остались безъ должнаго прославленія». Если въ ходѣ повѣствованія ему встрѣчается хоро-шій рассказъ, онъ передаетъ его, хотя бы даже пришлось при этомъ прибавить, что онъ не вѣритъ въ его достовѣрность. Такъ,—возьмемъ два при-мѣра изъ цѣлаго множества ихъ,—онъ рассказы-ваетъ (I, 94), какъ лидійцы, жестоко тѣснимые оса-дой и голодомъ, придумали игры «въ кости, бабки и мячъ», чтобы прекратить мученія голода. «При-думанъ былъ такой способъ борьбы противъ голода: одинъ день такъ увлекаться играми, чтобы не чув-ствовать никакого желанія ѣсть, а другой день ѣсть и воздерживаться отъ игръ. Такимъ образомъ они провели восемнадцать лѣтъ». И еще онъ рассказы-ваетъ (IX, 74), какъ въ битвѣ при Платеяхъ Софанъ «прикрѣпилъ къ своему поясу желѣзный якорь, и, когда врагъ приближался, выбрасывалъ его, чтобы, когда непріятель произведетъ нападеніе, ему невоз-можно было быть сдвинутымъ съ мѣста». Въ Геродотѣ есть нѣчто, напоминающее Фруассара; у него не-чего искать стремленія выяснитъ причины и слѣд-ствія, выразитъ философскіе взгляды или дать подробности государственнаго устройства. Но мы

находимъ у него повѣствованіе объ одномъ изъ величайшихъ кризисовъ во всемірной исторіи, передаваемое съ большой добросовѣстностью и безпристрастіемъ и, безъ сомнѣнія, въ цѣломъ правдивое; находимъ прекрасный рассказъ, написанный съ такимъ изяществомъ и проникнутый такимъ возвышеннымъ чувствомъ, что его смѣло можно поставить на ряду съ величайшими эпическими поэмами; наконецъ, анекдоты и намеки, которыми полны страницы его труда, даютъ болѣе полное и интересное представленіе объ общественной жизни Греціи, чѣмъ какой бы то ни было другой источникъ, и изслѣдователь исторіи неохотно промѣняетъ Геродота на массу свѣдѣній о государственныхъ устройствахъ, договорахъ и войнахъ.

Фукидидъ такъ рѣзко отличается отъ Геродота по характеру и взглядамъ, что иногда трудно повѣрить, что они были современниками. Геродоту было, вѣроятно, не болѣе тринадцати лѣтъ, когда, въ 471 году, родился Фукидидъ, пережившій его почти на тридцать лѣтъ: онъ умеръ, вѣроятно, въ 403 г. Подробности его юныхъ лѣтъ намъ неизвѣстны, но, говорятъ, на него имѣлъ вліяніе и былъ его учителемъ философъ Анаксагоръ. По его собственнымъ словамъ, «онъ началъ свой трудъ тотчасъ по возникновеніи войны, полагая, что она будетъ важнѣе и замѣчательнѣе всѣхъ предшествовавшихъ». Вся остальная жизнь его сложилась благоприятно для его работы: «Я пережилъ, — говоритъ онъ (V, 26), — всю войну, благодаря своему возрасту понималъ ее и внимательно наблюдалъ, съ тѣмъ, чтобы узнать въ точности отдѣльныя событія. Къ тому же случилось такъ, что въ теченіе двадцати

лѣтъ послѣ командованія подъ Амфиполемъ я былъ въ изгнаніи, стоялъ близко къ дѣламъ той и другой стороны, преимущественно пелопоннесцевъ, такъ какъ былъ изгнанникомъ, и потому на досугъ имѣлъ больше возможности постигнуть многія событія».

Переходя отъ его жизни къ его произведенію, мы находимъ въ его исторіи пелопоннеской войны, по общему признанію, наиболѣе замѣчательный историческій трудъ. По слогу и по тону Фукидидъ представляетъ полную противоположность Геродоту, надъ которымъ онъ подсмѣивается при случаѣ, какъ надъ «лѣтописцемъ, стремящимся скорѣе улаждать слухъ, чѣмъ передавать правду». У него всюду замѣтно стремленіе къ точности. Онъ чрезвычайно тщательно указываетъ время и мѣсто cadaго событія; въ этомъ отношеніи наиболѣе характерно начало разсказа о самой войнѣ во второй книгѣ: «На пятнадцатомъ году мира, въ сорокъ восьмой годъ жречества Хрисиды въ Аргосѣ, когда эфоромъ въ Спартѣ былъ Энесій, а архонтству Пиеодора въ Аѣинахъ оставалось четыре мѣсяца, на шестой мѣсяцъ послѣ битвы при Потидеѣ, въ началѣ весны, отрядъ вооруженныхъ еиванцевъ вступилъ рано ночью въ Платей». По своимъ религіознымъ взглядамъ онъ принадлежитъ къ новой скептической школѣ. О знаменіяхъ и предсказаніяхъ, которыя Геродотъ перечисляетъ съ такою дѣтскою вѣрой, у Фукидида не упоминается совсѣмъ или упоминается только съ насмѣшкой. Онъ не видитъ ничего сверхъестественнаго или пророческаго въ затмѣніи солнца, случившемся въ началѣ войны. Онъ упоминаетъ о предсказаніи, что война будетъ

продолжаться 27 лѣтъ, но прибавляетъ, что «это былъ исключительный случай, когда люди, вѣрующіе въ предсказанія, не были разочарованы исходомъ» (V, 26); въ другомъ мѣстѣ (II, 54) онъ съ удовольствіемъ показываетъ, какъ перетолковываютъ предсказанія, чтобы примѣнить ихъ къ обстоятельствамъ.

Его отношеніе къ политикѣ представляетъ нѣчто исключительное. Онъ горячій поклонникъ Перикла, но противникъ демократической партіи. О политикѣ Перикла передъ войною, объ его планѣ веденія войны, объ его обращеніи съ аѣинскимъ собраніемъ онъ говоритъ съ одобреніемъ. Но онъ положительно утверждаетъ, что все хорошее въ этомъ надо отнести на долю Перикла, а не демократіи. Аѣины, говоритъ онъ, въ приведенныхъ уже выраженіяхъ, были при Периклѣ «на словахъ демократіей, а на дѣлѣ правленіемъ перваго гражданина». Послѣ смерти Перикла руководящіе политики «мало отличались другъ отъ друга по талантамъ, но стремились каждый стать первымъ и потому стали угрождать народу и предоставлять ему управленіе государствомъ» (II, 65). Ожесточенно нападая на Клеона, самаго вліятельнаго вождя демократіи послѣ смерти Перикла, Фукидидъ иногда даже покидаетъ свою обычную сдержанность. Мы не получаемъ никакого понятія о томъ, какую форму правленія онъ желалъ бы видѣть въ Аѣинахъ, но дѣятельностью демократіи онъ, очевидно, былъ недоволенъ.

Чрезвычайно замѣчательна также строгая сдержанность Фукидида въ слогѣ и въ содержаніи, проходящая черезъ все его произведеніе. Онъ имѣетъ

очень высокое понятіе объ обязанностяхъ историка. «Быть можетъ, изложеніе мое, чуждое басенъ, покажется менѣ пріятнымъ для слуха; зато найдутъ его полезнымъ всѣ тѣ, которые захотятъ хорошо ознакомиться съ прошлымъ, что, по свойству человѣческой природы, можетъ повториться въ будущемъ въ томъ самомъ или подобномъ видѣ, — и этого для меня достаточно. Мой трудъ не столько предметъ восхищенія для случайныхъ слушателей, сколько достояніе вѣковъ» (I, 22). Онъ отбрасываетъ все, что не содѣйствуетъ прямо достиженію его цѣли. Онъ признаетъ только двѣ силы, вліяющія на жизнь государства: войну и политику. Поэтому его исторія посвящена цѣликомъ политикѣ и войнѣ. Искусство, драма и философія какъ бы не существуютъ для него. О Пропилеяхъ онъ упоминаетъ только по поводу расходовъ на нихъ; статуя Аѣины Фидія никогда не была бы названа, если бы золотыя одежды богини не представляли извѣстнаго фонда для государственной казны. Онъ ни слова не говоритъ о частной жизни Перикла, объ его отношеніяхъ къ Фидію и Аспасіи. Женщины почти вовсе не упоминаются на страницахъ его книги. Ограничиваясь, такимъ образомъ, дѣятельностью политиковъ и воиновъ, онъ совершенно игнорируетъ другія вліянія, которыя, какъ мы видимъ теперь, имѣли громадное значеніе въ жизни Аѣинъ; двадцать три протекшихъ столѣтія показали, что постройка Пареенона имѣла больше значенія, чѣмъ осада Платей и битва при Амфиполѣ. Въ результатѣ такого метода, книга проникнута строгимъ единствомъ цѣли, которое является не послѣднимъ ея достоинствомъ. Фукидидъ не просто трудолюбивый лѣто-

писецъ, но и великій художникъ. Онъ воздерживается обыкновенно отъ картинныхъ и сентиментальныхъ подробностей, которыми нѣкоторые современные историки обременяютъ страницы своихъ трудовъ, и чрезвычайно скупъ на нравоученія, безъ единого слова критики передаетъ факты ужасной жестокости. Поясненія выражаются обыкновенно въ рѣчахъ, влагаемыхъ имъ, съ большей или меньшей точностью, въ уста главныхъ дѣйствующихъ лицъ великой драмы. Но внимательный читатель найдетъ, что на всемъ произведеніи лежитъ печать глубокой серьезности, и что если Фукидидъ воздерживается отъ поясненій, то онъ заботливо слѣдитъ за тѣмъ, чтобы событія говорили сами за себя. Если его разсказъ часто сдержанъ до холодности, то бываютъ случаи, когда уже однимъ энергичнымъ описаніемъ онъ можетъ вызвать въ читателѣ величайшій ужасъ и состраданіе. Это нигдѣ не замѣтно такъ сильно, какъ въ его описаніи сицилійскаго похода, о которомъ Маколей говоритъ: «Какія краски не покажутся блѣдными рядомъ съ великолѣпнымъ свѣтомъ и ужаснымъ мракомъ Фукидида?»

Въ этой главѣ мы коснулись лишь нѣкоторыхъ сторонъ умственной дѣятельности грековъ, но, быть можетъ, сказаннаго достаточно для доказательства того, что не будетъ большимъ преувеличеніемъ назвать ихъ въ умственномъ отношеніи наиболѣе одареннымъ изъ всѣхъ племенъ, какія до сихъ поръ видѣлъ міръ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

Нижеслѣдующія страницы предназначаются для тѣхъ читателей, которые пожелали бы расширить и углубить свѣдѣнія, почерпнутыя ими изъ настоящей книги, путемъ обращенія къ болѣе крупнымъ пособіямъ, а также къ источникамъ. Въ качествѣ такихъ пособій можно было бы назвать для затронутыхъ въ книгѣ отдѣловъ исторіи Греціи до пелопоннесской войны прекрасный, хотя, къ сожалѣнію, успѣвшій уже нѣсколько устарѣть трудъ Аландскаго—„Исторія Греціи“, изд. 2-е, Кіевъ, 1899, а для эпохи названной войны нѣкоторыя статьи изъ первой части сборника по исторіи Греціи, составленнаго Шамонинымъ и Петрушевскимъ (М. 1896); наконецъ, для болѣе подробнаго ознакомленія съ греческимъ бытомъ могъ бы пригодиться составленный П. Гиро сборникъ извлеченій изъ новѣйшихъ трудовъ и источниковъ подъ названіемъ: „Частная и общественная жизнь грековъ“, перев. Руднева, СПб. 1897. Для читателей, желающихъ пойти въ изученіи предмета еще далѣе, можно было бы рекомендовать „Исторію Греціи“ Ю. Белоха въ переводѣ Гершензона (тт. I—II. М. 1897—1899), всего лучше отражающую современное состояніе и направленіе исторической науки. Авторъ этого труда очень, иногда даже слишкомъ, критически относится къ господствовавшимъ раньше представленіямъ и взглядамъ и отводитъ больше, чѣмъ прежде, мѣста описанію экономической стороны исторіи грековъ. Болѣе консервативнаго направленія придерживается В. В. Латышевъ, авторъ лучшаго на русскомъ языкѣ „Очерка греческихъ древностей“ (Ч. I. Государственные древности. Изд. 3-е исправ. СПб. 1897; ч. II. Богослужбныя и сценическія древности. СПб. 1889), который также можетъ служить хорошимъ пособіемъ для болѣе подробнаго изученія этихъ сторонъ предмета. Что

касается переводовъ главныхъ источниковъ по исторіи разсматриваемыхъ эпохъ, то для произведеній Геродота и Фукидида можно указать переводъ Мищенко, для „Афинскаго государственнаго устройства“ Аристотеля переводъ Ловягина, а для „Сравнительныхъ жизнеописаній“ Плутарха переводъ въ „Дешевой библиотекъ“ Суворина.

Болѣе подробныя указанія касательно пользованія названными пособіями и источниками читатель можетъ найти въ историческомъ отдѣлѣ „Программъ домашняго чтенія на 1-й годъ систематическаго курса“ (изд. 6-е исправ. и дополн. М. 1903); касательно же ихъ примѣненія къ настоящей книгѣ мы ограничимся нижеслѣдующими замѣчаніями.

Въ дополненіе къ первой главѣ читатель могъ бы прочесть у Гиро статьи о „Простотѣ греческой жизни“ (стр. 9—12), о „Размѣрахъ греческихъ государствъ“ и „Муниципальномъ духѣ“ (стр. 321—324), о „Патріотизмѣ“ (стр. 395—396), о „Порабощеніи гражданина государствомъ“ (стр. 334—336) и о „Взглядѣ грековъ на трудъ“ (стр. 171—174).

Въ дополненіе къ главѣ второй можно было бы взять VIII главу книги Гиро „Религія“, а для еще болѣе подробнаго ознакомленія съ предметомъ—первые пять отдѣловъ второй части „Очерка“ Латышева (стр. 1—246).

Главу о Спартѣ можно дополнить изученіемъ § 13 главы III книги Аландскаго и стр. 92—115 первой части „Очерка“ Латышева. Но лучше, чѣмъ что другое, познакомить читателя съ духомъ спартанскаго государства Плутархова біографія Ликурга. Авторъ почерпнулъ свои свѣдѣнія изъ источниковъ современныхъ величію Спарты и окрасилъ свой разсказъ романтическимъ колоритомъ и чувствомъ. Его біографіи Лисандра и Агесилая также цѣнны по тому свѣту, какой онѣ бросаютъ на общій характеръ Спарты.

Касательно исторіи Аѳинъ до персидскихъ войнъ см. §§ 14—23 главы IV книги Аландскаго и стр. 145—164 „Очерка“ Латышева, а также X главу перваго тома Беллоха. Много свѣдѣній можно найти у Геродота и кое-что у Фукидида. Вновь открытое „Аѳинское государственное

устройство“ Аристотеля (гл. 2—22) устранило одни затрудненія и возбудило другія. Плутархова „Жизнь Солона“ представляетъ одну изъ интереснѣйшихъ его біографій; въ историческомъ отношеніи она особенно цѣнна, потому что даетъ выписки изъ массы источниковъ.

Въ дополненіе къ даннымъ гл. V^о читатель можетъ обратиться къ Геродоту, главному источнику для исторій персидскихъ войнъ. Большой интересъ и цѣнность представляютъ также Плутарховы біографіи Фемистокла и Аристида. Для исторій позднѣйшаго соперничества Аѳинъ со Спартою особенно цѣнно его жизнеописаніе Кимона. Изъ пособій тутъ можно указать на XI и XII главы Белоха.

Для дополненія данныхъ главы VI^о можно указать на IV^ю гл. (съ § 24) книги Аландскаго, на стр. 164—169 „Очерка“ Латышева и стр. 369—399 Белоха. Важнѣйшимъ источникомъ для исторій междоусобныхъ войнъ служатъ начальныя главы первой книги Фукидида, а также Плутархова біографія Кимона. Для исторій делосскаго союза и демократическихъ реформъ см. „Аѳинское государственное устройство“ Аристотеля (гл. 23—26).

Для характеристики аѳинскаго строя въ V^ю вѣкѣ см. §§ 27—35 главы V^о книги Аландскаго и стр. 192—296 „Очерка“ Латышева. О народномъ собраніи см. также у Гиро стр. 343—347, о судопроизводствѣ и финансахъ—у него же, гл. X и XI. „Надгробную рѣчь“ Перикла см. также въ „Исторіи Греціи“ (вып. I стр. 84—90). Ясное и интересное представленіе о дѣйствиіи аѳинскаго политическаго механизма даетъ вторая половина Аристотелева „Аѳинск. государств. устройства“.

Для всѣхъ подробностей касательно частной жизни Перикла см. Плутархову біографію его. Для характеристики его политики и отношенія къ войнѣ почти единственнымъ источникомъ служатъ двѣ первыя книги Фукидида. Описаніе Паренена см. у Гиро стр. 463—471; у него же статья о Фидіи (стр. 478—485).

Касательно занятій населенія см. дополненія въ главѣ VI^о книги Гиро: о рабствѣ—тамъ же гл. V^о; о положеніи женщинъ—у него же стр. 29—37; о характерѣ грековъ—

стр. 2—5. Характеристику политическаго и социальнаго состоянія Аѳинъ по Аристофану см. на стр. 113—135 „Исторіи Греціи“.

О пелопоннесской войнѣ до смерти Перикла см. Белоха (стр. 400—420), Плутархову біографію Перикла и первыя двѣ книги Фукидида. Объ аѳинскихъ партіяхъ въ началѣ войны см. „Исторію Греціи“ (стр. 1—8).

О продолженіи и окончаніи войны см. „Исторію Греціи“ (стр. 20—74), а также Белоха (т. I стр. 420—448 и т. II гл. II). Лучшее понятіе о ходѣ войны дастъ читателю переводъ Фукидида. Представляютъ интересъ также Плутарховы біографіи Никія, Алкивіада и Лисандра.

Въ дополненіе къ главѣ XII см. о воспитаніи III главу книги Гиро; о софистахъ—стр. 490—500 I тома Белоха и стр. 155—176 „Исторіи Греціи“; о Сократѣ—тамъ же стр. 177—182 и у Белоха (т. II, стр. 9—14); о греческомъ театрѣ—VI отдѣлъ II части „Очерка“ Латышева (стр. 246—308); о великихъ драматургахъ—I томъ „Исторіи греческой литературы“ Магаффи; о Геродотѣ и Фукидидѣ—предисловія Ѳ. Г. Мищенко къ его переводу.

УКАЗАТЕЛЬ.

Цифры означают страницы.

- Акрополь афинскій — 74; его украшеніе—218 сл.
Алкивиадъ—300—305, 310—313.
Алкмеониды —88, 90.
Аполлонъ—16, 23.
Ареопагъ—80, 81.
Аргось—66, 67.
Аристофанъ—340, 341.
Архонтство, перемѣны въ немъ — 76, 148.
Аспасія—197, 272.
Аттика—72; ея почва—73, 74.
Аѣнна—17.
Аѣины, ихъ мѣстоположеніе — 73; сила и слабость—276 сл.
Брасидь—294.
Военачальники—168.
Война, ея общественное значеніе—8.
Воспитаніе—321 сл.
Гелоты—59—62, 111, 112, 120.
Географія Греціи—71.
Геродотъ—344 сл.
Гимнастика—322.
Гиппій—87 сл.
Гомеръ, общество его времени— 55; значеніе въ воспитаніи—321.
Государство-городъ—3.
Греки, ихъ характеристика — 251 сл.
Греція, ея заслуга передъ цивилизаціей—318; ея единство—2.
Делосскій союзъ—140—147, 210—214.
Дельфы—16; оракуль—23—27, 99.
Деметра—18.
Демократія, ея смыслъ—154 сл.; вліяніе на искусство и науку— 187; на характеръ народа—189; какъ орудіе управленія—190 сл.
Докимасія—163.
Должностныя лица въ Аѣинахъ, ихъ число—161, 234.
Доряне—46; вторженіе въ Пелопоннесъ—47.
Жалованье за службу—153, 234.
Женщины, ихъ положеніе—10; его ухудшеніе—244; въ Спартѣ— 245; ограниченія въ Аѣинахъ— 246; браки—247; причины замкнутости—248; отзывы писателей—249 сл.
Жребій, его исторія—152; примѣненіе—160; результатъ—164.
Жрецы въ Греціи—20.
Законы, ихъ выработка въ Аѣинахъ—179 сл.
Занятія населенія—225.
Зевсъ—15.
Земледѣліе у грековъ—227; отзывы писателей—228 сл.
Искусство и наука, условія ихъ развитія—319—321.
Керкира—261 сл.
Кимонъ—116—118, 120 сл., 135.
Клеонъ—292 сл.
Клерухин—212.
Клисеень—90—95.

- Колонизація греческая—76.
 Коринѣъ—67 сл., 259 сл., 265 сл.
 Мегары—125 сл., 137, 259.
 Метэки—225 сл.
 Мистеріи—35—40.
 Музыка—322.
 Никій—295 сл., 305 сл.
 Олимпія, мѣстоположеніе—28,
 игры—29 сл.; значеніе—31 сл.;
 побѣдители—32 сл.
 Оракулы въ Греціи—22—27.
 Остракизмъ—93—95.
 Павсаній—107 сл.
 Паренонъ—221 сл.
 Пелопоннеская война, при-
 чины—268 сл.; начало—279; пер-
 вая компанія—280; ея вліяніе—
 297 сл.; характеръ конца—309;
 вмѣшательство Персіи—309.
 Періэки—59.
 Персидскія войны, ихъ значе-
 ніе—100; слѣдствія—100 сл.
 Пиндаръ—33 сл., 37, 40.
 Писистратъ—83—86.
 Платей—70, 279, 292.
 Природа, любовь къ ней гре-
 ковъ—12 сл.
 Присяжные въ Аѣинахъ—175;
 ихъ дѣятельность—176 сл.;
 сравненіе съ современностью—
 177; результаты—178.
 Рабство въ Греціи—9, 235 сл.;
 отзывы философвъ—236—239;
 обращеніе съ рабами—239—
 242; вліяніе рабства—242 сл.
 Религія грековъ—13 сл.; ея влія-
 ніе—41 сл.
 Ремесла въ Аѣинахъ—232 сл.
 Собраніе народное въ Аѣинахъ—
 80, 156; церемоніаль—157;
 власть—158; вождь—158 сл.
 Совѣтъ 400—80; совѣтъ 500—93,
 164; его организація—165;
 глава и обязанности—166 сл.
 Сократъ—329—335.
 Солонъ—78—82.
 Софисты—324—329.
 Спарта, ея общественное воспи-
 таніе—48 сл.; политическія
 учрежденія—54 сл.; подчинен-
 ное населеніе—59 сл.; слѣдствія
 системы—62—65; спартанскій
 союзъ—266; контрасть Спарты
 и Аѣинъ—267; сила и слабость
 Спарты—274 сл.
 Стѣны «длинные» Аѣинъ—129,
 132.
 Судъ, его отправленіе въ Аѣи-
 нахъ—174 сл.
 Театръ въ Аѣинахъ—335 сл.;
 его вліяніе—336; характерныя
 черты—336.
 Тираннія въ Аѣинахъ—82 сл.
 Тиранны въ Греціи—77.
 Торговля въ Аѣинахъ—230 сл.
 Фидій—199 сл., 270 сл.
 Филы аттическія—91 сл.
 Финансовое управленіе Аѣинъ—
 171 сл.
 Эврипидъ—339.
 Эжклесія—см. Собраніе народное.
 Элевсинъ, его храмъ и мисте-
 ріи—35 сл.
 Эфіальтъ—151.
 Эфоры въ Спартѣ—58.
 Эемистокль—104 сл.; 112 сл.
 Эукидидъ, сынъ Мелесія,—203 сл.
 Эукидидъ, историкъ,—347—351.

TO THE
AMERICAN

КОМИССИЯ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ДОМАШНЯГО ЧТЕНИЯ, СОСТОЯЩАЯ ПРИ УЧЕБНОМЪ ОТДѢЛѢ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ТЕХНИЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ.

Москва, Большая Никитская, д. Рихтеръ, кв. № 6.

Правила для сношеній читателей съ Комиссіей при занятіяхъ по программамъ систематическаго курса.

I. Для отдѣльныхъ лицъ.

1) Читатели могутъ пользоваться руководствомъ при занятіяхъ систематическими программами Комиссіи, обращаясь къ Комиссіи за разъясненіемъ встрѣтившихся при чтеніи недоразумѣній и вопросовъ; на отвѣтъ должна быть приложена почтовая марка.

2) Желающіе пользоваться указаніями Комиссіи въ означенныхъ предѣлахъ уплачиваютъ по 2 рубля за годичный курсъ по каждому изъ слѣдующихъ семи отдѣловъ: науки математическія, физико-химическія, биологическія, философскія, общественно-юридическія, исторія и исторія литературы. Читатели, выбирающіе какую-либо часть одного изъ перечисленныхъ семи отдѣловъ (например, астрономію, общую физиологію, русскую исторію, гражданское право и т. п.), платятъ за руководство по 1 р.

Нормой времени для прохождения отдѣла принято 4 годичныхъ курса, причемъ теченіе каждого годичнаго срока считается съ мѣсяца записи въ число читателей. Читателю, не успѣвшему къ сроку закончить прохожденіе назначенной на 1 годъ части курса и сообщившему въ концѣ годового срока Комиссіи о ходѣ своихъ занятій, срокъ можетъ быть продолженъ безъ новаго взноса.

Примѣчаніе. Лица, не могущія уплачивать означенныхъ взносовъ по недостатку средствъ, могутъ быть освобождены отъ платы за пользование руководствомъ Комиссіи, по представленіи объясненій о своемъ имущественномъ положеніи.

3) Для большей успѣшности руководства занимающіеся приглашаются сообшати, кромѣ своего имени и адреса ¹⁾, съ обозначеніемъ отдѣла или отдѣловъ, по которымъ они хотятъ заниматься: а) возрастъ, б) какое и гдѣ получили образованіе, в) званіе или сословное положеніе, д) главное занятіе, е) знаютъ ли иностранные языки и какіе и проч.

4) Комиссія предлагаетъ лицамъ, занимающимся подъ ея руководствомъ, слѣдующія льготы по приобрѣтенію книгъ черезъ ея посредство:

а) Комиссія принимаетъ на себя порученія по покупкѣ всѣхъ книгъ, указанныхъ въ Программахъ (какъ необходимыхъ, такъ и рекомендуемыхъ и справочныхъ) и находящихся въ продажѣ, съ уплатой *въ разсрочку*. При покупкѣ книгъ, отмѣченныхъ въ Программахъ звѣздочкой, нужно высылать при заказахъ не менѣе 30% ихъ стоимости, а при покупкѣ прочихъ — не менѣе 80%. При этомъ читатели пользуются уступкой съ номинальной стоимости книгъ въ такомъ размѣрѣ, какой условленъ Комиссіей съ различными книгопродавцами (московскіе читатели — не болѣе 10%).

б) Книги, отмѣченныя въ Программахъ звѣздочкой, читатели могутъ возвращать по минованіи надобности, получая обратно стоимость книгъ, за вычетомъ по 5% съ ихъ номинальной цѣны за каждый мѣсяць, въ теченіе котораго книга находилась у читателя; такимъ образомъ, книга, стоящая 1 рубль, по истеченіи мѣсяца со дня полученія ея читателемъ, принимается обратно за 95 коп., по истеченіи 2 мѣс. — за 90 коп. и т. д. По истеченіи 20 мѣсяцевъ книга обратно не принимается.

в) По желанію, книги могутъ быть высылаемы въ переплетахъ; стоимость переплетовъ — 20 или 25 коп. При выпискѣ книгъ необходимо отмѣчать, какія должны быть въ переплетахъ. Съ *правомъ обратнаго возвращенія высылаются только переплетенныя книги.*

Примѣчаніе. Теченіе сроковъ начинается съ 1 и 15 чиселъ, слѣдующихъ за высылкой книгъ читателямъ. *Всѣ почтовые расходы по пересылкѣ книгъ должны быть оплачены читателями.* Книги должны быть возвращаемы назадъ въ полной исправности и безъ помярокъ, съ указаніемъ фамиліи и адреса лица, которое возвращаетъ книги.

¹⁾ Въ случаѣ перемѣны мѣста жительства нужно немедленно сообщать Комиссіи новый адресъ.

5) В промежутки от 15 мая до 15 сентября прекращаются письменные сношения Комиссии с читателями, касающиеся руководства занятиями, всякого рода разъяснений и т. п. Прочия же сношения (запись в число читателей, высылка книг, получение их от читателей обратно и т. п.) продолжают осуществляться круглый год.

6) Через посредство Комиссии читатели могут приобретать лишь книги, указанные в Программах того курса (а московские читатели — того курса и отдала), на руководство по которому они записались.

II. Для групп.

Независимо от изложенного порядка содействия со стороны Комиссии по приобретению книг читателями, Комиссия находит возможным, для удобства и в интересах занимающихся под ее руководством лиц, составлять и высылать им те или другой подбор указанных в ее „Программах“ книг на следующие установленные условия:

1) Книги выбираются или по усмотрению Комиссии или по желанию занимающихся под ее руководством читателей. В последнем случае Комиссия оставляет за собой право ограничения такого выбора.

2) Книги отпускаются и обратно принимаются Комиссией не иначе, как без помянок и переплетенными.

3) Книги высылаются по требованию не отдельного лица, а лишь группы лиц, занимающихся (хотя бы и по различным отдалам) под руководством Комиссии, которая все сношения с означенной группой ведет через одно лицо, входящее в состав группы и несущее всю ответственность за группу в ее обязательствах перед Комиссией.

4) Все расходы по пересылке книг означенная группа принимает на себя.

5) Высылаемые Комиссией книги считаются купленными поименно известными ей читателями, составляющими группу; при покупке читатели уплачивают 20% номинальной стоимости книг в вид задатка.

6) Книги могут быть возвращены Комиссии, которая обязывается в этом случае возратить задаток, удержав из него лишь то, что причитается за книги испорченные или невозвращенные и, сверх того, за каждый месяц пользования 2% с общей номинальной стоимости забранных книг в погашение расходов Комиссии. Сумму, превышающую размер задатка, лица, пользовавшиеся книгами, обязаны уплатить Комиссии.

7) Удерживать книги разрешается не долее 6 месяцев со дня их получения, причем, однако, лица, желающие пользоваться ими долее продолжительное время, могут ходатайствовать об этом перед Комиссией. В противном случае книги считаются окончательно купленными, и лица, удержавшие их для себя, должны немедленно же, по истечении означенных 6 месяцев пользования ими, произвести окончательный расчет с Комиссией, причем Комиссия делает с номинальной стоимости книг ту скидку, какая условлена с книжными магазинами, доставляющими книги.

Издав четыре выпуска программ для четырехгодичного систематического курса наук, Комиссия намерена выпускать серия эпизодических программ по отдельным вопросам различных наук с целью руководства занятиями по этим программам. Желающие пользоваться руководством по какой-либо эпизодической программе уведомляют о том Комиссию по означенному выше адресу, сообщая: 1) свою фамилию, имя и отчество, 2) точный адрес, 3) возраст, 4) род занятий, 5) место окончания или прохождения учебного курса или степени домашней подготовки. По получении от Комиссии извещения, что руководство для них открыто, они вносят плату за руководство в размер, указанном особо для каждой программы (от 1 р. до 5 р.), и в таком благоволят присылать в Комиссию письменные работы на предложенные в программь темы для отзыва, в указанном в программь порядке, а равно и отдельные запросы в связи с занятиями по этим темам. По получении первой работы Комиссия оставляет за собой право изменить план и порядок занятий, намеченный в программь, применительно к обнаруженной в работь степени подготовленности. При несогласии подписчика на это изменение внесенная им плата подлежит возвращению. При каждом запросе и работь прилагается на отзыв 7-коп. марка. Дальнейшая подробность о ходъ руководства означены **особо для каждой программы** в концъ листка.

Желающие подписчики могут получать чрез посредство Комиссии указанные в программь книги по номинальной их стоимости, оплачивая почтовые расходы по их пересылке. Книги могут быть возвращены в Комиссию, причем за месячное пользование удерживается 5% с номинальной стоимости книги.

M302190

DF227
G73

Grant, A.J.
Gretsiia

v viek Perikla

M302190

DF 227
G73

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

